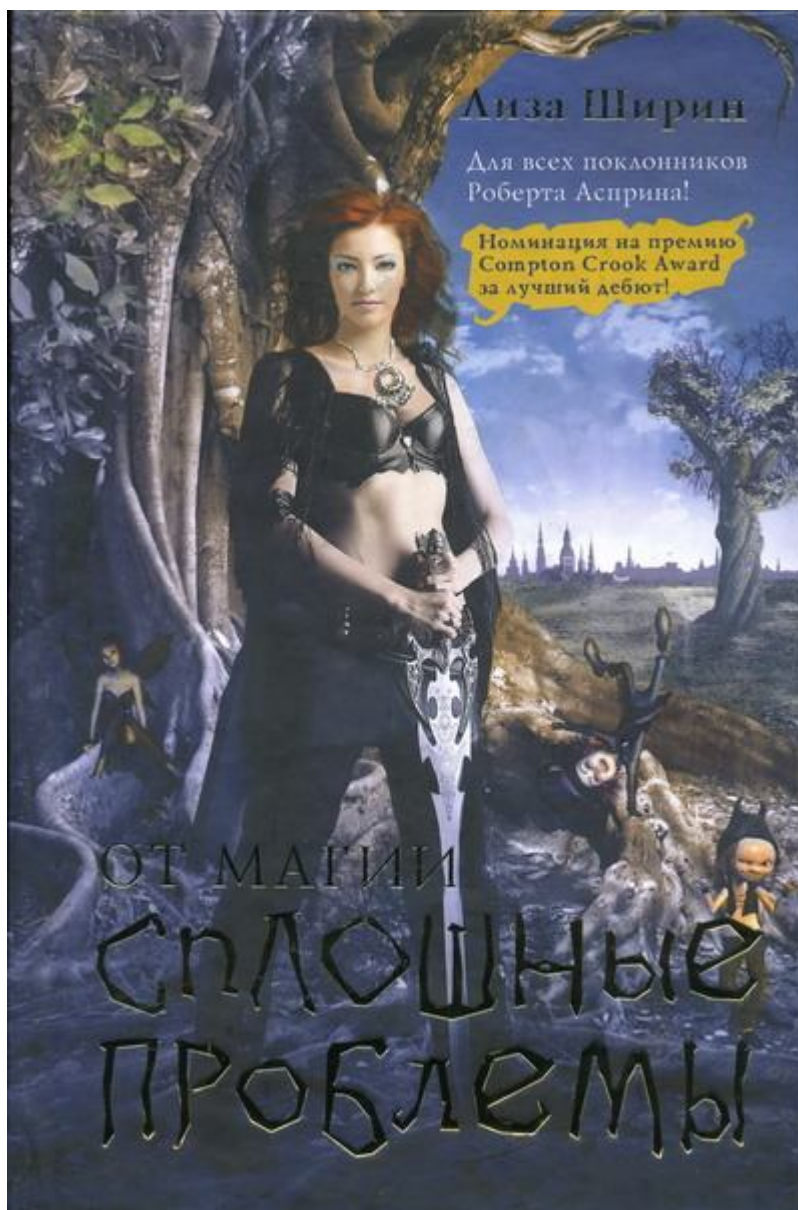

Лиза Ширин
От магии сплошные проблемы

Райни Бенарес – 1

Scan - Dushe4ka71. OCR & Первичная вычитка - dasubar. Повторная вычитка - nomad1810 <http://huge-library.org>

«Лиза Ширин "От магии сплошные проблемы"»: АСТ, Астрель, ВКТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-062188-0, 978-5-271-30261-9, 978-5-226-02783-3

Аннотация

Колдунья средней руки Райни Бенарес — искатель. Она занимается поиском пропавших вещей, людей, эльфов, гоблинов и гномов в городе Мермейя королевства Бренир. Ее бизнес не всегда легален, и в кругу ее знакомых есть сомнительные личности вроде бывшего вора Квентина. Он-то и втравил девушку в серьезные неприятности, украв у известного некроманта загадочный магический амулет, с помощью которого можно найти могущественный поглощающий души камень Сагред. За ним охотятся и эльфы во главе с

Хранителем, и гоблины, ведомые верховным шаманом ордена Кринсани. Ставка в этой игре — жизнь самой Райни, поскольку амулет по неведомым причинам не желает с ней расставаться.

Лиза Ширин

«От магии сплошные проблемы»

Глава 1

Колдуны — это ненормально. Колдовство — это неестественно. И Квентин Рэнд не любил ни то, ни другое.

Для меня Квентин всегда делал исключение, но лишь потому, почему вы терпимы к своим друзьям, и это вовсе не означает, что вы понимаете смысл их поступков. Мне же ничто не могло объяснить, что делал Квентин, вломившись в особняк одного из некромантов Мермейи, имеющего самую дурную славу. Квентин — вор. По крайней мере, этим он занимался раньше. И, насколько мне известно, вовсе не был склонен к самоубийству. Однако это был он, с отмычкой наготове, скрючившийся в тени у задней двери дома черного мага Нигелиуса Никабара. Возможно, не самый эффектный способ искать смерти, но один из наиболее верных.

Я много знала о доме Нигелиуса. Некромант-человек всеми силами старался улучшить свою репутацию, но лишь до той поры, пока речь не заходила о безопасности его ценностей. Магические охранники являлись по основной своей сути домашней защитой, и Нигелю служили профессионалы. Но хотя они и были мерзкими, убивать им не позволялось — ходили слухи, что Нигель предпочитал приберечь это удовольствие для себя. Полагаю, когда дело жизни — работа со смертью, то и представления о развлечениях разительно отличаются от привычных для всех забав. Городские власти, конечно, не одобряли, когда граждане вершили правосудие сами, но здесь, в кварталах, у дозорных руки были коротки. Нельзя раскрыть преступление, о котором не знаешь. И я думаю, они не знали, что этой ночью Квентин был здесь.

Он иногда работает на меня. Меня зовут Райни Бенарес. Я искатель. Я ищу вещи. В большинстве случаев наниматели довольны, когда я довожу дело до логического конца, но иногда они сожалеют о своей просьбе. По моему мнению, следует хорошенько подумать, прежде чем что-то искать. Порой бывает лучше, если некоторые вещи так и останутся ненайденными.

Искатель — не самая блестящая и почитаемая профессия для частнопрактикующей колдуньи, но за потраченное время все же платят. Например, я нашла давно утерянные городские часы Мермейи, а так как я — эльф, то и эльфийская разведка не раз искала моей помощи. Обычно меня нанимают найти то, что не потерялось само по себе. Этому способствовали. Клинками, арбалетными стрелами или жуткими магическими средствами — всем, что помогало удержать приобретенное в руках новых хозяев, создавая множество проблем старым. Когда именно так и происходит, я действую по-своему или по обстоятельствам.

Это правило я применяю и к своим друзьям. Именно поэтому я морожу пятки на одной из самых «благоухающих» аллей Мермейи, чтобы ночная вылазка Квентина не превратилась в короткое путешествие в один конец — в городской морг.

Как бывший профессиональный вор, Квентин знал трудности Мермейи лучше чем кто-либо. Потому я его и нанимала. Конечно, это была лишь одна из причин. Наши профессиональные дорожки время от времени пересекались уже многие годы. То, что я должна была найти, Квентину обычно поручали украсть. Поэтому я начинала свои поиски с Квентина, чтобы избавить себя от лишней беготни. Для него в этом не было ничего личного, так же как и для меня. Тем не менее на Квентина я всегда распространяла профессиональную

вежливость, выждав, пока похищенное покинет его руки, и лишь потом возвращала на место. Таким образом он платил за поддержание своей репутации. Но когда вознаграждение перестало соответствовать степени риска, Квентин подумал, что раннее завершение карьеры предпочтительнее несвоевременному окончанию жизни. И я помогла ему преодолеть пропасть между вором и так называемым законопослушным гражданином.

Не было факта, пикантной подробности или слуха столь незначительного или столь скрытого, чтобы Квентин не разнюхал, — лишь бы была подходящая денежная мотивация. Подчас жадность манила моего кратковременного работника искать новые легкие источники дохода, соблазняя и вкрадчиво нашептывая, где можно пожить. В большинстве случаев он не посвящал меня в детали. Частенько и я не хотела о них знать. Учитывая, где он находится в данный момент, сегодня ночью не тот случай.

Город Мермейя в королевстве Бренир расположен на пяти островах, вынужденных существовать по воле своих основателей, не опускаясь на дно лишь благодаря скупости торговцев. Жадность — могущественная сила. Она сделала землю твердой там, где когда-то было болото; воздвигла дворцы и торговые дома, где раньше рос камыш; вдохновила людей, эльфов, гоблинов и магов всех рас жить в городе, разделенном только каналами на соответствующие кварталы. Иногда мы даже ладим.

Я сложила ладони чашей и прижала ко рту, согревая дыханием заочевшие на холоде пальцы. Пыталась дышать ртом, чтобы как можно меньше травмировать нос. Уютный маленький переулок, который я нашла на Паскуин-стрит напротив особняка Нигеля, сам по себе был укрытием. Я же наложила экранирующее заклинание на вход, так что Квентин, все еще не перешагнув порог и не войдя внутрь, не мог меня ни видеть, ни слышать. Стены домов влажно блестели в темном переулке, здесь легко оставаться незамеченной. Воздух был прохладным, но еще достаточно теплым, чтобы усилить «аромат» гниющих отходов неподалеку от меня. А зловоние медленно текущей воды в ближайшем канале лишь дополняло картину. Потерев ладонью о ладонь, я хотела согреть руки, но быстро сдалась и потянулась за перчатками за поясом. Мне вовсе не хотелось, чтобы с Квентином что-нибудь случилось, но было бы замечательно, если бы я потратила свое время хоть с какой-то пользой.

— Ты подвела меня.

Я взвизгнула. Но узнала голос, и только по этой причине нож остался у меня в руке, вместо того чтобы застрять в горле говорящего.

Я глубоко вздохнула.

— Больше так не *делай* ! — Я убрала кинжал в ножны, хотя еще не угасло искушение использовать оружие по назначению, больше от смущения, чем из-за чего-нибудь другого.

Фелан хихикнул и шагнул из тени, скрывающей вход в переулок. Кузен выглядел так же, как и все мои родственники: приятная смуглая внешность, темные волосы, черные глаза — и такой же темный нрав. Похожая на них, я выделялась, подобно огню в ночи, своей огненно-рыжей шевелюрой, серыми глазами и бледной кожей. Цвет волос и светлая кожа достались мне от матери. А от отца — глаза. Хотя поблизости родителей не наблюдалось, чтобы расспросить их об этом.

Фелан — в основном потому, что носил фамилию Бенарес, — был полезен для бизнеса искателей. Когда разыскиваешь ворованные вещи, очень помогает то, что ты состоишь в родстве с искусными знатоками своего дела — профессиональными ворами.

Можно сказать, что наша семья хорошо известна в импортно-экспортном бизнесе. Товары, которые ввозили мои родственники со стороны кузена, никогда не видели дневного света и не были отражены в грессбухе портового инспектора, а предметы экспорта состояли из значительных барышей, направляемых на тайные счета семьи в многочисленных банках различных королевств. Природный талант Фелана — приобретательство. Много раз он «забывал» получить разрешение у владельцев тех вещей, которые он собирался прибрать к рукам, а если у кого и спрашивал, ответ частенько звучал под дулом пистолета.

— С каких это пор ночь в переулке стала предпочтительнее ужина со мной в «Короне и

якоре»? — поинтересовался он.

— С тех самых, как Квентин снова вышел на ночную охоту.

— Варек сказал, что ты сделала стойку на Нигеля Никабара. Но он ничего не говорил о Квентине.

Бывая в Мермейе, Фелан всегда останавливался в «Подзорной трубе», где и вел свои дела, а Варек Акар, владелец заведения, выполнял двойную функцию — бизнес-менеджера и личного секретаря моего кузена, когда тот был в городе. Обычно я не рассказываю всем подряд, где веду слежку. Но тут дело было связано с Нигелем, и мне пришла хорошая идея — дать знать своим ближайшим родственникам, где меня найти.

— Потому что о Квентине речь не шла, — пояснила я. — И мне было бы спокойнее не знать, что он снова в деле.

— Варек умеет держать язык за зубами.

— Вареку я доверяю, но не могу сказать того же в отношении его нового бармена. А Квентин сегодня ночью пока не сделал ничего противозаконного.

Фелан тихо рассмеялся.

— Еще вся ночь впереди.

Он был прав, но я не хотела этого признавать. Если определенные структуры охраны правопорядка узнают, где находится Квентин, они могут неверно это истолковать и спугнуть его.

Корабль Фелана прибыл в порт ближе к вечеру, и мы собирались встретиться за ранним ужином. Ранним, потому что я знала: на вечер у него намечены другие мероприятия — те, в которых всегда есть место женщине, но никак не леди. Кузен имел четкий план из трех пунктов на первую ночь пребывания в любом порту: еда, женщины, выпивка — именно в таком порядке. Изредка он мог пропустить еду, но никогда — остальное. Если кузен находился в Мермейе, его легко было найти в одном из игорных салонов с сомнительной репутацией или вкушающим плоды, предлагаемые «Садом наслаждений» мадам Наташи, и, вероятнее всего, не обделенным ее личным вниманием. Этим вечером Фелан был воистину ослепителен в алом камзоле из оленьей шкуры, в соответствующих укороченных брюках и высоких черных кожаных сапогах. Сбоку торчала рукоять рапиры, без которой он никогда не выходил в город. И если только мой нос меня не обманывал, его белая льняная рубаша была так же свежа, как и сам Фелан. Серьга с одним рубином блестела в мочке уха. Я знала: эта суэта не имела ко мне ни малейшего отношения.

— Ты принял ванну, — сказала я. — И побрился. Я поражена.

— Все ради тебя, дорогая.

— Уверена, мадам Наташа и ее девочки тоже оценят твои старания.

Он улыбнулся, обнажая белые зубы. Это была та самая улыбка, благодаря которой он мог получить все, что хотел, у мадам Наташи — и где угодно в Мермейе — абсолютно бесплатно. Он кивнул на Квентина, который все еще выжидающе стоял у боковой двери Нигеля.

— Так что же он там делает?

— Ищет проблем, причем столько, что вряд ли сможет со всеми справиться.

Улыбочка стала еще шире.

— У Нигеля или у тебя?

— У обоих.

— Тогда давай перейдем улицу и остановим его. В «Короне», должно быть, нам еще держат столик.

— Не так-то просто.

— Почему?

— Он здесь не по собственному желанию.

— Значит, кто-то ему хорошо заплатил. Не впервой. Пойдем, а он пусть зарабатывает свои деньги.

Я не сдвинулась с места.

— Сколько бы ты запросил за то, чтобы вломиться к Нигелю ночью?

К его чести, Фелан долго не раздумывал.

— Гораздо больше денег, чем может быть на руках у кого-нибудь в этом городе.

— Точно. А Квентин еще и до ужаса боится некромантов. Здесь замешано что-то еще, а не просто деньги. То есть тот, кто его нанял, испугал Квентина больше, чем сам Нигель. Квентин очень осторожен и старается не совать нос в грязные дела, но кто-то его в это втянул... и мне это не нравится.

— Так спроси его, кто это.

— Спрашивала.

— И?

— На прошлой неделе Квентин купил новый комплект отмычек и стал готовиться. Я начала задавать вопросы. Он — меня избегать.

Я кивком указала на оружие и темную кожаную одежду, составляющие мой вечерний наряд, — все венчал нелепый огромный плащ с капюшоном, чтобы Квентин меня не узнал, даже если и заметит. В качестве дополнительной меры предосторожности мои волосы были заплетены в длинную косу и скрыты под капюшоном.

— Так что шпионские будни.

— Значит, поскольку он не захотел тебе сказать, что с ним происходит, ты просто собираешься следовать за ним, пока что-нибудь не произойдет?

Я кивнула.

— Точно. И вытащу его задницу из огня, если понадобится. А потом мы немного поболтаем.

Я бросила взгляд на вход в переулок. Фелан не взял с собой никого из экипажа. Вот так сюрприз.

— Разве ты один?

— Оказаться ночью в таком месте мои люди могут пожелать лишь после хорошей выпивки... или если им надо кого-нибудь подкараулить. Даже если бы они знали, что им придется находиться в темном переулке вместе с тобой, мятежа все равно было бы не избежать.

Ответа у меня не нашлось. Я бы тоже взбунтовалась. Мы отступили в тень и стали ждать.

Поболтать со мной Квентину непременно придется, но у меня все-таки теплилась надежда, что спасение из огня его задницы не вклинится в распорядок моего вечера. Хотя, зная послушной список Квентина, можно было не сомневаться, что все это ждет меня в ближайшем будущем.

Два месяца назад Квентина наняли стянуть изумрудное ожерелье, присланное местному герцогу. Ювелир сообщил о краже. Его милость отсутствовал, но жена его была дома. К несчастью для заинтересованных лиц, герцогиня изумруды презирала, но вот предположительная любовница мужа их обожала. Неприятности не миновали обоих — ни герцога, ни Квентина. Герцог-то просто удалился в свое имение, на природу. А Квентину пришлось прятаться в болотах Дайта. Оттуда он вышел другим человеком. Полагаю, три недели впроголодь, когда из еды только слизняки в иле, чему-то его научили.

Узнала все это я только постфактум — когда Квентин улучил момент, чтобы признаться в том, что снова готов со мной работать и что дела его могли бы идти и лучше. Мои друзья в городском дозоре считали, что его талант эффектно уходить от неприятностей был соизмерим с его талантом притягивать неудачу — смотря с какой стороны подходить.

И все же сегодня ночью он был здесь — и довольно близок к тому, чтобы вломиться в дом самого отвратительного некроманта Мермейи. Большинство людей почти не учатся на своих ошибках. И должна признать, если целью Квентина было попросить у судьбы кое-что похуже, чем поедание слизняков из болота, — что ж, тогда он в правильном месте.

Прошло минут десять, а Квентин даже не шевельнулся. Про Фелана я того же сказать не могла. Три месяца в море сделали свое поганое дело: он отчаянно жаждал в эту секунду

кое-чего другого, а не стоять в вонючем переулке и прислушиваться к собственному дыханию.

— Иди, Фелан. Здесь не должно произойти ничего такого, с чем я не могу справиться сама.

— Даже не проси. Что-то я не припомню, чтобы Нигель слыл в городе таким хозяином, который относится с пониманием к тем, кто вламывается к нему в дом.

— Не я же вламываюсь, это Квентин. — На мгновение я ослепила Фелана улыбкой. — Кроме того, Нигеля нет дома. Если бы он был там, я бы остановила Квентина за три квартала отсюда.

— Тогда какого черта он ждет?

— Его. — Я махнула рукой в сторону верхней галереи. Высокая тощая фигура несла лампу, неторопливым размеренным шагом спускаясь в галерею на второй этаж, и по ходу движения гас свет в окнах. — Дворецкий Нигеля, — пояснила я. — Его репутация почти такая же мерзкая, как и у его хозяина. Я тут немного порасспрашивала. Каждую ночь он следует одному и тому же распорядку. Прежде чем отойти ко сну, он гасит весь свет. А Нигель не должен появиться до рассвета. Его нет, он звонил домой. По какой-то причине его клиент считает, что сеансы нужно проводить ночью. К тому же Квентин — осторожный тип и будет ждать, пока дворецкий не доберется до своей комнаты. Только тогда он начнет действовать.

Выражение лица Фелана говорило о том, что я в трудном положении. Я бы не стала утверждать, что полностью с ним не согласна.

— Сколько раз ты дежурила в этом месте? — поинтересовался он.

— Всего один. Основное — результат верно распределенных взяток. Если Нигель не желает, чтобы его люди распускали языки, то должен платить им больше.

— Как думаешь, куда потом направится Квентин?

— Без понятия. Но если Нигель держит это рядом с собой и ему это дорого, держу пари, список смельчаков, желающих это заполучить, довольно короток.

— Так это объясняет твои внезапные материнские инстинкты.

— Я здесь только для того, чтобы убедиться, что Квентин не зашел слишком далеко.

— А я бы сказал, что он уже вляпался по самые уши. Ты собираешься и в дом за ним пойти?

— Нет. До тех пор, пока что-нибудь не выпрыгнет и не попытается его убить.

— Тогда как ты... — начал Фелан, и тут до него дошло. — Как тебе удалось убедить его взять камень слезки?

— А кто сказал, что я его убеждала? — Я пожала плечами и сильнее закуталась в плащ. — Лучше быть защищенным, чем обнаруженным. И, как дополнительный бонус, Квентин собирается внутрь, где тепло и довольно мило. А нам приходится торчать тут, где так мило воняет.

Фелан посмотрел на темные теперь окна галереи.

— Не думаю, что там есть что-то приятное. — Он не очень изящно шмыгнул носом и с отвращением посмотрел на свои ботинки. — Или здесь.

Я проследила за его взглядом и присвистнула. Мне тоже придется не обращать внимания на свою обувь. Тем не менее я бы все-таки предпочла находиться в вонючем переулке, а не в доме некроманта. Особенно этого некроманта. Я как-то услышала, как дом Нигеля называли зловещим. Просто почему-то он нагнетал на меня страх. Думаю, именно этого и хотел добиться хозяин, когда строил этот дом. Немного найдется желающих жить в месте, больше похожем на мавзолей, хотя Нигеля невозможно отнести ко «многим».

Спину свело, и я попыталась перенести вес на другую ногу, чтобы стало хоть немного удобнее. Но чем больше я извивалась, тем становилось хуже. Ненавижу слезки. Тело перестает меня слушаться, если я долго сижу или стою в одном положении. К тому же это еще и скучно. Я почти надеялась, что дворецкий Нигеля проснется и пойдет поискать что-нибудь перекусить — и наткнется на Квентина. И я тогда хоть как-то стала бы действовать.

То, что я на самом деле никакой стычки сегодня ночью не ожидала, еще не означает, что я не была к ней готова. Меня, конечно, нельзя назвать наводящей страх. Благодаря тому, что в моих жилах течет эльфийская кровь, я довольно высокая, но мои тонкие кости и изящное телосложение больше приспособлены для бега, чем для драки. А для тех случаев, когда скорость или заклинание выручить не могут, я приберегала разнообразное и интересное оружие, в основном холодное, спрятанное где только можно.

Квентин был даже меньше меня, но крепче сложен, и он нарывался на неприятности гораздо быстрее, чем магнитная стрелка определит, где север. А учитывая репутацию сектора города, где мы сейчас находились, мне, скорее всего, пришлось бы использовать свой арсенал.

Я довольно прилично умею владеть магией, хотя большинство магов презрительно сморщили бы носы и назвали бы это фокусами. В дополнение к моим способностям искателя, я могу двигать небольшие предметы силой мысли, оставлять свой образ в том месте, которое только что покинула, и моя защита всегда со мной — и в лучшем виде. Не самая мощная магия, чтобы рисковать, но, по моему мнению, силу переоценивают. Плюс я знаю грязные приемчики, магические и не очень. И этого всегда хватало, чтобы до сих пор оставаться в живых. Хотя подпалин не сосчитать.

Чего я не могу делать — манипулировать волей других, воздействовать на погоду, общаться с мертвыми, оживлять их, превращать обычный металл в золото, видеть будущее и много чего еще, что другие маги и кудесники легко воплощают в жизнь. Не то чтобы я не пыталась. Думаю, слова «молодая» и «глупая» часто будут попадаться на пути моих долгих объяснений. Я как-то раз даже пироманию попробовала, но только своего кота подожгла. Это произошло примерно за шесть месяцев до того, как он перестал убегать всякий раз, как только я чиркала спичкой.

Я больше не могла видеть Квентина, но это не означало, что я не знала точно, где он.

— Он внутри, — сообщила я Фелану. — И ему не встретилось никакой охраны или защиты.

— Ты так говоришь, как будто это плохой знак.

— Не хороший, уж это точно. Или работодатель Квентина заранее вывел из строя все защитные средства Нигеля, или у Квентина есть генчарм.

Фелан выглядел озадаченным.

— Что есть?

— Талисман, который разрушает или делает непригодной защиту. Квентин сможет тогда пройти мимо любой охраны в этом доме абсолютно бесшумно. Проблема в том, что надо знать заранее, где какую защиту используют. Кто бы ни собирался проникнуть внутрь таким способом, всегда требуются сведения от тех, кто в доме.

Фелан пожал плечами.

— Ну так что ж. Кто-то подкупил одного из слуг Нигеля. Как и ты.

— Я только раздобыла их расписание дня. Вероятно, Квентин получил всю информацию об этом доме. Там действительно кто-то очень не любит своего босса. И Нигелю это совсем не понравится.

— Так ведь он отнюдь не милый тип. Хотя я знаю не так много некромантов. Ты можешь следить дальше?

Я рассеянно кивнула. Я видела больше, чем Фелан.

Квентин сейчас находился в главной части здания. Камень слежки позволяет узнать местоположение ведомого, обычно без подробных деталей, которые ему доступны. Иногда отдельными всплывками могут возникать образы, но только в случае с ведомыми, чувствующими магию, или с теми, кого вы очень хорошо знаете. Квентин чувствительным не был — ни в магическом, ни в каком-либо другом смысле. Напротив, очень хорошо его знала я, поэтому получила туманное видение: лестница на второй этаж с его угла зрения. И никакой охраны, никаких видов защиты, никакого наблюдения. Похоже, что у моего подопечного был хороший генчарм. Мы с Феланом могли не заботиться о спасении

Квентина. Но я все еще намеревалась неспешно поболтать с ним, когда все это закончится. И если, пока мы будем мило общаться, мне понадобится удерживать его силой, то так тому и быть.

Квентин прошел напрямик к, видимо, гостиной первого этажа. Он пересек комнату и надавил на что-то в стене, что я увидеть не смогла, и открылась потайная лестница. Интересно. Квентин активировал крошечную сферу на внутренней стене, и она озарила светом потолок и отполированные деревянные ступени. А по центру лежала роскошная дорожка глубокого кроваво-красного цвета. Это было, пожалуй, больше, чем требовал вкус Нигеля, — скорее всего, избранные благородные клиенты прекрасно знали эту часть дома. Наверху, над самой последней ступенью, располагалась дверь с экранированной панелью, настолько большой, что невозможно было увидеть, что за ней. Квентин заглянул внутрь. Ну и я с ним. Всю комнату занимала украшенная витиеватым резным узором кровать. Я усмехнулась.

— Что? — спросил Фелан.

— Да так, забавно знать теоретически — и видеть, как это на самом деле. То, что могут рассказать умершие кесолианские придворные, появившись здесь как по волшебству, может обойтись очень дорого их ныне здравствующим родственникам. Похоже, Нигель имеет дополнительный доход посредством небольшого шантажа.

Квентин обыскал комнату, проделав это эффективно и профессионально — все-таки бывший вор. Все равно остаются практически навыки. Он легко нашел отделение в передней спинке кровати, в котором хранились сваленные в кучу маленькие коробочки и бумаги. Он вынул коробочку из белого камня. Вещица умещалась в его ладони. Она была запечатана черным воском, но пломба была сорвана. Квентин открыл коробку.

Мир взорвался. Или, по крайней мере, моя часть этого мира.

Я обнаружила себя стоящей на четвереньках, словно получила жуткий удар под дых. В темном переулке как будто совсем не было воздуха, я не могла его найти и задыхалась. Перед глазами все поплыло, и резкой вспышкой ударила боль. Услышав чье-то хныканье, не сразу поняла, что это мое. Я провалилась во тьму — и уткнулась лицом во что-то, что мне не хотелось идентифицировать, и только ощущаемая вонь удержала меня от потери сознания. Я смутно почувствовала, как руки Фелана поднимают мою голову из дерьма. У меня кружилась голова, меня тошнило и так и тянуло внести собственную лепту в кучу отходов рядом с собой.

— Стоп, — умудрилась я приказать.

Фелан остановился, но меня не отпустил. Я была ему благодарна. Не думаю, что устояла бы на ногах сама. Я медленно подняла голову, пока мои глаза не оказались на уровне улицы. Я сопротивлялась импульсу впустить в легкие большой глоток воздуха. Вместо этого сделала несколько маленьких ровных вдохов. Взгляд начал проясняться.

— Райни? — Фелан казался обеспокоенным. Нас таких уже двое.

Я попробовала ответить, но мой рот был слишком занят дыханием.

— С тобой все в порядке?

Я хотела кивнуть, но передумала.

— Надеюсь.

— Что случилось?

— Думаю, что Квентин нашел, что искал.

К несчастью, я была права. Иногда я просто ненавижу, когда так происходит. Квентин не подал никакого знака, что положил «что бы там ни было» обратно в коробку, и моя голова гудела как колокол, чтобы удержать контакт с ведомым. Замечательно. Я прервала связь. Он остался самостоятельным в своих действиях. Думаю, что он сделал все, что собирался, и вскоре должен появиться. Я сидела, прислонившись спиной к стене, наблюдала за дверью, в которую он проник, и концентрировалась на дыхании. Дышать — это хорошо.

Ни сигналов тревоги, ни зажегшихся ламп в каморках слуг или где-либо еще в доме. Улица молчала. Те несколько человек, что миновали переулок, даже если обладали

магическими способностями, чтобы видеть сквозь мой защитный экран, возможно, подумали, что я пьяна или меня только что ограбили. Так или иначе, никто не остановился что-нибудь спросить.

— Что его держит? — спросил Фелан.

Стекло разбилось вдребезги. Много стекла. Звук раздался, похоже, за домом Нигеля. Послышались крики. Я узнала этот голос. Он звучал так, будто Квентин нашел своего хорошего друга — Неприятность, — и теперь они вместе ищут выход из спальни Нигеля. Фелан помог мне подняться на ноги и помчался к черному ходу. Сбросив плащ, я побежала за ним так быстро, как могла. Принимая во внимание мое самочувствие, бег больше походил на ходьбу вприпрыжку. Теперь уже было поздно беспокоиться насчет того, чтобы не разбудить соседей.

Не удивительно, что Фелан первым достиг стены. Он плавно вскочил наверх и остановился, а это мой кузен делал крайне редко. Он признавал только одно направление — вперед.

— Гоблины. Шаманы, — сообщил он.

Неожиданно. Я взобралась на стену рядом с ним. Насколько я знаю, у гоблинов существует два типа шаманов: одни — хорошие, другие — плохие. Сюда заявились важные персоны в черных мантиях, обшитых серебром. Кринсани. Новые знакомые Квентина относились к типу плохих. И почему меня это не удивляет?

Кринсани — это древнее тайное общество гоблинов, представляющее собой воинствующий орден со старомодными политическими идеями. У них было простое кредо: гоблины должны подчиняться неким законам, а если кто-либо не соглашается, что ж, его никто не заставляет жить. В число несогласных входили все другие расы. К несчастью, те, кто стоял за Кринсани, имели и ум, и власть. Большинство представителей самых влиятельных фамилий аристократии гоблинов состояли в этом тайном обществе. Новый король был членом ордена Кринсани и гордился этим. Так что не пройдет много времени, прежде чем оставшиеся вельможи древней крови выторгуют себе местечко в этой привилегированной организации.

Нигель ненавидел всех гоблинов, хороших или плохих, поэтому можно было с уверенностью сказать, что этих четверых в гости не приглашали. Да и Квентина тоже. Но все они были на балконе спальни Нигеля. Квентин совершил единственное, что мог сделать в этой ситуации чуждый магии человек: прыгнул. Расстояние не критическое. Правда, маленьким его назвать трудновато. Но выжить можно, и шансы в этом случае все равно были выше, чем останься он стоять где стоял. К счастью, Нигель увлекался выращиванием кустарников. Это помогло Квентину приземлиться на кое-что между ним и землей, смягчившее падение.

Шаманы за ним не последовали, но четыре вооруженных гоблина в доспехах легко перемахнули через перила и по-кошачьи приземлились, совершенно не задев кусты. Этот квартет покрывал расстояние почти в два раза быстрее, чем Квентин. Очевидно, что перед нами не уличные головорезы, да они и не считали нужным скрывать свою униформу. Охрана храма Кринсани. Находя неприятности, Квентин никогда не выбирал примитивные.

Он бежал к задней стене и к нам и выглядел при этом так, словно был рад нас видеть. Еще бы. Но четыре гоблина его нагоняли, и Квентин вряд ли мог достичь цели прежде, чем его поймают. Я выругалась и прыгнула с гребня стены, шатко приземлившись на лужайку. Фелан был уже позади меня. Квентин повернулся к нам спиной, оставив себе обширное пространство для маневров, и выхватил пару длинных кинжалов.

Четыре гоблина были выше и проворнее, чем мне бы хотелось. Но противники — это то, что не выбирают, как и семью. До гоблинов дошло, что Квентин намеревается сражаться, а не бежать, и они притормозили, при этом каждый стал неспешно доставать изогнутую в виде косы саблю. Они увидели Фелана и меня, но, похоже, на их боевой дух наше присутствие негативно не повлияло.

Как правило, гоблины высокие, с длинными конечностями, и худощавые и

мускулистые, как эльфы. Этот квартет — не исключение. У них были угловатые черты лица, большие темные глаза, уши более резко, чем у эльфов, заострены кверху. Их бледная серая кожа контрастировала с главной характерной чертой — парой клыков, имеющих не только декоративное назначение. Если гоблин вам улыбается, это вовсе не означает, что он захотел стать вашим другом. Опасность не уменьшается из-за привлекательности расы, но можно сказать, что внешность расы подкрепляется внутренним содержанием. Полагаю, что сложная грациозность и экзотическая красота могут с легкостью затуманить вам взор, что доказывают толпы полукровок, бегающих вокруг. Кто-то говорит, что эльфы и гоблины произошли от общих предков, но теория яростно отрицает наличие одной древней крови у обеих рас.

Полная луна давала достаточно света для сражения. Я уверена, гоблины постараются заманить нас в тень сада Нигеля. Они могут, конечно, попытаться, но единственное место, куда я стремилась, это назад через стену, когда все это закончится. Не то чтобы я плохо видела в темноте, но у гоблинов в этом отношении способности были лучше. То, что выглядело черным как смоль для эльфа или человека, для гоблинов было ясным как день, что, конечно, означало, что идеальное время скрестить клинки с гоблинами — полдень при ярком солнце. Но вряд ли гоблин, отделившийся от группы и надвигавшийся на меня, передумает. Жаль.

Они намеревались захватить нас в кольцо. Двое сконцентрировали свое внимание на Фелане. Несомненно, они считали его опаснее всех. Не думаю, что он был польщен. Тот, что выбрал меня своей партнершей в танце, усмехнулся, обнажив пару острых клыков. Его лицо, обрамленное длинными черными волосами, было испещрено многочисленными шрамами. Для меня шрамы послужили подсказкой, что в прошлом он допустил несколько ошибок. Хорошо. Надеюсь, я помогу ему совершить еще одну. Он стал обходить меня по кругу и сделал быстрый ложный выпад, атакуя. Это еще не было опасным, и я не заглотила наживку. Убивать нас сразу они, видимо, не собирались. Поскольку обстановка позволяет и им никто не мешает, они хотели бы поиграть. Я, в принципе, не против, но сейчас у меня совершенно нет настроения участвовать в чьей-то вечерней забаве. У этой игрушки есть зубки.

Гоблины были в кожаных доспехах, покрытых пластинами из вороненой стали и секциями армированных чешуек. Отличительный знак Кринсани — одиночная змея — мерцала яркой красной эмалью над сердцем. Благодаря искусству мастера, кольчуга выглядела хрупко, но я-то в этом хорошо разбиралась. У нее было очень мало уязвимых мест, да и до тех почти невозможно добраться, не подставив себя под удар. Здесь требовались только осторожность и терпение. К сожалению, я не отличалась этими качествами. Я постаралась медленно выдохнуть и усилием воли заставила себя расслабиться. Так уж и быть, позволим гоблину сделать первый ход.

Первый порез я получила у ребер, слева. Противник хотел меня разозлить и проверить мою защиту, не причиняя мне особого вреда. Я парировала удар кинжалом, не поддавшись желанию развить атаку. Еще не время. Гоблин оказался вне зоны доступа, и мне пришлось повернуться спиной к парочке, что танцевала вокруг Фелана, хоть мне и не хотелось идти тем путем, который для нас выбрали гоблины.

Мой противник скептически усмехнулся. Он сделал выпад к моим ногам, но в последнее мгновение резким быстрым движением направил саблю к моему животу. Я отскочила назад и едва отразила удар, отклонив лезвие в сторону. Ухмылка гоблина вернулась. Он снова играл как кошка с мышью. Но я — уже нет!

Я атаковала. Вот этого он явно не ожидал — и отступил, но недостаточно быстро. Мой узкий меч метнулся вперед, позволяя мне легко достичь цели. Только острие на дюйм в крови — но и этого вполне достаточно. Я нанесла удар туда, где амуниция стягивалась пряжкой на ноге у основания паха. Лицо гоблина побледнело от боли и удивления, и сквозь стиснутые зубы просочился низкий шипящий звук. Оружие со стуком шмякнулось о землю. Он собирался схватить рукоять моего меча, но вместо этого раздался глухой треск в одном из прекраснейших розовых кустов Нигеля. Так как я была в перчатках, то схватила левой рукой

сломанную ветку и резко ударила. Изогнутые, как крючки, шипы роз прошлись колеей острыми краями по ничем не защищенному лицу гоблина, и на меня обрушились такие слова, которые он вряд ли выучил в храме.

Я успела отпрыгнуть назад, и сабля резанула воздух в том месте, которое я за мгновение до этого покинула. Боль и внезапное отсутствие мишени заставили гоблина потерять равновесие, а острое моего меча скользнуло под секцию армированных чешуек, соединяющих пластины, защищающие его грудную клетку и спину. Так как он двигался по инерции вперед, лезвие прошло насквозь. Рывок и поворот запястья извлекли мое оружие из повалившегося на землю мертвого тела.

Квентина прижали к яблоне, его обычно загорелое лицо теперь было мертвенно-бледным, потные светлые волосы почти закрывали глаза. Но на нем самом я не видела ни капли крови, чего нельзя было сказать о его противнике. Гоблин неуклюже валялся на траве с одним из метательных кинжалов Квентина в горле.

Фелан все еще сражался с одним гоблином, и этот был более осторожен, чем его мертвый товарищ. У кузена оставался лишь один метательный нож, его меч торчал в груди бездыханного гоблина, скорее всего зацепившись за ребро. Пока я думала, бросить ли Фелану один из моих клинков, противник начал атаку, двигаясь, как мне показалось, гораздо быстрее, чем на то имело право любое смертное существо. Фелан легко увернулся от первого взмаха, ловко схватив при этом оружие лежащего на траве гоблина. При падении на землю он тут же перекатился, а похожее на косу лезвие со свистом рассекло воздух там, где мгновение назад была голова моего кузена. Фелан схватил саблю и, резко выбросив вперед руку, легко вонзил скользящим движением в незащищенное доспехами бедро нападавшего. Удар был не смертельным, но позволял выиграть время.

Мой противник уже был испуган до того, как я его схватила. Высокие скулы и красота угловатых черт лица противника Фелана выдавали в нем древнюю кровь благородного происхождения. Гоблин не имел ни единого шрама на лице, которым, без сомнения, гордился. Вот туда-то мой кузен и сделал выпад. Гоблин удар парировал, но отклонить совсем не смог. Сабля Фелана отрезала ему торчащее ухо. Он упал на колени и заорал.

Тишина больше не была чьим-либо преимуществом. Гоблин корчился от боли на земле, среди своих мертвых собратьев, зажимая раненное ухо. Тут же залаяли собаки, и где-то раздался свист такой силы, что даже с этого расстояния его услышат в городском дозоре.

Я почувствовала, что вокруг нас в воздухе что-то сгущается, и посмотрела в сторону дома.

Шаманы не сделали ни движения, чтобы присоединиться к нам в саду. В этом не было необходимости. Я не могла расслышать сплетение слов и кружева заклинаний, но зато обладала способностью чувствовать, что происходит. Энергия начала наполняться силой и мощью, и нам не хотелось бы находиться здесь, когда они ее высвободят. Она могла превратить нас в тлеющие трупы, если не в пепел. А у меня совершенно не было настроения стать удобрением для роз Нигеля. Это было быстрое заклинание, но шутки ради шаманы собирались превзойти себя в скорости.

Я могла бы попытаться защитить нас, если бы представилась возможность. В моих силах было не позволить нас зажарить, но вот смогу ли при этом как-нибудь навредить шаманам Кринсани — это еще вопрос. Но сейчас не время для соревнований — пора убираться отсюда к черту. А в этот момент заклинание почти достигло кульминации, поэтому пришлось действовать по-другому.

Они не ожидали, что будут атакованы, поэтому не тратили свою энергию на создание защитного поля. Они не собирались даже пошевелить своими магическими задницами, чтобы сдвинуться с того места, где они находились сейчас. А мне и не нужно было разрушать их заклинание — только концентрацию. Мой нос уже подсказал мне, что садовник Нигеля сегодня удобрял почву, а глаза обнаружили, что он великодушно оставил ведро этого эликсира — пользуйтесь и развлекайтесь.

Я свободно могла передвигать небольшие предметы силой мысли. Ведро с навозом

было для меня маленьким объектом.

Я толкнула ведро — и его содержимое — прямо к балкону. Обычное заклинание, оно не имело особой силы и было не очень приятным, но ведь сработало же. По меньшей мере шаманы отвлеклись. А это уж точно прервало попытку нас поджарить. У них был такой вид, как будто превращение меня в перегной для роз станет лучшим моментом в их жизни, но я не собиралась оставаться поблизости и выяснять, что будет дальше.

В окнах ближайших домов загорелся свет, а из сада, перемахнув через стену за ним, показались гоблины. Их амуниция была из кожи и голубой стали, из той же превосходной стали были выкованы их мечи — такого рода доспехи имеют только приближенные к королевскому двору. А на балконе к шаманам присоединились охранники храма. Как это ни странно, гоблины из дома не выглядели счастливыми, увидев гоблинов из сада. Столкновение интересов разных структур? Противостояние группировок? В любом случае, нам не улыбалось здесь больше оставаться и приветствовать вновь прибывших.

Фелан ногой уперся в тело мертвого гоблина и, с силой выдернув свой меч, направился к стене. Взобраться наверх было гораздо легче, чем в первый раз: желание выжить — мощная мотивация. Переулок тянулся по другую сторону стены. Но у меня было ощущение, что гоблины будут преследовать нас только до этого места. Я знала Мермейю. И Мермейя была битком набита людьми и эльфами, которые с радостью дезориентируют храмовых стражей Кринсани.

Я спрыгнула на землю с другой стороны стены, поскользнувшись на чем-то, но у меня не было времени наклониться и определить, что это. Квентин — следом за мной, и я воспользовалась течением обстоятельств, чтобы врезать ему как следует. Рука у меня тяжелая, а после сражения с гоблином, который хотел моей смерти без какой бы то ни было причины, кроме той, что я знала Квентина, я не была в слишком мягком расположении духа.

Квентин тяжело дышал, пытаясь прийти в себя.

— Мне надо добраться до Саймона Стокена.

— Что ты взял?

На лице Квентина отразилось нечто среднее между паникой и первобытным ужасом — возможно, навеянными гоблинами, но не мною.

— Что ты имеешь в виду?

Я хорошо его встряхнула.

— Что в коробке?

Он вытащил из-под рубашки цепочку. На ней — плоский серебряный амулет.

— Ты имела в виду это?

Я вздрогнула, ожидая повторения своих ощущений, как в переулке. Но боли не было. Никакого толчка, предвещающего недомогание. Я не поверила своим глазам.

— То, что там *было* вместе с ожерельями!

Сверху к нам спрыгнул Фелан. Он не ожидал, что мы все еще тут.

— Бежим!

Я не собиралась связываться с Саймоном Стокеном и не знала, какие планы были у Квентина. Но если это приведет его к еще одному отсиживанию в болотах Дайта, он сделал этот выбор сам. Дружба здесь уже ни при чем.

Глава 2

Некоторые события пробуждают защитные инстинкты человека подобно добытым нечестным путем товарам.

Для тех, у кого здесь не было никакого бизнеса, восточный район Мермейи, вблизи порта, был тем самым местом, которое после наступления темноты лучше обойти стороной. Конечно, если, скажем, ты убил с целью грабежа и при этом не испытываешь угрызений совести, у тебя есть высокий шанс стать здесь своим. Кроме того, можно придержать добытое и подольше не выставлять на продажу, по крайней мере до тех пор, пока не

представится случай сбыть все с большей выгодой.

Склады вдоль береговой линии были забиты ценными вещами, глядя на которые возникал резонный вопрос: кто же их хозяин, — и охранялись теми, в чьи обязанности это входило. Мы, все трое, знали большинство из них, а они — нас. Но не стоит здесь останавливаться, рассчитывая на чью-нибудь помощь. Если в этот район кто-либо приносил свои проблемы, считалось: раз ему удалось самому на себя навлечь беду, значит он втривит в неприятности и других.

Саймон Стокен устроил свой офис на маленьком складе вдали от берега. Места, обеспечивавшие более удобную погрузку и разгрузку, теснились ближе к лагуне, но, поскольку в основном бизнес Стокена был связан с капиталами центральной части города, это более чем неидеальное местоположение как нельзя лучше соответствовало всем потребностям, как и официальное прикрытие в качестве торговца вином. Если нужно вино редкого года урожая, Стокен мог добыть его для вас — за деньги. Как практиковали многие купцы Мермейи, самые ценные поставки Стокена никогда не проходили через руки городских агентов по налогам и сборам.

Деловая часть города имела сомнительную славу финансового центра семи королевств. А там, где были деньги, существовало и их креативное применение, и злоупотребления. Воротилы Мермейи финансировали войны, прибыльные дела, заговоры, террористические акты — словом, все кирпичики, из которых состоит так называемое здание цивилизованного общества.

Мы шли быстрым шагом в тени Белакант-уэй, в одном квартале от склада Стокена. При нормальных обстоятельствах и в это время ночи быстрый шаг — самый обычный и безопасный способ передвижения. Хотя сомневаюсь, что сегодняшнюю ночь можно считать нормальной. Нормальной ночью нормальный источник опасности на берегу — это щипачи, убийцы разного сорта, охранники складов, но не кринсани с непонятными драгоценностями! Все это вызывало у меня спазмы в желудке и противную тошноту.

Я не чувствовала, чтобы нас кто-то преследовал. Это первая хорошая новость за прошедшие часы этой ночи. Думаю, сейчас самое благоприятное время начать разговор с Квентином, что я давно хотела сделать.

— Подождите, — сказала я Квентину и кузену.

Фелан остановился. Квентин же явно не хотел задерживаться.

— Мне нужно доставить товар Стокену, — возразил он.

— Несколько лишних минут погоды не сделают, — ответила я. — И я не уверена, что тебе следует отдавать эту вещь Саймону Стокену. В этом деле замешаны Фелан и я, хотим мы этого или нет...

— А мы не хотим, — подтвердил Фелан.

— Поэтому, мне кажется, мы заслуживаем того, чтобы узнать, что происходит.

Квентин даже и не подумал хоть как-то нас просветить.

Я скрестила руки.

— Именно сейчас было бы просто замечательно получить ответ.

Взгляд голубых глаз Квентина метнулся к складу за нашими спинами, как будто он ожидал, что гоблины выскочат из-за стены. Я никогда раньше не видела его таким взвинченным, хотя мы побывали во многих переделках, где у него было громадное количество оправданных возможностей потерять присутствие духа. Как будто это был и не Квентин вовсе! Ох, как же это мне не нравилось... Кроме того, его тайный работодатель получил первое место в моем списке самых неблагонадежных людей, которые были мне наименее приятны.

— Примерно неделю назад Саймон связался со мной по поводу работы, — начал быстро говорить Квентин. — Я с ним встретился, он сказал мне, чего хочет клиент и сколько готов заплатить, чтобы заполучить желаемое. Были предложены хорошие деньги. На самом деле хорошие. Потом Саймон сообщил, в чей дом я должен проникнуть. Я сказал, чтобы он забыл о сделке, ничего не выйдет. Тогда он протянул мне письмо. Он сказал, что тот, кто

меня нанял, просил передать мне это письмо в том случае, если я откажусь от работы. Конечно, письмо я прочитал. — Квентин сделал паузу, чтобы набрать в легкие больше воздуха, на скулах заходили желваки. — Скажем так, письмо заставило меня изменить свое решение.

— Что было в письме? — спросил Фелан.

— Не скажу. Но там не было никаких намеков на то, что произошло здесь сегодня.

Я знала, что он не говорит всей правды, но в то же время не собиралась на него давить — во всяком случае, сейчас.

— А Стокен сказал, кто твой клиент?

— Человек по имени Динтен Ронк, — ответил Квентин. — Назвался серебряных дел мастером из Лаерина. Саймон о нем слышал: некоторые части его тела были в прошлом месяце найдены в бочке в доках на причале Лаерина. Тот, кто заявился к Саймону под именем Динтена Ронка, естественно, был не настоящим. Но настоящим было его золото, потому Саймон и не стал задавать слишком много вопросов. — Он ухмыльнулся. — Не захотел отпугнуть платежеспособного клиента.

— А самозванец, выдававший себя за Динтена Ронка, был человеком? — спросила я.

Квентин пожал плечами.

— Насколько я знаю, Саймон не говорил ничего другого, а ему по меньшей мере следовало бы как-то на это указать. Это не значит, что он что-то имеет против существ других рас. Саймон ведет дела с кем угодно.

— И с гоблинами? — спросил Фелан.

Квентин бросил беспокойный взгляд назад, в том направлении, откуда мы только что пришли.

— Не с теми гоблинами.

— Как думаешь, почему кринсани хотят заполучить амулет? — поинтересовалась я.

— Я даже не знал, что там был амулет. Моей задачей было добыть футляр. Саймон не сказал, что там внутри. Я спрашивал. Он ответил, что клиент или не знает сам, или просто не захотел ему говорить.

— Тогда почему ты не принес футляр? — спросил Фелан.

— Я уронил его! Понятно? — Голос Квентина поднялся на две октавы вверх. — Увидишь гоблинов, появившихся ниоткуда, у тебя тоже все упадет. Амулет был у меня в руке, и я мгновенно просек, чего они хотят. Если я мертв, клиент не получает свой товар, а я — остаток своих денег, поэтому я и выпрыгнул в окно. Тем более я увидел, что гоблины и вас заставили побежать.

Я их не страшилась, но меня вначале испугало, что гоблины появились вдруг ниоткуда. Они должны были прийти из какого-нибудь места, но этим, так как они кринсани, не нужны двери для входа. И я это понимала. Квентину же это знать не обязательно. Зачем его пугать еще больше, если ему и так достаточно страшно.

— Гоблины видели, что амулет у тебя? — спросила я.

— Не знаю. — Судя по его взгляду, он был в замешательстве. — У меня в голове полнейший хаос.

Свои вопли, бегство и прыжок из окна Квентин, видимо, тоже оценивал как хаос.

— Итак, амулет ждут и Стокен, и его клиент, — вслух стала рассуждать я. — И они не захотят разочароваться, не получив желаемого.

— Что ты сказала? — Квентин все понял и от осознанного прищурился, ведь мои рассуждения ему явно не понравились.

— Им владел Нигель Никабар, — продолжала рассуждать я. — Его жаждут заграбастать кринсани... Я не знаю, какой это амулет и что он делает, но если за ним охотятся кринсани, жди только гадостей...

Квентин раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но я предупреждающе подняла руку.

— Выслушай меня. Просто скажи Стокелу о гоблинах. Скажи ему, что ты уронил футляр и что не знаешь, что после этого с ним произошло. Это не ложь.

— А как же мои деньги?

— Что деньги?

Квентин и Фелан так на меня посмотрели, как будто я только что произнесла невообразимое богохульство.

— Я получил двадцать золотых тенари, — сообщил Квентин. — Авансом.

Фелан присвистнул.

— Ради такой суммы и я бы ночью прогулялся по дому Нигеля.

— Еще пять я должен получить, когда доставлю товар, и еще пять, если это произойдет до зари. — Квентин сделал два шага в сторону склада Стокена. — Потому я немного спешу. Ну, если нам по пути, я иду за своими деньгами, а потом по домам.

Я не шелохнулась.

— А ты не задумывался, что может случиться, когда ты не принесешь *футляр* ?

Осознание логики развития событий озарило взгляд Квентина, и мысль, что ему за доставку амулета, скорее всего, не заплатят, стала последним ударом за уже испорченную ночь. Мне тоже было плохо оттого, что я обрушила на его бедную голову такие вести, но я бы чувствовала себя еще хуже, если бы амулет увели у меня из-под носа, прежде чем я узнала бы, чего от него хотят кринсани... или, правильнее сказать, зачем он понадобился Сараду Нукпане.

Сарад Нукпана был верховным шаманом Кринсани. К тому же он был садистом-психопатом. Я довольно долго выполняла разные услуги для герцога Маркуса Севелина и поэтому имела возможность получить многочисленные подтверждения такой характеристике.

Маркус был главой эльфийской разведывательной службы в Мермейе. Мне бы хотелось надеяться, что он нанимал меня в качестве консультанта благодаря моим превосходным розыскным способностям, но я знала и другое. Маркус считал, что мои связи с преступным миром помогали мне понять криминальное мышление. Это не было единственной причиной, но и я не была той, кто отказывает постоянному, хорошо оплачивающему услуги клиенту лишь потому, что он задевает мои деликатные чувства. По правде говоря, если где-нибудь находили украденное, потерянное или всплывали нужные сведения, то частенько в этом почему-то была замешана моя семья. К сожалению, среди украденного иногда случайно оказывались не только вещи, но и живые существа. Я не могу сказать, что горжусь этим, но и отрицать тоже не могу.

В основном моя работа на Маркуса состояла в поиске похищенных эльфов — дипломатов, агентов разведки, различных богачей благородного происхождения. Обычно те, кто участвовал в делах такого сорта, были подобны членам моей семьи — предпочитали получать свой выкуп на руки. Большинство же исчезнувших эльфов, разыскиваемых с моей помощью Маркусом, были похищены теми, кого выкуп мало интересовал. Мне кажется, чем больше у тебя денег, тем меньше стоит твоя жизнь.

И я знаю точно, что меньше всех чужую жизнь ценил Сарад Нукпана.

От многих агентов Маркуса я слышала разные истории. Но все, о чем они рассказывали, было скрыто от посторонних, и мерзкие плоды труда Нукпаны они видели лично, своими глазами. Некоторые агенты Маркуса были гоблинами. Они знали верховного шамана Кринсани с одной стороны: культурный и любезный, с приятным голосом и гигантским интеллектом. Агенты-эльфы рассказывали совсем другое. Одного из них держали в камере напротив человека-заключенного, которого допрашивал Нукпана. Верховный шаман непринужденно болтал, как будто принимал у себя гостей на вечеринке с коктейлями, — а сам в это время, как хирург, спокойно занимался небольшим вскрытием без обезболивания. Его узник был в сознании. Эльфийский агент рассказывал, что крики несчастного продолжались гораздо дольше, чем это возможно для живого существа. Приятная беседа не прекращалась даже после того, как крики стихли. Услышав эту историю, я много недель просыпалась в холодном поту...

— Но на самом деле они хотели амулет. — Квентин с растущим отчаянием переводил

взгляд с меня на кузена. — Правильно?

— Возможно, — ответила я. — Но Стокен, может быть, захочет убедиться в этом лично. Следовательно, ему обязательно нужно связаться с клиентом для подтверждения выполнения заказа. На все это требуется время, и это обязательно задержит твой окончательный расчет. Однако ты не можешь передать амулет без достойной оплаты. Как бизнесмен, Стокен должен это понимать. Иначе это просто противоречит нормам бизнеса.

— Логично, — добавил Фелан.

Квентин метнул на моего кузена взгляд неоправдавшихся надежд.

— Тебе не пришлось вламываться в склеп Нигеля Никабара, который называется его домом. — Пережитый им ранее этим вечером страх сменился назидательным возмущением, в котором сквозила жадность. — На тебя не выпрыгивали гоблины, взявшиеся ниоткуда. Ты не...

— Сражался с храмовой стражей Кринсани, чтобы тебя не разрубили на кусочки одним ударом? — Голос Фелана был мягкий и тихий. Врагу не пожелаешь хоть раз услышать такой голос. Он подошел к Квентину вплотную. — Я даже начинаю жалеть.

Квентин поднял обе руки и, отшатнувшись, попятился.

— Я не то чтобы неблагодарен, но...

— А звучит именно так, — не отступал Фелан. Отступление — только не для членов моей семьи, слишком хорошо знакомой с такими делами. Если мы потрудились отметить границу земли или воды, мы стоим на своем.

Я подавила сердитый вздох и шагнула вперед.

— Просто расскажи Стокenu, что произошло. Но не показывай ему амулет. Ни в коем случае не говори ему, что было в футляре. По здравом размышлении, чтобы у тебя не было соблазна... почему бы тебе не отдать амулет мне? Я придержу его до окончания разговора со Стокеном.

— А ты уверена, что так будет лучше? — спросил Фелан.

Я знала, о чем он подумал, потому что сама осознала это еще раньше. Меньше всего я желала повторения тех ощущений, которые обрушились на меня в переулке, когда Квентин открыл футляр. Но все же я не хотела, чтобы Квентин отдал амулет Саймону Стокenu. Если Стокен тряс мешком с золотыми перед носом Квентина, лучше, чтобы амулет исчез.

Квентин растерялся.

— А ты вернешь его обратно?

— Да, верну.

Со временем. Я уже на собственной шкуре испытала, что такое этот амулет. И теперь уж я точно знаю, что не должна допустить, чтобы он попал в руки Сарада Нукпаны. Я даже готова заплатить оставшуюся сумму вознаграждения. Иначе это сделает Маркус Севелин. Для эльфийского герцога тридцать золотых тенари — всего лишь мелочь на карманные расходы. Про себя я бы так не сказала. Информативность была профессиональным правилом вежливости, и мы с Маркусом уважительно относились друг к другу в течение многих лет. Если я влезала в какое-нибудь дело, в котором мог быть заинтересован Маркус, я давала ему об этом знать. В свою очередь, по отношению ко мне герцог делал то же самое.

Я знала, что Маркус будет заинтересован во всем, в чем заинтересован Сарад Нукпана.

Квентин снял цепочку через голову и протянул ее мне вместе с амулетом. Я слегка колебалась, прежде чем дотронуться рукой. Осторожность никогда мне не мешала. Потом взялась за цепочку, и серебряный диск, скользя вниз, повис на ее конце и стал медленно вращаться вокруг своей оси. С лицевой и обратной стороны на нем была какая-то гравировка и вырисовывался орнамент. Но я ничего не поняла и не разобрала деталей. Как только я дотронулась до цепочки, амулет замерцал. Скорее всего, это лишь отражение света уличных фонарей, а услышанный мною приглушенный звук — игра моего воображения. Металл не издает звуков, пока вы по нему не ударите, но в любом случае он будет звучать не так деликатно.

— Ты слышал? — спросила я Фелана, не отрывая взгляда от амулета.

Он странно на меня посмотрел, потом перевел взгляд за наши спины, чтобы убедиться, что нас не преследуют. Никого не было, он это и так знал.

— Нет. А что ты услышала?

— Неважно. Просто показалось.

Я аккуратно надела через голову цепочку и, когда амулет даже не попытался прожечь дыру в моей куртке, осторожно спрятала цепочку с амулетом под рубашку. Металл приятно грел кожу. Я предпочла думать, что он еще не остыл после контакта с кожей Квентина. Конечно, если бы я все время крутила эту мысль в голове, то в конечном итоге и сама бы начала в это верить.

Главный вход на склад Саймона Стокена обычно охраняли как минимум двое. И если они тебя знают, дела, как правило, идут гораздо быстрее. Первого охранника я вспомнила, но другой был мне незнаком. Зато они оба узнали Квентина, и тот, которого я видела впервые, открыл ему дверь. Охранники Стокена были надежными до тех пор, пока он им щедро платил; а с таким интересным бизнесом, какой был у него, всегда было достаточно монет, чтобы оплатить хорошую службу. Квентин скрылся за дверью. Мы остались на улице, подальше от лишних глаз.

Прошла минута или чуть больше. Квентин, должно быть, сейчас на полпути. Офис Саймона Стокена располагался в дальнем углу склада. Я перенесла вес тела с одной ноги на другую и поправила на плече перевязь меча. Потом вернулась в исходное положение. Внезапно почувствовала какое-то неудобство. Я бросила взгляд на свои руки. Одну свело судорогой. Я оглянулась на склад. У двери уже никого не было.

— Фелан?

Пристальный взгляд его темных глаз был направлен на дверь.

— Я вижу. Они только что вошли внутрь.

— Это нехорошо.

— Да.

Это было не единственное, что нарушало идеальную картину. Но не из-за отсутствия охранников по моему телу побежали мурашки. Что-то большое и уродливое ожидало внутри этого склада — магическое, и совсем не доброго сорта. Квентин просто притягивал неприятности! Уже второй раз за одну ночь. Я почти физически ощущала, как какая-то сила тащила меня в западню. Интересно. Я, как профессионал, могла чувствовать некоторые магические ловушки, но серьезная черная магия никогда не была моим коньком.

— А на складе Стокена есть задняя дверь? — поинтересовалась я.

— Конечно. А еще две боковые и люк под водой, — ответил Фелан и стремительно бросился вперед. Я кинулась вслед за ним.

Кузен вытащил меч, как только приблизился к узкому проходу между двумя грудями ящиков, скрывавших за собой узкую аллею. Он пристально всматривался вдаль — куда-то вперед, за ящики. Я заглянула туда же через его плечо, не выпуская пары длинных кинжалов из рук. До водной границы все было чисто.

— У конца аллеи, с правой стороны, — сказал он. — Первая дверь.

— Внутри что-то есть.

— Не новая партия кесолианского красного, не так ли?

— Вряд ли.

— А хотелось бы надеяться.

У маленькой боковой двери ни одного охранника. Пожалуй, это к лучшему. Дверные петли были хорошо смазаны и открылись без единого звука. Пока все идет как надо. Внутреннее помещение было тускло освещено круглыми лампами, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга по всей длине стен. Но свет давали всего несколько штук, а значительная часть склада была погружена в тень. Все, что мы смогли увидеть, — это только четверть помещения, заваленного ящиками, корзинами и бочонками, которые не провозились через таможенную легально и во многих районах большого города служили для контрабанды. Саймон Стокен опирался в своем бизнесе на качество товаров, а не на

количество.

Квентин приблизился к расположенному в глубине склада небольшому офису Стокена. Я сопротивлялась внутреннему импульсу крикнуть ему. Какой бы ни была западня, он уже вошел в зону ее действия. Вмешательство ни к чему хорошему не приведет.

Квентин совершенно не осознавал, во что он только что влип.

— Саймон, я хочу получить свои двадцать тенари и четыре бутылки кесолианского красного, и ни каплей меньше.

Саймон Стокен не ответил. А потом мы поняли, почему.

Какая-то тень закрыла собой одну из ламп, потом качнулась назад и снова вперед, опять закрыв лампу. Одновременно с движением тени раздался скрип, который я мгновенно узнала. Квентин поднял взгляд вверх. Мы тоже.

Саймон Стокен висел на балке, веревка с петлей из скрученной пеньки крепко пережимала его неестественно удлинившуюся шею, круто изогнувшуюся под подбородком. Его руки были связаны за спиной. И он был мертв.

Квентин попытался вытащить свои кинжалы, когда из теней выступили гоблины и окружили его. Одни были в мантиях, другие — в доспехах. Все так знакомо.

Шаманы Кринсани и охрана храма.

Фелан склонился, его губы касались моего уха.

— Разве мы только что не смылись от них? Вечеринка продолжается?

Некоторые гоблины зажгли фонари и поставили их на ящики, еще больше освещая Саймона Стокена, — я вполне могла бы обойтись и без этого. Когда они закончили, из тени в кольцо света выступила между двумя стражниками чья-то фигура в богатой черной шелковой мантии. У меня опять поползли мурашки по коже и по спине пробежал холодок. Я все еще не осознавала, каким образом это ощутила. Но, пожалуй, понимала почему.

Я точно знала, кто был одет в причудливую мантию. У меня имелось более чем достаточно описаний, полученных от агентов Маркуса.

Капюшон на мантии Сарада Нукпаны был откинут назад, и я могла очень хорошо разглядеть его лицо. Он был всего лишь чуть выше меня, худее и компактнее под своей мантией. Его блестящие черные волосы, длиной почти до талии, удерживались узким серебряным ободком — согласно рангу. Его черты были элегантными, но без слабости, красивыми — без ущерба его мужественности. В действительности верховный шаман не был похож на того, о ком я слышала все эти страшные и кошмарные истории. Но, с другой стороны, самые красивые змеи, как правило, оказываются самыми ядовитыми.

За ним я разглядела еще с десятков кринсани — их здесь, определенно, было гораздо больше.

— Сиди тихо, — прошептал Фелан. — Я за помощью. Таник Озал и его команда в двух кварталах отсюда, в «Грязном попугае». Они живут тем, что оказывают такого рода услуги.

Я кивнула. Я согласна с ним, конечно. Гоблины с Сарадом Нукпаной были профессиональными киллерами; Таник и его команда занимались тем же самым для забавы. В этом состояла разница. Если Фелан мог вернуться вскоре с Таником и его веселой командой головорезов — это отлично. Если же можно сделать так, чтобы Квентина не убили или не сделали чего-то более страшного, то это еще лучше.

— Долго копаешься, чтобы присоединиться к нам, мастер Рэнд, — обратился Нукпана к Квентину. Взгляд его темных глаз был направлен на мертвого брокера, тихо покачивающегося на балке. — По-видимому, бедный мастер Стокен устал вас ждать.

— Поэтому вы его убили, — открыто произнес Квентин.

Нукпана улыбнулся, как будто только что услышал анекдот.

— Мастер Стокен уже танцевал в воздухе, когда я появился.

— И что?

— Хочу узнать о коробочке, которой вы недавно обзавелись у некоего черного мага.

Квентин сделал невинное лицо.

— Не знаю, о чем вы тут толкуете.

— Если принять во внимание те трудности, с которыми вы столкнулись, когда ее воровали, никогда бы не подумал, что вы можете так скоро все забыть. Моя охрана помнит вас, — улыбка Нукпаны исчезла, — и ваших друзей. Или вам нужна помощь, чтобы освежить память? Думаю, вам хватило тех нескольких часов, когда вы болтались на краю болот Дайта... К сожалению, сегодня вечером в моем распоряжении мало времени. Я убежден, болотные твари с удовольствием пообедают чем-нибудь другим, кроме дохлой рыбы.

Квентин ничего не ответил. Но в моей голове мысли понеслись вскачь. Квентин был испуган, но не в ужасе. Он просто не знал, кто такой и что собой представляет Сарад Нукпана, и в этом случае я была признательна Квентину за его невежество. Почему Нукпана хотел получить амулет прямо сейчас, хотя можно было просто подождать? Что мне нужно было сделать, чтобы предотвратить убийство Квентина одним из тех многочисленных способов, какие мог изобрести извращенный ум Нукпаны? Я почти физически ощущала численное превосходство гоблинов. В этот момент самое лучшее, что я могла сделать для Квентина, это сидеть тихо, не привлекая к себе внимания, и ждать. Или вернется Фелан с друзьями, что даст мне необходимую возможность схватить Квентина и бежать, или мне придется себя обнаружить. Но Квентин не сможет меня защитить, да и вряд ли он вообще способен мне чем-то помочь.

Он все так же продолжал молчать.

— Расскажите мне о своих друзьях. — Голос Нукпаны был спокойным.

— Что мне с этого? Вы убьете меня быстрее?

Гоблин улыбнулся, на мгновение обнажив клыки. Квентин громко сглотнул.

Нукпана медленно направился к нему, и единственным звуком был свистящий шорох его мантии.

— Я всегда придерживаюсь мнения, что любое важное задание достойно того, чтобы его выполняли правильно. Время от времени некоторые джентльмены, находящиеся здесь, имеют неосторожность упустить нужную информацию. Даже если я провожу подробный инструктаж своих стражников, новички относятся к этому довольно небрежно. Это нехорошо, но простительно ввиду малого опыта. Информация, которая умирает вместе со своим владельцем, для меня бесполезна. Мастер ценится за навык.

Гоблин остановился, его лицо застыло в нескольких дюймах от лица Квентина.

— Не сомневаюсь, вы расскажете мне все, что я пожелаю узнать, — прошептал он. — В конце концов, вы здесь для того, чтобы доставить коробочку мастеру Стокену, который, в свою очередь, содрал бы деньги со своего клиента. Тогда клиент завладел бы своим новым приобретением. Вы еще не забыли, как все это происходит в криминальных кругах, маленький воришка?

Нукпана был ближе ко мне, но не достаточно близко, чтобы проткнуть его чем-нибудь острым.

— Я — тот клиент, — сказал он. — И я заплатил мастеру Стокену полностью. — Улыбка исчезла. — Я желаю получить свою собственность. Общайте его. С ног до головы. Потом принесите мне коробку. — Он повернулся, чтобы уйти из круга, но остановился. — По здравом размышлении, если будет сопротивляться, просто убейте его.

Четыре храмовых стража двинулись выполнять приказ Нукпаны.

А потом грянули несколько событий одновременно.

Я услышала знакомый свист и глухой звук тяжелого удара, и один из охранников, державших Квентина, с удивлением посмотрел вниз, на арбалетную стрелу, которая только что вонзилась в его грудь. Гоблин повалился вперед, на пол, можжевелевая стрела прошла насквозь и торчала из его спины. В то же самое мгновение другой охранник, вцепившийся в руки Квентина, отлетел назад, к стене склада. В его горле тоже торчала стрела.

Нукпана стремительно метнулся к Квентину, обхватил рукой его за шею и приставил к горлу нож. Маленькое лезвие Нукпаны засветилось зеленоватой энергией. Две светящиеся молнии зазмеились от конца лезвия. Одна оплелась вокруг горла Квентина, другая зависла

над сердцем. Одно слово шамана — и то, что выглядело как две безобидные светящиеся ниточки, мгновенно ударит, войдет в тело Квентина, и его жизнь закончится. У меня была наготове пара кинжалов, которые сделают то же самое с Нукпаной в тот момент, когда он только откроет рот, чтобы произнести это слово. Я подкралась поближе, остановившись у кромки света.

Из темноты раздался сильный чистый голос. Не далее двадцати футов от меня.

— Не двигаться.

Я застыла. Впрочем, замерли все. Команда прозвучала негромко. Да и этого было достаточно. Звук исходил из внутреннего помещения склада — мощная энергия появилась из совершенно неожиданного источника. Эхо этих простых слов своей спокойной силой произвело идеальный захват. Оно также погасило все остальное магическое в помещении, подобно ведру холодной воды, вылитой на свечу. Все выглядело так, будто нелепое кривляние Нукпаны привлекло мощного заклинателя. Моя ночь только что стала меняться к лучшему.

Используя лишь свой голос — интонацию, резонанс и тембр, — заклинатель мог внушать мысли или контролировать чьи-то действия тихим бормотанием, обычной речью или тщательно отрепетированным тоном. Большинство людей этого не замечали. Однако один заклинатель мог в корне изменить ход сражения. Талантливый заклинатель был редкостью, и потому высоко ценился. Чувствуя, как у меня на руках волосы встали дыбом, я поняла, что, видимо, этот мог при помощи голоса сделать воистину все, что захочет. А то, что намеченная им жертва не обращала на слова никакого внимания, ему даже нравилось.

Все замерли. Квентину и выбирать было не из чего. Голос не объяснял, кому можно, а кому нельзя шевелиться. Но один из кринсани не смог остановиться и кинулся в укрытие за груды ящиков. Он сделал это, но когда приземлился, то был уже мертв.

Нукпана двинулся вперед, оградив себя заклинанием, границы которого включали и Квентина. Поскольку Квентин находился внутри защитного поля, он был недоступен внешним воздействиям. Конечно, в пределах этих границ у гоблина все еще оставался доступ к Квентину, а у меня — нет.

— Прикажи своей охране бросить оружие на пол, и никто не пострадает! — Заклинатель сделал паузу, все еще находясь на границе света и тени, но мне удалось разглядеть высокий стройный силуэт.

Неясные фигуры вышли из тени позади гоблинов и двинулись вдоль проходов склада, расположившись таким образом, чтобы оказаться рядом с каждым гоблином и закрыть каждую лазейку.

— Сейчас же. — Голос был тихим, и владелец этого голоса обладал абсолютной властью. Он сделал шаг и встал под свет лампы.

Заклинателем оказался эльф в серо-стального цвета форме хранителя Конклава. Я невольно про себя отметила, что униформа ему очень к лицу. Он был худощав и мускулист, у него была военная выправка. И почему-то мне показалось, что он не был счастлив. Большие темные глаза сверлили Нукпану. Интересно, был ли он так же опасен, как выглядел? Скорее всего, да.

Хранители Конклава базировались на острове Мид, известном как самое населенное место на континенте. На нем находился самый престижный колледж магии и колдовства, а заодно и Конклав — управляющий центр для практикующих магию и колдовство во всех семи королевствах. Студенты были юными и талантливыми, и многие из них оказывались вдали от родного дома впервые. Большинство же служащих Конклава в тех королевствах, откуда они прибыли, считали себя большой рыбой в маленьком пруду. И в результате остров Мид можно было сравнить с большим озером с достаточно крупной и плотоядной рыбой. Все эти высокоодаренные студенты и служащие в одном большом островном городе — пороховая бочка, готовая взорваться, и работа хранителей состояла в том, чтобы не допустить возгорания фитиля.

Они давали клятву защищать членов Конклава и Мид от внешней угрозы, хотя на деле

тратили большую часть своего времени, защищая Конклав, студентов и граждан друг от друга. Сохранить мир в городе магов мог лишь еще более талантливый маг — и к тому же воин. У хранителей было достаточно забот дома, поэтому они покидали Мид только по официальным поручениям Конклава — по делам магов-предателей и тому подобным. Кворуму Двенадцати что-то (или кто-то) должно крайне понадобится, чтобы они отпустили хранителей на поиски. Я надеялась, что они объявились просто из-за Сарада Нукпаны, но на всякий случай затаила дыхание.

Хранитель-эльф указал на Квентина.

— Освободить его. — Он сказал это спокойно, но в голосе звучала сталь.

Хватка Нукпаны стала крепче, и Квентин почти не дышал. По его шее потекла тонкая струйка крови. Без сомнения, он ненавидел магов и колдунов.

— Это дело Кринсани, и никого из Конклава не касается, эльф.

Заклинатель сделал шаг вперед, чтобы его стало лучше видно при свете.

— Как хранителя, меня касается только этот футляр и его содержимое.

Ну это уже слишком! Я не могу оставаться в стороне от этих разборок.

Лезвие ножа Нукпаны вошло глубже в горло, и светящиеся нити сжались. Квентин задыхался, его душили спазмы.

— Подойди и возьми сам. — Голос гоблина звучал жестко; мерцание в его темных глазах не обещало ничего хорошего.

— Отлично. — В голосе эльфа сожаления не было, только спокойное осознание сделанного гоблином выбора. Он что-то зашептал.

Я едва могла различать его голос, не говоря уже о словах, но мне не обязательно слышать его. Как и Нукпане. Чтобы заклинание сработало, вовсе нет необходимости произносить его громко.

Никто не пошевелился, но это не означало, что ничего не произошло. Случилось много всего, хотя видимым было только то, что на складе потускнели все лампы и светильники. Появилось ощущение страха или ужаса — чего-то опасного. А что может быть опаснее того, что ты не можешь увидеть?

Голос хранителя, наполненный энергией, был подобен подземной реке: ее глубина скрыта в темноте, а смертельные течения спрятаны под внешне тихой и слегка колышущейся поверхностью. Опасный поток запросто тебя смоем или утащит в омут. Вариантов нет, в любом случае окажешься мертвым.

Нукпана не был унесен в глубину. Он был занят замораживанием поверхности.

Поток энергии охлаждался, и свистящие слова Нукпаны походили на морозное дыхание. Я разобрала только несколько слов из магических заклинаний гоблина. Это были не те слова, которые могли убить всех нас, не это было его целью. Нукпана призывал что-то, что не могло себя проявить на одной с нами грани существования. Зачем самому уничтожать этот склад, когда ты можешь вызвать демона, который сделает все за тебя? Воздух между гоблином и эльфом затрещал и озарился голубыми всполохами света, который сформировался в фигуру, превышающую вдвое рост эльфа.

Я всегда думала, что демоны происходят из мест с более теплым климатом. Похоже, я ошибалась.

Эльф закрылся, как щитом, его собственное заклинание мгновенно задрожало. И, кроме того, вызванный демон забрал всю сконцентрированную силу гоблина, потому что поблескивающее лезвие ножа, который он держал у горла Квентина, так сильно дрожало, что порез уже не мог оказаться смертельным. Я не собиралась сидеть рядом и ждать, чтобы увидеть, кто победит. Уверяю, никому не захочется слоняться поблизости, чтобы посмотреть, кого демон Нукпаны схватит первым в качестве полуночной закуски. Квентину и мне надо линять. Сейчас же. Но вмешательство в работу двух мощных магов с моим собственным заклинанием может иметь плачевные последствия.

И я предпочла прямое действие.

Я сильно ударила Сарада Нукпану снизу под колени, где его защита была наиболее

слабой. Он был явно удивлен. Удивился и хранитель. А Квентин вообще не ожидал ничего подобного. В результате начавший материализоваться демон просто растаял. Я и Нукпана тяжело повалились на землю. Квентин от внезапно свалившейся на него свободы покачнулся, а я попыталась его поддержать.

Сарад Нукпана и я оказались лицом к лицу. Его полуночные глаза широко раскрылись, и он улыбнулся.

— Госпожа Бенарес, как мило с вашей стороны присоединиться к нашей компании!

У меня отвисла челюсть, и я была слишком ошеломлена, чтобы сдвинуться с места. Гоблин уже потянулся ко мне, но эльф оказался проворнее, резко отдернув меня от Нукпаны.

Близкий контакт позволил мне отлично рассмотреть хранителя. И смотрелся он прекрасно. Глаза были сногшибательны. Притяжение тропических морей — и ваши дочери и жены в серьезной опасности. Руки поневоле тянулись погладить его золотисто-каштановую шевелюру. Его внешность была классически строгой и... ох, до чего же он был хорош собой! К сожалению, он тоже зафиксировал мое личико в памяти. Вот это не очень хорошо.

В самом центре груди неожиданно потеплело. Вероятно, сердце стало биться чаще, но держать пари насчет этого я бы не рискнула. Пристальный взгляд хранителя был направлен на мою грудь, но, думаю, не для того, чтобы восхититься моими прелестями. Амулет начал оживать.

Не было ни боли, ни головокружения, никакого внезапного толчка, из-за чего я могла почувствовать себя плохо. Но внимание, которое я привлекла к себе, ничего хорошего мне не сулило. Глаза хранителя расширились от удивления, и он крепко схватил меня за руки, лишая возможности действовать ими. Так что все дальнейшее я просто вынуждена была сделать, и это полностью на его совести. Мой удар был так же очевиден, как и предыдущий, хотя и не столь учтив.

В следующее мгновение хранитель стоял на коленях и старался припомнить, как это — дышать.

В глубине склада раздался грохот и деревянный треск — что-то ломалось и рушилось, — затем еще раз. Груда бочек, уже ненадежно балансирующих, рассыпалась. Большие бочки валились на маленькие бочонки. Все пришло в движение, и это было вовсе не безопасно. Хранители и кринсани были того же мнения, что и я. Они все стали подпрыгивать и нырять в укрытия, включая эльфа-заклинателя. Фонари упали на пол, а Квентин и я бросились к двери. Он не спрашивал, кто или что явилось причиной падения бочек, мы просто воспользовались заварухой в своих целях.

Я унюхала, кроме разлитого алкоголя, кое-что еще. Моя память когда-то уже зафиксировала этот запах. Снова серия хлопков. Квентин упал на деревянный ящик и не двигался. Меня слегка оглушило, а мои волосы оказались немного опалены, но я уже поняла, что происходит. Вино не взрывается, в отличие от пороха. Похоже, почивший мастер Стокен попутно занимался оружейным бизнесом.

Я вскочила на ноги и наклонилась к Квентину. Фелан уже был рядом. Мне следовало догадаться: если где-то взрыв — значит, там Фелан. Он убедился, что Квентин еще дышит, затем бесцеремонно перекинул его через плечо.

— Прошу прощения, — прокричал он, перекрывая вопли людей и хлопки мелких взрывов. — Мой план не учел наличие фонарей.

Я с трудом слышала не только его, но и себя из-за звона в ушах.

— Какой план? — как могла громко спросила я.

Фелан ухмыльнулся.

— У меня всегда есть план, — прокричал он в ответ. — Но я решил, что мне нужно держать его в секрете.

Глава 3

— Насыщенный вечерок, Райни?

Бертран ответа и не ожидал, что было хорошо, потому что я не собиралась отвечать на его вопрос. Я не пообедала. Фелан не пообщался с мадам Наташей. Никто из нас не был доволен.

Эльфийская разведывательная служба занимала маленький столик и делила крохотную прихожую одной из конспиративных квартир Маркуса с секретарем и тюремщиком. Одним из положительных моментов нашего сотрудничества было то, что я имела возможность пользоваться конспиративными квартирами. Я и пользовалась ими, но только если мой бизнес затрагивал интересы Маркуса. Мне не нужно было спрашивать себя дважды, заинтересуется ли Маркус тем, что висит на моей шее. Плюс я сделала открытие, что идти домой, когда ты шествуешь во главе парада плохих парней, не очень хорошая идея.

Это специфическое убежище было тесным домиком в наименее престижной части квартала эльфов. Дом был достаточно близок к берегу — для удобства, — и с потайным входом позади магазина морского снаряжения — дополнительная возможность вовремя скрыться. Я думала, что, находясь здесь, мы будем в относительной безопасности. Таник же и пять членов его экипажа, пришедших с ним, решили, что им будет удобнее расположиться на заднем дворе таверны, где их разыскал Фелан. У всех были свои причины не быть найденными где-либо поблизости от горящего склада Саймона Стокена, если на них наткнется городской дозор.

Груда бумаг располагалась у правого локтя Бертрана. Сегодняшние ночные события наверняка представлены в отчете, но то, что произошло на самом деле, никогда не будет отражено в этих документах. Так как я не была в официальной ведомости Маркуса, я не должна была перед ним отчитываться. Можно было бы сделать это из любезности, потому что я воспользовалась одной из его конспиративных квартир, но, по правде говоря, я не видела в этом необходимости. Амулет, который я носила на себе под рубашкой, и Сарад Нукпана, знающий мое имя, поставили меня в редкостно тяжелую ситуацию, я бы никогда раньше не подумала, что такое возможно, и чем меньше тех, кто знал об этом, тем лучше. Я симпатизировала Бертрону и доверяла ему, но только в определенных рамках. Сегодняшние полночные события в эту область наших взаимоотношений не вписывались.

Фелан вошел в дом, не глядя на Бертрана, направился напрямик в дальнюю комнату и с ворчанием сбросил Квентина на койку в углу. Мой кузен сегодня ночью слишком много ходил за Квентином, а потом еще пришлось о нем и заботиться. И чтобы убедиться, что за нами нет хвоста, нам пришлось выбрать далеко не самую короткую дорогу. Я не просила Фелана быть помягче. Возможно, мне следовало ему об этом сказать.

— Где Маркус? — спросила я Бертрана.

— Его милость в приемной графа Истр.

— И?

— Оттуда собирался сразу домой.

Я потянулась за ручкой и бумагой, которые Бертран хранил на своем письменном столе, и принялась писать. Я не собиралась рассказывать Маркусу обо всем, что случилось, только кто, что, когда и где. Агенты Маркуса убеждены: их босс знает все. То, что произошло в доме Нигеля и на складе Стокена, вряд ли было пустячком. Я просто хотела осветить важные моменты; Маркус мог заполнить оставшиеся пустоты.

— Мне нужно, чтобы ты отправил это сообщение ему домой, — сообщила я Бертрону. — Мне не нужна сейчас встреча, просто сделай одолжение.

Бертран даже руку не протянул к колокольчику, чтобы позвать своего помощника.

Терпение никогда не было одним из моих достоинств, и тот малый запас его, который я имела, подходил сегодня ночью к концу. На мне была разорванная, с пятнами крови одежда. Я устала, чувствовала себя плохо, я была сильно напугана и не готова к той игре, которую начал Бертран.

Я просто посмотрела на него.

— Ты даже не сдвинулся с места. Можно узнать, почему?

— Его милость распорядился не беспокоить его до завтрашнего полудня, кроме случаев крайней важности.

Я отреагировала белозубой улыбкой, вместо того чтобы выразить то, что чувствовала.

— Могу уверенно утверждать, что я должна сообщить ему нечто большее, чем его условное определение крайней важности.

Бертран еще немного колебался, его внутренняя борьба была явно видна. Он был бюрократом по сути, но я постаралась не обвинить его в этом. Он всего лишь использовал стандартную рабочую процедуру — или по крайней мере пытался. Я не стала облегчать ему задачу. Бертран еще немного поколебался, а затем спросил:

— Если доставка будет самой первой завтра утром, этого достаточно?

Это значит, еще пять часов долой. То, что мне нужно было от Маркуса, могло ждать так долго. Я подарила Бертрану настолько приятную улыбку, на какую была способна при сложившихся обстоятельствах и в этот час. Ведите себя всегда любезно, для того чтобы вам помогали.

— Этого более чем достаточно, Бертран. Спасибо. Кстати, мой друг нуждается в помощи целителя. Не мог бы ты кого-нибудь вызвать?

Бертран кивнул и позвонил в колокольчик. Мое сообщение Маркусу и просьба о целителе будут переданы помощнику Бертрана. От него они попадут к одному из курьеров агентства, выполняющих именно такие поручения. Курьеры Маркуса работали хорошо, и платили им соответствующе. Некоторым даже больше, чем самим агентам.

Мне нужно было как-то убить время до прихода целителя, поэтому я решила поспать.

В отличие от Фелана, который мог спать в любом месте в любое время, я не могла даже задремать. Я подтащила стул к дальней стене, чтобы присматривать за Квентином, и попыталась устроиться, чтобы хоть немного отдохнуть. На конспиративных квартирах я никогда не могла уснуть. Если рассуждать логически, думаю, дело в том, что это не твой дом — события вынудили тебя тут оказаться. А раз ты на конспиративной квартире, то уж точно не в безопасности. Это как раз применимо ко мне и чуть меньше — к Квентину.

Один вопрос постоянно вертелся у меня в голове. Почему я? Знаю, что жалеть себя непродуктивно, но я чувствовала, что у меня есть право позволить себе это. Все, чего я хотела, — помочь другу и выяснить, каким боком это меня касается. А все, что я сделала потом, — чтобы освободить Квентина. Ничего особенного, даже в самые жаркие моменты. Но мы были в безопасности и час, и два, и три, если нельзя сказать, что нам удалось выкрутиться. Оба — Нукпана и хранитель — узнали, что амулет у меня. Они хотели получить его, и это означало, что им теперь была нужна я. Я вздохнула и положила руку под голову. Но был еще один вопрос, на который я действительно хотела получить ответ, — как Сарад Нукпана узнал мое имя?

Пришел целитель, выполнил свою привычную необычную работу и ушел. У Квентина были сломаны два ребра — возможно, от резкого падения на тот ящик. Фелан проснулся почти сразу, как ушел целитель, поставил стул рядом со мной и принялся вытирать свой меч. Глядя на моего кузена в домашней обстановке, и поросенок смутился бы, но свое оружие Фелан содержал в безукоризненной чистоте.

Мне всегда казалось благоразумным находиться вне пределов досягаемости от того, кто приходит в себя. Даже если это тот, кого можно считать своим другом. Особенно если этот друг отключился при более чем неблагоприятных обстоятельствах. Из-за того, что последние мысли Квентина, когда он был в сознании, касались угрозы пытки, горло было практически разрезано, да и свалился он на ящик, — все мои правила предосторожности были применены на деле.

Квентин пошевелился. Это по времени неудачно совпало с тем, что Фелан стал с усердием водить точильным камнем по лезвию. Я не знала, как Квентин, приходя в себя, отреагирует на звук затачиваемого меча, но я сразу поняла, что делать мне.

— Фелан?

Он не замедлил движения и не оторвал взгляд от оружия.

— Да?

— Ты можешь на минуту остановиться?

— Что?

— Квентин приходит в себя. А эти звуки совсем не успокаивают.

— Какие? Ох. — Он ухмыльнулся. — Ты не хочешь, чтобы Квентина отдирали от потолка?

— Не совсем так.

Квентин перестал шевелиться, но глаза не открывал. Он старался дышать ровно, но я видела, как пульсирует вена на его шее. Он мог делать многое, и кое-что очень хорошо, но актер он был никакой. Я попробовала не рассмеяться, но у меня ничего не получилось. Квентин пришел в себя, но не хотел это демонстрировать. Я бы сделала то же самое. Когда ты теряешь сознание в одном месте и приходишь в себя в другом, обычно чем дольше ты незаметно накапливаешь информацию, тем лучше.

— Квентин, это мы. Убивать тебя никто не собирается. И я не могу ждать всю ночь, пока ты соизволишь открыть глаза.

Квентин скосил взгляд в мою сторону, откуда слышал голос. Должна признать, что здесь слишком светло. Наверное, мне не следовало зажигать столько ламп. Я погасила ближайшую к Квентину.

Ему не нужно было смотреть, чтобы понять, что он раздет до рубашки и брюк. Он попытался сесть и застонал. Я придержала его за плечо и уложила обратно на койку.

— Даже не думай, — приказала я. — У тебя сломаны два ребра, и требуется еще не менее часа, чтобы все стало на место. Уверена, что целитель по достоинству оценит, если ты не испортишь его работу. Будь послушным, и ты станешь даже новее, чем был сегодня ночью.

Квентин лежал на спине, дыхание было неровным, шея у подбородка — синюшного оттенка.

— Чувствую себя не очень хорошо.

— Ну, это лучше, чем ошметки после работы Сарада Нукпаны. Возможно, ощущения самые худшие в твоей жизни, но головокружение должно пройти в течение часа.

— Фактически только второе ужасно. — Гримаса боли сменилась выражением озадаченности. — А кто такой Сарад Нукпана?

— Гоблин, который хотел разрезать тебе горло, — просто ответила я. Чем меньше Квентин знает о Нукпане, тем лучше. Признаю, что мотивы у меня были эгоистическими. У меня раскалывалась голова от боли, и совсем не хотелось слышать крики Квентина.

Похоже, мой ответ его удовлетворил. Невежество — состояние, в котором Квентин мог существовать.

— А где амулет?

— Не беспокойся. Он у меня. — Я состроила гримасу. — В чем его ценность?

Квентин в ответ скривился.

— Ничего ценного. По крайней мере для меня.

— А гоблины считают, что он ценнее, чем твоя жизнь, — произнес Фелан, возобновляя свою работу точильным камнем.

Квентин дотронулся рукой до бинта на горле.

— Не напоминай мне.

— И не только они, — добавила я. — И никто из них нисколько не осторожничал и не скрывал униформу.

— Гоблины не планировали оставлять в живых ни одного свидетеля. Может быть, хранители думали точно так же, — предположил Фелан.

Мы все одновременно подумали об этом.

— Как ты мог не поинтересоваться, на кого ты работаешь? — спросила я, не упоминая имени Сарада Нукпаны.

— По роду своих прежних занятий я почти никогда не общался напрямую с тем, кто

платит золотом за работу, — ответил Квентин. — Они боятся руки замарать. Из-за этого и процветает бизнес у таких, как Саймон. Н-да, *процветал*.

Я вытащила серебряный диск из-под рубашки, чтобы получше разглядеть. Самый обычный. Ничего особенного.

— Даже за это?

— Зависит от того, что он делает, — ответил Квентин. — Как думаете?

— Я знала, что кто-то устроил разборки на складе Стокена, пока ты был внутри. Я знала, что ты влип в неприятности.

Фелан отложил точильный камень в сторону.

— Ты думаешь, что это была работа амулета?

— Я не могла проделывать ничего подобного, пока не надела эту штучку на шею.

— Что он еще может? Кроме того, что ты сразу чувствуешь себя плохо?

Квентин удивился:

— Ты при этом чувствуешь себя плохо?

— Только когда ты открыл футляр в первый раз, — ответила я. — Потом я уже этого не испытывала.

Фелан вложил свой узкий меч в ножны.

— Принимая во внимание, что амулет странно себя ведет и что все желают его заграбастать, проблема в том, кто именно этого хочет и на что они готовы ради этого пойти. Ну, кухня, и каков твой следующий шаг?

Так как уснуть мне не удалось, у меня было достаточно времени, чтобы обмозговать и это.

— Я отправила сообщение своему клиенту, который может помочь, — ответила я. — А сейчас, думаю, мне было бы полезно заглянуть к Гарадину. Он на пенсии, был магом Конклава. Хранители хотят эту вещичку, так что, может быть, он что-нибудь об этом знает.

— Если маг ходит в крестных отцах, то, полагаю, это всегда хорошо, — высказался Фелан. — Надо, чтобы кто-нибудь пошел с тобой?

Я покачала головой.

— Всего четыре квартала отсюда, и я знаю короткий путь. Я бы предпочла, чтобы ты остался здесь с Квентином. Ближе к обеду тебе надо будет перевернуть его на другой бок.

Фелан ухмыльнулся.

— У меня всегда есть план.

— Из-за твоего последнего плана я здесь лежу, — проворчал Квентин со своей койки.

Фелан прищурился.

— Благодаря моему плану тебя вытащили со склада Стокена, не так ли?

— Ну да.

— Значит, он сработал. — Кузен откинулся на спинку стула и пожал плечами. — Кто знал, что у Стокена еще много пороха?

Для меня это новость.

— Еще много? Ты знал, что Стокен занимается порохом?

— Разумеется. А кто не знал?

— Я.

— Фонари плохо светили, — сообщил Фелан.

Я не против такого перехода. Эта дорожка не привела бы меня ни к чему хорошему.

— Что еще тебе говорил Стокен о работе? — спросила я Квентина. — Предупреждал о чем-нибудь или о ком-нибудь?

Квентин безрадостно усмехнулся.

— Что-нибудь необычное? «Только не попадись. А если тебя поймут, не говори им обо мне»? Да нет, все как обычно. Что клиент хочет, где это и сколько я получу за работу. Все остальное я проделал сам. Распорядок Нигеля, кто его слуги, где их найти в свободное от работы время. Иногда лучше и не знать, на кого ты работаешь.

— Или кто твой конкурент, — добавил Фелан.

— Кринсани не входили в список возможных, — признал Квентин.

— Не забывай о хранителях.

— Невезуха. Я очень привлекаю интересных людей.

— Квентин, люди, которые хотят тебя убить, — не интересные, — вздохнула я. — К разговору о слугах Нигеля, кто из них дал тебе генчарм?

— Что?

— Генчарм. Такая вещь, которая позволяет тебе прогуливаться по дому Нигеля — и охрана тебя не заметит.

Квентин побледнел.

— У него была охрана?

Я на него лишь посмотрела. Моего взгляда оказалось достаточно, и я решила потом научить Квентина паре-тройке магических штучек, нравится ему это или нет.

— Да, у Нигеля есть охрана. Мерзкие твари. Очевидно, их не было, когда ты туда вошел. Кто-то тебе очень помог. Как думаешь, кто? Ты говорил с кем-то из слуг?

— Никто из слуг Нигеля обо мне ничего не знал и даже не подозревал. Хоть в этом поверь мне, Райни. Я профессионал.

Теперь Квентина мучили не только сломанные ребра, но и душевная боль. Великолепно.

— Речь идет не о твоих способностях. — Естественно, я ему верила, но не обязательно об этом говорить вслух. — Кто-то точно знал, что ты будешь там. Иначе зачем выводить из строя всю охрану в доме?

— Если кто-то знал, то не от меня.

Еще один вопрос требовал ответа. Если никто в доме Нигеля не распахивал настежь магические двери, тогда кто это сделал? И если Сарад Нукпана являлся тайным заказчиком Квентина, зачем было посылать своих громил в дом Нигеля? Квентин собирался стащить амулет для него. Все, что ему надо было сделать, это сесть и ждать, когда Квентин выполнит свою работу. Если только Сарад Нукпана не узнал, что он не единственная заинтересованная сторона. Была другая группа гоблинов, серьезнее, чем фракция оппозиции? Может, они пытались перехватить то, что висит у меня на шее?

Слишком много вопросов. Почти совсем нет ответов.

Я немного знала о причине пребывания Сарада Нукпаны и его кринсани в Мермейе. Новый король гоблинов — Сатрик Мал'Салин — прибыл в город четыре дня назад на неделю торжественных приемов, который завершится балом-маскарадом через три дня. Представители высшего сословия близлежащих королевств нахлынули на прошлой неделе, что бульварной прессой было объявлено как общественное явление десятилетия, и местные аристократы дрались за получение приглашений. По моему мнению, явиться на прием и быть в окружении людей Мал'Салина может быть забавным — насколько может быть забавным находиться в запертой комнате, кишасей змеями.

Сарад Нукпана был главным советником короля Сатрика Мал'Салина. Я слышала, что Нукпана не был включен в свиту. И, судя по нашей маленькой стычке на складе Стокена, у советника имелось в городе дело, никоим образом не связанное с сопровождением нового короля. Похоже, на мне висела настоящая причина его визита. Как же мал мир.

Я подошла к угловому столу и налила себе выпить. Маркус следил за тем, чтобы его конспиративные квартиры были хорошо укомплектованы. Думаю, он понимал, что людям, побывавшим в серьезной переделке, потребуется алкоголь. Вряд ли можно не согласиться с его логикой. Я плеснула бренди и Фелану с Квентином, а из своего бокала отпила одним глотком почти половину. Мне надо намного больше, чем Квентину. Он мог залечь на дно, чтобы остаться в живых, а для меня скрываться — не вариант. Мои проблемы только начались. Я осушила бокал. Квентин тоже сделал хороший глоток.

— Хранитель планировал убить Нукпану?

Я вздрогнула.

— У него много другой головной боли.

Фелан подавил смешок.

— Две очень важные вещи.

— Пока я не придумаю что-нибудь другое, давайте проводить операцию, исходя из предположения, что Нукпана удрал, — ответила я.

Квентин мгновенно насторожился.

— Проводить операцию? Мне не нравится, как это звучит.

В операции участвуем только мы двое. Квентин оглядел пустые стены.

— Дом конспиративный, правильно?

Я кивнула. По задумке Маркуса конспиративные дома и квартиры выглядели как нечто среднее между казармами и тюрьмой. Мой клиент имел изысканный вкус, но по своей практичности не видел оснований для декоративной отделки этих помещений.

— Вы сказали, я могу уйти ближе к обеду?

— Будь я на твоём месте, у меня бы не было такого страстного желания, — ответил ему Фелан. — Скорее всего, из-за тех гоблинов твоё имя знает каждый убийца Мермейи. К полудню за твою голову дадут солидную цену.

Квентин будет не единственным с надписью «Разыскивается» на плакатах. Фелан не упомянул меня. Я была признательна. А сама размышляла, а не налить ли мне ещё виски. Лучше не наливать. У меня было такое ощущение, что мне понадобится вся быстрота моих рефлексов, на какую я способна.

— За мою голову уже назначали цену, — ответил Квентин. — Никому ещё не удалось получить вознаграждение. Хотя... сегодня ночью они были близки к этому.

— Кринсани известны вовсе не нежными прикосновениями, — пояснила я. — Слышала, один кринсани может швырнуть что угодно, сравнимое с человеком или эльфом, чтобы просто посмотреть, добросит ли до дальней стены. Шаманы на балконе Нигеля были достаточно хороши, но там были не самые лучшие. И Сарад Нукпана не ожидал появления хранителей на складе Стокена. Сегодня ночью нам повезло дважды. А теперь может случиться осечка.

Квентину удалось сесть.

— Кринсани хотят, чтобы я испарился, скормить меня болотным жукам и перерезать мне горло. Я всего лишь хочу найти хорошую, глубокую норку на несколько дней, пока все не успокоится. — Он обвел взглядом комнату. — Вы уверены, что я не могу здесь остаться?

— Извини. Если надо, я знаю людей, которые могут тебя глубоко спрятать, но я предпочла бы, чтобы ты был там, где мы можем за тобой присматривать. — Я повернулась к Фелану. — Ты знаешь хорошую глубокую норку ненадолго?

Медленная улыбка, появившаяся на смуглом лице моего кузена, мне была отлично знакома и обещала только плохое. Если бы я его не знала так хорошо, по моей коже побежали бы мурашки. Я усмехнулась в ответ. Все-таки мы та ещё семейка.

— Знаю одно местечко, — ответил он.

— Я хочу без вас, — запротестовал Квентин. — Не желаю, чтобы вы меня ещё куда-нибудь впутали. Мне уже и так достаточно неприятностей.

— Никаких неприятностей, — заверил его Фелан. — Сплошное удовольствие. Ты не страдаешь морской болезнью, нет?

Квентин побледнел.

— Напротив, да, страдаю. И никакими коврижками вы меня не заманите на борт «Фортуны».

— А кто сказал хоть слово о «Фортуне»? Если меня сейчас ищут, то это первое место, куда они придут. Нет, я думаю о другом замечательном судне. И оно будет стоять в доке, поэтому ты сможешь запастись провизией.

Идея Фелана насчет замечательного судна могла означать что угодно, от галеона до мусоровоза. Но думаю, я знаю, какое судно он имеет в виду.

— «Флатус»? — Моя улыбка стала ещё шире. Мне нравится, как все идет.

Кузен кивнул.

— Я подумал, что он подойдет. Не беспокойся, Квентин. На «Флатусе» ты будешь в безопасности, как в руках своей матери. Тебя же не беспокоит запах дохлой рыбы, нет?

— Что за «Флатус»? — По голосу стало понятно, что он может туда пойти, ничего не зная.

Улыбка Фелана хранила много секретов.

— Там много всего. Этот корабль... Для начальника порта это рыболовная приманка. Ты же знаешь, маленькая рыбка используется для приманки большого количества крабов.

Квентин снова побледнел.

— Я знаком с этим.

— Судно названо в честь милоранского бога ветров. — Фелан усмехнулся. — И кто говорит, что я — невежа?

Глава 4

Фелан позаботится о Квентине. Моя задача — позаботиться о себе. Уже столько всего, чем мне не удастся управлять, и это только начало.

Как официальный представитель короны эльфов, Маркус Севелин обладал большими полномочиями, вплоть до оказания дипломатической помощи, которая мне могла понадобиться в ближайшее время из-за висящей у меня на шее вещички — вероятного источника инцидентов между королевствами. Но именно сейчас для меня была гораздо важнее помощь моего крестного. Маркус мог вытащить меня из неприятностей. Гарадин мог помочь мне остаться в живых.

Те, кому я досадила сегодня ночью, не пойдут по дипломатическим каналам, чтобы вернуть обратно то, что они считают своей собственностью. Теперь они могут направить стрелы прямо мне в спину. Как бывший маг Конклава, Гарадин мог мне что-нибудь рассказать о хранителе-эльфе. Я начинала осознавать, что они оба являлись ключом к моему дальнейшему существованию — если не жизни вообще.

Я отодвинула проблемы, связанные с Сарадом Нукпаной, на второй план. Слишком трудно решать все одновременно.

Комнаты Гарадина Уайна находились над магазином канцтоваров «Пергамент и чернила» на Локк-стрит, которая шла параллельно безымянному каналу квартала магов. Хотя крестный мог позволить себе жилье уровня Нигеля и имел хороший вкус, у него отсутствовали какие-либо особые требования. На Локк-стрит было все, что нужно было моему крестному на пенсии: бумага, чернила, табак, таверна, в которой алкоголь не разбавляли водой, и соседи, которые занимались своими делами.

Многие хорошие маги обосновались в Мермейе после выхода в отставку. Близко к острову Мид, но без бюрократии и политических дебатов, которыми он так утомлял. Владелец дома Гарадина сам лишь недавно переехал сюда. Его магазину приносили бешеный доход маги, уже покинувшие службу. Большинство из них были учеными, и им нужны были бумага и чернила для ведения записей своих исследований или корреспонденции. А еще он получал прибыль, предлагая переплетные услуги для завершенных работ.

Если кто-то хотел воспользоваться услугами мага (и имел деньги), Мермейя была именно таким местом, хотя следовало быть осторожным. Поверите или нет, многие практикующие магию были не совсем честны в оценке своих способностей. Я сталкивалась со всем — от откровенного шарлатанства, когда разыгрывали для убедительности целое шоу, до уставших от суеты магов — вроде Гарадина, — которые не хотели, чтобы их нанимал кто ни попадя, и преуменьшали свои способности. Но даже если вам удалось бы убедить их выслушать ваши предложения, скорее всего, у вас все равно не хватило бы золота, чтобы оплатить такие услуги. Гарадин задрал свои расценки непомерно высоко — просто для того, чтобы его не беспокоили.

Узкая улица между двумя магазинами на краю квартала магов выходит к каналу

Великого герцога — и кварталу гоблинов на противоположной стороне. Здания были построены из камня и блестящего мрамора, одновременно как темного, так и не поднимающего бодрость духа у посетителей. Уличные фонари давали тусклый голубой свет. Цвет был выигрышным для гоблинов, но коже любой другой расы придавал нездоровый оттенок трехдневного трупа. У следующего изгиба канала виднелась резиденция Мал'Салина, а рядом — посольство гоблинов. Мне не было нужды смотреть в ту сторону; я знала, что там сейчас. И, конечно, совсем не хотела приближаться к каналу. У меня с водой договор — я к ней даже не подхожу, а она меня не топит.

Я легко различала реющий над посольством гоблинов флаг. Мне не нужно было присматриваться. Герб дома Мал'Салинов представлял собой двух сплетенных в клубок сражающихся змей, увенчанных коронами. Вряд ли нашелся бы лучший вариант. Появление змеино-го герба на флаге означало, что в резиденции Сатрик Мал'Салин — и Сарад Нукпана вместе с ним.

Стоя в тени, я осматривала канал, и вдруг почувствовала сильную усталость. Слишком многое произошло ночью, и слишком мало понятного. Я посмотрела на отражение голубых ламп на поверхности воды, затем перевела взгляд на флаг Мал'Салина, развевающийся от ночного бриза, дующего на лагуну, — создавалось странное впечатление реальной битвы. Я сделала шаг к воде и вышла из тени, не отрывая взгляда от флага. Но тут же пришла в себя и резко отпрянула назад. Какого черта? Что я творю?

Я поспешила обратно к Локк-стрит, к Гарадину. Он должен быть дома, но если его нет, мне надо его дожидаться и попытаться найти какую-нибудь еду. Подобно большинству ученых, Гарадин в кладовке в основном хранил не продукты, а снадобья, чтобы не забродили, но, может быть, я смогу что-нибудь добыть, чтоб совсем не умереть с голода. Хотя обычно еда была так «искусно» приготовлена, что было лучше ее оставить другим. Мой крестный признавал, что талант к приготовлению пищи у него отсутствует, и большинство своей стряпни просто выбрасывал.

Мне не было и года, когда убили мою мать. Как ее самый близкий друг, Гарадин взял меня к себе и обнаружил, что столкнулся с не такой уж маленькой задачей воспитания маленькой девочки. Брат моей матери, его жена и его семья жили в Лаерине. Гарадину не потребовалось много времени, чтобы решить, что они лучше всего подходят для такой миссии. Дядя Рин был мореплаватель, почтенный бизнесмен и устроил свою жизнь очень хорошо. Но однажды Гарадин обнаружил, что дядя Рин, оказывается, считал мореплаванием то, что во всех семи королевствах называется пиратством. К этому времени я была достаточно большой, называла Лаерин домом и отказывалась переезжать. Дядя Рин, может быть, и пират, но он создал удивительно нормальную и моральную семью — или, скорее всего, это сделала моя тетя Дера. В этот раз, чтобы прийти к такому выводу, Гарадину потребовалось много времени.

Принимая во внимание все обстоятельства, думаю, что я получилась наполовину неплохой.

Узкая деревянная лестница от черного хода лавки канцтоваров вела к двери Гарадина. Я наступила сразу на третью ступеньку, пропустив первые две — они были сломаны. Те, против чьего визита Гарадин не возражал, знали это. Те же, чей визит был нежелателен, не знали. Это была своего рода сигнализация, если приходили незваные гости. Я постучала. Ответа нет. Гарадин обычно спал чутко — скорее всего, его нет дома. У меня были оба ключа — металлический и магический, — поэтому я могла войти. Охрана здесь превосходила любую самую новейшую защиту Нигеля. Мой крестный не держал ничего ценного, кроме своих секретов, но его тайны были дороже всего остального.

Гарадин занимал две комнаты: поменьше — для сна, побольше — для всего остального. Все остальное — в основном причудливые диковины, которые он коллекционировал многие годы. Мертвые существа — засушенные, в банках, в стеклянных контейнерах с прозрачными крышками — и чучела животных и птиц. Там же хранились книги и бумаги. Любая плоская поверхность в комнатах Гарадина была словно выставка.

Кому-то другому показалось бы, что в этом месте производили обыск, но Гарадин знал, что где искать, и не поздоровится тому, кто посмеет здесь что-нибудь передвинуть.

Массивные кожаные кресла знавали лучшие деньки, но до сих пор оставались мягкими и удобными. Для Гарадина комфорт был превыше всего. Я всегда любила эти комнаты. Когда была ребенком и проводила здесь все лето, мне всегда удавалась отыскать то, что казалось интересным. Сейчас все, чего я хотела, — это найти что-нибудь поесть и расчистить место, где можно сесть. Хотя сказать легче, чем сделать.

После тщательных поисков удалось добыть немного засохшего сыра и кусочек черствого хлеба, которые, как и кожа на креслах, знавали лучшие времена. Ничего другого я взять не рискнула, поскольку посчитала практически все несъедобным. Гарадин воду нигде поблизости не держал, но я знала, где он хранил эль. Это не совсем еда, но по крайней мере относится к пищевым продуктам.

Кресло и табуретка под ноги в углу у книжных полок давали мне свободный обзор входной двери. Я осторожно переложила бумаги с кресла на пол, обнажила меч и плюхнулась на сиденье. Кресло закрипело, когда я устраивалась. Как же замечательно сидеть, но будет еще лучше, если никто не попытается вломиться в дверь хотя бы в ближайшие пять минут.

Я отломил кусок хлеба и опустила его в кружку с элем, чтобы чуть-чуть размочить. В ожидании, пока он размягчится, чтобы не сломать себе зубы, я вытащила амулет из-под рубашки и снова его осмотрела. Профессия искателя дала мне некоторые навыки, и я приблизительно могла определить, чем являлся объект. Понятно, что я держала в руках — серебряный диск, но что он делал — совсем другой вопрос. Я знала, как это выяснить наиболее быстро, но самый короткий путь — часто не лучший и не самый безопасный. При свете огня на серебряной поверхности поблескивали выгравированные руны. Он был магическим — в этом я абсолютно уверена. Но зная того, кто был его последним владельцем — и кто хотел его заполучить, — это был, возможно, такой предмет, без которого я вполне могла обойтись. Открыть свой разум амулету, принадлежавшему прежде Нигелю, — это как сунуть руку в болотную трясику, просто чтобы почувствовать, каково там. Лишь тот, кто не в своем уме, может попытаться превратить подобные действия в привычку. Но вряд ли более одного раза.

Я не считала себя сумасшедшей, поэтому засунула амулет поглубже под рубашку. Если никто не скажет мне, что он делает, — или если все будет достаточно безнадежно, — я всегда могу полюбопытствовать позже.

Я поела, потом притащила одеяло и постаралась устроиться поудобнее. Лучше, конечно, поспать, но я не надеялась, что мне это удастся. Но меньше чем через минуту я не смогла открыть глаза.

Раздался голос, произносящий мое имя. Мягкий и успокаивающий, как шепот, он погружал меня в состояние между сном и бодрствованием. Я видела комнату Гарадина из-под опущенных ресниц, в полумраке. Впервые за сегодняшнюю ночь я ощущала себя в безопасности. Голос сочился сквозь стены и окна, поднимался из пола и опускался с потолка, окутывая меня теплом и успокаивая мои страхи. Он был низкий, бархатный, словно кто-то близко знакомый что-то таинственно нашептывает в ночной час. Я глубоко вздохнула и уютно закуталась в одеяло. Мое сердце билось в такт бессловесной песне. А в груди вдруг начало жечь.

Я резко выпрямилась, сердце билось мелкими толчками. Потянулась за амулетом. Он был горячим даже через рубашку. Я прислушалась. Ни голоса, ни песни, только мое прерывистое дыхание и звук шагов по ступенькам. Шаги затихли снаружи, за дверью. Поворот ручки — и одновременно с ним мое оружие выпорхнуло из ножен, а я вскочила на ноги. Я стояла, но оставалась в тени.

Кто-то открыл дверь, но внутрь не вошел. Очень осторожный тип. Хотя Гарадин научил меня всему, что я знаю об осторожности, я надеюсь, что у двери стоял он.

— Райни? — Этот голос обладал силой и мелодичностью. Голос моего крестного. Это

был не тот голос, который я только что слышала в полудреме. Его-то я теперь узнала — видимо, хранитель-заклинатель долго не ложился спать из-за меня. Но подумала, что мне не стоит обольщаться.

Я сделала выдох и сунула оружие в ножны.

— Я вошла самовольно. Надеюсь, ты не в обиде.

— Я и раньше не обижался. — Гарадин подошел ближе и кинул свой плащ на спинку кресла. — Сегодня ночью город гудит. Какой катастрофе я должен быть благодарен?

— Неужели я не могу просто прийти к тебе в гости?

Мой крестный был высокого роста, с приятной внешностью: глаза густого синего цвета, короткие рыжеватые волосы, борода и усы безукоризненно подстрижены. На этом вся его аккуратность заканчивалась. Его темная домотканая мантия снизу превратилась в лохмотья. Гарадин одевался так, чтобы ему было удобно, и все.

— Можешь, но не в такой час, — ответил он. — Особенно если ты так поздно не дома, вооружена сверх меры и раздражена. — Он помолчал. — Они?

Я предпочла не отвечать.

Такая же долговязая и тощая фигура показалась позади Гарадина, откинула капюшон своей мантии, обнажив знакомую копну темных кудрей, обрамляющих юное живое красивое лицо, которое совсем скоро станет причиной головной боли у женского пола, если уже не стало. Пиарас. Меня это встревожило. Странно, что внук моей квартирной хозяйки пришел сейчас с моим крестным. Конечно, Пиарас Ривалин был студентом Гарадина. Но этому молодому эльфу едва исполнилось семнадцать, и Тарсилия установила ему строгий комендантский час. Сомневаюсь, чтобы запоздалые посиделки в пивнушке с учителем могли расцениваться как научные изыскания.

Пиарас изучал пение заклинаний, и за его взрослением наблюдали все в нашем доме. Говорю «в нашем», потому что, когда живешь на верхнем этаже, в любом случае слышишь и испытываешь на себе все, что происходит вокруг. Мальчиком Пиарас демонстрировал признаки таланта, но с наступлением половой зрелости большие ноги стали не единственным препятствием, на котором он спотыкался. И все к черту вышло из-под контроля, с магической точки зрения, когда у него начал ломаться голос. Именно в этот момент появился Гарадин и сразу же завоевал огромную признательность всех соседей.

А для меня Пиарас был просто младшим братом, о котором я всегда мечтала.

— Будем беседовать с тем, кому давно пора быть в постели? — Я перевела взгляд с Гарадина на Пиараса. — Есть что-то такое, что мне следует знать?

Пиарас посмотрел на Гарадина, но тот не ответил сразу, а посмотрел на пустую тарелку на столе. На ней осталось несколько крошек.

— Извини, у меня не было ничего лучшего, чтобы тебе предложить, хотя, похоже, тебя и это устроило. Видя, как ты провела ночь, могу вообразить, что ты была голодна.

О доме Нигеля, кишасщем гоблинами, и сгоревшем дотла складе Саймона Стокена, должно быть, к этому времени уже судачат на каждом углу, и не факт, что мое имя при этом ни разу не упоминалось. Или, может, Гарадин предположил, что я в этом замешана. Предположение было не очень лестным, но проницательным.

— Худые вести не лежат на месте, — все, что я ответила.

— Тарсилия отправила за мной Пиараса в «Безумный волынщик», чтобы сообщить, что у тебя могут быть неприятности.

Я сделала шаг к свету. Гарадин и Пиарас посмотрели на мою одежду в пятнах крови.

— Вижу, что она была права, — сказал крестный. — Кто-то из твоих?

— Нет. Почему она подумала, что у меня неприятности?

Ответил Пиарас.

— Окнус Рансил с двумя гоблинами пытались вломиться в твою квартиру. Потом появились еще гоблины. Вот бабушка и отправила меня к Гарадину.

— Проклятие.

— А что касается часа и обстоятельств, я не хотел отправлять Пиараса домой, раз уж он

меня нашел, — добавил Гарадин.

Пиарас снял плащ и слегка улыбнулся мне.

— Он и бабушка разрабатывают план, чтобы снова меня защитить.

— Нет ничего плохого в том, что кто-то заботится о тебе, — возразила я. — Фелан в эту ночь оказался там, чтобы приглядеть за мной. А кто присматривает за Тарсилией? — обратилась я к Гарадину.

— Парри и Аликс были со мной в «Безумном волынщике». Они отправились к Тарсии, а я вернулся сюда с Пиарасом. Если ты во что-то глубоко вляпалась, я предположил, что первым делом придешь ко мне.

Иногда замечательно быть предсказуемой. Я немного расслабилась. Аликсин Торил была моей лучшей подругой — тоже искатель и одна из лучших дизайнеров женского платья в квартале магов. Парри Арни был ее приходящим любовником — и эмиссаром Конклава. Когда пришло время создать заклинание возмездия, он написал порядочную книгу. Если драка становится серьезной, большого милоранского мага хорошо иметь на своей стороне. Тарсия была в хороших руках. Окнус и остальные гоблины — нет.

— Мне показалось, что не самая лучшая идея направляться напрямик домой, — ответила я, — хотя я ни в коей мере не хотела, чтобы гоблины появились на пороге Тарсии. Были друзья Окнуса — шаманы и воины?

— Шаманы, — ответил Гарадин. — Кринсани.

Черт! Опять!

Он устроился поудобнее в дальнем углу, в своем любимом кресле, где, как ни странно, никогда не лежали бумаги, и раскурил трубку.

— И они казались полны решимости вломиться в твоё жилище. Видимо, все закончилось довольно быстро. Аликс встретила нас в квартале отсюда, просто чтобы сообщить, что ко времени их прибытия Тарсия уже держала ситуацию в руках. Она не позволила гоблинам проникнуть в твои комнаты, а Аликс и Парри оценили обстановку снаружи. Аликс сказала, что она и Парри останутся на ночь, на случай если шаманы попытаются организовать повторное представление.

— А что Окнус? — спросила я.

Окнус Рансил был гоблином невысоких магических способностей и при этом отъявленным негодяем. Несколько недель мы не пересекались. Любое противозаконное, аморальное или просто отвратительное действие, совершаемое в Мермейе, имело отпечатки пальцев Окнуса. В конце концов за эти годы бизнес примирил нас. Результаты порой грозили быть фатальными, но я все-таки склоняюсь к тому, чтобы поступать так и дальше. Интересно, Окнус не знал о вечернем собрании у Стокена или просто не получилось поучаствовать? Что касается его присутствия у дверей моей квартиры, эту вероятную возможность я должна была предусмотреть.

Улыбка распространилась по лицу Пиараса и достигла его больших карих глаз. Она была открытой, искренней и, как сам Пиарас, совершенно бесхитростной.

— Окнус не сильно пострадал. Бабушка позволила мне на нем попрактиковаться, после чего отправила за Гарадином.

Я ответила улыбкой. Как и я, Тарсия верила в важность практики. И если Пиарас нуждался в этом, она всегда охотно его поддерживала.

— Чем ты воспользовался? — поинтересовалась я.

Сквозь кудри Пиараса просвечивали кончики заостренных ушей. Они покраснели.

— Песней-иллюзией, которой меня на прошлой неделе научил Гарадин. Я подумал, что будет смешно заставить Окнуса думать, что твою дверь сторожит парочка верехаундов.

— И?

Улыбка Пиараса превратилась в задорную усмешку.

— Окнус принял их за настоящих и стал вызывать болотного кота, чтобы тот увел их за собой. Правда, сквозь его кота можно было все видеть, но в остальном он был не так уж плох.

— И что твои охотники сделали?

— То, что выглядело вполне естественным. Они съели кота. Поэтому Окнус и убежал.

— Жаль, что я такое пропустила.

Гарадин удовлетворенно кивнул.

— Классику не превзойти.

Крестный озорно улыбнулся мне. Я знала, что это означает. Песня-заклинание Пиараса была одной из новейших, а вызов реалистичных образов, настолько сложных, как верехаунды, требовал уровня таланта, который приходит с годами упорных занятий и практики. А Пиарас смог их создать. Легко. Его заклиняющий голос был удивительно глубоким, резонирующим, наполненным тихой мощью, и его невозможно было игнорировать. У юноши был поразительный природный дар, хотя еще требовались годы усердной работы и тренировок с правильным мастером по постановке голоса, который бы точно знал, чего здесь можно достичь. В мозгу мгновенно возник образ хранителя Конклава. Я прогнала прочь эти мысли. Пожалуй, это была не та мощь, владеющим которой мне хотелось бы видеть Пиараса.

— Потом бабушка почувствовала, что гоблины спрятались за булочной Майры, и отправила меня за Гарадином, — продолжил Пиарас. — Я хотел остаться помочь, но она настояла на своем.

— Тарсилия не сомневается в твоих способностях, — произнес Гарадин, — и я тоже. Но ей нужно было предупредить Райни. А шаманы Кринсани совершенно другие звери, это не Окнус. — Он посмотрел на меня и сощурил свои ярко-голубые глаза. — Постарайся объяснить мне причину твоей внезапной популярности?

— Не представляю, что здесь делал Окнус, но знаю, почему потом появились гоблины. Ты уже слышал, что произошло у Нигеля Никабара?

Гарадин медленно выдохнул, голубые клубы дыма поднимались к искристому потолку.

— Мы слышали. Дозорные, закончившие дежурство, остановились в «Безумном волыннике» выпить пинту-другую. Похоже, было большое сражение.

— Так и было.

— Ты была там. — Он произнес эту фразу не как вопрос. И я поняла, что это не вопрос.

— Фелан и я.

Уголки его рта изогнулись кверху.

— И он стал источником неприятностей?

— Нет, это Квентин. — Я замолчала. Чувствовала себя очень неуютно, рассказывая о побочном занятии Квентина в присутствии Пиараса. Он знаком с Квентином, поэтому уверена, это не будет большим потрясением, но я не могла избавиться от ощущения, что моя репутация запятнана. — Он был нанят, чтобы заполучить кое-что от Нигеля.

— Хочешь сказать, стянуть, — открыто уточнил Пиарас.

Гарадин мудро игнорировал мои усилия топтаться вокруг да около.

— Понимаю, он преуспел?

— К сожалению, да. Также, к несчастью, исчезли некоторые люди и не получили это «кое-что».

Я перевела дух, чтобы продолжить. Я подошла к тому, чтобы получить совет Гарадина. Но это невозможно сделать в одной комнате с Пиарасом. Ежедневное нарушение Квентином нравственных законов — не лучшая тема для обсуждения в присутствии чувствительного юного эльфа, хотя некоторые отклонения допустимы. А вот шаманы Кринсани и хранители Конклава, несущие смерть и разрушения — то есть то, во что превратился мой вечер, — совсем другое дело. Я не хотела, чтобы об этом услышал Пиарас. Знание того, что произошло ночью, для него может быть опасным, к тому же подробности того, что я делала, чтобы выжить, не для его ушей. Для некоторых парней такого же возраста, как Пиарас, моя работа могла восприниматься в чарующих красках. Это бы ничего, но... Однако принимая во внимание то, что произошло в нескольких кварталах от Тарсилии, допустить, чтобы Пиарас ждал снаружи, пока я разговариваю с Гарадином, не было безопасной альтернативой. Я

вздохнула.

— Как думаешь, сможешь ты встать в угол, заткнув уши пальцами? — Я шутила лишь наполовину.

Выражение лица Пиараса сказало многое о его отношении к такому предложению.

— Конечно, нет.

— Он много узнал об этом в «Безумном волынщике», — ответил Гарадин, поясняя, что понял мои сомнения, и просто подгонял, чтоб я поживее продолжала.

— Нет, не многое.

Гарадин остановился на середине затяжки.

— Так плохо?

— Давай просто скажем, чем меньше людей знают об этом, тем лучше.

Пиарас неуклюже сгорбился в дверном проеме, на полпути от хорошего настроения к угрюмому. К его чести, он не часто дулся. На самом деле, я не могла его осуждать. Я попросила его постоять в углу. Он знал, я не имела это в виду буквально, но смысл моей просьбы был вполне понятен. Я не считала его достаточно взрослым, чтобы слышать, что произошло сегодня ночью. Он таким и не был. По правде говоря, недостаточно взрослая даже я. Самым безопасным для Пиараса было полное и блаженное неведение. Если защитить Пиараса означало, что он должен страдать от унижения, стоя в углу, то так тому и быть.

— Извини, Пиарас. Но услышать больше положенного для тебя небезопасно. — Как и быть прямо сейчас где-нибудь рядом со мной, подсказал мой материнский инстинкт.

— Я никому не скажу, — ответил он.

— Знаю, что не скажешь. Я верю. Но доверие — не выход из положения. Для твоей же безопасности. Ты не сможешь рассказать того, чего не знаешь.

На его лице появилось смущение.

— Не понимаю.

Я колебалась. Здесь требовалась тактичность, которой я не обладала.

— Я не беспокоюсь, что ты расскажешь что-нибудь друзьям. Я думаю о тех, кто замешан в этом деле. Они обязательно захотят быть в курсе того, что здесь было сказано. А если они узнают, что ты был здесь, они могут спросить и тебя. — Я перевела дыхание. — И спросят не по-хорошему.

В выражении лица юного эльфа ничего не изменилось, но его темные глаза слегка расширились. Думаю, у него появилась идея.

— И сколько мне стоять в углу? — спросил он.

Я слегка улыбнулась.

— Не долго.

— Тебе необязательно стоять в углу, — ответил Гарадин. — Могу сделать так, что тебе необязательно будет закрывать уши. — Он сделал последнюю затяжку и отложил трубку в сторону. — В любом случае это не сработает. Тебе даже необязательно поворачиваться к стене, просто не читай по губам.

— Обещаю.

Гарадин кивнул.

— Вот и ладненько.

Я приставила к креслу Гарадина стул, и он забормотал быстрое заклинание, ограничивающее наши голоса в пределах наших тел. Это означало, что мы сможем вставать и передвигаться, но я сделала больше чем достаточно движений за одну ночь. Пиарас нашел книгу и, скрестив ноги, уставился на огонь, повернувшись к нам боком. Вдруг он стрельнул глазами. Любопытство молодости — непреодолимая сила.

Я рассказала Гарадину всю историю насколько можно короче и не пропуская ничего из того, что может быть важным, что означало, что я рассказала ему все. К счастью, это не заняло много времени, как я поначалу предполагала. Я пережила это однажды, и этого вполне достаточно. Когда я закончила, Гарадин некоторое время молчал. Как мне хотелось

надеяться, он поглощал информацию и сортировал. Я его не беспокоила. Когда он был готов, начал говорить:

— По твоему описанию хранителем и заклинателем может быть Микаэль Илиесор.

Да, я пришла в нужное место.

— Ты его знаешь?

— Знаю. Его назначили паладином хранителей после моего ухода.

Я впала в ступор. Значит, я дала по яйцам командиру хранителей Конклава.

— Что? — спросил Гарадин.

Я рассказала.

Гарадин хохотал до икоты, пока на лице не выступили слезы. Пиарас ничего слышать не мог, но защитное поле не скрыло от него истерический смех своего наставника, причем с моей подачи. Он ухмыльнулся.

Мне было трудно с ним согласиться.

— Ничего смешного! — громко произнесла я, повернувшись к Пиарасу, чтобы он мог прочитать по моим губам. Все только хуже.

— Мне жаль. — Гарадин икнул.

Скрестив руки, я сидела словно аршин проглотив.

— Что-то не вижу, что тебе жаль.

— Прости. — Он фыркнул в последний раз и вытер глаза. — Правда.

Я сидела как натянутая струна, собирая оставшиеся клочки оскорбленного достоинства.

— Итак, что ты о нем знаешь?

— Ничего плохого. Он был назначен лично архимагом. Юстиниус Валериан умеет находить хороших людей, плюс он всегда хотел навести порядок. Назначение Микаэля Илиесора паладином — это хорошее начало. Он один из лучших заклинателей на Миде и в высшей степени профессиональный целитель. Некоторые говорят, что он лучший и в том и в другом деле.

В отношении заклинателя уже знаю.

— Что еще?

— Паладин Илиесор чрезвычайно серьезен в работе. Он честный и не играет в любимчиков. — Гарадин снова усмехнулся, пока раскуривал трубку. — О взятке даже не думай. По слухам, парочка кесолианских магов попыталась, когда он только-только вступил в должность. Илиесор предложение не принял, но пригласил магов на экскурсию по темницам Конклава. Хочешь с ним познакомиться?

— Меньше всего. Просто сейчас я хочу найти хороших парней. Если они существуют.

Гарадин помрачнел.

— Гарантирую, что ни одного из них не зовут Сарад Нукпана.

— Знаю. Хочу утром кого-нибудь найти, кто сможет пролить свет на то, откуда Сарад Нукпана меня знает.

— Натраш? — Гарадин не скрывал своей неприязни.

— Да, собираюсь встретиться с Тэмом. — Мой голос звучал устало даже в собственных ушах.

Гарадин и я уже давно распахали эту почву. Я не осуждала его. Как мой крестный, он чувствовал, что имеет определенные обязанности. Одна из этих обязанностей состояла в том, чтобы защищать меня от неподходящих знакомств. Пара теплых и веселых воспоминаний подсказали мне, что Тэмнаис Натраш уже отнесен к определенной категории. Но иногда девушке нравится несоответствие в ее жизни. Я знаю, что делаю.

— Не возражаешь, если я взгляну на амулет? — Гарадин отложил трубку в сторону, раздраженный из-за Тэма, но в создавшейся ситуации старался осторожно выстраивать разговор со мной. Он знал, что на этом поле не мог победить.

— Вот почему я здесь. — Я полезла за пазуху и вытащила цепь. Серебряный диск на ощупь был гладким и на удивление прохладным. Странно, ведь он последние два часа находился в соприкосновении с моей кожей. Я подняла цепь и амулет над головой.

И тут же пожалела о содеянном, поскольку еле осталась в живых.

Я знала, что в комнате достаточно кислорода, но мои легкие не верили мне. Задыхаясь, я ловила ртом воздух, но ничего не помогало. Гарадин уложил меня на пол, чтобы я пришла в себя. Мой кулак с зажатым в нем амулетом било как в конвульсиях, и боль прострелила всю руку, будто металл сам вцепился в мою ладонь. Гарадин пытался разогнуть мои пальцы. Я хотела ему помочь, но мое тело — и амулет — жили какой-то своей отдельной жизнью.

Воздух был раскален, а комната вдруг стала тесной. Сквозь полуприкрытые глаза я видела над собой Гарадина и Пиараса. Были и другие, кто не мог здесь находиться. Они стояли бок о бок близко от меня, забрав то ничтожное количество кислорода, которое еще оставалось. Я не должна была их видеть, но я знала, кто они. Шаман Кринсани, Микаэль Илиесор, и чуть дальше Сарад Нукпана. Они знали, кто я, и вскоре узнают, где я нахожусь.

Я почувствовала, как Гарадин выдернул из моих пальцев амулет и надел цепь мне на шею.

Воздух посвежел. Присутствовавшие только что образы исчезли. Я судорожно сделала вдох и попыталась открыть глаза. В комнате было слишком светло. Я была в объятиях Гарадина. Одной рукой он держал меня за плечи, другую прижимал к своей груди. На месте соприкосновения с амулетом виднелся ожог. Пиарас был рядом со мной. Стало немного прохладнее. Мои легкие все еще пылали огнем, но теперь я хотя бы могла дышать.

Гарадин испытывал сильнейшую боль. Пиарас был напуган. Я — и то и другое.

Гарадин кивнул головой в сторону полки, размещенной у рабочего стола.

— Вторая полка, пятая колба, — с трудом выговорил он, стискивая зубы.

Пиарас поспешил выполнить просьбу. Я предпочла лежать и восстанавливать дыхание. Выбора у меня не было. Мое тело все еще жило своей жизнью, и я не была полностью уверена, что оно принадлежит мне. Мой крестный был ранен гораздо серьезнее, поэтому Пиарас принялся лечить в первую очередь его. На ожог он нанес целебную мазь и забинтовал руку Гарадина куском ткани. Затем то же самое проделал и с моей рукой.

Крестный прерывисто дышал.

— Не ожидал.

— Я тоже.

Сумев сесть без посторонней помощи, я держала амулет, чтобы Гарадин смог его изучить. Он не собирался снова до него дотрагиваться, и я не рисковала его снимать с шеи. Пиарас не мог слышать наш предварительный разговор, но он видел результат. Когда амулет обжег ему руку, Гарадин не смог поддерживать заклинание, блокирующее наши голоса. Боль может заставить сделать такое. Он не стал восстанавливать защиту, я не побеспокоилась ему об этом напомнить. Стоит ли закрывать двери конюшни, когда лошадей уже увели? Это чуть больше и чуть позже, чем нужно.

Серебряный диск мерцал при свете огня. Мне показалось, будто он даже гордился собой. Клянусь, я ощущала вибрацию, почти мурлыканье. Ну хоть один из нас счастлив! Я прислонилась спиной к боку кресла. Пол перестал качаться и выглядел устойчивым. Наверное, надо попробовать встать на ноги.

— Что думаешь? — спросила я Гарадина.

— Не знаю, — признался он, нисколько не смущаясь. — Я бы сказал, довольно древний и, судя по стилю и качеству работы, сделан эльфами.

— Может быть, из-за этого я ему так сильно понравилась?

— Маловероятно.

— А я надеялась.

— Предметы такого плана обычно не объединяются по принципу расы. Судя по его реакции на тебя и отличительным чертам тех, кто хочет его получить, я полагаю, мы можем прийти к выводу, что это магический талисман особого свойства.

— Полагаешь?

— Сарказм тебе не поможет.

— Пока амулет висел у меня на шее, ничего не происходило. И сейчас я практически

ничего не могу с ним сделать. Я не могу его снять. Я не хочу его хранить, но и не могу его никому передать на хранение, потому что он заберет мою жизнь. Кто же знает, что со мной происходит!

— Ощущаешь что-то новое?

— Немного.

— Как?

— С одной стороны, немного нервно. А когда Квентин попал в засаду, я не знала, кто ее там устроил, просто почувствовала, что она магическая и там беда. Таких способностей у меня раньше не было.

— Интересно.

Все были неправы, так описывая мою трудную ситуацию.

— Нет, не «интересно», — ответила я. — Но все-таки одно не дает мне покоя. Я просто хочу знать, что делает этот амулет и почему кринсани и хранители хотят его заполучить.

— Хранители Конклава? Здесь? — спросил Пиарас. Мне показалось, в его взгляде сквозило страстное нетерпение.

Великолепно.

— Простите. Я этого не слышал, — быстро исправился Пиарас. — Я ничего не слышал. — Он попытался подняться, неуклюже путаясь в своих длинных ногах. — Я сейчас пойду и встану в угол. Нет, даже лучше. Я выйду на улицу.

— Сидеть. — Наши с Гарадином голоса прозвучали в унисон.

Пиарас сел.

Гарадин вздохнул.

— Если ты услышал что-то насчет колдовства, мгновенно все забудь.

— Есть, сэр.

Сгорбившись, я прислонилась к ножке стула.

— Гарадин, ты был магом Конклава. Ты должен догадаться, что тот хранитель, — я бросила быстрый взгляд на Пиараса, — имя которого мы не называем, имел в виду, когда сказал, что «тот футляр и его содержимое касается только нас»?

Гарадин прислонился спиной к другой стороне кресла.

— У Конклава много интересов, и прошло слишком много времени с тех пор, когда я был на Миде. У меня еще сохранились связи, некоторым я вполне могу доверять. Дай мне порасспрашивать тут и там. Но тебе надо держать эту безделушку подальше от посторонних взглядов и быть осторожной.

— Я всегда осторожна.

Гарадин внимательно на меня посмотрел. Меня он знал хорошо.

— Насколько смогу, — добавила я.

— Ты собираешься сделать больше, чем можешь. Ты уже переговорила со своим лучшим клиентом?

Я поняла, что он имел в виду Маркуса. Совсем необязательно упоминать его имя в присутствии Пиараса.

— Пару часов назад я отправила ему записку с просьбой воспользоваться одной из его конспиративных квартир на пару дней. А после того, что ты рассказал мне о незваных гостях Тарсиллии, я думаю, эта идея еще лучше.

Гарадин покачал головой.

— Тебе нужно найти более безопасное место, чем у тебя есть сейчас. Мне совсем не нравится, что ты бродишь по городу одна.

— Я не «брожу» где попало, — ответила я. — Я знаю злые места этого города лучше всех, и тебе известно, что я чувствую, если кто-то играет втемную. Я работаю в одиночку.

— С тех пор как тебе пришлось носить на шее вот это, тебе нельзя без компании.

— Никто не может распознать, что он на мне висит. — Я неловко замолчала, вспомнив Микаэля Илиесора — ощущение его присутствия час назад было слишком реальным. Ни на

мгновение не сомневаюсь, что появление Гарадина и Пиараса прервало его соблазнительно-чарующую колыбельную. Если ему удалось меня усыпить, значит, он выследил меня здесь, и кто знает, где бы я проснулась. — За исключением моего знакомого хранителя.

Тут же вспомнила еще одну причину, почему так хотела поговорить с Гарадином. Я не хотела спрашивать при Пиарасе, но у меня не было выбора.

— Как много ты знаешь о Вратах?

Прежде чем ответить, крестный помолчал.

— У меня есть теоретические знания, но нет личной практики, хотя я знаю кое-кого из тех, кто обладает и тем и другим. — Его неприязнь к этой теме была видна невооруженным глазом. — Но не считаю их друзьями.

— Думаю, именно так кринсани попали в дом Нигеля сегодня ночью, — пояснила я.

Гарадин ничего не сказал, но я заметила, как он стиснул зубы. Пиарас слегка побледнел, если такое возможно. Не знаю, сколько он знает о Вратах, но совершенно уверена, что не так много, как Гарадин или я, и я не собираюсь заниматься его просвещением. Вокруг этой темы нужно ходить на цыпочках. Думаю, Гарадин в этом вопросе со мной солидарен.

Врата — это дыра в ткани реальности. Она не естественного происхождения. Все, связанное с Вратами, не естественно — ни с точки зрения закона, ни с точки зрения морали. Пройти сквозь Врата — словно шагнуть в дверной проем, только надо учесть, что выход с другой стороны может находиться в милях, а не в дюймах от входа. Теоретически, полагаю, возможно покрыть любое расстояние. Врата — удобный способ передвижения, если не принимать во внимание, чем приходится расплачиваться, чтобы ими воспользоваться. Магия самого черного сорта, питаемая ужасом, агонией, отчаянием и смертью — чем больше, тем веселее. Цена открытия Врат — один сумасшедший маг. К счастью, у меня не было удовольствия познакомиться с кем-нибудь достаточно сумасшедшим — во всяком случае, до сегодняшней ночи. Выглядело это так, будто Сарад Нукпана появился в темном проходе прямо из ничего.

— На Квентине был камень слезки, поэтому я видела все, что он делал. До того, как он открыл футляр, гоблинов в доме не было. Квентин клянется, что они просто появились из воздуха. Я не захотела его пугать своими догадками, как это произошло. Сегодня ночью его и так достаточно сильно потрепало.

— Обычный шаман не сможет пройти через Врата, — сказал Гарадин, — а тем более в одиночку создать и открыть их.

Я засопела.

— Не могу назвать гоблинов, бегущих сегодня ночью вокруг особняка Нигеля, обычными. Сарад Нукпана определенно способен создать и открыть Врата, и, принимая во внимание других гоблинов, появившихся в саду Нигеля с храмовыми стражниками, Нукпана, скорее всего, почувствовал, что должен быть лично на месте событий, чтобы защитить свои интересы.

Гарадин поднял одну бровь.

— Других гоблинов?

— Других гоблинов, одетых в дорогие доспехи. Думаю, они все были у дома Нигеля по той причине, что висит на моей шее.

— Кто они были, как ты думаешь?

Я пожала плечами.

— Сарад Нукпана работает на нового короля. У короля есть брат, которого он недавно просто отправил в ссылку. Ходят слухи, что младший брат несчастлив в своей новой жизни и старается использовать любую возможность, чтобы как можно сильнее насолить старшему. Принц может, безусловно, позволить себе снарядить своих сторонников так хорошо. А вот почему все они хотят заполучить то, что есть у меня, даже не представляю. Соперничество между братьями? Мсть? Кто их знает.

— Тебе надо это выяснить.

Я села и шумно вздохнула.

— Спасибо за подсказку. Это как раз одна из причин, почему я хочу сегодня утром встретиться с Тэмом. У него большой опыт в политических играх и информация из первых рук об интригах при королевском дворе гоблинов.

Во взгляде Гарадина появилось беспокойство. Не знаю, этот взгляд стал таким, потому что Тэм играет в политику и занимается интригами при дворе, или потому, что политические игры и дворцовые интриги вовлекли меня в свои грязные дела.

Он наклонился вперед.

— Думаю, ты здесь не останешься?

Я покачала головой.

— Конспиративные дома и квартиры Маркуса хорошо защищены от вторжения через Врата. И если кринсани нападут, у меня будет достаточно времени, чтобы смотать удочки.

— Мне это не нравится.

— Нас таких уже двое.

Глава 5

Пойти домой — это хорошо звучит теоретически, но в реальности это может привести к тому, что тебя убьют.

То, что я иду домой, не означает, что я собираюсь там остаться. Совсем наоборот. Я хочу, чтобы кто-нибудь из тех, кто мог за мной следить, увидел, что я там была и потом ушла — с багажом. Мне действительно нужно забрать кое-какие вещи. Если бы у меня было все необходимое, я не вернулась бы домой до тех пор, пока не была бы уверена, что не принесу с собой неприятности.

Гарадин настаивал на том, чтобы проводить нас с Пиарасом. Естественно, я согласилась. Этим утром у меня не было проблем с компанией. Мне нужно позаботиться о безопасности Пиараса, и если кто-то решит за нами последовать с не вполне благородными намерениями, будет замечательно, если противостоять всему, что бы нам ни угрожало, и защищать Пиараса придется не в одиночку.

Еще одну проблему я решила, надев один из старых плащей Гарадина. От плаща несло табачищем, зато он прикрывал на моей одежде гоблинскую кровь. По правде говоря, жители Мермейи повидали всякое и ко многому привыкли. Но даже засохшая, кровь гоблинов имеет тенденцию привлекать внимание, особенно на одежде эльфа. Когда кровь свежая, она такого же цвета, что и у эльфов. Но когда высыхает, то становится яркой, а если на вашей одежде алая кровь, ее не спрячешь. Я никак не успевала вымыться. Сейчас бы отмокнуть как следует в горячей воде, но времени не было совсем. К тому же, если кринсани или хранители меня поймают, я бы предпочла не оказаться в корыте в такой момент.

Втроем мы перешли по Деревянному мосту и вступили в деловую часть квартала магов. Солнце только-только начинало подниматься над лагуной, потому было еще темно. Те, кто уже проснулся и вышел на улицу, были слишком заняты своими делами, чтобы обращать на нас внимание.

Я прожила в Мермейе десять лет из своей тридцатилетней жизни, и значительную часть этого времени я называла квартал магов домом. Можно предположить, что эльфу находиться среди представителей своей расы гораздо комфортнее, но на самом деле это не так. Думаю, это можно объяснить особенностями моей семьи. Все они воры: будь то пират с корабля или конокрад — все равно одна профессия. Эльфы, имеющие древние корни, увешивают свои галереи портретами предков. У Фелана была коллекция плакатов с пометкой «Разыскивается», и он так же гордился своей коллекцией, как будто заплатил за нее баснословные деньги изощренному королевскому художнику, получающему за свои работы огромные гонорары.

Многие знатные семьи создали свои начальные капиталы практически таким же способом, как и семья моего дядюшки, но они смахнули это под ближайший небинский

коврик. Мои же родственники почти гордились своими делами. Может, они и преступники, но, по крайней мере, они в этом честны. В результате большинство членов благопристойного эльфийского общества не очень-то жалуют мою семью. Но то, что я знаю о большинстве благопристойного эльфийского общества, позволяет мне чувствовать себя как рыба в воде.

В желудке заурчало. Громко. На рассвете у него возникают определенные ожидания. Например, что его наполнят. Ожидания не оправдались, и желудок звучно стал выражать свое неудовольствие. Пекарня Майры стояла на пути домой, и я не видела причины, почему бы нам не остановиться и не перекусить сладеньким. Знаю, Тарсилия не будет против, если мы и домой принесем немного, и это поправит наше с Гарадином самочувствие. Нет ничего лучше горячей румяной плетеной булочки, посыпанной сахарной пудрой, чтобы правильно начать утро. Это и можно было найти в пекарне Майры.

Майра Такис начинала свою карьеру как маг Конклава, но променяла все на более спокойное существование хозяйки собственной пекарни. Все, кто жил в нашем районе, были благодарны ей за такой выбор. Аромат сладких булочек Майры ранним утром будил многих. Пекарня была также популярна и у городского дозора. К счастью, в этот момент у Майры не было никого из них. Иначе мне было бы тяжело объяснить происхождение пятен гоблинской крови на своей одежде.

Пиарас вошел в булочную, а мы с Гарадином остались ждать на улице. Я улыбнулась и помахала рукой Майре через окно. Она тоже улыбнулась и в ответ поманила рукой, приглашая войти, но вдруг ее улыбка застыла. Я опустила глаза и плотнее закуталась в плащ. Несомненно, переодеться обязательно надо. Я снова перевела взгляд на булочную. Помощник Майры что-то рассказывал Пиарасу, а тот смеялся. Если на него сейчас посмотреть, ни за что не догадаешься, что всего лишь пару часов назад только силой своего голоса он практически создал почти настоящих верехаундов.

— Ты или Тарсилия уже разговаривали с его родителями? — поинтересовалась я у Гарадина. Родители Пиараса жили в Рине, но отправили его в Мермейю к бабушке — обучаться пению заклинаний.

Гарадин отрицательно покачал головой.

— Тарсилия сказала, что он начинает ее беспокоить, — сказала я. — Тебе нужен план, что делать с ним дальше.

— Знаю. — Легкая улыбка скользнула по его губам. — Я предложу ему поучиться на Миде, у Ронана Кайла.

Я даже не могла скрыть, насколько шокирована и поражена. Все знают, что маэстро Ронан Кайл — это легенда, и он обучает только будущих легенд. Также всем хорошо известно, что он выпустил лучших заклинателей острова Мид, и Конклав обратил на них внимание.

— Пиарас настолько искусен?

Улыбка Гарадина стала еще шире, он был горд.

— Настолько искусен.

— Маэстро Кайл за последние три года не взял ни одного студента.

— Пять лет, — уточнил Гарадин.

— Ты его уже спросил?

— Две недели назад я отправил сообщение. Я знаю Ронана со времен моей работе в Конклаве. Моя рекомендация по крайней мере должна дать мальчику возможность прослушивания до начала занятий следующего семестра. Хотя я не беспокоюсь. Как только Ронан услышит Пиараса, сразу его возьмет. Но я хотел дождаться ответа, а уже потом написать его родителям. Чтобы не вселять надежд раньше времени.

Прослушивание значило гораздо больше, чем многие представляли. Однажды Гарадин сказал мне, что Ронан Кайл ничего не ожидает от не теряющих надежды студентов, годами морозящих свои пятки под стенами его цитадели. Так как большинство из них желали всего лишь удовлетворить свое эго, они терпеливо ждали. Я не хотела бы видеть Пиараса в такой компании. Я знала, что с таким талантом, как у него, ему не место в аптекарской лавке, и,

конечно, я не могла представить его выводящим колыбельные песни испорченным детям в семьях аристократов или поющим, вместо рябого лорда, любовные песни под окнами благородной леди. Фу, какая гадость! И к тому же мне не нравится, что буду реже видеть Пиараса, хотя остров Мид расположен недалеко и у моей семьи достаточно кораблей, многие из которых до сих пор отваживаются становиться на якорь у берега Мида без пригласительного залпа пушки.

Пиарас вышел из булочной с пакетом в одной руке и наполовину съеденной сахарной булочкой в другой. От масляного запаха выпечки мой желудок заворчал. Пиарас услышал и криво усмехнулся.

— Мой тоже. — Он надкусил другую булочку. — Прости, не могу ждать, — сказал он с набитым ртом и открыл пакет. — Поскольку бабушке мы парочку оставим, не понимаю, почему бы нам не угоститься сейчас.

Мы с Гарадином присоединились без дальнейших уговоров.

Минта-роу, где была расположена аптекарская лавка, была проторенным путем, и по большей части тех немногих, кто мог увидеть меня, я не опасалась. Но сегодня утром я не собиралась рисковать. Как Гарадин, я ценю возможность быть незаметной. И как Гарадин, я почему-то все равно привлекаю внимание нежелательных элементов, которых не заботит, что я бы предпочла, чтобы никто не лежал в засаде, когда я иду домой.

Мы скользнули с Казин-стрит, быстро пересекли мостки через неторопливый старый канал и нырнули в узкий переулок, бегущий позади вереницы домов Минта-роу. Когда у меня нет ощущения безопасности, этот путь — лучший, чтобы попасть домой. По крайней мере, это снижает вероятность засады. Переулок был очень узок, и Тарсилия сохранила его совершенно пустым. Если хочешь пробраться домой, то чем меньше препятствий на пути, тем лучше. Тем несколькими окнам, что выходят в переулок, недоставало правильного угла, чтобы можно было выпустить оттуда арбалетную стрелу или бросить метательный нож в цель. Очень удобно для девушки, которая хочет попасть домой после долгой бессонной ночи.

Или для магической квартирной хозяйки, ожидающей ее возвращения.

Тарсилия Ривалин стояла на пороге открытой задней двери в ее лавку, мой бело-черный кот Борис уютно спал у нее на руках. Борис любил Тарсилию больше, чем меня, ведь и видел он ее чаще, и, насколько я знаю, она никогда его не поджигала. Эльфийская женщина-маг и мой кот смотрели на меня с одинаковым выражением в их зеленых, как листва, глазах. Думаю, что мои поступки могут шокировать кого-то одного из них. Но чтобы повергнуть в шок обоих — тут нужно постараться. Тарсилия, как и многие люди, которых я знала в квартале магов, — люди с прошлым — просто предпочитали оставлять его там, в прошлом.

Пиарас чмокнул бабушку в щечку и рванул в лавку мимо нее, чтобы она не успела его остановить. Я знала, что мне так легко расспросов не избежать, но и ему не выкрутиться. Она припрет его к стенке позже.

Тарсилия была старше Гарадина. Насколько старше, я не знаю и ни разу не удосужилась спросить. Я буду счастлива, если доживу хотя бы до половины ее возраста. Стройная, худощавая, с едва намечающимися морщинками, Тарсилия, видимо, была сногшибательно эффективной в молодости. Мужчины всех возрастов до сих пор поворачивают головы ей вслед. Должно быть, отличительная черта семьи Ривалин.

Она сделала замечание по поводу кровавых пятен на моей одежде.

— Тяжелая ночь?

— Можно сказать, да. Пиарас сообщил, у тебя были гости.

— У меня гостей не было, — ответила она. — У тебя. Никто не вошел, но это не значит, что они не попытаются счастья снова.

Того, что непрощенные гости хотели найти, у меня дома не было, но мне все равно не хотелось, чтобы они сюда проникли. В данном случае незваный гость был более силен, чем мощь моей защиты, но мимо Тарсии ничто и никто не проскочит. Может быть, она худенькая, может быть, она пожилая, но лично я не рискнула бы переходить ей дорогу.

— Аликс и Парри до сих пор здесь? — спросил Гарадин.

— Только что ушли, — ответила Тарсила и повернулась, чтобы войти в дом. Ее длинные, до талии, седые волосы были заплетены в косу. — Аликс скоро должна открывать свой магазин, а поскольку она была на посту всю ночь, то захотела немного отдохнуть.

Гарадин и я последовали за ней. Я закрыла дверь, задвинула засов и приложила ладонь к замку, чтобы реактивировать защиту, поставленную Тарсией. Тот, кто доверяет тебе настолько, что ты знаешь его защиту, доверяет тебе многое. Мое движение не ускользнуло от нее.

— Чувствуешь себя не в своей тарелке? — Она совсем не деликатно потянула носом. — Полагаю, что ты испытываешь на себе воздействие крови гоблина.

— И шаманы были у тебя на пороге.

— Распахни плащ. Посмотрим, насколько все плохо.

Я сделала, как мне было сказано.

— Твоя кровь тут есть? — спросила она.

— Нет.

Тарсила сбросила Бориса на ближайший стул и вытащила тканевый мешок из-под своего рабочего стола. Она протянула его мне.

— Когда поднимешься наверх и приведешь себя в порядок, положи в него ту одежду, которую нельзя спасти. Моя последняя партия товара прибыла уже испорченной. Вонь оттуда скроет все. А после обеда как раз должен прийти Том — собрать кое-какие вещи, чтобы их сжечь. Он обо всем позаботится.

Я ее просто любила.

— Спасибо, Тарсила.

Она пожала плечами на мои сантименты.

— Вряд ли нужно оставлять разбросанные повсюду улики, чтобы их нашли следующие гоблины, которые нанесут нам визит.

— Будем считать, им больше не захочется.

— Ты надеешься на это?

— Да нет.

— Хорошо. Терпеть не могу видеть тебя огорченной.

Она закрыла дверь, ведущую в лавку. Но необходимости беспокоиться не было. У Пиараса уже было достаточно идей по поводу того, что происходило.

Она пристально посмотрела на меня своими зелеными глазами.

— Ну, и почему шаманы Кринсани надумали нанести тебе визит во втором часу ночи?

— У меня есть то, что они хотят.

— В твоих комнатах?

— Нет.

— На тебе?

— Да.

— Ты хочешь им это отдать?

— Не могу.

— Тогда у тебя проблема.

Вынуждена была с ней согласиться:

— Да, реальная.

— Хочешь рассказать?

Я мгновение подумала. Меньше всего я хотела втягивать любимых мною людей в неприятности, в которые сама уже вляпалась. Чем меньше людей со мной в этом деле, тем лучше. Пиарас знал кое-что, но недостаточно, чтобы у него были неприятности. Но то, что знал Пиарас, Тарсии будет известно в самое ближайшее время. Инквизитор Конклава — ничто по сравнению с Тарсией, когда она считала, что ей что-то надо выяснить. Она была безжалостна. С другой стороны, она могла реально помочь. Подобно большинству магов в этом районе, Тарсила прошла школу Конклава и провела достаточно времени на острове

Мид в молодые годы. Она много на эту тему не говорила, но я знаю, она не научилась играть в грязные игры.

— Не переживай, неприятности меня не пугают, — произнесла Тарсила, как будто прочитала мои мысли. А что, может быть, и прочла. — В течение долгого времени я выживала в ситуациях, от которых мне следовало держаться подальше. Сегодня ночью число моих врагов увеличилось. Те кринсани знают, где я живу. Если они захотят как-то мне навредить, они знают, где меня найти.

Такое заявление беспокоило бы меня, исходи оно от кого угодно. Но Тарсила — не кто угодно. Если шаманы умные, обратно они не вернуться.

— И если мне повезет, они дадут мне еще один шанс, — сказала она с почти дьявольской ухмылкой.

А что, если они самоубийцы?

— Тарсила, просто она — не очень хорошая квартирантка, — произнес Гарадин. Он улыбнулся и закинул руку мне на плечо, приобняв. — Тебе следовало выгнать ее давным-давно. Или вообще не стоило ее пускать на квартиру с самого начала. — Он поцеловал меня в макушку. Я услышала в его голосе гордость. — Она сама по себе плохая, а находится рядом с ней — еще хуже.

— Конечно, так и есть, — в тон ему ответила моя квартирная хозяйка. — А почему ты думаешь, что мне эта девчонка нравится? Когда доживешь до моего возраста, будешь волноваться по любому поводу. Присутствие Райни в моем доме не дает мне застаиваться. — Она повернулась ко мне. — Ты уверена, что не хочешь сказать, что же происходит?

Я вздохнула и вытащила из-за пазухи амулет. Металл под моими пальцами был теплым и блестящим, будто хотел заглазить все, что было ночью. Я разжала пальцы, и он повис на цепочке. Словно обыкновенное новое украшение.

Тарсила потянулась за амулетом. Я отпрянула.

— И не думай, — предупредил ее Гарадин.

— Почему?

Гарадин и я показали свои забинтованные ладони.

Тарсила опустила руку.

— Хороший довод.

Она подошла ближе, чтобы внимательно изучить амулет. Я поворачивала его так, чтобы она могла рассмотреть обе стороны. Амулет вел себя безукоризненно.

— Невзрачная вещица, — заключила она.

— Это украшение совсем не в моем вкусе.

— Как же оно к тебе попало?

Я вкратце сообщила ей о событиях прошлой ночи, и рассказ получился вполне связным, поскольку теперь я его повторяла.

— Если они охотятся за этим амулетом, то наверняка вернуться, — сказала Тарсила, когда я закончила.

У меня затеплилась надежда.

— А ты знаешь, что это?

— Ни малейшей зацепки.

Полный крах.

— Спасибо.

— Очевидно, что он что-то делает, — сказала она. — Безусловно, он не такой уж красивый, чтобы носить его по любому поводу. Принимая во внимание, какое расстояние преодолели те, кто хочет его получить, я бы сказала, что он имеет практическую цель. Ты точно уверена, что не можешь его снять?

— Не могу, если хочу дышать. Это означает, что если кто-нибудь заберет амулет, то только вместе со мной. А я не собираюсь никуда идти с кем-либо, особенно туда, откуда сбежала прошлой ночью.

Тарсила помолчала, раздумывая.

— Если к этому делу подключились хранители, значит, есть реальное основание, что в этом участвует Кворум Двенадцати.

Прозвучало довольно веско. Это серьезно, но хорошего здесь мало. Кворум Двенадцати — это название было дано двенадцати самым могущественным магам, которые составляли управляющий совет Конклава. Не совсем те люди, внимание которых я хотела бы привлечь. Я посмотрела на Гарадина. Он согласно кивнул. Великолепно.

— Итак, я знакома с человеком, который должен знать, что это за штуковина и что она делает, — произнесла Тарсилия. — Правда, прошло более двадцати лет, как мы виделись.

— И кто это? — спросил Гарадин.

— Юстиниус Валериан.

Мой крестный выглядел так, как будто его оглушили. У него был тако-о-о-ой взгляд...

— Ты была студенткой архимага? — поразился он.

— Нет, какое-то время мы были партнерами по бизнесу. И еще я с ним спала.

Моя челюсть отвисла, и я даже не попыталась вернуть ее на место. Один человек имел абсолютную власть над островом Мид и над каждым, живущим на этом острове. Архимаг. И Тарсилия спала с ним!

— Примерно пять лет, — добавила Тарсилия. — Секс, вот так вот. Бизнес-партнерство прекратилось задолго до личных отношений. Мы просто не смогли согласиться друг с другом.

— «Согласиться друг с другом» звучит просто потрясающе, — заметила я.

Тарсилия подмигнула.

— Это соглашение другого рода, дорогая.

Гарадин пришел в себя гораздо быстрее, чем я.

— Как думаешь, он тебя помнит?

Она бросила на него недвусмысленный взгляд.

— Гарантирую.

Это было больше того, что я когда-либо хотела узнать о моей квартирной хозяйке.

— Было бы любезно с вашей стороны добыть информацию об этом ошейнике, — как можно дипломатичнее предложила я, — и как можно быстрее. У меня времени уже не осталось. Да еще и хранители. Они берут ордера у Юстиниуса Валериана. Если он хочет амулет, его хранители просто притащат меня обратно на Мид вместе с амулетом. Давайте подумаем, что мы можем сделать, чтобы они до меня не добрались.

Тарсилия пожала плечами.

— Думай сама. Но пока ты не избавишься от этого брелка, все будет крутиться вокруг тебя.

— Ничего не будет крутиться, потому что я не собираюсь здесь оставаться, — ответила я. — Кринсани появятся там, где я живу. Когда продемонстрирую всем, что я смываюсь, то заберу неприятности с собой.

Тарсилия разозлилась.

— Ты собираешься дать себя поймать шаманам за пределами твоего дома?

— Временно, — уверила я ее. — Я не могу позволить, чтобы кринсани опять пришли ночью, не могу подвергать опасности тебя и Пиараса. Не беспокойтесь, все будет нормально.

Тарсилию мой ответ не убедил, поэтому она решила прекратить разговор. Но я знала, что на этом она не остановится.

Мои комнаты, расположенные над лавкой Тарсилии, были маленькими, но я предпочитала думать, что они уютные. Уют также имеет дополнительное преимущество — меньше убирать. Я никогда не любила беспорядок, поэтому вся мебель и разные безделушки находились там только потому, что были мне необходимы или просто я так захотела. Полупустая обстановка, как только я открою дверь, сразу мне покажет, был ли кто-нибудь там за время моего отсутствия. Все, чем я владела, имело свое назначение и место, и если оно было сдвинуто, я сразу узнаю.

Ничего не было сдвинуто.

Поскольку я Бенарес, я знала толк в изящных вещах и не видела причины, почему должна от них отказываться. Ничего ужасно дорогого, просто приятное глазу. Если мне нравится держать ноги в тепле, то почему бы мне их не греть на небинском коврикe или двух? Один купила я, другой принес мне Фелан. Я знала, откуда взялся мой, но затрудняюсь сказать то же самое о подарке Фелана. Что касается интерьера, я предпочитала ткани теплых оттенков и мебель темного дерева. А как-то раз Маркус Севелин расплатился со мной чудесной картиной, которой я часто восхищалась в его офисе. Это было изображение покрытых туманом руин замка. Не самый радостный пейзаж, но мне он нравился.

Эти комнаты были моим домом. Я была вынуждена отсюда уйти, и это меня злило. Все, чего я хотела сейчас, — чтобы кто-нибудь помог мне снять амулет.

Тарсила поднялась наверх со мной — она сама себя назначила в это утро моим телохранителем. Пиарас остался внизу — открывать лавку. Гарадин сразу ушел, я обещала ему, что отправлюсь на одну из конспиративных квартир Маркуса. Я не собиралась обманывать, поскольку была уверена, что в течение дня доберусь до места. Мне нужны ответы, а ответы трудно найти, если ты прячешься. Меня и в лучшие времена, даже с большой натяжкой, нельзя было назвать колдуньей — с амулетом или без него.

Борис потерял о мои ноги и бегом помчался к своей корзине около камина — без сомнения, чтобы убедиться, что его любимые игрушки все еще там. Довольный, он начал теревить старое одеяло, которое я постелила в корзину. По крайней мере один из нас собирался немного вздремнуть.

— Ты можешь взять к себе Бориса на несколько дней? — спросила я у Тарсилы. — Я не хочу его оставлять здесь, вдруг кто-то всерьез будет ломиться?

Моя квартирная хозяйка пожала плечами.

— Он останется со мной столько, сколько потребуется. Ты собираешься наложить печать на двери и окна, когда уйдешь?

Я не подумала об этом. Мне не нравилась мысль, что кто-то может наведаться в мои комнаты, и защитная песня-заклинание просто не позволит никому даже подумать, что внутри можно пожить чем-нибудь ценным, — ведь амулет тихо висел у меня на шее.

— Не думаю. На самом деле никто и не ожидает, что я останусь здесь. А если меня здесь не будет, никто больше сюда не приползет. Ну, может, Окнус, тогда просто натрави на него Пиараса.

— Ты знаешь, как испортить настроение старой женщине, не так ли?

Я направилась в спальню переодеться и собрать необходимое на ближайшие несколько дней. Все на своих местах. Я посмотрела на туалетный столик. Мое единственное зеркальце было там, где я его оставила, — лицевой стороной вниз. Когда надо переместиться из одного места в другое, Врата — не единственный аналог входной двери. При крайней необходимости могут работать зеркала, и некоторые маги специализируются на заклинаниях через них. Мое зеркальце было маленькое и не висело на стене. Я заранее исключила возможность проникновения через большое настенное зеркало.

Я постаралась снять как можно осторожнее свою окровавленную одежду. Кожаная куртка мужского покроя восстановлению не подлежала. Рубашку можно было постирать, но я не намеревалась оставаться и устраивать здесь стирку, поэтому рубашку придется выкинуть тоже. Все остальное можно было спасти. Я не собиралась отправлять счет в посольство гоблинов, чтобы мне выплатили компенсацию за мою любимую куртку, хотя и могла бы так сделать — по-моему, неплохая идея. То, что я только что узнала от Тарсилы, давало мне уверенность в том, что у меня будут другие возможности для таких контактов.

Я выбрала голубую рубашку и мой любимый коричневый кожаный камзол. Любимый, потому что в нем между кожаным верхом и подкладочной тканью были вшиты стальные кольца. Это нельзя было назвать кольчугой, но те колечки не раз спасали мою шкуру. Рукава камзола тоже кожаные, так что в них было удобно прятать то, что без чего я не могла покинуть свое жилье, — пару узких кинжалов в ножнах на предплечье. По некоторым причинам они тоже были моими любимыми. На камзол я пристегнула ремень, приспособив

за спиной пару коротких мечей. Они идеально скрывались под плащом, и ими прекрасно можно было орудовать в тесном пространстве. Теперь я ощущала себя достаточно хорошо вооруженной, чтобы направить свои стопы за дверь.

— Как близко смогли подойти шаманы? — спросила я Тарсилию через полуприкрытую дверь спальни.

— Близко, насколько мне было нужно. Эти двое были свежи, как только что из печи. Аликс, Парри и я по очереди стояли на карауле. Было замечательно, что они находились рядом, когда незваные гости зашли на огонек.

Я отыскала две чистые рубашки и положила их в ранец к остальным вещам.

— Он пришел сюда с Аликс?

— Конечно. Но он сказал мне, что собирался только проводить ее домой. — Она усмехнулась. — Он может держаться высокомерно и важничать, но он не джентльмен.

Я улыбнулась и потуже затянула кожаный ремень на ранце.

— Думаю, это в нем и нравится Аликс.

Я вышла из спальни и, швырнув мешок с испорченной одеждой к другой двери, плюхнулась в кресло. Борис решил, что теперь я готова с ним пообщаться, и, немного поспев, просунул голову мне под руку, требуя, чтобы его погладили. Я подчинилась.

— Влюбленная парочка, — заключила Тарсия.

Я знала, что она имела в виду не меня с котом. К ее чести, больше она ничего не говорила и не бросала в мою сторону многозначительных взглядов. В это мгновение даже я могла прочесть ее мысли. Вне зависимости от того, чего Тарсия хотела для меня, реальную ситуацию не исправить. Мужчины, которых привлекала я, не имели ни съемных комнат, ни собственных домов. У них имелись берлоги. Или жили они в островной крепости и совершали путешествия из темницы в темницу.

История моих взаимоотношений с противоположным полом была не без темных пятен. Любой из моих предыдущих романов развивался под влиянием моей фамилии. Среднего не дано: мужчины или бежали в горы, когда узнавали, кто моя семья, или просто использовали меня, чтобы приблизиться к моему дяде. Изнеженные мальчики либо мерзавцы — вот кто был в прошлом, и я не хотела еще одного такого же. Я усмехнулась, вспомнив несколько забавных ситуаций. Кое-кто из тех мерзавцев поначалу был не так уж плох.

Тарсия взяла булочки с собой, когда мы поднимались наверх. Одну она уже с хрустом уплетала. Она могла жевать весь день и никогда не прибавляла в весе. Мысль о еде кое-что мне напомнила. Я с ворчанием вздохнула.

— Что такое? — спросила Тарсия.

— Собиралась встретиться сегодня с Аликс — перекусить.

— Думаешь, что она забыла?

— Нет, боюсь, что вспомнит. Из-за того, что произошло, ей лучше не высовываться. Я не хочу привлекать больше внимания, чем необходимо. Пообедать с Аликс, наверное, не самая удачная мысль, чтобы реализовать ее прямо сейчас.

— Ты не хочешь сидеть в кафе на улице посреди дня? — Она доела очередную булочку и вытирала пальцы о свой рабочий фартук. — Где твоя жажда приключений?

— Ее вытеснил инстинкт самосохранения. Хотя общественные места могут быть безопасными. Как правило, маги не испепеляют друг друга при полной луне на людной площади. — Я остановилась. — Я точно описала дуэль, не так ли?

— Да, так, — улыбнулась Тарсия. — Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? Звучит как шутка.

Дуэли в городе запрещены, но магов это не останавливает. И скудная зарплата дозорного уж точно не вдохновляет местные правоохранительные органы оказаться меж двумя магами, стремящимися уничтожить друг друга. Обычные задиры дерутся по заказу клиента — или за счет кого-нибудь стараются повысить свой рейтинг. Шарлатаны не способны выжить в дуэли, и настоящий маг не захочет заниматься такими ребяческими забавами. Конечно, бывают исключения. Опять же, есть сорт самоубийц —

посредственности, которые пытаются спровоцировать мага на дуэль. Полагаю, они думают, что выигрышно при этом смотреться, — ведь хотят сразиться с магом. Но многие из них забывают, что на такой дуэли есть и побежденные. Побежденные, скорее всего, будут мертвы. Этот коллапс памяти — причина, почему всегда есть свободные комнаты для квартирантов в квартале магов.

— Не переживай, я дам знать Аликс, что ты не можешь, — сказала Тарсилия. Ее личико приобрело торжественный вид. — Если обещаешь, что будешь осторожна.

Неожиданно для себя я импульсивно обняла ее.

— Обещаю. — Я накинула на плечи мантию и направилась за ранцем. Капюшон поднимать не стала. Я хотела, чтобы все видели, как я покидаю дом. Позже я придумаю, каким образом мне «исчезнуть». — А если быть осторожной не получится, может быть, мне просто повезет. Иногда удача мне улыбается.

Глава 6

Пожалуй, плохой день наступает тогда, когда в твоей собственной голове нет уединения.

Конечно, лишь вопрос времени, когда меня начнут искать. Я предполагала, что, когда это время придет, кто-то будет идти за мной следом на достаточном расстоянии. Не говоря уже о том, что это назойливо и грубо, вторжение в разум — это, прежде всего, противно. Не объявляя, что залез в твою голову, этот «кто-то» начинает через какое-то время потихоньку делать свое дело. И тебе не понять, какие мысли твои, а какие посеяны и выращены кем-то другим. После прошедшей ночи мое воображение проделало замечательную работу, подготовив почву для возвращения к единоличному правлению. Оно не нуждалось ни в какой помощи.

Так как я не слышала чужих слов, то не могла и определить автора. Но остающийся мерзкий след безусловно указывал на то, что это шаман Кринсани. Некий хранитель-эльф уже появлялся, так почему же гоблинам оставаться в стороне?

Игнорирование факта не заставит его исчезнуть. Как бы ни было неприятно ощущать чужое присутствие, я позволила этому «кому-то» немного послоняться поблизости. Еще чуть-чуть — и он сможет увидеть все, что вижу я, и точно узнать, где я нахожусь. Он не собирался оставаться там надолго. Хотя, чем дольше он там находится, тем легче мне будет захлопнуть дверцу моего разума, образно говоря, на его пальцах. Время веселья закончилось.

Я нырнула в боковую улицу и остановилась. Было рано, потому пустынно. Мне никогда не приходилось на ходу избавляться от навязчивых визитеров в моем разуме. Наверное, трудно согласовать независимые процессы. Я постаралась остановить ход своих мыслей и притаилась. Гость был терпелив, поэтому долго ждать я не стала. Мое действие было вознаграждено криком боли с другой стороны.

Визитер исчез. Проблема решена. Но только в настоящий момент и ненадолго. Я знала, что он вернется и, возможно, попытается привести с собой друга или двух — или своего босса. Сам Сарад Нукпана, должно быть, любит поспать допоздна или немного разминается перед завтраком — кого-нибудь пытается. Пока у него нет для меня времени, я сделаю все, что моих силах, чтобы не быть таким интересным объектом, ведь я сама по себе — ненужная мишень.

Существует один сложный путь, который нужно пройти, чтобы снять амулет. Он вряд ли осуществим при данных обстоятельствах, но я о нем подумала. Если бы у меня был футляр из белого камня, в котором раньше хранился амулет, половина моей проблемы была бы решена. Квентин уронил футляр, когда шаманы Кринсани проходили через Врата. Благодаря моей связи с Квентином я видела, что на том футляре выгравированы руны — руны, которые наверняка представляли собой заклинания. Если бы я могла найти его, мне, может быть, удалось бы снять амулет. Головная боль — что делать с амулетом в футляре — у меня бы возникла потом. Проблемы надо решать по мере их поступления.

Первая остановка, дом Нигеля. Я выполняла кое-какую работу для городского дозора, и теперь можно считать нескольких офицеров друзьями. Не думаю, что будет трудно договориться о том, чтобы я смогла попасть в дом. Где искать футляр и как сработает моя идея насчет него — другое дело, похоже, не такая уж и тщетная надежда, но с этой точки зрения мне следует довольствоваться тем, что смогу получить. По меньшей мере это придало бодрости моим шагам на пути к дому Нигеля.

Я сократила путь через Брайтлиф — старейшую и самую элегантную часть квартала эльфов. В Брайтлифе неприятности случаются редко, и, если это происходит, соблюдаются приличия и все улаживается без шума. Аристократам древних родов не нравится, когда нарушают их хорошо упорядоченный образ жизни, и они поддерживают дозорных, следящих за тем, чтобы не была запятнана ничья репутация. Обнесенные высокими стенами сады изолировали дома от лиц низкого социального происхождения. Если нельзя сделать так, чтобы неприятности ушли прочь, то, по крайней мере, можно их не замечать.

То, что я не стремилась находиться среди большинства эльфийских аристократов, не значило, что я не одобряла их вкус. Мермейя была возведена на болоте, но прогулка через Брайтлиф словно убеждала в обратном. Просто поразительно, что могут сделать много денег и капля магии. Эльфы-аристократы ценили деревья, и чем те были больше, тем считались красивее. Так как в этой части Мермейи их было недостаточно, эльфы высадили деревья где только можно. Теперь Брайтлиф выглядел как лесопарк посреди большого города. Цветы дерева кембаух привлекали светлячков, и я вынуждена признать, ночью здесь было очень красиво из-за всех этих мигающих огоньков. Прекрасная жизнь, если можешь себе все это позволить.

Идя по вымощенной булыжником и укрытой кронами деревьев улице, которая бежала почти до канала Старого графа, я ловила случайные взгляды из-за ворот спрятанных в тени деревьев богато украшенных внутренних дворов — и запертых для безопасности. Уровень воды в каналах Мермейи поднимался и опускался — в зависимости от приливов и отливов, — и запах то усиливался, то ослабевал. Но не в Брайтлифе. У входа в каждый канал, пересекающий Брайтлиф, была детально разработана и установлена система фильтров. Вода всегда была кристально чистой, и запах был соответствующим.

Одиноким лодочник свободно греб веслами. Под взмахи весел он напевал простенький мотив, популярный у лодочников на всех каналах города. Голос был довольно приятный, но не такой уж запоминающийся. Это то, что я слышала. То, что я почувствовала, тихо струилось над его песней и было чем-то совершенно иным. Паладин Микаэль Илиесор проснулся рано. Не я одна была с утренним незванным гостем в своем разуме, но лодочник, казалось, его не замечал. В отличие от шамана Кринсани, Илиесор не навязывался в гости в мою голову, а использование голоса лодочника было не таким захватническим поведением. Во всяком случае, пока это происходило, все выглядело довольно утонченно. Но все же исподтишка. Хранитель был не в *моем* разуме, поэтому я ничего не могла сделать, чтобы от него избавиться. Илиесор мог следовать за мной по городу, куда бы я ни пошла, используя такой же трюк с любым восприимчивым прохожим.

Мне не нравится, когда за мной следят. Самое время и мне немного побыть коварной и действовать внезапно. Конечно, мне жалко было лодочника, но еще хуже, если Илиесор будет следить за мной так долго, что обнаружит мое местонахождение физически. Не знаю, смогу ли нарушить контакт Илиесора с лодочником, но уверена, что кое-что он от меня получит, чтобы поразмыслить на досуге. Я могла двигать небольшие предметы силой мысли, и гондола с веслом была для меня маленьким объектом. Я сконцентрировалась, резко рванула, и лодочник оказался в воде. Когда, сбитый с толку, он попытался в недоумении вскарабкаться обратно в гондолу, бессвязные ругательства звучали очень похоже на голос некоего командира хранителей.

Я ухмыльнулась и завернула за угол — с глаз долой. Миссия выполняема.

К этому часу дом Нигеля должен быть заполнен городскими дозорными. Принимая во

внимание, кто такой Нигель и чем занимался, Янек Таул, вероятно, будет руководить расследованием. К тому же он, любивший лично контролировать ход дела, наверняка будет осматривать место происхождения сам. Если это так, можно договориться, чтобы попасть в дом для собственных поисков.

После этого я свалю на несколько часов в один из конспиративных домов Маркуса. Тишина и покой — замечательно. Короткий сон, ванна, приличная еда — совсем не повредят.

Я скрылась из вида, как только пересекла канал рядом с Торговым двориком. Эта часть квартала магов была местом, где трудно вести слежку — извилистые улицы и переулки, такие, что никто не сможет преследовать меня, по крайней мере пешком. Если же кто-нибудь и найдет меня, то на этот случай я была вооружена до зубов, а если мой преследователь захочет сразиться, то пожалуйста.

Мост через канал к Паскуин-стрит был более оживленным, чем обычно в это время дня. Но в этом нет ничего неожиданного, учитывая, что случилось здесь прошедшей ночью. Я шагнула к перилам, уступив дорогу экипажу, и мой взгляд поймал что-то красное. Паскуин-стрит имеет опасную особенность — это ближайшая к посольству гоблинов часть квартала магов. Флаг Кринсани уже присоединился к королевскому штандарту. Полагаю, после ночных событий Сараду Нукпане не было смысла скрывать, что он и его ребята уже в городе. Под рубашкой ожил амулет.

— У, заткнись, — проворчала я.

Торговый дворик был полон представителей малого бизнеса, популярного у немагов: гадалки, алхимики, астрологи и тому подобное. Они усердно помогали местному населению Мермейи избавиться от своих монет. Большинство здесь работающих были лишь в самой малой степени одарены магическими способностями, но убедительные, почти театральные представления помогли пройти длинный путь к построению успешного бизнеса.

Я прошла два квартала по Паскуин-стрит, направляясь к боковой улице напротив дома Нигеля, и заметила Янека, беседующего с кем-то, кто по внешнему виду вполне мог быть одним из состоятельных соседей Нигеля. Янек заметил меня практически в тот же момент.

Командир дозорных Янек Таул был человеком — бренирианцем по рождению и стражем порядка по природным способностям. Люди доверяли Янеку, даже те, кто не очень доверял самому себе. Его профессиональное умение добиваться результатов помогло ему быстро продвинуться по службе в квартале магов. Это соответствовало его стремлениям. Янек любил работать на улицах, среди людей. И он выглядел как страж порядка. Нет, это не значит, что у него была военная выправка и гора мускулов, — это было определенное отношение к окружающим, его вид, казалось, говорил: «Даже и не думай что-нибудь натворить в моем районе».

Янек помогал мне в прошлом, и я передавала ему кое-какую информацию. Возможно, он надеялся на пару-тройку новостей сегодня утром, но я ничем не могла помочь, по крайней мере сейчас. Янек может задержать меня, для того чтобы выяснить, где я провела прошедшую ночь, что делала, что у меня висит на шее и откуда это у меня взялось.

Я перешла улицу. Один из дозорных отвечал за то, чтобы никого не впускать и отправлять прочь зевак. Я слегка отодвинула назад капюшон, чтобы можно было увидеть мое лицо, и он махнул мне рукой. Иногда очень даже неплохо, когда тебя узнают.

Многие искатели находят себе место в городском дозоре. Полагаю, это довольно логично, так как вещи и люди имеют тенденцию теряться. Искатели, работающие на стражей порядка, имеют не очень хорошие деньги, но доход стабильный. Признаюсь, время от времени меня уговаривали, но дальше дело не шло. У меня всегда были проблемы с выполнением приказов — особенно по части их получения и беспрекословного следования им.

Из того, что я смогла нечаянно услышать, выходило, что сосед Нигеля не понимал, что происходит, до самого утра. Янек сделал несколько записей, поблагодарил человека за потраченное время и направился ко мне, покачивая головой от удивления.

— Гоблины разрушили спальню, сзади дома разбили почти все окна и устроили настоящее сражение в саду, а мастер Оуэн ни черта не слышал.

Я не смогла сдержать удивления.

— Он был дома?

— Да. Говорит, что проспал всю ночь.

— Ты ему веришь?

— С такими делами вряд ли уснешь. Хотя из-за того, что мы нашли в саду и глухой части канала, я, пожалуй, не могу его обвинить за желание закрыть на это глаза.

— Что, так плохо?

Янек заткнул записную книжку за ремень.

— Достаточно жестоко. Нигеля не любил никто, но вдруг несколько могущественных персон заинтересовались им именно сейчас, когда он исчез.

— Нигель исчез? — Вот это новость.

Дозорный кивнул.

— А когда интересуются сильные мира сего, комиссар тоже интересуется. Это значит, что мне надо найти Нигеля, и как можно скорее.

— Легче сказать, чем сделать.

— Да, он выбрал адское время, чтобы исчезнуть, — сказал Янек. — В городе полно знатных иностранцев, поэтому у нас и так забот хватает. Все работают сверхурочно, и только местным уголовникам все равно на это наплевать, — усмехнулся он. — И вдобавок они делают оскорбительно больше денег на этом, чем мы зарабатываем. Впервые в таком большом городе столько высокородных особ, и у них не хватает ума сберечь свои кошельки и украшения. Местные власти просто не в состоянии контролировать ситуацию, когда для преступников столько соблазнов.

Я тоже видела эту обстановку всеобщего помешательства. За последний месяц Аликс замучили примерками общественные деятели, приглашенные в посольство гоблинов на королевский бал-маскарад. Обычно она не занималась пошивом костюмов, при этом лучшие мастера женского платья и парадных одеяний расширили сферу своих услуг, чтобы удовлетворить неожиданный спрос. Это был единственный шанс прикоснуться к кому-нибудь из придворных, и никто не хотел упускать такую возможность. Но больше, чем престижность, притягивала аура опасности: для многих приглашенных на бал, пожалуй, было бы лучше — и намного безопаснее, — если бы они остались дома.

— Где был Нигель прошлой ночью? — спросила я.

— По плану он собирался провести сеанс для маркиза Тимура. Гондола маркиза вчера вечером причалила к доку Нигеля в девять часов. Нигель сел в лодку, и гондола отчалила. С тех пор ни он, ни лодочник, ни гондола нигде не появлялись.

— А что говорит маркиз?

— Все, что он может, — выразить недовольство, что он лишился своей лучшей гондолы и лодочника. Я думаю, он даже больше злится, что лишился гондолы.

— Похищение?

— Предполагаю. Я направил людей на поиски Нигеля, лодочника и гондолы, но по этим направлениям все пусто. Придя сегодня утром сюда, я обнаружил, что мои люди заняты не сбором улики, а сдерживанием напора зевак, стоя в оцеплении.

— Воистину любопытство не имеет границ, — ответила я.

На небритом лице Янека появилась усмешка.

— Я бы не назвал этих людей любопытными. Больше похоже на отчаяние. Риггз говорит, что они очень стараются, чтобы скрыть следы своих прошлых делишек. Многие из них сейчас служат у высокородных леди и джентльменов и боятся увольнения. Если бы Риггз был взяточником, он за это утро заработал бы себе хорошую прибавку к пенсии.

Я вспомнила экранированную панель в спальне Нигеля. Могу поспорить с людьми Янека, искавшими интересные улики, что большинство найденного никак не будет связано с прошлой ночью. Хорошо для меня. Плохо для местной аристократии.

— Ты слышала, что произошло? — спросил Янек.

— Все слышали.

Я ничем себя не выдала. Единственное, что говорит о бессонной ночи, это выражение лица — усталость. У Янека было такое же.

— Нигель не очень популярен у властей, у гоблинов тоже, — продолжал полицейский. — Похоже, многие ждут не дождутся, чтобы помочь ему убраться отсюда.

— Думаешь, гоблины ожидали, что Нигель окажется дома?

Янек покачал головой.

— Я бы квалифицировал это как незаконное вторжение с целью ограбления, но с исчезновением Нигеля трудно сказать, что было украдено, если только украдено. Единственное, о чем мы можем сказать с уверенностью, это то, что здесь произошло адское сражение.

С моей стороны возражений не последовало.

— Еще и выход Врат на лестницу Нигеля из холла. Грязь везде. Стремительный набег, они даже не остались замести за собой следы.

Я это знала.

— Как думаешь, кто это?

— В городе кринсани, поэтому они, естественно, под подозрением. Но они не единственные в Мермейе, кто может создать Врата.

— За последнее время еще какие-нибудь маги или чародеи исчезли? — поинтересовалась я. — Кроме Нигеля?

Янек знал, к чему я клоню. Персона, убитая, чтобы обеспечить создание Врат, не обязательно должна обладать магическими способностями, но это необходимо, чтобы уже существующие Врата работали стабильно и становились сильнее. Если Сарад Нукпана посягнул на мага, пробить дыру в резиденцию Нигеля должно было быть легким делом. В Мермейе было чем поживиться. Маги Конклава в отставке, чародеи, искатели, целители, медиумы, экзорцисты, кудесники — список можно продолжать и продолжать, от действительно одаренных способностями и ведущих честный образ жизни до серых посредственностей, только и ищущих, как у легковверного населения «честно» отнять монеты. В Мермейе было изобилие клиентов для той и другой категории — и все они могли оказаться вполне подходящими жертвами, если верховный шаман гоблинов принялся за сбор топлива для создания Врат.

Янек помрачнел.

— Нигель — шестой, кто исчез за эту неделю.

Я сощурилась.

— Шестой?

— Два дня назад исчез медиум, сегодня утром передали, что пропал целитель. Остальные трое были уличными чародеями — простой народ, дозорные их знают. — Янек стиснул челюсти. — Невзирая на то, кто они и чем занимаются, они — мои люди, я несу за них ответственность, а все канцелярские крысы деловой части города озабочены только тем, чтобы произвести хорошее впечатление на высоких сановников, находящихся в городе на этой неделе. На меня давят, чтобы я распутывал все эти дела, причем быстро, но сами палец о палец не ударили, пока я этим занимаюсь.

С любым из исчезнувших могло случиться что угодно, но на этой неделе в город прибыл Сарад Нукпана.

Вдобавок, будучи одним из лучших дозорных Мермейи, Янек Таул был заслуживающим уважение — и уважаемым — магом. Это была одна из причин, почему он работал в этом районе. Преступления, в которых фигурируют маги, лучше распутываются, если у тебя не просто поверхностные знания о магии, а еще и практические навыки. Янек обладал и тем, и другим.

Я посмотрела на зевак, толпящихся у дома Нигеля. Еще один час — и это уже будет настоящий цирк.

— Удачи.

— Нам пригодится.

— Есть шанс, что сможешь проследить след Врат отсюда до источника?

— Возможно. Это не просто грязно проделанная работа. Но тот, кто достаточно талантлив, чтобы открыть Врата, в состоянии убрать за собой гораздо лучше... или... что думаешь?

Нет, он не был раздражен или расстроен — просто ему было наплевать.

— Гоблины, которые разорвали пространство для создания Врат, должно быть, забрали свои боевые потери с собой, — сказал Янек. — Для того количества тел, что мы нашли, слишком много крови. Очевидно, они открыли Врата прямо в доме, чтобы попасть непосредственно туда, и ушли тем же путем.

— На это требуется очень много усилий, — сказала я.

— Развеяли всю защиту Нигеля в пух и прах.

Так вот почему Квентин не вызвал своим появлением ни одного сигнала тревоги.

— Возможно, все к черту вышло из-под контроля, поэтому, наверное, и искусность уже не имела никакого значения, — предположила я.

— Правда, — согласился Янек. — Где ты была сегодня ночью? Ты никогда не казалась мне любопытной зевакой.

Это был на первый взгляд нормальный вопрос, но Янек никогда не делал и не говорил ничего случайно. Я изобразила легкую улыбку на лице. Это искусство я развивала в себе многие годы.

— Ты подозреваешь, что я была в саду Нигеля с небольшой армией гоблинов?

Он пожал плечами.

— Ты знаешь многих гоблинов. Если где-то какая-нибудь заварушка и ты в ней не участвуешь, значит, все равно о ней знаешь. — Его зеленые глаза слегка прищурились. — Но если бы ты что-нибудь знала, могла бы сказать мне, да?

За многие годы мы хорошо узнали друг друга, у нас было достаточно случаев, когда один имел сведения о том, что другой искал. Но довольно часто мы не могли немедленно поделиться такой информацией. Как только обстоятельства прояснялись, мы обменивались тем, что узнавали. Моя ситуация была чем дальше, тем запутанней. Янек был не в лучших условиях — с комиссаром городского дозора, дышавшим ему в затылок.

— Если я что-нибудь найду, я поделюсь, если смогу, — пообещала я.

Это не ложь, потому что я не знаю ничего такого, что помогло бы Янеку в его расследовании в деле исчезновения Нигеля.

— Нельзя ли мне посмотреть спальню и холл, где были открыты Врата?

Янек пожал плечами.

— Не вижу причины, почему нельзя. Может, ты найдешь что-то интересное, что мы пропустили.

Вот на это я и надеялась. Что-нибудь вроде маленького белого футляра.

Янек не шутил, когда сказал, что спальня была уничтожена. Выросший на улицах Мермейи, Квентин знал, как сражаться, и сражаться без всяких правил. Когда его загоняли в угол, его изворотливость возрастала десятикратно. То, что его застали врасплох несколько шаманов Кринсани, только ухудшило ситуацию. После того как Квентин покинул комнату через ближайшее окно, кринсани и их помощники начали собственные поиски. Судя по разрушениям, они вынуждены были делать все очень быстро, и не обрадовались, когда ничего не нашли. Янек был счастливчиком, у него была комната, где можно вести расследование. Но он не знал, что искать. Зато знала я.

Разрушено было все. Пол покрыт осколками того, что раньше принадлежало Нигелю. Я присвистнула, демонстрируя Янеку свое впечатление от увиденного, затем тщательно осмотрела полы между кроватью и разбитыми вдребезги окнами в поисках футляра из белого камня.

Ничего. Я постаралась придать своему лицу такое выражение, чтобы мое разочарование не было так очевидно. К счастью, Янек ничего не заметил, так как беседовал с молодым дозорным, стоявшим на посту у двери. Тайник на передней спинке кровати был открыт, и все его содержимое валялось на постели.

Никакого футляра из белого камня.

Кровать была сдвинута и обшарена. Она была очень массивной, поэтому я точно знала, что Квентин ее не мог сдвинуть, и оставались только кринсани и охрана из храма. Они знали, что Квентин амулет забрал, значит, объектом их поисков могла быть только одна вещь. Эту же вещь искала и я. И судя по тому, что ее нигде в комнате не было, смею предположить, что они ее нашли. Проклятье!

Мой глаз уловил мерцание голубого металла рядом с кроватью. Я подошла ближе и опустила на колено, но из предосторожности прикасаться не стала. Положение улучшается. Может, сказать Янеку, чего его преступникам не хватает для разоблачения себя?

— Что-нибудь нашла? — спросил Янек.

— Твои грабители оставили визитную карточку, — сообщила я.

Янек присел на корточки рядом со мной.

— Это медальон. У Нигеля их много.

— Но не таких, как этот.

— Каких «таких»?

— Это медальон гоблинов.

Он внимательно посмотрел и потянулся к нему рукой.

— Кринсани, — подсказала я.

Рука застыла на полдороге. Мой друг не был таким дураком, чтобы дотронуться.

— Ты уверена?

Я прямо-таки ощущала, как из медальона сочилась злоба, — и то же мог чувствовать амулет, висящий у меня на шее. И все это на фоне свистяще-шипящего пения гоблинов. Я могла его слышать. Янек — нет. Я знала гоблинов. Я понимала, что они говорили, и здесь не было ничего такого, о чем я хотела бы узнать. Это специфическое украшение носил очень плохой гoblin, и совершил он очень много плохих дел. И недавно. Полагаю, это был охранник Врат Сарада Нукпаны. Цепочка была порвана — возможно, Квентин помог.

— К сожалению, даже не сомневаюсь, — ответила я.

— Кто-то был неосторожным.

Янек повернулся к постовому, который неизменно оставался у двери. По большей части люди Янека были или сами колдунами, или с оккультными способностями, то есть могли остро ощущать присутствие магии, но таланта колдовать не имели. Судя по очевидному желанию не приближаться, полагаю, что молодой человек относился к последним. Я его нисколько не упрекаю. От остатков магии кринсани у меня тоже бегали мурашки по коже.

— Уиллем, спустись вниз, и пусть Риггз принесет герметичную коробку. — Как только молодой человек ушел, Янек понизил голос, чтобы слышала только я одна. — Так ты думаешь, мне сегодня вечером следует нанести визит в посольство гоблинов?

Словами он говорил одно. Его тон выражал совершенно другое. Янека не интересовало мое мнение как специалиста. На самом деле он спрашивал о том, что я видела здесь прошлой ночью или о чем узнала от кого-нибудь, кто присутствовал здесь и с кем у меня тесное знакомство. Я посмотрела на Янека. Всем своим видом он приглашал к доверительному разговору.

— Тебе, конечно, неизвестно, зачем кринсани побеспокоились создать Врата именно здесь, не так ли? — спросил он.

Я указала на беспорядок.

— Похоже, они что-то искали.

— Ты знаешь, что?

— Не представляю, что бы это могло быть и зачем оно им нужно. — На самом деле это

не ложь. Имея в наличии амулет, я не знала, что это, что оно делает и зачем оно кому-то понадобилось. Но найти ответ стало целью моей новой жизни.

Янек вытащил из внутреннего кармана пиджака маленький конверт, запечатанный сургучом.

— Увидев того, кто его принес, я подумал, что ты, может быть, что-нибудь знаешь.

Я взяла конверт. Обратного адреса не было, но на печати был контур голубя. Увидев этого голубя, я сразу поняла, от кого это письмо. Маркус Севелин. Никому из тех, кто знал Маркуса, никогда бы не пришло в голову ассоциировать его с голубем. Может быть, именно потому он и использовал изображение этой птицы; а может, у него такое извращенное чувство юмора. Я бы проголосовала за последнее.

— Его принес рыжеволосый посыльный Маркуса, — сообщил Янек. — Интересно, почему он решил, что принести его нужно именно сюда?

Я, внутренне съежившись, сломала печать и открыла конверт.

— Ты знаешь, что Маркус хорош.

— Ну да, хорош. Настолько хорош, что знает, куда ты пойдешь, даже до того, как ты сюда пришла.

Из того, что я сообщила ему в записке, отправленной из конспиративного дома, Маркус должен был знать, что я собираюсь обратно к Нигелю. Бьюсь об заклад, что такая же точно записка была отправлена старшему инспектору, расследующему преступление на складе Стокена. Маркусу нравилось делать все тщательно.

Я постаралась проигнорировать хмурый взгляд Янека и прочла записку, стараясь, чтобы на моем лице не отразилось содержание послания.

Несколько слов, нацарапанных на пергаменте, делали меня официально бездомной. С этого утра для меня недоступны конспиративные дома и квартиры. Они все были использованы дипломатами-эльфами и их свитой, прибывшими в город на королевский бал-маскарад гоблинов. Без сомнения, Фелана и Квентина попросят уйти, если уже не попросили. Ради всех святых, надеюсь, Бертран попросил Фелана вежливо. Я вздохнула. Ранец, висевший на плече, был мал, но вдруг почему-то стал очень тяжелым.

Янек набрал в легкие воздуха, чтобы задать вопрос. Я уже знала, что он хотел спросить. Но тут на лестнице послышался быстрый топот ног. Это бежал Риггз.

— Сэр, пойдёмте. В канале нашли тело.

Я перевела дух. Меня спас труп.

Это был труп Нигеля Никабара.

Дозорные собирали тела, найденные у Нигеля в доме, в саду, в канале, и складывали их в теплице, расположенной на задворках сада. Таланты некроманта не связаны с живой природой, поэтому столы в теплице были относительно свободными — по крайней мере от растений. Мертвые гоблины были укрыты простынями и брезентом. Я не могла утверждать, но ощущала, что Нигель бы это одобрил. А вот чего бы он точно не одобрил, как раз и было среди этих тел. Нигель не должен был лежать здесь сам в окружении мертвых гоблинов, но именно так и было. Думаю, моя ирония его бы не порадовала.

Несомненно, дозорные уже устали таскать тела. После того, что я увидела в теплице, наш бой с храмовыми охранниками был любовной ссорой по сравнению с тем, что сделали гоблины друг с другом, когда мы сбежали. Одна часть меня хотела с криком удрать отсюда, но другая не могла этого сделать, и я заметила: в то время как эльфы становятся светло-серыми после смерти, подобно живым гоблинам, мертвые гоблины бледнеют и становятся как живые эльфы. Интересно. Также интересно, что все тела носили знаки дома Мал'Салинов — эту деталь я не разглядела прошлой ночью. Это подтвердило, что я вошла в самую гущу грязных разборок наследников королевского двора.

— Они все Мал'Салины. — Я постаралась разыграть удивление. Действуй, как будто ничего не знаешь, собирай информацию. У меня такой принцип всегда срабатывал.

— Угу, — ответил Янек.

— Знаю, что семья Мал'Салинов не очень дружная и счастливая, но не слишком ли их тут много?

Он потер глаза.

— Угу.

Явная усталость в этом одном маленьком слове сказала мне, что на уже переполненную чашу весов свалилось что-то еще.

— Потрудись объяснить, что такое «угу»? — попросила я.

— Ходят слухи, что младший брат короля тоже в городе.

Дерьмо. Иногда ненавижу, что оказываюсь права. Вполне достаточно союзников принца, действующих от его имени. Но, похоже, принц Чигару решил присутствовать лично. У гоблинов есть поговорка об их королевской семье: кровь гуще, чем вода, и Мал'Салины не стесняются так или иначе топить друг друга.

— Думаешь, половина недавно почивших принадлежит принцу? — спросила я.

— Это моя теория. Похоже, на этой неделе возможна попытка убийства. Если принц Чигару в городе, чтоб уничтожить своего старшего брата, надеюсь, он постарается это сделать в квартале гоблинов, — мрачно усмехнулся Янек. — Вне моей сферы полномочий. К несчастью, их охрана перенесла свою междоусобную вражду через канал в сад Нигеля, а это уже территория, за которую отвечаю я.

Когда гоблин Сатрик Мал'Салин принял трон после смерти матери, первое, что он сделал, очистил дом. Под чисткой подразумевалось изгнание всех, кто мог хотя бы теоретически представлять собой угрозу его правлению. А его младший брат принц Чигару Мал'Салин был в этом списке-первым. Принцу не понравилось, что его вывели словно мусор.

Янек отвернул брезент, которым был накрыт некромант, и мы чуть не задохнулись от зловония. Я попыталась через плечо Янека рассмотреть труп, и была рада, что завтрак был неплотным. Нигель не был привлекательным даже в свои лучшие дни, а вымачивание в канале сделало его еще непригляднее.

— Это Нигель, все верно, — сказала я, старательно пытаясь дышать ртом.

Янек надел медицинские перчатки. Он отогнул то, что осталось от воротника Нигеля, чтобы рассмотреть горло.

— Кто его нашел? — спросил он Риггза.

— Торговец шелком по имени Элиазар Адлаи, — ответил дозорный. — По-видимому, Нигель всплыл на поверхность около часа назад.

За это Риггз заслужил суровый взгляд от своего начальника.

— Почему меня до сих пор не уведомили?

Риггз пытался спрятать усмешку, но ничего не получилось.

— Тот торговец долго приходил в себя от вида Нигеля, неожиданно всплывшего рядом с его доком, сэр. Мы сами только что во всем разобрались. Мастер Адлаи приплыл сюда, чтобы открыть свой магазинчик, и привязывал лодку. Он все еще визжал, когда мы туда прибежали. — Его ухмылка стала еще больше. — Я не знал, что мужчины могут так визжать. В настоящий момент он в своем магазинчике в слегка заторможенном состоянии. Я могу его допросить позже, если вы хотите.

— Были другие свидетели?

Риггз кивнул.

— И они все подтверждают его рассказ.

— Тогда... я думаю, что мы можем оставить мастера Адлаи в покое, — произнес Янек, продолжая внимательно рассматривать горло мертвеца. — Райни, что ты думаешь об этом?

Я наклонилась, чтобы увидеть, на что указал Янек.

— Похоже, его задушили, хотя дыхательное горло не сломали. Но при этом оно будто сильно обожжено.

— Это означает то, что я думаю? — спросил Янек.

— Если ты думаешь, что Нигеля убил другой колдун, тогда да, возможно, так оно и

есть.

Тут набрался храбрости Риггз:

— Не могли бы вы ответить на мой вопрос, госпожа, как вы это узнали?

— Некоторые колдуны умеют наносить удар изнутри, вроде молнии, но не такой сильный, — объяснила я. — Они могут направить этот удар на объект или тело просто прикоснувшись. Передается достаточно энергии, и обычно фатальный исход неизбежен.

— Значит, кто-то не хотел, чтобы прошлой ночью он пришел домой, — заключил Риггз.

— Райни, думаешь, гоблины устроили с Нигелем милую беседу, а потом использовали его в качестве топлива для создания Врат, когда разговор закончился? — спросил Янек.

— Если он ушел в девять, тогда было достаточно времени для чего угодно... для кого угодно. Список людей, желающих смерти Нигеля, достаточно длинный. — Я столкнулась прошлой ночью лишь с некоторыми из более короткого списка, но сейчас не место говорить об этом Янеку.

Риггз взволнованно прокашлялся.

— Врат? Вы говорите, что его принесли в жертву? А разве не нужен был кто-нибудь невинный или что-то в этом роде? Хотя бы приятный человек или эльф?

Янек рассмеялся. Я фыркнула.

— Это все бабушкины сказки, лейтенант, — ответил Янек. — Приятный... Это не имеет значения. И я сомневаюсь, чтобы хоть кто-нибудь даже по ошибке назвал Нигеля невинным.

Лодыжки Нигеля были связаны веревкой. Перетертый узел на ее конце — улика.

— Кем бы ни были преступники, они хотели скрывать свою работу как можно дольше, — осмелилась предположить я. — Возможно, эта веревка была привязана к какому-то грузу. Убийцы не успели найти что-нибудь подлиннее, чтобы тело дольше не всплывало. Как думаете, сколько он пробыл под водой?

— Немного, — ответил Янек. — Просто укусы нокеров и ил в канале придали ему такой страшный вид.

Я видела эти укусы на теле Нигеля и проявила максимум выдержки, чтобы не обращать на них внимания. Нокеры — это более мелкие дальние родственники драконов, которые прекрасно себя чувствуют в самых глубоких каналах Мермейи. Питаются они падалью или отбросами, съедая любое мясо, которое найдут. Одно время каналы кишели ими. Городские инженеры популяцию сократили, но полностью не истребили — к великой радости криминальных элементов. Однажды Квентин обмолвился, что один его знакомый — наемный убийца — сказал ему, что если нужно навсегда избавиться от тела, то ничего нет лучше, чем поместить его в гнездо нокеров.

Янек накрыл тело черного мага брезентом и повернулся ко мне.

— Пойдем подышим свежим воздухом. Нам надо поговорить.

Глава 7

Нам надо поговорить.

Достаточно невинные слова, которые можно услышать о кого угодно, но редко можно при этом ждать чего-нибудь хорошего от командира дозорных. Побольше разговоров с моим участием и прямо сейчас, особенно честных разговоров, — и я закончу день в городской тюрьме. Этой ночью я убила стража храма Кринсани. Большинство людей считают это достойным награды, а не тюрьмы. Хотя... я никогда не относилась к тем, кто испытывает судьбу.

Мы были в кабинете Нигеля. Я это место видела раньше, хотя лично здесь никогда не была. Восприятия Квентина прошлой ночью было более чем достаточно — и мне было суждено заранее узнать, как там воняет. Воздух был отвратительно-слащавый, как запах мертвечины. Просто замечательно!

Янек сел за массивный письменный стол. Я устроилась в одном из гостевых кресел. У Янека был замученный вид. Мы оба были такими. Он полез в карман и вытащил какую-то штуку из цветного бисера и кусочков дерева, соединенных медной проволокой.

— Что скажешь? — спросил он.

Он не сделал ни движения, чтобы передать ее мне, и, когда я увидела руны, вырезанные на деревянных деталях, я даже не шелохнулась, чтобы протянуть руку. На первый взгляд это был примитивный амулет. Большинство таких вещей были достаточно безобидны, но внешний вид может быть обманчив. Я вызубрила это, получив жестокий урок пару лет назад, а вот теперь на моей шее — повторный курс, чтобы освежить память.

Янек перевернул амулет на ладони.

— Принадлежит уличному чародею по имени Сисел Пели. Он никогда с этим амулетом не расставался. Мы нашли его вчера утром у опоры Герольдова моста.

— Сисела нет?

— Ни следа. — Его желваки заходили ходуном. — Сисел всегда повторял, что этот амулет защищает его от несчастий. Похоже, что теперь он бесполезен.

Он положил амулет на стол, посередине между нами. Ну и пусть там лежит.

Я знала, чего хотел от меня Янек. Но нужно еще подумать, хочу ли этого я.

Дело в том, что, занимаясь поисками людей, специалисту иногда требуется подержать в руках принадлежащие им предметы. Чем ближе была вещь тому, кого ищут, тем лучше. Лучше для того, чтобы установить с ним связь, но в большинстве случаев — чтобы определить, жив ли он вообще. Проблема в том, что никогда не знаешь, привидятся ли тебе пушистые кролики или создания из нижних миров, закусывающие этими самыми кроликами, или именно тот, кого ищешь.

Этот амулет был на Сиселе Пели, когда на него неожиданно напали. Таким образом, он был плотно набит четкими, свежими, возможно, ужасными видениями. Источник визуальной информации. По крайней мере мне не придется слушать. Некоторые искатели могут ощущать звук, запахи, ощущения — то есть все переживания жертвы. Я таким талантом не обладала — неудачница. Я не знала Сисела лично, но я видела его на ступеньках, ведущих к Герольдову мосту. Он проводил свои дни, продавая амулеты проходящим мимо. Он всегда улыбался.

Я взяла амулет в руку.

Сначала я не ожидала ничего увидеть — чтобы установилась связь, требуется несколько секунд. Но не в этот раз. Висящий на мне амулет, замурлыкав, ожил, и я мгновенно увидела последние мгновения жизни Сисела Пели.

Я знала, что это были его последние мгновения. Я ощутила его страх. Я услышала его крик — и почти почувствовала его смерть.

Я и представить не могла, что тени могут нести смерть. Должно быть, Сисел думал иначе.

Его убийца возник из темноты дверного проема. Он был высокий, фигурой напоминал гоблина — словно сделали некое подобие гоблина из черных чернил. Дыхание Сисела застыло, затем в панике он стал задыхаться. Он знал, что «это» направляется его убивать. Он попытался убежать, но убийца оказался более проворным. В мгновение ока он оказался рядом. Колдовские пальцы проникли в теплое тело как в живой зыбучий песок. Темнота заструилась по рукам и ногам жертвы, парализуя мышцы и отбирая своим присутствием жизнь Сисела. Маг обрел дыхание и хотел закричать, но его тут же втянуло в темноту.

Стремительно и просто. Тошнотворно и отвратительно.

Оказавшись у Нигеля, я уже второй раз была рада, что завтрак был не плотным. В результате единственной вещью, которая упала на стол, был амулет Сисела. Но это не избавило меня от сильнейшего головокружения.

— С тобой все в порядке? — забеспокоился Янек. Все три Янека.

Мне показалось, что я кивнула. Главный вопрос прозвучал незамедлительно.

— Ну, видела что-нибудь?

Слишком много, чтобы начинать беспокоиться. Я сжала подлокотники кресла, чтобы побороть головокружение.

— Ничего хорошего.

Страж порядка произнес как утверждение:

— Он мертв.

— Полагаю, что да.

— Как это надо понимать? — Он был раздражен.

Я завелась от его тона и огрызнулась:

— Это значит, что он был там, затем ушел.

Никто из нас ничего не подразумевал, и мы это знали. На фоне нашей дружбы это также избавляло обоих от необходимости извиняться, что сэкономило немало времени и нервов. Поскольку я чувствовала себя хозяином положения, то решила среди всего прочего не упоминать о пронзительном крике. Янек знал, на что я была способна. А я предпочитаю не отвечать на затруднительные вопросы, например, каким образом я приобрела свой новый талант.

— Просто ушел? — Очевидно, Янек не совсем понял. — Как через Врата?

— Нет. Ушел — значит перестал существовать. Я бы сказала точнее: умер.

Его глаза сощурились.

— Что ты увидела?

Я очень не хотела вдаваться в подробности, но Янек не собирался пускать дело на самотек, пока не докопается до истины.

— Он был большой, черный и стремительный.

— Призрак? Небианец?

Я горько усмехнулась.

— Похоже на то.

— Что это было?

— Не знаю, но думаю, что это сделал он.

— Опиши его.

— Никаких особенностей — ни лица, ни рук и ног, ни щупалец и когтей или чего-нибудь отдаленно похожего на то, чем можно убить. Только тени. Плотные черные тени. Затем — ничего.

Я не могла выразить то, что чувствовала, что было даже хорошо, потому что я не хотела об этом думать.

— Кринсани там были?

— Среди того, что я разглядела, — нет. — Это была правда. Мне очень хотелось увидеть кринсани. Это гораздо лучше, чем познать нечто без названия, лица, души, встретившееся на ночных улицах Мермейи и всасывающее в себя магов из мира живых.

Но мне надо было дать Янеку хоть какую-нибудь информацию. Я была ему многим обязана.

Ему надо было знать о Саймоне Стокене и Сараде Нукпане и их связи с тем, что произошло здесь. Но я не могла ничего сказать без признания своего участия, по крайней мере частично. Нет ничего лучше, как быть косвенно вовлеченной в пару убийств, чтобы подвергнуть испытанию профессиональные отношения и дружбу. Но я знала, с чего можно начать.

Колдуны определенного уровня магических способностей должны регистрироваться городским органом охраны правопорядка при появлении в Мермейе, как и во всех других больших городах. Это позволяет местной власти следить за деятельностью людей с такого рода силой. Общественная безопасность и все такое. Довольно интересно, что хранители не должны регистрироваться. Они как раз те, кому местные правоохранительные органы составляют отчеты обо всех зарегистрированных. Сарад Нукпана — верховный шаман (у гоблинов это эквивалент мага) и обладает дипломатической неприкосновенностью, что, кроме него самого, не делает никому ничего хорошего. Самые сильные и опасные маги часто

служат правительству и властям. Они могут зарегистрироваться из вежливости, выказать уважение городу, который они посетили. Но если они не желают фигурировать в отчетах, то местные органы охраны правопорядка ничего поделать не могут. Интересно, Сарад Нукпана был вежлив? Бьюсь об заклад, что да.

— Когда Сарад Нукпана прибыл сюда, он зарегистрировался? — спросила я у Янека.

Озадаченность проявилась в виде морщин между бровями.

— Да, конечно.

— Его регистрировал ты?

— Риггз.

— Он здесь по делам?

— Консультант и советник его величества короля Сатрика Мал'Салина.

— Формально, — ответила я. — Риггз ему поверил?

— Ни на грош. Верховный шаман обычно занимается в городе совсем другими делами, а не теми, что указаны в списке регистрации, и от кринсани никогда ничего хорошего ждать не приходится. Я позаботился, чтобы за Нукпаной проследили. Он должен покинуть город после бала.

У меня на груди амулет стал ледяным и тяжелым.

— Не удивлюсь, если он заявит, что продлит свой визит на несколько дней, — ответила я. — Знаешь, где он был прошлой ночью?

— В отчете сказано, что ни он, ни любой другой из его шаманов не покидали посольства гоблинов — во всяком случае, через парадную или заднюю двери. Должен признать, что кринсани вполне могут попытаться ускользнуть после комендантского часа через Врата. Извращенный и болезненный, как ад, но эффективный путь тайком передвигаться по городу.

Я знала, что потом пожалею, но Янеку надо было знать хоть что-то.

— Думаю, что вечером дом Нигеля был всего лишь первым местом пребывания кринсани, — сказала я.

Дозорный застыл.

— Первым? Думаешь?

Я кивнула.

— Склад Саймона Стокена, возможно, был вторым.

На лице Янека не дрогнул ни один мускул. Это было лицо стража правопорядка. И мне не очень-то понравилось, как он на меня смотрит.

— Ты так думаешь или знаешь точно, как факт? — спросил он.

— Я была у склада Стокена и обнаружила остатки Врат. Через несколько минут я натолкнулась на Сарада Нукпану и толпу его шаманов.

— Врата, Сарад Нукпана, убитый Саймон Стокен — и ты.

— Ну, еще несколько человек, но они не имеют значения для этого уравнения.

— Почему ты не позволяешь это решить мне?

— Предпочитаю этого не делать.

Янек сделал глубокий вдох и тихо выдохнул. Потом просто некоторое время сидел и молчал. Он смотрел на меня. Я смотрела на него.

— И это каким-то образом связано с тем, как закончил свою жизнь в канале Нигель.

Я неуютно заерзала в кресле.

— Более чем.

— Ты скажешь мне еще что-нибудь, или я должен подождать пару дней до следующей встречи?

— Саймон Стокен хотел продать то, что для него украли, вещь, за которой гоблины пришли сюда с той же целью — украсть.

— Только гоблинам это не удалось.

Я кивнула.

— Правильно.

— А ты знаешь, кто украл?

— Да, но сказать не могу. Уверяю, эта персона не имеет абсолютно никакого отношения к этому случаю.

— Это была не ты, нет?

— Нет. — Я села, выпрямив спину. Я была оскорблена, но не сильно. Имея такую семью и профессиональные связи, я вряд ли могла осуждать Янека за его выводы.

Янек вздохнул. Я почти жалела его. Я знала, это сводило его с ума. А если более точно — сводила его с ума я. Иногда я почему-то именно так действовала на людей.

— Тот, кто украл этот предмет, сбежал из дома Нигеля и принес его Стокену, чтобы получить остаток гонорара, — сказала я. — Но я думаю, что кринсани оказались там первыми.

Я решила не упоминать о хранителях. Для меня это достаточно щекотливо. Кроме того, Янек представлял собой правоохранительные органы; Микаэль Илиесор тоже представлял собой правоохранительные органы. Мне не хотелось случайно обнаружить, например, что они были старинными школьными товарищами.

— Давай разберемся, — произнес Янек. — У нас есть Нигель и Саймон, оба вышеупомянутых гражданина мертвы, и, по всей вероятности, убийца имеет не только дипломатическую неприкосновенность, но мог физически находиться на любом месте преступления. — Он сделал паузу. — Та вещь, из-за которой весь сыр-бор, все еще у твоего безымянного вора?

— Нет.

— Ты знаешь, где она?

Я знала достаточно, чтобы держать рот на замке.

— Я могу посадить тебя за создание препятствий правосудию и сокрытие улик, — сообщил мне Янек.

— Возможно. Но ты этого не сделаешь.

— Подскажи мне хоть одну причину, почему не сделаю.

— Я более ценна тебе за пределами тюрьмы, чем в ней самой.

— В качестве чего?

— Приманки.

Янек медленно обошел вокруг стола и остановился прямо передо мной. Он наклонился вперед.

— Райни, ты обладаешь ворованной вещью — лично или знаешь ее местонахождение. В глазах закона это одно и то же. Почему бы тебе просто не передать ее мне?

Это правда. Я владела ворованной вещью, но эту ворованную вещь я не могла никому передать, даже если бы захотела. Первое: указанная вещь, скорее всего, меня бы убила, если бы я попыталась от нее избавиться. И второе: у Янека не было никакой возможности защитить себя от указанной вещи или от тех, кто хотел ее получить. Пока я не буду более информированной, я не поделюсь никакими магическими амулетами со своими друзьями и никуда не свалю до тех пор, пока каждый злодей в городе гоняется за этой игрушкой. Иногда я вынуждена идти по пути высокой нравственности.

— Поверь мне, Янек. Я бы ничего другого не хотела, но, по правде говоря, не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу.

— Как думаешь, ты сможешь передать ее мне в ближайшем будущем?

— Ничто другое не сделает меня более счастливой, чем это. Говорю тебе честно.

Янек сел в кресло.

— Ты станешь популярной.

— Слишком поздно. Я уже популярна.

— Я могу выделить тебе несколько человек, чтобы были недалеко от тебя, — спокойно предложил он.

Я почти готова была выпалить, что не нуждаюсь в защите, но это же абсурд! Я

нуждаюсь во всей защите, какую могу получить. Но я не собираюсь искать ее у Янека, с его уже истощенными ресурсами. Комиссар городского дозора был печально известен прижимистостью по отношению к своим людям, особенно в некоторых районах. Так что это предложение было искренним и очень щедрым.

— Я ценю твое предложение, но мы оба знаем, что ты не можешь разбрасываться людьми. Не сейчас. Кроме того, я предприняла кое-какие меры.

Поскольку у меня нет пристанища ни в одном из конспиративных домов Маркуса, мои так называемые «меры» призрачны. Но стоит ли об этом говорить Янеку? Он думает, что тюремные камеры защищают от опасности; я же знаю, что это смертельная ловушка для тех, за кем охотятся, особенно если охотник — Сарад Нукпана.

Янек продолжал смотреть на меня в упор.

— Предложение остается в силе. Просто дай мне знать.

— Спасибо.

Янек встал.

— Скажи мне одну вещь.

— Что именно?

— Если бы ты оказалась на столе, как Нигель, кого бы первого мне пришлось преследовать?

— Хороший вопрос.

Глава 8

По моему мнению, лучший источник информации о Сараде Нукпане должен быть членом королевской семьи гоблинов — особенно из примару, — или шаманом королевской крови. Я считала примару Тэмнаиса Натраша другом. Тэм хотел быть больше чем другом. Только я не была уверена, что тоже хочу этого. Полагаю, что друзья, или даже больше чем друзья, обычно не убивают друг друга, независимо от того, что Тэм раньше был женат на герцогине Мал'Салин, поэтому я чувствовала относительную безопасность, нанося ему визит.

Тэм был одним из тех мерзавцев, кто вошел в мою жизнь и, как ни удивительно, оставался в ней. Я знала его достаточно хорошо, чтобы доверять. Было в нем кое-что такое, чего я никогда не узнаю, да я и не уверена, что хотела бы знать. Думаю, эта часть в нем была особенно притягательной.

Наряду с тем, что я часто искала пропавших людей, меня часто нанимали найти потерянные вещи. Некоторые из тех вещей были магическими; большинство же были обыденными — и маленькими, и ценными, и блестящими. Мермейя была излюбленным местопребыванием магов в отставке; это была своего рода площадка для игр для магов и тому подобных господ. А если вы хотите играть, вы просто должны за это заплатить. Тэм владел «Сиренами» — самым эксклюзивным и пользующимся дурной славой ночным клубом и салоном азартных игр в городе. Большинство денежных средств, находивших свою дорогу на столы Тэма, поступали с солидных банковских счетов магов и богатых господ, делавших здесь ставки. Но не все счета были чистыми. Тэм не был напрямую вовлечен в махинации, но имел клиентуру, которая частенько была неожиданно щедрой. У Тэма не было проблем с этой щедростью, процветающей в его учреждении, даже если она уже была конвертирована в монету королевства.

Там и я познакомились из-за одного безденежного господина, проматывающего остатки приданого своей жены, чтобы удовлетворить свою тягу к игре. Однажды жена обнаружила пропажу любимого кольца, доставшегося ей от бабушки. Она наняла меня. Я проследила за ее мужем прямо до карточного стола с высокими ставками. Муж пытался направить меня по другому пути. Я не направились, я, черт возьми, не хожу по ложному следу. Тэм известен тем, что любому может отвести глаза, а особо конфликтные ситуации с возмутителями вроде меня разрешает путем выбрасывания в канал позади его клуба. Тэм,

может быть, негодяй и лицемер, но он также здравомыслящий бизнесмен. Он решил, что лучше для него — вернуть леди кольцо. Позже он признался мне, что сделал это, исключительно чтобы произвести на меня впечатление.

Тэм рассматривал меня как вызов; я считала, что эта тема пока еще в разработке. Я также считаю, что под этой расчетливой оболочкой скрывается джентльмен. С точки зрения Тэма, «джентльмен» — грязное ругательство.

При каждом удобном случае я употребляю по отношению к Тэму это грязное ругательство.

Этим утром я хотела поговорить с ним о его бывших родственниках со стороны жены — контактировали ли они с ним, когда прибыли в город. После смерти жены Тэм попросил, чтобы его отпустили со службы королевской семье. Я всегда подозревала, что в этом решении соответствующую роль сыграла политика. Мне хотелось узнать, пытался ли кто-нибудь вовлечь его снова в политические игры. Работа на семью Мал'Салинов обычно не заканчивалась фатально, но решение уволиться почти всегда приводило именно к такому исходу, даже если это относилось к членам семьи. Особенно если ты был талантливым шаманом, который некогда руководил деятельностью особо важной службы. Многие полагали, что Тэм напрасно растрчивает свои таланты на управление работой ночного клуба. Я с ними не согласна. У Тэма было больше чем достаточно негативного опыта, связанного с его прежней работой, и он оставил ее, чтобы заниматься тем, от чего получал удовольствие. И это хорошо для него.

Я знала, что Тэм не был ревностным верноподданным, когда власть перешла к королю Сатрику Мал'Салину. Я также знала, что многие в квартале гоблинов разделяли взгляды Тэма. А с таким королем и его кринсани в городе было полезнее для здоровья хранить свои политические симпатии при себе. Взгляды Тэма, как предпринимателя, были таковы: он поддерживал то, что помогало развитию его бизнеса. Я ни разу не слышала, чтобы действия кринсани были на пользу хоть чьему-нибудь делу, исключая, возможно, наемного убийцу или владельца похоронного бюро. Я не была уверена в политических взглядах примару и бывшего члена семьи Мал'Салинов, но я достаточно ему доверяла, чтобы задавать вопросы.

Я пересекла Герон-роу в квартале от заведения Тэма и остановилась. В «Сиренах» днем никто не работал, но, несомненно, это не мешало Тэму принимать гостей.

Но это была не просто гостя. Я знала эту леди. Или, по крайней мере, знала о ней.

Примари А'Захра Нуру имела прямое отношение к семье Мал'Салинов и пользовалась ее благосклонностью.

Примари, или шаманесса королевской крови, обучала королеву-мать, так же как и покойную королеву, и к тому же была учителем Тэма. А когда Сатрик, старший сын королевы, занял трон после внезапной смерти своей матери, он вынудил примари Нуру уйти в отставку. Он обеспечил ее скромным домом и ежегодным доходом в Мермейе, таким образом удалив ее от двора. Похоже, новый король не желал, чтобы учитель его матери путался у него под ногами. Вряд ли это было неожиданным при сложившихся обстоятельствах, учитывая способности А'Захры Нуру разносить сплетни и недавнюю активную деятельность Сатрика — особенно в обстановке, вызывающей вопросы и сомнения относительно смерти его матери.

Примари А'Захру Нуру вряд ли можно было считать отошедшей от дел. По мнению Маркуса, она была самым доверенным советником принца Чигару Мал'Салина. И вот теперь она пришла к Тэму с визитом. Прошлой ночью в саду Нигеля верные слуги Чигару бросили вызов кринсани — охранникам короля Сатрика. Сегодня утром А'Захра Нуру заскочила к своему бывшему студенту. Такие странности вряд ли были простым совпадением. Если я хочу получить ответы, то, похоже, я оказалась в нужном месте.

Миниатюрная леди-гоблин была в простом платье бледно-розового шелка, и ее серебристо-белые волосы были искусно уложены и скреплены крошечными шпильками, украшенными самоцветами. Более светлые драгоценные камни сверкали на мочках ее заостренных кверху ушей. Как и Тарсилию, годы пощадили А'Захру Нуру. Ее бледно-серая

кожа была все такой же нежной, а лицо с высокими скулами имело изящные очертания.

Примари, без сомнения, срочно хотела увидаться с Тэмом, если вышла на яркое утреннее солнце. Гоблины были активны в ночное время. Если же было необходимо, они могли выйти из дома и днем, но их черные глаза были болезненно чувствительны к солнечному свету, и большинство предпочитало оставаться в помещении. Магазины и офисы в квартале гоблинов в течение дня были открыты, но работали вечером допоздна для удобства своих клиентов. В течение дня на окнах были жалюзи или закрытые ставни, чтобы внутри было не слишком светло. Это давало возможность обслуживать и людей и эльфов. Если гоблины рисковали выйти при дневном свете, они использовали затемненные линзы. На аристократическом носу А'Захры Нуру громоздились стильные очки.

На моей груди затрепетал амулет, и у меня появилось такое ощущение, как будто кто-то проснулся от долгой дремоты. Он знал что-то, чего не знала я, и подозреваю, что примари обязательно имела к этому отношение. Она не замедлила шага, направляясь по Герон-роу, но я знала, что она почувствовала меня, амулет или меня с амулетом. Я инстинктивно схватила его и метнулась обратно, подальше, в тень боковой улицы. То, чем она воспользовалась, было не защитой. Это было заклинание-поиск, совершенно безмолвное и более сложное, чем что-либо из того, что могла сделать я. Ну и пусть кружится в одиночестве. Оно тянулось ко мне, как легкая рябь бежит по поверхности омуты.

Умение чувствовать нечто едва различимое — для меня это что-то новенькое.

Я даже не попыталась это остановить. Я придумала лучше. Блок или отклонение сразу укажут на мое присутствие, как хлопанье дверьми в аристократическом кругу Нуру. Мой желудок заволновался, когда заклинание потекло сквозь меня. Примари на секунду замедлила шаг, но потом продолжила свой путь. Я снова стала дышать. Амулет доказал, что он молодец, как сторожевой пес при любых неприятностях. Но только то, что он недовольно рычал на незнакомцев, еще не означало, что я собираюсь ему доверить свою собственную шею.

Я подождала, пока примари достаточно удалится от меня, спускаясь по Герон-роу, и перейдет улицу, чтобы остановиться перед входной дверью «Сирен».

Вышибалы Тэма еще не дежурили, но охранники, конечно же, были на месте. И они были в полной готовности. Даже половина сил охраны Тэма — и то было бы на что посмотреть, а всей своей мощью они уберегут от чего угодно, хоть от магического взрыва. Выходило так, будто некий гоблин примару чувствовал себя сегодня не в безопасности, и я готова поспорить, что эта опасность возникла прошлой ночью и усилилась с визитом его наставницы с утра пораньше.

Я постучала, хотя была полностью уверена, что Тэму обо мне уже доложили. Через несколько мгновений дверь слегка отворилась, как раз достаточно, чтобы оттуда выглянула пара янтарно-желтых глаз. Я узнала этот взгляд, принадлежащий эльфу. Лоркан Карст. Дежурный администратор Тэма. Я услышала звук открываемого замка, и охранники отодвинулись от двери. Та распахнулась.

Лоркан был высоким и гибким, и, как у большинства эльфов, его худощавость вводила в заблуждение, поскольку он был гораздо сильнее, чем могло показаться по внешнему виду. Лоркан был особенно опасен, причем во всех отношениях, чего большинство не могло и предположить. Очень редко случалось что-то такое, что он не мог проконтролировать — тем или иным способом.

— Госпожа Бенарес, какой приятный сюрприз! Чем могу быть полезен?

В его взгляде при виде меня совсем не было удивления — приятного или какого другого.

— Твой шеф тут? — ответила я вопросом на вопрос.

— Тут.

— Если он не слишком занят, мне нужно с ним переговорить. — Я сделала паузу. — А если он занят, могу подождать.

Лоркан сделал шаг в сторону и проводил меня в тускло освещенное помещение.

— Я спрошу. Сказать Келлу, чтобы он принес вам что-нибудь из бара, пока вы ждете?

Бармен оторвался от работы и приветливо махнул рукой. Я в ответ улыбнулась.

— Ничего, спасибо, — ответила я Лоркану. — Доброе утро, Келл, — крикнула я через пустой танцпол.

Большой гоблин снял очки.

— Как давно вас не было! Где вы пропадали?

— То тут, то там. Как обычно.

Я замолчала, ожидая, когда глаза привыкнут к тусклому освещению. Большинство служащих Тэма были гоблинами, и Тэм хотел, чтобы им было спокойно. Я заходила сюда довольно часто и прекрасно знала, что где стоит, но сейчас не была настроена рисковать споткнуться или сесть на неустойчивый стул. Слева от меня, рядом с длинным блестящим шестом, позади маленькой стойки была искусно сделанная резная двустворчатая дверь. Тэм заказал ее у местного художника. Я внимательно присмотрелась. Ну-ка! Я редко краснею, но нужно сказать, что издалека резные орнаменты разительно отличались от того, чем они оказались на самом деле. Позади тех дверей, вверх по ступеням, располагался самый недоступный эксклюзивный игорный салон в Мермейе.

Игра на деньги не была в Мермейе нелегальной, но запрещалось использование определенных магических приемов. Комбинация азартной игры и магии была или очень хорошей, или очень плохой идеей — в зависимости от того, на какой стороне стола ты сидишь. Идеальное образование Конклава никого не вводило в заблуждение и не имело целью чистый доход, но в любом высококлассном игорном салоне Мермейи маг средней руки мог научиться зарабатывать — подталкивая в нужном направлении пару катящихся костей, манипулируя картами, вынуждая своих партнеров прикрывать глаза, пока идет маленькая реконструктивная работа на игорном столе. Возможности были практически бесконечны. Тэм не выходил за рамки закона, или, во всяком случае, в это верили городские власти. Я не покупалась на это ни на минуту.

Лоркан проводил меня к моей любимой кабинке у дальней стены. Я знала, куда идти, но эльф был истинным джентльменом и хорошим менеджером, поэтому я позволила ему выполнить свою работу.

— Я передам примару Натрашу, что вы здесь, — сообщил он.

Я кивнула. Тэм уже знал, что я здесь, но пусть все идет своим чередом, согласно протоколу.

Лоркан исчез за благоразумно развешанными бархатными порттьерами, маскирующими узкий проход, ведущий непосредственно в офис Тэма, а Келл исчез в задней комнате, поэтому я была предоставлена самой себе. Остальные кабинки были удобнее, если вы хотели, чтобы видели вас, а эта была лучше для наблюдения... и всегда можно быстро смотать удочки. Даже здесь, в «Сиренах», в относительной безопасности, иметь доступ к такой двери и к переулку с протекающим рядом каналом было время от времени полезно. Тэму нравилось поддерживать в своем заведении настолько цивилизованную обстановку, насколько было возможно. Случающиеся порой мои чудесные исчезновения с моей стороны доказывали нашу дружбу.

Мой взгляд, блуждая, дрейфовал к сцене. Шла подготовка к вечернему представлению. Один из участников, молодой гоблин, остановился и откровенно пялился на меня. Я ответила ему долгим взглядом, который, надо признать, он выдержал без труда. У него было тело танцора, все мускулы блестели, и одежда подчеркивала каждый изгиб. Разбираясь в анатомии и представляя, как надо тренироваться, для того чтобы построить и развить ту или иную мышцу, я поняла, что раньше он занимался совсем другими делами, хотя, без сомнения, танцевал он довольно хорошо, иначе Тэм его просто не нанял бы.

Он перевел взгляд в сторону офиса Тэма и слегка склонился.

— Мой примару.

Я обернулась и обнаружила, что Тэмнаис Натраш смотрит на нас обоих с изумлением. Видеть Тэма мне всегда было довольно забавно.

Подобно большинству гоблинов, Тэм отрастил длинные черные волосы. Обычно он зачесывал их назад и стягивал серебряным зажимом. Этим утром его волосы были распущены, слегка растрепаны и спадали переливающейся волной до середины спины. Похоже, он провел ночь здесь. Тэм направился ко мне как большой, красивый и опасный кот, который только что пробудился от очень приятного сна. Если бы я прислушалась, возможно, даже услышала бы его довольное урчание. На нем были брюки и подходящие ботинки из темной мягкой кожи. Сверху он накинул длинный шелковый халат, вышитый замысловатым серебряным и голубым узором. Как бы ненароком халат распахнулся, обнажив моему взгляду гладкую серебристую грудь. Тэм заметил мой оценивающий взгляд и коварно улыбнулся, обнажив клыки.

Он кивнул в сторону сцены.

— Вижу, вы уже познакомились.

— Не совсем, — ответила я.

— Мы готовы, мой примару, если вы захотите послушать, — произнес молодой гоблин.

— А как же! — Под шелест шелка Тэм скользнул ко мне в кабинку.

Пока музыканты готовились, Тэм взял мою руку и слегка коснулся ладони губами.

Видеть Тэма было мне приятно, а его прикосновение пробудило забытые ощущения.

— Как давно тебя не было, — прошептал он. В его глазах светился огонь.

Келл сказал то же самое. Странно, но те же слова в устах Тэма приобретали совсем другое значение. Я бы даже не смогла объяснить почему.

После прошедшей ночи, практически без сна, я думала, что от меня будут шарахаться лошади и прятаться маленькие дети. От моего вида я была на грани истерики, но Тэм не обратил на него внимания. Хотя, зная Тэма, он, возможно, не заметил и того, что висит на моей шее.

Тэм был как чудесный темный шелк — он соблазнял, его голос искушал сам по себе, и оба, он и его голос, делали ваши чувства очень податливыми. Я не была невосприимчива к его чарам, даже совершенно не против. И я всегда себя убеждала, что Тэм не имел ко мне ничего личного. Это всего лишь безобидная маленькая игра, в которую мы оба вовлечены. Может быть, я так долго себе все это внушала, что начала в это верить сама.

Заиграла музыка. Вступили барабаны и два ударных инструмента, издающие более слабые звуки, а затем к мелодии присоединились низкие вибрирующие тона гоблинской флейты. Темп медленно нарастал, переходя в пульсирующий ритм, очень популярный сейчас в мире танцевальной моды. Молодой гоблин начал петь, его тело двигалось точно в такт ударам барабана. Это была любовная песня, в которой хорошим стихотворным слогом говорилось о том, что только гоблин может искренне любить, — песня, полная искушения, лжи и предательства, с легким прикосновением смерти в придачу. Но мое внимание привлекли не слова, а певец — вернее, его голос. Богатый тенор придавал песне гораздо большее значение, чем слова. Музыка становилась все более интенсивной, а с ней и его голос и танец. Если бы я четко не осознавала, что он делает, я бы легко была околдована.

Хотя ему было далеко до Микаэля Илиесора, молодой гоблин был заклинателем впечатляющей силы и мощи. Не было ничего необычного в том, что для представлений Тэм нанимал заклинателей, — немного пения, действующего на подсознание, чтобы клиенты думали, что проводят время просто сказочно, и заказывали больше выпивки. Но уровень мастерства этого гоблина был гораздо выше, чем необходимо лишь для увеличения выручки бара. Если бы он захотел, он бы смог сделать намного больше. Хотя нужно учесть, что Тэм не из тех, кого устраивают полумеры.

Песня закончилась, и мы зааплодировали, причем Тэм с большим энтузиазмом, нежели я.

— Хорошо поет, — прошептала я.

— Да, хорошо, — согласился Тэм.

— Слишком хорошо.

Тэм задержал на мне взгляд, и на губах заиграла легкая усмешка.

— Я предлагаю только лучшее. Моя клиентура именно этого от меня и ждет. Если они хотят послушать дешевую песню-заклинание, всегда могут сходить в «Трубадур».

— Я не о его пении. Я хотела сказать, что происходит воздействие на подсознание.

— Но он же не нацеливался на тебя, дорогая, так что же плохого? Заклинатели тоже должны как-то выживать.

Он не нацеливался на меня, но мог легко это сделать. А после вчерашней ночи я была очень чувствительна к такого рода действиям. Не говоря уже о том, что певец был талантлив и мог легко найти работу, более подходящую его уровню и, возможно, более оплачиваемую, хотя я знала, что Тэм не мелочился. Он хорошо платил своим людям, и даже слишком. В результате у него были чрезвычайно преданные работники.

— Это стоило ожиданий, Рахимат, — сказал Тэм певцу.

Молодой гоблин был польщен.

— Спасибо вам, мой примару. С вашего разрешения, мы покажем это на вечернем представлении.

— Мое разрешение и благословение.

Поклонившись Тэму, но глядя на меня, певец повернулся и начал что-то говорить музыкантам приглушенным тоном.

Тэм стоял у кабинки. Я не видела его движений.

— У тебя конфиденциальный разговор?

Я отвернулась от певца и встала.

— Да.

Тэм скользнул рукой с красивыми длинными пальцами к моему задку.

— Келл принеси закуски в мой кабинет.

Вдоль всего узкого коридора, ведущего в приватную часть заведения Тэма, в углубления в стене были вмонтированы лампы. В итоге освещение получалось бледно-золотистым и очень выигрышным, приблизительно как и в основном помещении. Вся обстановка и все гоблины выглядели лучше при неярком, мягком свете. Бросок костей после парочки стопок крепкого алкоголя — и даже устрашающие громады Тэма выглядят неотразимыми. Я всегда считала: яркий свет — только для чего-то безупречного. Здесь же, уверена, Тэм добавил несколько магических штришков, чтобы усилить эффект.

Тэм открыл дверь и отступил в сторону, пропуская меня вперед. Что-то ласково коснулось моей кожи, когда я шагнула через порог и сквозь его охранные поля. Очень полезно, когда ты в дружеских отношениях с хозяином подобной комнаты. Тэм настроил свою защиту так, что мое присутствие всегда приветствовалось. Доверие — замечательная вещь!

Позади стола красного дерева была открыта дверь. В дверном проеме я увидела угол кровати с бледными простынями, спадающими в ванну, стоящую на полу.

— Ты бы хотела несколько часов поспать. — Он не спрашивал.

— Я бы хотела несколько часов поспать. Когда-нибудь.

— Все будет организовано.

По его тону я поняла, что организовано будет не только это.

— Тэм, я серьезно.

— И я серьезно.

Гоблин подошел к маленькому бару в углу и налил жасминового чая в расписанные золотом фарфоровые чашки, выглядевшие такими хрупкими, будто сразу разобьются вдребезги, если на них просто не так помотришь. Я почувствовала запах нежной цветочной заварки. Небианский жасмин был исключительной редкостью, и импорт его был почти невозможен, если, конечно, у вас не было ни денег, ни связей. У Тэма было и то, и другое.

Он подал мне чашку, сознательно нежно коснувшись моей руки, как он умел это делать.

— Что может быть такого важного, что ты не можешь потратить пару часов на меня?

Я скользнула в одно из двух мягких бархатных кресел, придвинутых к столу.

— У меня нет пары часов. У меня есть проблема.

— А обычно у тебя их нет?! Выиграй время. Игра — это важно.

— Игра — это твой бизнес, Тэм, не мой. — Я сделала глоток чая, прикрыла глаза и вдохнула аромат. Жасмин, цветущий ночью. Мгновение чистого и полного блаженства. Было бы замечательно, если бы я могла его продлить.

— Мой бизнес также делает людей счастливыми. — Его голос превратился в низкое соблазнительное урчание. — И что же сегодня утром может сделать тебя счастливой?

— Кое-что посерьезнее пары часов сна. Нечто подобное всегда делает меня счастливой. Знание того, что плохие парни хотят сохранить в тайне.

— Это не очень веселый сорт секретов?

— Как раз такие для меня. И сейчас, пожалуй, больше, чем когда-либо.

— Я уже начинаю жалеть... Но существует что-то, чем я могу помочь?

— Не подвергая риску себя или свой бизнес? — закончила я его фразу.

— Замечательно, но с тобой... обычно это невозможно.

Прежде чем продолжить, я помолчала, выигрывая время и делая глоток чая и вдыхая аромат.

— Ты слышал о Саймоне Стокене?

— Слышал.

Я не сказала, откуда узнала об этом, а Тэм не сообщил, от кого услышал он. Тэм никогда меня не выдавал, а я применяла этот принцип по отношению к нему. Но в то же время мы не делились ничем из того, в чем другой не был заинтересован. Наши отношения строились строго на основе необходимого знания (стратегия защиты информации, соответственно которой пользователь получает доступ только к данным, безусловно необходимым ему для выполнения конкретной функции). Думаю, что есть кое-что, чего мне лучше не знать о Тэме, и, несомненно, есть кое-какая информация, которую Тэму лучше не знать обо мне. Это не недостаток доверия, а просто здравый смысл. Я всегда была практичной девушкой.

— Я получил на прошлой неделе кесолианское красное и немного марочных ликеров, — сказал Тэм. — У меня есть два других поставщика, но у них немного не та специфика и нет сноровки, а также внимания к мелочам. Подозреваю, мои погреба пострадают, прежде чем я смогу найти достойную замену. — Он помрачнел. — Если смогу найти. Ты знаешь, кто это сделал?

— Зачем? Хочешь отомстить?

— Возможно.

— Сарад Нукпана.

Люблю преподносить друзьям подарочки — и себя не обижаю. Если Тэм сможет каким-либо образом прервать или сократить путешествие верховного шамана по нашему чудесному городу, много людей будут себя лучше чувствовать — особенно я.

Тэм помолчал.

— В квартале гоблинов многие с большим удовольствием отправили бы Сарада Нукпану домой в большом ящике, по маленьким кусочкам. Но только то, что они этого хотят, не означает, что они собираются добровольно сделать так, чтобы это произошло. — Он посмотрел на меня. Его взгляд был серьезен. — Твой интерес профессиональный или личный?

— И то и другое.

Тэм вздохнул.

— Кто тебя нанял?

— Ты же знаешь, что не могу сказать. — Особенно после того, как стала своим собственным клиентом.

Он покачал головой и сел напротив меня.

— Хочешь совет?

— Хочу послушать.

— Найди другое дело.

— Мне это уже предлагали.

— С твоей стороны будет мудрым принять этот совет.

— Слишком поздно.

— Слишком поздно, когда ты мертв. — Тэм медленно вздохнул и откинулся назад в кресле. — Слышал, что его шаманы прошлой ночью нанесли тебе визит, — продолжил он.

— Ты всегда говорил, что мне нужна общественная жизнь.

— Райни, ты никогда не знала его. Я знаю. Поверь мне, лучше, чтоб он даже не подозревал о твоём существовании.

Слишком поздно.

— Слышала, что он настоящий псих, — произнесла я.

Голос у Тэма был спокойный.

— Он также выдающийся, искусный и безумный садист. Он чудовище, Райни. Окажи любезность нам обоим и брось это дело.

— Не могу. По крайней мере без помощи.

Он насторожился.

— Какой помощи?

— Простой информации.

— И ты думаешь, что я обладаю какой-то информацией...

— Это определенно облегчит мне жизнь... и, возможно, даже продлит... если обладаешь. Кринсани заплатили Нигелю Никабару за визит прошлой ночью.

— Что Нигель им сказал? — спросил Тэм.

— Немного, потому что он мертв.

Похоже, для Тэма это была новость.

— Нигель мертв?

— Сегодня утром всплыл на поверхность. Нашли в канале Великого герцога.

Крошечная улыбка изогнула губы Тэма.

— Признай, что это совсем не тяжелая утрата для общества некромантов. — Он замолчал, и улыбка исчезла. — Ты думаешь, я что-то об этом знаю, не так ли?

— Да, и с высокой степенью вероятности.

Для тех, кто с ним не был хорошо знаком, лицо Тэма казалось непроницаемой маской. Но я-то знала его хорошо. Очень многое отражалось в его больших темных глазах, и сейчас эти эмоции относились к моим вопросам.

— Я ничем не могу помочь тебе с Нигелем, — сказал он. — И еще меньше — с кринсани. У меня свои грешки, наряду с парой преступлений посерьезнее надувательства в игорных домах.

— Многие скажут, что здесь можно поспорить, — ответила я. — Я же знаю, ты предпочитаешь сам следить за теми, кто намеревается присматривать за тобой. Кринсани, конечно, профессионалы.

Тэм небрежно махнул рукой.

— Через две ночи король Сатрик устраивает вечеринку. Кто-то должен присмотреть за снабжением и поставками.

— Не думаю, что любимцы Сарада Нукпаны здесь для того, чтобы делать крошечные бутербродики или расставлять цветы, ты ведь того же мнения. Подумай еще.

— Есть много такого, о чем я предпочитаю не знать, до тех пор пока это меня не касается. Тебе следует поступать так же, причем как можно чаще.

— Постараюсь, но в следующий раз.

— Выбранный тобой путь вряд ли приведет к следующему разу. Кринсани появились по какой-то причине, и они сделают то, ради чего пришли... а потом уйдут. Когда они выполнят свое задание, общество гоблинов Мермейи вздохнет с облегчением.

— Не приветствуете нового короля и его советников с распростертыми объятиями?

— Давай просто скажем, что многие из нас предпочитают держать свое мнение при

себе. Любой, кто выбирает Сарада Нукпану в качестве главного советника, не получит в этом городе лояльного отношения. Поскольку Сатрик и его любимчики шаманы в городе, я провожу как можно меньше времени в квартале. Слишком много Мал'Салинов, и лучше держаться от них подальше.

— Не жаждешь воссоединения семьи?

— Я любил свою жену, — категорично заявил Тэм. — Но никогда не испытывал таких же чувств к ее родственникам. Я останусь здесь до конца недели.

Настало время выложить карты на стол.

— Сарад Нукпана хочет заполучить кое-что, чем владел Нигель. Теперь этого «кое-чего» нет ни у Нигеля, ни у Сарада Нукпаны. Мне нужно знать, что это и что оно умеет делать. И мне необходимо узнать это как можно скорее, чтобы не опоздать.

Тэм уловил смену моего настроения. Веселенькое, ничего не скажешь.

— Не знаю, что они ищут, — сказал он мне. — Но если это хочет сам Сарад Нукпана, тебе лучше не стоять у него на дороге.

Я поставила чашку с блюдцем на край стола.

— Те немногие, кого я о чем-либо спрашиваю, это те, кому я доверяю, кто не станет меня предавать. — Я многозначительно помолчала. — Или обманывать. — Я бросила это специально. Была уверена, что у Тэма было достаточно веское основание быть со мной не совсем откровенным. Квентин тоже был не совсем откровенным со мной, и теперь понимает, в какие неприятности из-за этого впутался. Я устала бегать вокруг да около и уже начинала злиться. То, что висело на моей шее, давало мне право вызывать некоторое чувство вины у собеседника. Если я родилась под счастливой звездой, то ношу на себе полезный фрукт.

Темные глаза Тэма маняще расширились.

— Ты мне доверяешь?

На долю секунды он выглядел искренним. Я была тронута. Почти.

Но не смогла удержаться и улыбнулась.

— Свою жизнь — да, но не всю себя целиком.

Его ответная ухмылка превзошла мою собственную. Он выглядел как мальчишка.

— У тебя есть безопасное место, чтобы спрятаться? — Он указал на ранец у моих ног. — Похоже, тебе пришлось убежать из дома.

Я состроила гримасу.

— Ты ближе к истине, чем думаешь. Мне было где спрятаться, и это хорошие места, но они недоступны. А я не хочу стычек с кринсани, если они снова появятся у дверей Тарсилии.

— Тогда я настаиваю, чтобы ты осталась здесь.

— Я думала, ты тоже останешься здесь.

Его темные глаза засияли.

— Останусь.

— Ты не сдаешься, да?

Улыбка исчезла.

— Я почти такой же настойчивый, как Сарад Нукпана.

Я встала и подняла ранец.

— Знаю. Вот почему я не хочу оставаться. Мне надо поспать, а не устраивать соревнования по постельно-прикладному искусству.

Тэм поднял правую руку.

— Обещаю быть безупречным джентльменом.

— Джентльмен... безупречный или какой угодно... не давай обещания, если не собираешься их выполнять.

Тэм плавно встал, выражение его лица было серьезным.

— Никогда и не даю. — Потом его серьезность превратилась во что-то другое, когда он наклонился ко мне и упрямый локон волос коснулся моего уха. — Как насчет ванны?

Быть обнаженной в непосредственной близости от Тэма показалось мне не лучшим... или, во всяком случае, не совсем прямым... способом лечь поспать, но я не могла отрицать,

что мне отчаянно хотелось принять ванну.

— Ты вежливо намекаешь, что мне *необходимо* принять ванну?

Тэм шагнул ближе, его пальцы нежно прошлись по моему уху и шее.

— Я чувю на тебе кровь гоблина. — Его голос охрип.

Я не пошевелилась.

— Он сам напросился.

— Не сомневаюсь, особенно если это кровь кринсани.

Я не видела причины отрицать.

— Кровь есть. — Я помолчала. — Ее владельца уже нет.

Тэм посмотрел на меня и тихо рассмеялся.

— Не сомневаюсь. Я наполню ванну.

Ванна Тэма была замечательным местом, где можно подумать.

Даже если Тэм не был джентльменом, по крайней мере он старался... Будучи бизнесменом, он относился ко мне как к инвестиции, поскольку никогда не вкладывал деньги, если не был уверен в том, что это принесет ему потом большие дивиденды. Я потянулась за мылом. Как замечательно, Тэма не было. Он оставил меня одну в своей шикарной комнате, чтобы я чувствовала себя как дома.

Личные комнаты Тэма были не просто спальным помещением позади офиса. Гостиная с удобным диваном и мягчайшими креслами; ковры, в которые ноги погружались до лодыжек, причем один из них с дальним прицелом был расстелен у резного мраморного камина, перед ванной. Прежде чем погрузиться в ванну, я рассматривала резные узоры. Тот же автор, та же манера. Вероятно, деревянные двери были не единственным предметом обстановки, над которым работал порочный художник — наверное, друг Тэма.

Только погрузившись в горячую, наполненную благовониями воду, я осознала, насколько устала. Но это помогло более четко подумать о моей стычке с Сарадом Нукпаной.

Мне казалось разумным, что если Нукпана нанял Квентина, то, возможно, мог услышать и обо мне. Квентин работал на меня. Естественная логическая цепь развития. Никакой устрашающей конспирации. Чему не было объяснения, так это тому, почему верховный шаман прямо-таки обрадовался, увидев меня. Может быть, он был просто дружелюбен? Ха-ха, ну-ну! Просто дружелюбный сосед-псих!

Я откинулась назад, чтобы намочить волосы. Не думаю, что Тэм знал об амулете и почему Нукпана хотел его заполучить. Но, основываясь на реакции Тэма на возможность моей случайной встречи с Нукпаной, скажи я ему обо всем — и я была бы заперта в его холостяцком убежище до тех пор, пока кринсани не покинут город. Я осмотрелась по сторонам. На самом деле, здесь было замечательно. Покрывало на кровати подозрительно походило на рескилианского соболя. Я усмехнулась. Есть только один способ раскрыть тайну, но сначала мне надо обсохнуть. Неплохой вариант, чтобы провести пару дней, но он не дает объяснений, что такое я ношу у себя на шее, как эта штука работает, что она сделала со мной и почему я не могу ее снять. И самое важное: какого черта Сарад Нукпана узнал меня?

Я погрузилась в ванну еще глубже. Утонуть — и все мои проблемы решены.

— Ты еще не превратилась в русалку?

Я подпрыгнула, расплескав воду. Тэм оказался гораздо ближе, чем следовало. Это можно было предвидеть. Хотя он был все-таки одет. Я немного расслабилась, но была начеку, чтобы сохранить амулет, так же как и остальное, что Тэм найдет интригующим, под водой. То, что Тэм был одет, еще не значило, что он не может все с себя снять, но по выражению его лица можно было предположить, что он чем-то серьезно озабочен.

Одет он был так, как будто собрался куда-то уйти, и вооружен, будто намеревался остаться там надолго. Гоблин, выполняющий боевое задание. У меня было такое ощущение, что эта миссия каким-то образом связана со мной. Как мило, хотя, я знала, лучше так подумать, чем сказать это ему в лицо.

— Собираешься с кем-нибудь встретиться, кого я знаю? — Или только что встретил.
Его лицо ничего не выражало.
— Сомневаюсь.
А я нет.
— Это как-то связано со мной?
Молчание.
Замечательно. Тэм собирается рисковать собой, и произойдет это по моей вине.
— Когда ты ела последний раз? — спросил он, ловко меняя тему разговора.
— Ну-у... ужин прошлой ночью в ресторане «Корона и якорь»... не состоялся. Эль и корочка хлеба у Гарадина ночью. К сожалению, вот и все. Потом сахарные булочки от Майры сегодня утром. Вкуснятина.
Тэм покачал головой.
— Считаю, ты просто объелась.
Послышался осторожный стук в дверь. Это был Келл с подносом, от которого распространялся божественный аромат. Гоблин-здоровяк пробовал отвести взгляд при виде меня в ванне, но ему это не удавалось. Я погрузилась глубже в воду, чтобы помочь ему побороть смущение.
Он быстро поставил поднос и спешно покинул комнату. Я рассмеялась.
Тэм улыбнулся и посмотрел мне в глаза.
— Что?
— Никогда не думала, что Келла можно так легко смутить.
— Не каждый день он находит в моей ванне красивую женщину.
— Ой ли?
По глазам Тэма трудно что-либо прочесть.
— Да, это так.
Он повернулся и снял с подноса тарелки, поставил их на стол, открыл бутылку вина, которое стоит дороже, чем мой заработок за две недели. Похоже на настоящий пир. Если бы здесь не было Тэма, я бы выскочила из ванны и села за стол — не важно, голая или нет.
Тэм бросил халат, который надевал раньше, на стул рядом с ванной.
— Если не захочешь сейчас, можешь надеть, когда сядешь за стол.
— Ты уходишь?
— Я уже пообедал, и у меня есть дело, требующее моего внимания.
О-е-е! Убить или быть убитым из-за меня.
— Если тебе что-нибудь понадобится, Келл в твоём распоряжении, — добавил Тэм. Он наклонился и почти целомудренно поцеловал меня в макушку. Хотя... наклонившись ко мне... он получил достаточное обозрение всего, что находилось под водой. — Хорошо поспи. Я вернусь часам к восьми вечера.
И он ушел. Совершенно внезапно, вовсе на Тэма не похоже. Меня это насторожило.
Я вылезла из ванны, вытерлась и завернулась в шелковый халат Тэма, еще хранивший тепло и запах его тела. Чудесно. Я села за стол и принялась за обед, принесенный Келлом. К тому времени, когда я закончила, я едва открывала глаза. Я сложила одежду — и оружие — рядом с кроватью, в пределах досягаемости, затем выскользнула из халата в постель.
Ах, и покрывало на постели? Определенно рескилианский соболь.

Глава 9

Проснувшись я гораздо позже, чем намеревалась, хотя дополнительное время сна было очень нужно и ценно. Взгляд в окно подтвердил, что уже вечер.

Я планировала уйти до возвращения Тэма. У меня было полно собственных дел, чтобы торопиться. Пока что я не могла лично отправиться в посольство гоблинов и потребовать, чтобы Сарад Нукпана объяснил мне свои действия, но можно сделать кое-что почти настолько же эффективное, но гораздо менее опасное. Я могла задать вопросы Окнусу

Рансилу, и разговор не будет слишком любезным.

Окнус Рансил, может, и не самый талантливый колдун в Мермейе, но, пожалуй, самый коварный. Ничего не происходило в квартале гоблинов, к чему бы Окнус не приложил свою руку в той или иной степени. Все это знали, включая семью Мал'Салинов. В результате Окнус был тем, кого можно было бы назвать главным соглядатаем королевской семьи в городе. И присутствие Окнуса с шаманами кринсани у дверей Тарсилии сказало мне, что круг его обязанностей так расширился, что даже включал в себя выполнение миссии экскурсовода. Окнусу следовало бы понимать, что мой дом — не место для визита туристов; мне же нужно было узнать, чего Сарад Нукпана хотел от меня. Возможно, Окнус не знал всего, но я была уверена, что хоть какая-то доля нужной мне информации у этого гоблина была. Я была также уверена, что мы с Окнусом можем достигнуть соглашения.

Но я не собиралась использовать ножи или угрозы, чтобы получить те результаты, которые мне нужны. Я знала подходящее проклятие, и при необходимости обязательно им воспользуюсь. Как правило, я держалась подальше от проклятий. Они имели тенденцию к обратному эффекту, кроме своего первоначального назначения. Но для этого маленького красавчика я решила сделать исключение. Однажды я уже применила проклятие, и оно оказалось более чем эффективным. Окнус находился там и тогда, где и когда проклятие заканчивало свое воплощение. Оно было невыносимо отвратительным по любым меркам. Я наложила трехдневный лимит, и огненные блохи возникли на четвертый день. Нельзя сказать, что во мне совершенно отсутствуют сострадание и жалость, даже к Окнусу.

Не думаю, что он захочет повторить заражение паразитами.

Одеться и собрать свою амуницию я смогла достаточно быстро. Я знала, где Окнус проводил бо льшую часть своего времени. Он находился в квартале гоблинов, в районе, который я обычно обходила стороной, но избегать — не решение вопроса, если потолковать с Окнусом необходимо.

Служащие Тэма уже прибыли и готовились к приему ночных посетителей. Некоторые меня не узнали, но таких было меньшинство. Я увидела удивленные взгляды и улыбки узнавания, когда я вышла из офиса Тэма. Все знали, что офис босса за той дверью был не только офисом. После ванны, еды и короткого сна я чувствовала себя прекрасно, и мне было наплевать на то, что обо мне подумают.

— Госпожа Райни.

Это Келл. Я подошла к бару.

— Как понравился обед?

— Замечательный. Как раз то, что доктор прописал!

Он был польщен и радостно кивнул. Ни намек на смущение. Полагаю, помогло то, что на мне была одежда.

— Это принесли, пока вы спали. — Он наклонился к стойке бара и передал мне запечатанный конверт. — Так как босс приказал вас не беспокоить, я ждал.

Я посмотрела на печать. Она была простой, и бумага не высшего качества. Точно не от Маркуса.

— Кто принес?

— Лоркан взял его у двери, — ответил Келл. — Но я рассмотрел посыльного.

— Гоблин?

Он покачал головой.

— Человек.

Я быстро и тщательно изучила послание, чтобы не получить никаких неприятных сюрпризов. Обычно восковая печать — это просто печать, и, надломив ее, можно открыть конверт. Иногда же она активизировала отвратительное заклинание. Лучше перестраховаться, чем получить удар. Письмо было чистым, поэтому я вскрыла конверт.

Какое совпадение! Окнус тоже хотел со мной поговорить. Еще бы! Держу пари, что хотел! Возможно, была запланирована милая приятная болтовня. Только мы двое — и дюжина его новых лучших друзей кринсани. Хотя меня удивило выбранное им место

встречи. Док-стрит на северном конце канала Контрабандистов. Он находился на берегу, в квартале эльфов, довольно далеко от любимых притонов Окнуса. В конце Док-стрит начинались Руины. Мне совсем не нравилось находиться где-нибудь поблизости от Руин вечером, но, черт побери, это все же лучше, чем в квартале гоблинов в любое время.

Больше всего меня заинтересовала выбранная Окнусом тема для беседы. Он хотел поговорить о том, почему Сараду Нукпане нужны были я и амулет. Но последняя строка его записки поймала меня как рыбу на крючок, я не могла ничего поделаться и заглотила наживку.

И местоположение артефакта он планирует найти, используя тебя и амулет.

Я смогла даже отсюда ощутить дурной запах. Окнус зарабатывал на информации, для него это валюта. Совершенно ясно, что у меня не было такой информации, на которую он мог бы обменять свою, поэтому он и запросил пятьдесят золотых тенари.

Он хотел встретиться в семь. Я знала, когда Окнус был где-нибудь вблизи берега и рядом с кварталом эльфов, он обедал в «Струящемся потоке», рано и всегда один. Обычно потому, что никто больше не хотел с ним обедать. Было около шести. Если я поспешу, то смогу составить ему компанию.

Я засунула письмо под ремень.

— Скажи Тэму, я вышла за десертом.

Солнце почти спустилось к горизонту, купая лагуну в золотых лучах. Это мое любимое время дня. Жаль, что у меня совершенно нет времени насладиться этой красотой. Я хотела, чтобы наступила тихая ночь и для сна было больше пары часов. И хотя одного желания мало, я очень на это надеялась. После разговора с Окнусом я могла вернуться обратно и снова принять душ — особенно после разговора с Окнусом, по-другому и быть не должно.

Двое городских служащих неторопливо прокладывали путь вдоль берега канала Контрабандистов, зажигая городские фонари. Было время ужина, и люди спешили домой на вечернюю трапезу. Я завернула за угол Док-стрит как раз вовремя, чтобы увидеть, что Пиараса силой толкают в переулок двое в плащах. Одна часть меня заинтересовалась, что это Пиарас делает в районе Руин в сумерках. Другая часть уже знала, что это была не его идея. Молодой заклинатель выглядел испуганным. Я посмотрела в обе стороны Док-стрит. Те, кто зажигал уличные фонари, уже ушли, никого из городского дозора тоже не видно. Фигуры. Вот когда я могла воспользоваться своим резервом.

У меня была пара ножей в руках и заклинание наготове, и я знала переулок, куда втолкнули Пиараса. В отличие от большинства переулков Мермейи, этот имел два входа. Фокус в том, как подобраться к ближайшему входу первой. Пространство для маневра на любой улице около Руин было минимальным. Это не самое безопасное место, чтобы скрестить мечи с кем бы то ни было. На расстоянии в полквартала был параллельный переулок. Их соединял проход между двумя зданиями. Вдобавок тут не надо прятаться, это могло дать мне выигрышный элемент неожиданности. Сюрприз может быть не всегда кстати, но я знала по опыту: это хорошая вещь, чтобы иметь ее про запас. Иногда только и можно, что преподнести сюрприз.

Я молча и насколько могла тихо пробежала по переулку, осторожно выглянула из-за угла и достигла нужного места. Остановилась и прислушалась. Между зданиями было очень темно и совершенно тихо. Великолепно! Мои волосы на затылке встали дыбом, как и мои подозрения. Послышался какой-то шум. Пиарас, может быть, и молодой и неопытный, но без боя он не сдастся. Я несколько раз сжала и расслабила пальцы на рукоятках своих коротких мечей, чтобы меня отпустило нервное напряжение. Не оставалось ничего другого, кроме как напрячь зрение.

Пиарас и те, кто захватил его в плен, находились там, где я могла их четко разглядеть. Они стояли лицом к переулку и явно ждали меня. Черт! Пиарас сопротивлялся, но перевес сил не в его пользу. Из одного угла его рта текла струйка крови, а сбоку на лице был кровоподтек от удара кулаком. Его пленитель, в плаще, с накинутым на голову капюшоном, был здоровенным, одна его рука, закрытая кожаным доспехом, крепко обхватила горло

Пиараса, заглушая все звуки и лишая его воздуха. В другой руке захватчик держал длинную тонкую шпагу, направив острие в третье ребро Пиараса, как раз в сердце. Его руки были без перчаток — и серыми.

Гоблин не двигался... Я тоже.

Из тени выступили еще два гоблина. Их элегантное одеяние и кожаные доспехи сливались с наступающей темнотой. Они не были уличными головорезами. Я узнала одного из них: Рахимат, заклинатель из ночного клуба Тэма. Он остановился рядом с Пиарасом, с тонким стилетом наготове. Пришлось ли Тэму что-нибудь сделать, чтобы так засветиться, но, если я выберусь из этой передрыги живой, ему придется многое объяснить — и для него же лучше рассказать все как можно быстрее, прежде чем он не сможет говорить вообще.

На краю тени притаилась невзрачная фигура. Я не смогла разглядеть лицо, да в этом не было необходимости.

— Ты пропустил десерт, — сообщила я Окнусу.

— Бизнес — прежде всего. Я всегда могу съесть десерт и попозже. — Он повернулся к гоблину, державшему Пиараса железной хваткой. — Я сделал все от меня зависящее в этой сделке.

Гоблин в капюшоне кивнул Рахимату, и заклинатель брезгливо швырнул к ногам Окнуса мешочек с монетами. Если мои уши, фамильные уши семьи Бенарес, меня не обманывают, то звякнул он как пятьдесят золотых тенари. Мешочек исчез в складках мантии Окнуса моментально.

На лице гоблина появилась клыкастая ухмылка.

— Мне всегда приятно иметь с вами дело, госпожа Бенарес. — И он стремглав умчался из переулка.

Из деревянных частей строения стали выступать гоблины, вооруженные еще лучше, чем находившиеся здесь. При нормальных обстоятельствах я бы убежала, если бы не Пиарас во власти тех, кто действовал с самонадеянностью профессиональных киллеров.

Гоблин, пленивший Пиараса, слегка мотнул головой, и капюшон сполз назад, обнажив высокие скулы и красивые угловатые черты лица, указывающие на благородное происхождение и древнюю кровь. Трое гоблинов подошли ко мне сзади и начали меня разоружать. Им удалось найти все, а у меня не было выбора, оставалось только позволить им меня обыскивать. Я смотрела на Пиараса, внушая ему хладнокровие, которого сама-то и не чувствовала. В его темных глазах отражались одновременно боль, страх и беспомощность. Лидер уставился на меня не мигая, взгляд его темных глаз был тяжелый и ничего не выражающий. Пиарас был для него не более чем средство для достижения цели.

Когда я была полностью разоружена, гоблин заговорил. Его голос был спокойным и размеренным, он не сомневался в моем полном сотрудничестве.

— Вы пойдете с нами, или мальчишка умрет.

Глава 10

Земля в Руинах была двух типов — та, которая была твердой, и та, которая такой только казалась. Надеюсь, наши захватчики знали верные тропинки.

Мало кто помнил настоящее название Руин. Раньше это был самый престижный адрес в Мермейе, пока около ста лет назад личная кровная месть между парой ушедших в отставку магов Конклава не вышла из-под контроля. Это был покрытый буйной растительностью островной парк посреди города, место жительства только самых богатых. Когда существа, словно вышедшие из ночных кошмаров, начали в виде призраков населять поместья умерших магов, общественная элита Мермейи решила, что лучше пусть ее заоблачная жизнь протекает где-нибудь в другом месте. Шикарные виллы и раскидистые сады превратились в груды камней и болото, когда деревья и лагуна засохли. К тому, что напоминало о некогда чудесных больших особняках, и прилепилось название Руины.

С тех пор они стали любимым прибежищем колдунов-мошенников, ищущих укрытия и

уединенности для своей деятельности, и банд уголовников. Результатом нескольких неудавшихся магических экспериментов и стали существа, которые до сих пор скитаются в глубинах Руин. За время своей работы некоторых из них я видела своими глазами, о других знала по рассказам знакомых. И я не жаждала и не спешила пообщаться на практике с теми созданиями, о которых слышала.

Многочисленные прискорбные инциденты заставили городские власти принять меры. Был возведен высокий железный забор, утыканный сверху острыми шипами, чтобы обитатели Руин были заключены внутри, тогда как основное население Мермейи оставалось снаружи. Защищать глупцов от себя самих не было популярным использованием налоговых средств. Многие граждане, включая и меня, считали, что если кто-то не был достаточно догадливым, чтобы не бродить по Руинам, он имел полное право отбиться от стада, и не следует тратить деньги налогоплательщиков, пытаясь его остановить.

Поход по территории Руин был не из приятных, особенно если твои руки за спиной, на глазах повязка и тебя сопровождают вооруженные гоблины. Я бывала здесь и раньше, хотя как не сама выбрала это место тогда, так не по своему желанию оказалась тут сейчас. Я ничего не видела сквозь повязку, но мои остальные органы чувств подсказывали, что здесь не стало лучше со времени моего последнего визита.

В дневное время в Руинах в основном было тихо, поскольку многочисленные обитатели этого гиблого места нуждались в темноте, чтобы рискнуть прогуляться. Так как солнце уже садилось, они начали просыпаться — голодные существа, чьим первостепенным делом было отыскать себе пропитание. К несчастью, Пиарас и я могли быть определены как еда. Повсюду поблизости слышалось глухое завывание и урчание. А над нашими головами раздался гортанный вой, но внезапно затих. Я не была уверена, что хуже: то, что придумали сделать с нами гоблины, или оказаться вечерним угощением того, что сейчас рычало прямо на меня справа.

Бежать — не то решение, которое нужно долго обдумывать. Но даже если бы мы могли сбежать, уже было темно, самостоятельно передвигаться мы могли с трудом, но самое важное — я представляла, что происходило вокруг. При подходе к Руинам я точно знала, что наши захватчики — меньшее из двух зол, пока они не доказали обратное.

Пиараса сопровождала другая группа гоблинов, следующая за нами. Они не хотели, чтобы я с ним разговаривала. Это мне стало ясно в тот момент, когда я попыталась открыть рот. Моя челюсть до сих пор болит в том месте, где кулак гоблина внезапно свел с ней знакомство. Ясно, что такой удар гораздо больнее, когда у тебя нет возможности увидеть, откуда он пришел.

Гоблины ускорили шаг. Понятно, что им тоже не нравились неспешные прогулки по Руинам темной ночью. Я в душе была рада, что мы поторопились, но легче мне не стало от такой ходьбы. Я не видела, что у меня под ногами, а моих захватчиков это не волновало. Беспардонно схватив меня за руки, они просто подняли и перенесли меня через какую-то преграду, лежащую на их пути. Полагаю, это было быстрее, чем позволить мне спуститься на твердую почву.

Наконец наши конвоиры замедлили шаг. Благодаря этому и ощущая под ногами каменную мостовую, я предположила, что мы прибыли к одной из заброшенных вилл. Я и не ожидала, что гоблин, который приложил столько усилий, организовав наше сопровождение, мог, даже временно, поселиться в лачуге рыбака. Должна признать, что укрытие идеальное.

Я поняла, что здесь гоблинов еще больше, когда нас вели вверх по короткой лестнице и внутрь, из чего я заключила, что это и был пункт назначения. Я тускло видела мелькание света сквозь повязку на глазах, когда нас вели по длинному коридору, и слышала голоса гоблинов. Один внезапно заглушил другие, разразившись гневом. Я не смогла разобрать слов, но обладатель голоса явно был недоволен. Со скрипом отворилась дверь, которой, видимо, давно не пользовались, и мои руки невольно напряглись. Голос внезапно понизился до свистящего шепота. Нас толкнули вперед — и все стихло.

Рука в перчатке сняла с меня повязку. Как только я проморгалась от внезапно яркого

света, то увидела, что стою в комнате, некогда бывшей кабинетом джентльмена. Стены темного дерева потускнели от возраста и запущенности. Мебель, которая осталась, изначально была высочайшего качества, но от времени и испарений болотного воздуха совершенно обветшала. По большей части она была накрыта простынями, а кое-где окутана такой же бледной и тонкой паутиной. Это подсказало мне, что гоблины здесь появились недавно и не планируют надолго задерживаться. Комната освещалась свечами, и единственным источником тепла был небольшой костер, кажущийся карликовым в массивном мраморном камине, где он горел.

Хозяин комнаты стоял перед камином. Он был высоким гоблином, его красивое лицо — нарочито безэмоциональной маской. За исключением черно-синего мерцания, его длинные волосы не были ничем украшены. Его глаза были темными и напряженными, с едва различимой белизной белков. Он вдохнул, и вокруг него мгновенно установилась тишина. Я далеко не дура. Я уже знала, кто это. Принц Чигару Мал'Салин, может быть, и спасался бегством от своего брата, но он собирался делать это в присущем ему стиле и, конечно, был в состоянии столь эффектно доставить нас сюда — и теперь вырисовывался прямо перед нами.

Некоторые из присутствующих в этой комнате гоблинов тоже оставляли свои черные волосы свободными, в то время как другие затягивали их в косы с вплетенными серебряными цепочками, застегнутыми у головы драгоценными заколками. Они носили серьги с шикарными цепочками, тянущимися к браслетам, прилаженным к уху около острого кончика. Все были в изящных одеждах черного шелка и бархата и, как и принц, имели оружие из вороненой стали и доспехи из выделанной кожи вдобавок к пышному убранству. Вооружены были все.

Они не были уличными разбойниками. Они выглядели тем, чем, скорее всего, и являлись: королевским двором в изгнании.

Я склонила голову перед рослым гоблином у камина:

— Ваше высочество.

— Госпожа Бенарес.

Сарад Нукпана и принц Мал'Салин знали, как меня зовут. Это уже не легкая тревога, это гораздо хуже.

— Да, я знаю, кто вы, — пояснил принц. Его взгляд остановился на Пиарасе. — А это кто?

— Наживка, — ответил один из гоблинов.

Темные глаза Пиараса потемнели от гнева. Для него так лучше. Он не паниковал, хотя для этого были достаточно веские основания. Из того, что я слышала о Мал'Салинах, выходило, что все будет ухудшаться, прежде чем станет хоть немного лучше. Если станет лучше.

Принц и я долго смотрели друг другу в глаза.

— Развяжите их, — тихо приказал он.

Один из охранников приблизился и разрезал мои веревки. Я потеряла запястья, восстанавливая циркуляцию крови. Пиарас делал то же самое.

— Приношу извинения за любое неудобство или оскорбление вашего достоинства. Уверяю, никто специально не намеревался этого делать. Мне нужно с вами поговорить, а вы слишком упорно меня избегали.

Избегала его? Я даже не знала, что он меня ищет! Хотя чему удивляться?! Похоже, в Мермейе меня не ищет только ленивый. Голос у принца любезный, но напряженный. Все было в рамках приличия, но только потому, что его высочеству так было удобно, по крайней мере пока. Здесь что-то происходит, и думаю, что мне совершенно не хочется знать, что именно.

— Мне жаль, что пришлось прибегнуть к таким грубым средствам, чтобы привести вас сюда, но у меня почти нет времени, а вы не оставили мне выбора. Удачно, что вы случайно оказались в нужном месте и в нужное время. Если бы этого не случилось, нам бы пришлось выполнить то, что мы обещали сделать с вашим молодым другом. Мы были бы вынуждены

применить радикальные меры. — Он помолчал. — А это нежелательно.

Пиарас побледнел. Принц не обратил внимания. Я вскипела:

— Ну-ну, нам всем сегодня так повезло! Не правда ли, ваше высочество? — Я знала, что ситуация хуже некуда даже без моих комментариев, но ничего не могла с собой поделать.

Принц проигнорировал мое язвительное замечание.

— Могу предложить что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

Он указал пальцем с длинным ногтем на кресло с высокой спинкой напротив камина.

— Тогда присаживайтесь. Будьте так любезны.

Не найдя в кресле изъяна, я приняла приглашение. Лучше сохранить свои силы на потом, когда они мне понадобятся. Он придвинул еще одно кресло, напротив меня. Пиарас остался стоять, охраняемый с двух сторон гоблинами. Принц обрисовал ситуацию. Я буду сотрудничать, или Пиарас пострадает. Я знала Чигару Мал'Салина меньше трех минут, и мне он уже не нравился. Но другого я и не ожидала.

Принц махнул рукой неясной фигуре, стоявшей на краю света и тени.

— Джабари?

— Да, ваше высочество?

— Ты и Сефу останьтесь. Остальные могут идти.

Может быть, он обращался к своей охране и придворным, но своего взгляда от меня не отводил. Я решила тоже посмотреть прямо в глаза. Если кто-то первым моргнет, то это буду не я.

— Как я понял, прошлой ночью вы познакомились с Сарадом Нукпаной.

Не видела причины отрицать очевидное.

— То, что между нами произошло, вряд ли можно назвать знакомством. Это больше походило на уклонение от него.

— Только с вашей стороны, — прошептал он. — Сарад Нукпана страстно желает познакомиться.

Я пожала плечами.

— Похоже, последнее время я произвожу такое впечатление на всех мужчин.

— Да, в вас есть нечто завораживающее.

Я стукнула каблуком по полу, сбив с ботинка изрядный ком грязи.

— Во мне есть столько всего, что не объяснить словами.

— Я могу очень хорошо все объяснить. Серебряный медальон работы эльфов с выгравированными рунами, которые на первый взгляд никому ничего не говорят — за исключением мертвого хранителя, который их выковал девятьсот лет назад. Звучит знакомо, да?

Я покачала головой, что было не очень-то легко сделать, учитывая вдруг навалившуюся на мою шею тяжесть.

— Нисколько. И вряд ли он отвечает моему вкусу в отношении драгоценностей.

Принц-гоблин наклонился вперед, довольно близко ко мне — я даже уловила его запах. Смесь сандалового дерева и специй. Его голос был тих и угрожающ.

— Сарад Нукпана знает, что он у вас... я тоже знаю. Ваша тайна раскрыта, госпожа Бенарес.

Я выразительно помолчала, а потом заговорила, мой голос был тверд, что стало новым сюрпризом. Я не сделала ни движения, чтобы показать ему амулет, и, естественно, не собиралась его снимать, даже если бы смогла.

— Я действительно думаю, вы могли бы найти что-нибудь получше, — сказала я ему. — В Мермейе живут лучшие серебряных дел мастера во всех семи королевствах. Что такого особенного в том куске металла?

Теперь настала очередь принца надолго замолчать. Он умел красиво держать паузу, и делал это гораздо дольше меня. И чем дольше он молчал, тем шире становилась его улыбка.

Она была настоящей. Ему что-то казалось забавным, и думаю, я сама была наиболее важным элементом в шутке.

— Вы действительно не знаете, чем владеете. — В его голосе прозвучало удивление. — Как такое может быть? — Потом он подумал еще о чем-то и рассмеялся, как будто ему щекотали подмышки. — Я все объясню, — поддразнил он, — но придется остаться здесь. Я не могу допустить, чтобы вы нарушили мои планы.

Я не собиралась отдавать ему амулет, поэтому он придумал задержать меня здесь настолько, насколько пожелает. Меня посадят где-нибудь под замок, чтобы я не сбежала.

Я откинулась на спинку кресла и расслабленно скрестила лодыжки.

— Просветите меня.

Чигару Мал'Салин был совсем не тем источником информации, о котором я думала, но в связи с тем, что больше никто не желал говорить, буду добывать знания где придется.

Черные глаза принца блестели при тусклом освещении огня.

— Что вы знаете о Сагреде?

Итак, передо мной был гоблин. Когда Гарадин преподавал мне историю гоблинов, он уделял много внимания особо сумасшедшим — это означало, что я вполне прилично знала династию Мал'Салинов. Сагред был во временном владении короля Омари Мал'Салина, который свихнулся на почве искусства.

— Легендарный талисман, впервые упомянутый среди ваших людей в пятом веке, — произнесла я, как будто цитировала по памяти урок Гарадина. — Как говорят, это был черный камень, упавший с небес. Он был невероятно тяжелым, но размером с кулак. По слухам, король Омари хотел им воспользоваться для уничтожения кого бы то ни было и чего бы то ни было, что ему не нравилось, а это было почти все живое и неживое. Легенда также гласит, что камень был способен и на многое другое. Только шаманы высшего уровня умели с ним обращаться — по крайней мере какое-то время. В конце концов все они сходили с ума и сами себя уничтожали. Сагред хранили в специально сделанной шкатулке из белого камня, добытого в горах Соре. Хранители отобрали талисман у короля Омари. Они хотели его уничтожить, но ничего не получилось, поэтому они его спрятали. И его больше никто никогда не видел. — Я замолчала, чтобы перевести дух и набрать в грудь воздуха. — Я бы и шагу не ступила, если бы такой тяжелый камень висел у меня на шее, ваше высочество.

— Вне всякого сомнения, — согласился принц, — Сагред не тот объект, который легко транспортировать. Вот почему хранитель обеспечил его защитой. Был создан сигнальный маячок, позволяющий заботиться о камне без необходимости находиться вместе с ним или оставаться спрятанным в специальном укромном месте всю жизнь.

Я начала понимать, к чему он клонит и что это не туда, куда бы мне хотелось.

— Разрешите спросить... Вы полагаете, что этот ювелирный полномочный представитель и есть тот серебряный медальон?

Гоблин не удостоил меня ответом. Он просто улыбнулся.

— С сигнальным маячком можно найти Сагред, — пояснил он. — На языке моего народа слово «Сагред» грубо можно перевести как «Ловец Душ» или что-то в этом роде. Как говорится в легенде, шаманы, лишённые королевской милости, были принесены в жертву камню. Шаманы, совершившие это жертвоприношение, получили в обмен на это увеличение своей мощи. И при этом их жизнь продлевалась, но потом они сходили с ума; быть принесенным в жертву означает, что твоя душа заключена навечно внутри камня.

Принц, не вставая с кресла, наклонился вперед.

— И, с вашего позволения, я внесу некоторые коррективы, госпожа Бенарес. — Его шелковистый голос был чуть громче шепота. — Из всех шаманов, пользовавшихся Сагредом и сходивших с ума, только несколько себя уничтожили на самом деле. Большинство были взяты камнем.

Лишь только треск огня в камине нарушал тишину.

— Взяты? — прошептала я.

— Время играет Сагреду на руку. Если камень проголодался, он может и сам

обеспечить себя пропитанием. Шаманов просто проглотили, госпожа. Их души и силы добавились к тем, которые уже содержались внутри ловушки — были пойманы в капкан вечности теми самыми коллегами, что принесли себя в жертву собственными руками.

— Представляю, каково им там встретиться...

Принц улыбнулся.

— Вне всякого сомнения. Армии гоблинов, которые несли Сагред перед собой, были непобедимы... а их противники были уничтожены. Мой брат и Сарад Нукпана страстно желают заполучить Ловца Душ. А я не хочу, чтобы они преуспели в этом деле. Мои намерения просты, госпожа Бенарес. У вас есть сигнальный маячок. Вы — искатель. Вы поможете мне найти Сагред первым. Как только я им завладею, вы и мальчишка уйдете отсюда целыми и невредимыми.

Значит, у меня на шее висит магнит, притягивающий древний камень, который ворует души! Очень мило. Мне совсем не хочется быть в центре клубка змей, связанных кровными узами. И ни при каких обстоятельствах я не собираюсь помогать Мал'Салину, любому Мал'Салину, или любому, работающему на Мал'Салина, в поиске так называемого Ловца Душ.

— Мои возможности на этом поприще в лучшем случае минимальны, — таков был мой ответ. — Сомневаюсь, что у меня достаточно умения помочь вам в поисках.

— Не обязательно быть магом, чтобы пользоваться маячком... или, иными словами, маячок будет использовать вас. Как мне сказали, конкретно этот маячок был своеобразным ключом к своему создателю. И, по словам моего учителя, вы достаточно эффективно воспользовались его силой.

Так много всего, что я даже не поинтересовалась, почувствовала ли меня примари А'Захра Нуру около ночного клуба Тэма.

— Интересно узнать, как вам это удастся, — продолжал принц, — но в настоящий момент важно не это. Найти сигнальный маячок было лишь одной проблемой моего брата, найти кого-то, кто может с ним обращаться, — совсем другое дело. Поэтому я теперь должен уберечь от своего брата не только маячок, но также и вас. А так как существует возможность, что Сарад Нукпана сможет определить местонахождение Сагрета сам, мы должны найти Ловца Душ первыми.

— А если я откажусь?

Как я и предполагала, он бросил на Пиараса взгляд, который легко было понять.

Мне не нужны дальнейшие уточнения, и я надеялась, что принц не видел необходимости давать их.

— Сатрик убил нашу мать своими собственными руками, госпожа Бенарес. Он убил или изгнал самых доверенных советников, и он пытался убить меня бесчисленное количество раз. Теперь он приблизил этого шамана, подлейшего из подлейших, править рядом с ним. — Он замолчал, и я увидела, как играют желваки на его лице. — Завладев Ловцом Душ, он получит даже больше, чем способен пожелать его больной разум. Сараду Нукпане потребуется лишь пролить живую кровь, чтобы открыть камень, и принести в жертву душу, чтобы получить его силу. — Его голос опять стал тихим шепотом. — У моего брата есть все, что можно себе представить, и будет еще больше. Мне же терять нечего.

Его глаза были как черно-янтарные шары. Он не просто принял решение, он был готов безрассудно идти на риск — и, возможно, желал совершить то, что тоже можно считать сумасшествием. К сожалению, здесь не было его брата и нельзя было сразу же воплотить задуманное. Выросшая в доме, похожем в чем-то на дом Сатрика Мал'Салина, я почти мгновенно узнала некую ментальную нестабильность, витающую в воздухе. Так что я могла в какой-то степени понять, что он ощущает, и даже этому посочувствовать, но не тому, что он хотел сделать.

— Вам нужно сделать довольно простой, с моей точки зрения, выбор, — продолжал он. — Вы или за моего брата, или против него.

— Не понимаю, почему лично я должна быть за Сатрика Мал'Салина.

— Тогда найдите Сагред мне.

Я медлила. Не самое лучшее действие, но очень не хотелось сказать что-нибудь не то. Такие вещи выпадают прямо в лицо. Особенно когда говорю их я.

— Принимая во внимание то, что я слышала о вашем брате и Сараде Нукпане, и то, что мне рассказали о Сагреде, собрать все три вышеперечисленные составляющие в одной комнате — самая последняя вещь на свете, которую хоть кто-нибудь захотел бы сделать.

— Значит, мы договорились.

— Поймите мою дилемму, ваше высочество. Я слышала, что ваш брат и Сарад Нукпана способны на все. Но я не знаю ни вас, ни ваших планов.

— Мои планы вас не касаются. Но как бы вы ни раздумывали, вряд ли в вашем положении можно торговаться.

— Истинная правда. Но вы сказали, что мой друг и я не пострадаем, что мы будем отпущены сразу, как только вы получите то, что хотите. Вы требуете моего полного доверия единственному вашему слову. Я никогда не имела дела лично с вами, но эльфы знают по горькому опыту, что такое слово Мал'Салина. Если кем-то данное слово можно истолковать по-разному, то обычно говорят, что это слово Мал'Салина.

Сзади меня раздалось злобное шипение и звяканье холодного оружия, вытаскиваемого из ножен. Принц не пошевелился. Охранник рядом с Пиарасом не сдвинулся с места. Я тоже не отреагировала — зачем испытывать судьбу и проверять, каковы мои шансы на долгую жизнь? Я не слышала, как оружие опять вошло в ножны. И ни в коем случае не хотела оборачиваться и искать, кто это сделал.

Одна рука принца покоилась на искусно вырезанном подлокотнике кресла. Он отломился, когда пальцы вцепились в него железной хваткой. Хотелось верить, что дерево было давно прогнившим, хотя я знала, что это не так. Я склонялась к мысли, что это было сделано, чтобы произвести эффект на присутствующих.

Когда принц заговорил, его голос звучал спокойно.

— В отличие от большинства членов моей семьи, мое слово — священный закон. Ваше право верить или нет. Но чтобы вас привести сюда, сильно рисковали мои люди и я сам, потому что мой брат подобрался близко к своей цели и хранители все больше впадают в отчаяние, как и я. Так что, госпожа Бенарес, никому из нас не остается ничего другого.

Я не считаю предмет по прозвищу Ловец Душ лучшим выбором.

Взгляд темных глаз принца переместился ниже, к моей груди, туда, где под камзолом находился амулет.

— Снимите.

Я даже не шелохнулась, чтобы выполнить его приказ.

— Снять не могу.

— Меня не интересует ваше желание, госпожа Бенарес. Я дал вам благоприятную возможность закончить это без крайних мер, которые были бы нам обоим неприятны.

— Она не может снять. Он ее не отпускает. — Голос Пиараса был решительным, только слегка дрожал.

Подобно искре под тлеющими угольками, я почувствовала медленное возрождение жизненной энергии в словах молодого заклинателя. Там таилась опасность, и она была реальной, ощутимой в холодном воздухе комнаты. Не могу точно сказать, осознавал ли Пиарас, что происходит, но знания принца были несколько другими. Неизвестно, хорошо ли он изучал магическое искусство, но не думаю, что он воспринимал Пиараса как настолько же серьезную угрозу, какую представлял сам. Пока еще. Меньше всего я хотела бы, чтобы Пиарас пострадал от Чигару Мал'Салина. Мне надо отвлечь внимание.

Я вытащила из-под рубашки амулет.

Пиарас мгновенно отреагировал:

— Нет!

Он рванулся ко мне, но тут же был остановлен обоими охранниками.

Силой воли я заставила себя не обращать на это внимания. К счастью, принцу Чигару

было не до этого. Его внимание было мгновенно приковано к сверкающему в свете костра амулету. Я глубоко вздохнула. Задача выполнена. Это привело к возникновению новой проблемы, но я была готова решить ее любым способом, каким сумею. У меня такое чувство, что ни для кого из находящихся в этой комнате, включая меня, не будет ничего хорошего. А... плевать! Мои руки были развязаны, в комнате было окно, и я была готова к побегу. Я ощущала активность амулета, его тепло проникало в мое тело. Думаю, этого уже достаточно, даже слишком.

Принц встал и наклонился ко мне. Он уперся руками в подлокотники моего кресла, эффектно припечатав меня к спинке, а его волосы, закрыв нас от посторонних взглядов, спадали вокруг темной шелковистой шторой. Он не сделал ни одного движения, чтобы дотронуться до меня или взять амулет. Он только смотрел на меня так, как никто и никогда раньше на меня не смотрел. Это был страх осознания первобытной мощи и всепоглощающая жажда завладеть ею. Мне совсем не понравился его взгляд. Я в ответ посмотрела на него в упор. Краем глаза я увидела большую пыльную вазу на краю стола. Она стояла не так уж и близко, чтобы я могла дотянуться руками, но мне необязательно ими пользоваться, чтобы этот вазончик обрушился на затылок принца Чигару. Я так живо представила картину, что меня это развеселило, и я слегка улыбнулась. Гоблин все понял совершенно не так. Его проблема, не моя.

— Он привязался к тебе, — выдохнул он. — Ловец Душ сам ясно виден через твои глаза. Они светятся силой смерти.

Я в ужасе отшатнулась — больше от слов, чем от самого принца Мал'Салина, нависавшего всего в нескольких дюймах от моего лица.

В тени комнаты раздались звуки потасовки, затем бормотание, и Пиарас бросился на принца, увлекая его за собой на пол, где они вцепились друг в друга. Охранники, ненадолго отвлеченные вниманием принца ко мне, старались оттащить Пиараса, но им доставались только пинки. Одна резкая мысль — и ваза приземлилась со стола прямо мне в руки. Она была большой, металлической... и когда встретилась с головой одного из охранников, то издала приятный моей душе звук твердого металла. Сцепившихся противников быстренько растащили в стороны, и я была вознаграждена возможностью ударить в плечо принца Чигару. Это, конечно, не та часть тела, куда я хотела бы прицелиться, но я находилась не в той позиции, чтобы быть разборчивой, поэтому что вышло, то вышло. Двери распахнулись, и в комнату ввалились гоблины... вооруженные гоблины, которые не были рады обнаружить своего принца на полу. Чьи-то сильные руки в доспехах резко швырнули меня обратно в кресло, и обнаженный меч недвусмысленно указал, что мое место там. Пиараса грубо подняли и скрутили ему руки за спиной.

Принц встал и медленно вытер кровь с губы. Его глаза пылали огнем. Пиарас не отступил и не отвел взгляд.

Принц Чигару обратился к охране:

— Запереть наших гостей в комнате наверху, выставить караульных, потом с докладом ко мне.

Глава 11

За нашими спинами закрылась дверь, и раздался звук поворачиваемого в замке ключа. На слух замок был слишком прочным, а шаги наших караульных не затихли в конце коридора, как я надеялась. Охранники принца Чигару исполняли его приказания буквально. Я была слишком ценной именно сейчас.

Мы находились в комнате, некогда служившей гостевой спальней. Она была замечательно оборудована в свое время. Теперь парча, служившая обивкой, обветшала, бархатный навес над кроватью истончился и превратился в лохмотья, а в воздухе висел тяжелый запах сырости и плесени. Оставались кое-какие предметы мебели, но большей частью покрытые старыми простынями, пылью, а скорее всего, и тем и другим. На каминной

полке горели две лампы, но сам камин был темным и холодным, как и вся комната. Дополнительное освещение давала длинная узкая полоса лунного света, проникающего сквозь узорчатые стеклянные двустворчатые двери.

Я обошла комнату, простукала стены, проверяя, вдруг есть скрытый выход. Судя по предварительной подготовке, здесь и предполагалось держать пленников. Мой осмотр закончился у стеклянных дверей. Они вели на маленький балкон, были закрыты, но замок можно было легко открыть чем-нибудь острым. Еще один талант семейки Бенарес. Были и другие. Я продолжила движение, не желая привлекать внимание к нашему наиболее подходящему способу бегства. Очевидно, принц Чигару не планировал свои действия слишком далеко вперед и не собирался оставлять нас здесь надолго. Нам это на руку. Может быть, по этой же причине нас поместили в одной комнате. Это тоже нам на руку. Я не хотела бы сбежать, а потом разыскивать Пиараса, чтобы освободить его.

Когда я посмотрела вниз, в сад, я увидела, что наш хозяин навестал упущенное. Внизу стояли на посту пять вооруженных стражников Мал'Салина, чтобы не допустить никаких сюрпризов. Я не чувствовала никакого надзора в самой комнате, но, возможно, все-таки было некое наблюдение или прослушивание. В стене было множество мест, которые идеально могли скрыть пару-тройку любопытных глаз. Но я не собиралась ждать, когда за нами начнут следить. Мое намерение — сбежать вдвоем от королевского гостеприимства принца Чигару как можно скорее.

Принц самонадеянно посчитал, что, находясь между охранниками и Руинами, я оставлю попытку бежать. Мое первое правило — никогда не будь самонадеянным. Оно замечательно сочеталось со вторым правилом — всегда пробовать бежать. И если попытка не удалась, нужно просто ее повторить. Сегодняшняя ночь не являлась исключением.

Пиарас стоял в центре комнаты, у края дивана-канapé. Хотя такие приключения не случались со мной постоянно, это все-таки не было совсем уж редким происшествием. Но я могла с большой точностью предположить, что Пиараса никогда не брали под стражу приближенные Мал'Салина, не вели ночью через Руины — связанным и с черной лентой на глазах, — угрожая, что его будет пытать принц гоблинов, и вряд ли когда-нибудь вечер заканчивался нападением на вышеупомянутого принца. Я почувствовала, как мои губы изогнулись в мимолетной улыбке. Если подходить к осознанию всего этого строго, то в таком сочетании я тоже испытала это впервые.

Пиарас смотрел на меня, его карие глаза были широко открыты и полны слез. Я знала, что он, возможно, был напуган до смерти, и для этого были веские причины. Принц Чигару не был в восторге от встречи с Пиарасом, и, конечно, охранники, которых юноша пнул, вовсе не веселились от этого. Пиарас был до сих пор жив, поскольку принц хочет использовать его, чтобы вынудить меня разыскать Сагред. И он прав. Я не позволю причинить боль Пиарасу. Оставался один выход: убраться отсюда как можно скорее. Я подошла к дивану и села, пригласив Пиараса присоединиться ко мне. Перед нами была сплошная стена. Ни одна живая душа не могла оттуда подсмотреть или прочитать по губам. Потом я применила свою версию заклинания, которым воспользовался прошлой ночью Гарадин, когда лишил Пиараса возможности подслушивать наш разговор. Если за нами кто-нибудь шпионил, я собралась задать им работы.

Пиарас сел и открыл рот, чтобы что-то сказать, но запнулся на полуслове. Думаю, он был ошеломлен. Я тоже испытывала похожие ощущения.

Я взяла его за руку и обнадеживающе слегка сжала.

— И я здесь несчастна, — шепнула я ему прямо в ухо. — Не переживай, мы здесь надолго не застрянем.

— Как?

— Через стеклянные двери. На наружной стене есть решетка для растений, она должна выдержать наш вес.

— Охрана есть? — спросил он.

Этим вопросом он меня удивил. Хорошо. Может, он и испуган, но чувство юмора не

потерял.

— Пять.

Он хотел встать — наверное, чтобы убедиться лично. Но я предупреждающе сжала его руку.

— За нами могут следить. Давай не будем раньше времени раскрывать свои планы.

Он остался сидеть и, хотя и с трудом, глубоко вздохнул. Наверное, первая хорошая реакция с тех пор, как мы оказались здесь. Его рука слегка дрожала, так же, как и плечо, коснувшееся меня.

— Прости, — вдруг выдал он.

— За что?

— За то, что я такой бесполезный.

Я просто сидела и ждала, чтобы понять смысл. Никакого смысла.

— Где ты откопал эту мысль?

— Я ничего не сделал. За всю ночь я не совершил ничего полезного.

— А что ты призывал, когда мы были внизу?

— Ерунда. Я сделал только хуже. Я добился лишь того, что нас обоих могли убить.

«Нет, только тебя», — подумала я. Я нужна принцу Чигару — по крайней мере сейчас. Я не сказала этого вслух, но уверена, что Пиарас отлично понял мою мысль и осознал, к чему он был близок. Хотя у него и так было ощущение, что все достаточно плохо.

— Это было немного импульсивно, но ты просто пытался меня защитить. — Я подружески, как сестра, обняла его за плечи. — Это было очень смело. Так случилось, что в этот момент за дверью оказалась пара дюжин гоблинов. Твоей вины здесь нет. — Я попыталась улыбнуться. — Ни ты ни я не пострадали, поэтому даже не переживай.

Он сидел, потупив взгляд.

— Я вовсе не был смелым, я был испуган.

— Ты был испуган — и все-таки напал на принца, чтобы защитить меня. — Я ухмыльнулась. — Дорогой мой, ненавижу говорить такие слова, и тебе в том числе, но именно это и зовется смелостью.

Он оторвал взгляд от пола и посмотрел мне в глаза.

— Это?

— Если бы ты *не был* испуган и напал на принца, то это было бы просто безрассудное самоубийство или кое-что похуже, в чем тебе вряд ли хотелось бы участвовать.

Пиарас почти улыбался.

— Спасибо. Хотя ничего бы этого не произошло, если бы я не дал себя поймать.

— Истинно, — согласилась я. — Но они бы не стали за тобой охотиться, если бы я не была нужна принцу. Так что на всем этом лежит моя вина. Если и требуются какие-то извинения, то их должна приносить я. — Я попробовала слегка усмехнуться и, приобняв, сжала его плечо. — Прости.

Он тоже попытался улыбнуться. Но у него не получилось.

— Все нормально.

— Нет, не нормально. Но все будет хорошо.

У меня родилась идея, и если она сработает, то мы не только смоемся из этой комнаты, но этот долгий путь вернет Пиарасу самоуважение.

— Итак, как у тебя дела с колыбельными заклинаниями? — вдруг спросила я.

Я почувствовала, как под моей рукой его ладонь мгновенно заледенела, а плечи стали жесткими. Он точно знал, что у меня было в голове. Слишком много на него навалилось.

— Я не могу заставить спать пятерых гоблинов!

— Тсс!

— Не могу! — заявил он.

— Не можешь или просто никогда не пробовал? — перебила его я. Какая глупость с моей стороны! Когда это у него был шанс усыпить охранников? Гарадин сказал, что у Пиараса талант, и я лично видела подтверждение сказанному, хотя сейчас спрашивала не о

мощи его дара. Испытание огнем — не лучший вид последнего экзамена, но у нас нет выбора.

— Тебе нужно видеть объект, когда ты работаешь? — Я говорила деловым тоном и не допуская сомнений.

Пиарас закрыл лицо руками, его локти упирались в колени. Он зыркнул глазами по сторонам и отрицательно качнул головой. Я ничем не могла помочь, но заметила, что он слегка побледнел.

— Хорошо, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал ободряюще. — Ты сумеешь.

— Как ты можешь знать? — Его вопрос прозвучал слабо и несчастно.

— Не знаю. — Я ничего плохого делать не собиралась и хотела быть полностью честной с ним. Он это заслужил. Кроме того, если он решит, что я ему лгу, это лишит нас всех шансов. — Но Гарадин знает. А я верю Гарадину. Он сказал, что никогда никого не встречал с таким мощным даром.

Пиарас опустил руки. Я увидела, как его темные глаза заблестели, и это, скорее всего, была надежда. Надежда и удивление — и знатная доля сомнения. В конце концов, мы же говорили о Гарадине.

— Гарадин так сказал?

— Да. Он поведал мне, как ты заставил всех заснуть в «Безумном волынщике» всего через несколько тактов.

На эту фразу Пиарас отреагировал кривой усмешкой. Я старалась во что бы то ни стало поднять его боевой дух.

— Им было скучно, они были пьяны, — пояснил он. Но ухмылочка стала шире.

— Как сказал Гарадин, им было не скучно, а Салтон Оакс не получил в тот день партию товара, и ему пришлось разбавлять эль водой. Поэтому они вовсе не были пьяны. Они были околдованы — твоим голосом. Гарадин сказал мне, что ты произвел на него большое впечатление.

— Он не говорил мне этого.

— А чего ты от него ожидал? Гарадин не раздает похвалы направо и налево. Поверь мне, я знаю. — Мой крестный, возможно, не одобрит, что я разболтала его студенту, насколько тот замечательный, но если кто и нуждается в большой дозе уверенности, и нуждается именно сейчас, то это Пиарас.

Я многое могу сама. Пиарас не начнет делать свою работу, пока я не сделаю свою. Теперь на нас не давило присутствие кого бы то ни было. Я прямо-таки физически ощущала изобилие заклинаний, которые после себя оставила примари А'Захра Нуру, чтобы защитить своего любимого принца. Если мне не удастся полностью заблокировать эти защиты, Пиарас не сможет даже начать выводить первые несколько нот своей усыпляющей песни для гоблинов. Моя работа состояла в том, чтобы охрана наслаждалась колыбельной серенадой, обходящей магические ловушки примари Нуру.

Пиарас сглотнул.

— Сделаю все от меня зависящее. — Его голос был тверд, а глаза полны решимости.

И я сделаю все от меня зависящее.

— Пока ты будешь работать, я накрою тебя защитным экраном. Когда охранники уснут, надо будет делать все бегом. Как только приземлимся, встань рядом со мной. А когда покинем эту территорию, будь *очень* близко ко мне.

Он мрачно кивнул.

— Понял.

Ничего он не понял, но я не собиралась тратить время на описание тех опасностей, которые могут нас поджидать за стенами особняка... а может, и на всей этой территории. Совсем скоро он сам все поймет.

Моя часть работы была почти такой же напряженной, как усыпление колыбельной песней, оплетающей паутиной сна пятерых стражников Мал'Салина. Вернее, больше чем пятерых, но я не собиралась сообщать об этом Пиарасу. Я изменю мои заклинания,

формирующие защитный экран, чтобы дать возможность песне добраться до тех, кто находился и с другой стороны двери. Я не хочу спускаться вниз ночью по предположительно сгнившей решетке для выющихся растений и с гоблинами за спиной. Я могу почувствовать заклинания примари А'Захры Нуру вокруг здания и внутри него. Если хотя бы одно из них будет потревожено, принц Чигару пошлет всех в погоню за нами. Кроме того, за пределами особняка будет дел по горло и без стражников Мал'Салина. По моим прикидкам было примерно три часа ночи. В мой предыдущий визит в Руины выяснилось, что это самое активное время для их обитателей и не лучшее время для путешествий и вообще пребывания где-то поблизости, особенно когда те, кто разыскивает себе пропитание, считают тебя лакомым кусочком.

Амулет, сигнальный маячок, или как бы эта штука ни называлась, помогал мне до сих пор, когда словно накрывал меня защитным экраном. Если бы амулет помог мне в том, что я собираюсь делать, я бы с удовольствием простила ему предыдущую попытку лишить меня жизни.

Пока не пришло время гоблинам услышать песню Пиараса, нужно было устранить все магические барьеры на его пути. Мастер-заклинатель мог проникнуть сквозь что угодно, и Пиарас мог сделать это сам, но чем меньше сил ему придется тратить прямо сейчас, тем лучше. Щиты, которые я намеревалась поставить, проблемы не составляют. Они нужны, чтобы оградить нашу тюремную камеру от прослушивания, — тогда песня Пиараса откроется миру.

С моей стороны понадобилось несколько минут концентрации, чтобы уютно пристроить мои защитные заклинания точно над магическими ловушками примари. Подгонка получилась хорошей. Ничего не было нарушено и потревожено. Ничто не активизировалось. Все было накрыто экраном защиты. Очень хорошим экраном. Я проделала отличную работу, даже слишком, это было сверх моих способностей. Наверное, даже Гарадин был бы впечатлен. Похоже, сигнальный маячок ухитрился подсказать новые трюки, но я обдумываю это потом.

Теперь настала очередь Пиараса.

Сначала он немного колебался — не из-за того, что сомневался в собственных силах, а потому, что слишком хорошо понимал особенности нашей ситуации. Ведь он был основой всего плана, и это на него давило. Его первые ноты были робкими, как будто он нащупывал свою тропинку сквозь мелодию, серьезно сконцентрировавшись, чтобы создать правильную смесь тона звука и его интенсивности. Получилось слишком жестко. В результате пострадала песня. Она могла вызвать несколько приступов зевоты у тех, кто внизу, но не достичь результата, а лишь кружить поблизости.

Я предостерегающе подняла руку.

— Подожди.

Он остановился на середине ноты. Его дыхание, похоже, на исходе, он сильно побледнел. Нет, так дело не пойдет.

— Ты слишком стараешься. Знаю, тебе странно это слышать, но ты должен расслабиться.

— Расслабиться? — Его тон и лицо одновременно выражали панику и неверие.

— Знаю. Сказать легче, чем сделать.

— Да, — сказал он, как будто я не могла выразить словами ничего более очевидного.

— Ты игнорируешь гоблинов, — сказала я.

— Я же пою для них. Заклинание не работает без слушателей.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Ты пренебрегаешь тем, кто они такие и что собой представляют. Подумай о них как о посетителях «Безумного волынщика».

— В «Волынщике» меня никто не хотел убить.

Ненавижу, когда логика угрожающе поднимает свою голову.

— Гоблины совсем не собираются тебя убивать. По крайней мере сейчас. Значит, ты свободен мысленно послать им счастливые, мирные сновидения.

Пиарас посмотрел на меня, как будто я растеряла весь разум. Я и сама не до конца была уверена в том, что он ошибается. Но точно знала, что, если он не сделает все правильно, гоблины убьют нас обоих, и ничего счастливого и приятного с нами не произойдет.

Он раздумывал, затем, кажется, на что-то решился, но вид при этом у него счастливым не был.

Юноша вздохнул.

— Ты права.

Приятно слышать!

Я взяла обе его ладони в свои руки.

— Ты можешь это сделать. Это знаю я, и это знаешь ты.

И он снова запел. Тихо, застенчиво, но без страха, звучавшего при первой попытке. Нежная, приятная мелодия нарастала, сплетая кружево иллюзии теплых весенних вечеров, золотистого мерцания светлячков и аромата распускающихся ночью цветов. Песня ширилась и угасала, как тихо плещутся о борт корабля волны спокойного моря или как рука матери качает в кроватке младенца. И над всем этим текла разрывающая сердце чудесная соловьиная песня.

Хорошо, что он не нацелился на меня.

Я осторожно подошла к окну и посмотрела вниз, в сад, якобы любуясь видом. Я ожила. Гоблины падали как мухи. Заклинание действовало постепенно. Из разжавшихся пальцев выпало копье. Голова свесилась на грудь в доспехах. Тело гоблина прислонилось к внешней стене. Пиарас делал дело с чрезвычайной заботой. Гарадин был прав: у мальчика природный талант. Сейчас я была ему за это благодарна.

Я вернулась и села. Помочь ничем не могла, лишь улыбнулась.

— Хорошая работа, — прошептала я.

Для любого, кто заглянет или войдет в комнату после того, как мы смоемся, я оставила видение, как будто Пиарас и я сидим и покорно ждем своей участи. Другая экранирующая защита удерживала картинку, чтобы никто не заметил, как мы убегаем через двери балкона. Как правило, мои миражи выглядели достаточно плотными, но оказывались нестойкими при прикосновении и рассеивались примерно через десять минут — хороший старый дым и зеркальная магия.

Та девушка, что сидела и оглядывалась на меня, не похожа была на мою обычную работу.

Если бы я не знала, что сейчас стою у стеклянных дверей, мне было бы затруднительно поверить, что это не я сама сижу около кровати. Иллюзорная фигура Пиараса выглядела так же провокационно правдоподобно.

— Замечательно, — протянул он, глядя на так называемых «нас самих» широко открытыми глазами.

Я приняла на веру.

— Да, может быть.

Я попыталась проигнорировать тот факт, что я сама сижу сзади себя, и занялась замком на стеклянной двери. Сигнальный маячок, очевидно, считал меня достаточно опытной и позволил мне все делать в тоскливом одиночестве. Я была права насчет решетки. Она была железной, прикреплена болтами к дому и сработана на века. Я благодарила строителя за внимание к деталям. Охрана безмятежно спала вокруг нас на земле.

Нам надо было пересечь просторную лужайку, чтобы добраться до леса. Дул ветер, а над головой проносились тучи-облака. По моим прикидкам через несколько секунд большая туча доплывет и закроет луну, давая нам лучшее укрытие для стремительного броска через лужайку.

В этот момент гоблин-часовой вышел из-за угла дома и врезался в Пиараса. Это был один из охранников, которые притащили его к принцу Чигару. К несчастью, он нас тоже запомнил. Да, шито-крыто не получается...

— Ты! — взревел он и бросился на Пиараса.

Пиарас прыгнул на него с испуганным вскриком. Он не предполагал, что так отреагирует — солидным хуком справа в висок гоблину. Стражник упал как подкошенный, с застывшим удивлением на лице. Я была удивлена тоже, но совершенно по другой причине.

Пиарас стоял над неуклюже распластавшимся громилой, застыв от неожиданного для себя поступка.

— Это тебе за то, что назвал меня наживкой, — в конце концов выпалил он.

Кто-то уже объяснил Пиараса, что нужно уметь не только лаять, но и кусаться.

— Где ты этому научился?

Пиарас вздрогнул и от острой боли потряс кистью.

— Фелан решил, что я кое-что должен знать.

Мне следовало догадаться.

— Чему еще он тебя научил?

Пиарас покраснел и застенчиво улыбнулся.

— Ты на самом деле хочешь знать?

— Наверное, нет. — Я вглядывалась в темноту. Полнейший мрак, ничего не видно ни далеко, ни вблизи. Но что-то там должно быть. И, учитывая поздний час, вероятность выше средней, что мы с кем-нибудь встретимся. Я разоружила гоблина и протянула Пиарасу длинный кинжал.

— Фелан учил тебя пользоваться чем-нибудь вроде этого?

Он выглядел нерешительно с блестевшим в руке стальным клинком.

— Мы работали с ним.

— Надеюсь, тебе не придется сегодня ночью применить его на практике.

Я взяла изогнутую саблю и пару метательных ножей. Может, у стражника было и больше, но я не хотела тратить время на то, чтобы его получше обыскать.

Мы перебежали через лужайку под прикрытия деревьев. Они были низкие и темные, и их было достаточно, чтобы спрятать нас. После того как мы преодолели около пятидесяти ярдов, я остановилась и прислушалась. Никто за нами не гнался. Но это не означало, что ничто нас не преследовало. Я была абсолютно уверена в этом, и не потому, что у меня на груди вибрировал и тихонько рычал сигнальный маячок, пытаюсь предупредить, — волосы у меня на затылке тоже проделали впечатляющую работу.

Я выбрала направление по прямой линии. Дистанция сейчас была важнее направления. Мы были в Руинах, поэтому я могла безошибочно определить, что нас преследует нечто, чтобы убить и съесть, хотя, может быть, не в таком порядке. Когда я больше не буду чувствовать, что нечто дышит мне в затылок, я остановлюсь и определюсь с направлением. Шли мы сейчас гораздо быстрее, чем когда под охраной гоблинов отправлялись в Руины. Желание остаться в живых — мощный стимул.

После моего последнего похода в Руины я попросила у Янека Таула карту и выучила ее наизусть. Я дала себе клятву, что впредь никогда здесь не заблужусь. Из-за огромного количества преступлений в Руинах городские дозорные сделали на заказ самые лучшие карты этого района, какие только были доступны. Надеюсь, что я проживу довольно долгую жизнь, чтобы сообщить Янеку, что это отличное вложение денег.

Земля пошла в гору, и мы стали подниматься вверх по склону. В Руинах было только два места, которые можно было назвать возвышенностями. Нам посчастливилось найти именно такое. Это не был путь к выходу, но даже один из холмов можно было искать долго. На вершине множество маленьких валунов окружали каменную плиту с ровной поверхностью. Теперь я точно знала, где мы находились. Плита знавала различные варианты использования за многие годы — и ни одного хорошего.

Пиарас остановился рядом со мной.

— Где мы?

На этот вопрос мне совсем не хотелось отвечать.

— Официального названия нет.

— А какое неофициальное?

— Плаха Палача.

Он посмотрел на плиту.

— Из-за камня? — спросил он тревожно.

— Да, из-за плиты.

Молодой заклинатель подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть. Я его не остановила. Было достаточно света, чтобы увидеть, где темные пятна просочились в камень, став его неотъемлемой частью. Пиарасу не было нужды объяснять, что это были за пятна.

Он быстро вернулся ко мне.

Внизу под нами распростерлись Руины. Вдали я смогла разглядеть огоньки квартала магов и причал. Так близко, но так далеко. Невидимые из леса верхушки деревьев тоже светились. В глухих местах бледные вспышки голубого и белого света мерцали, угасали, потом снова появлялись гораздо дальше, и в этом волшебном свете лес казался живым. Я вынуждена была признать, что это, возможно, самое прекрасное и неожиданно мирное зрелище, которое я когда-либо видела. Но я не позволила себе поверить этому обманчивому пейзажу ни на секунду.

— Как мы выберемся? — спросил Пиарас.

— Ближайший выход примерно в двух милях отсюда или немного дальше. — Я указала на самую заросшую тропинку слева от нас и светлячков на всем ее протяжении. — Она приведет нас к южной окраине квартала магов.

— Это длинные две мили.

За деревьями появились две крошечные точки света. Я подумала, что это глаза, пока они не разлетелись в разные стороны. Через несколько секунд появились более нежные розовые светлячки, поодиночке и группами по два или три. Они кружили над нами, трепеща полупрозрачными крылышками. Казалось, что свет исходил от самих существ.

Пиарас медленно повернулся, следя за их полетом.

— Это ночные мотыльки?

Я попыталась получше рассмотреть этих созданий, как-вдруг одно из них неожиданно вынырнуло перед моим лицом и улетело прочь. Я поймала быстрым взглядом миниатюрные ручки, ножки, туловище и голову — существо было не крупнее моего большого пальца и без единого лоскута одежды. Они были мужского и женского пола.

— Они похожи на какой-то вид духов или фей, — сказала я.

Сегодня ночью было полно первых. Возможно, не всем живым существам в Руинах мы были желанны лишь в качестве позднего ужина. Если так, то это очень приятное изменение.

Один из мотыльков стрелой носился на крыльях как у колибри вокруг поднятой руки Пиараса. Это явно была самка. Она слегка щекотала руку юноши своими ножками. Разок. Другой. Пиарас оставался недвижим и с интересом ждал, затаив дыхание. Фея села на его ладонь.

Появились еще феи. Их сияние стало ярче, чем раньше, цвета насыщеннее, при этом больше розово-оранжевого, чем розового. Я заметила легкий порез на запястье Пиараса, там, где у него были связаны руки и поэтому остались царапины на коже. Феи тоже это заметили.

— Пиарас, — предупредила я.

— Но они так красивы, — возразил он, очарованный божественными формами усевшейся на его ладонь застенчивой женщины. Его лицо освещалось ее бледно-розовым сиянием. Весь ее вид говорил, что Пиарас ей тоже понравился.

— Да, они очень миленькие. Все! Скажи до свидания красивой обнаженной леди — и пойдем отсюда.

Обнаженная леди улыбнулась и вдруг перестала казаться миленькой. Ряд острых, как лезвие бритвы, зубов блеснул довольно угрожающе, и через секунду она с шипением вонзила их в запястье Пиараса. Онемев от изумления, тот отпрыгнул и хлопнул по ней. Ее розовое сияние превратилось в красное, и они все набросились на нас.

Я увидела достаточно.

— Бежим!

Пиарасу не нужно было повторять дважды.

Бежать-то мы побежали, но далеко уйти не удалось. Лес состоял из растущих деревьев, поваленных деревьев, больших камней, зарослей ежевики и винограда. Кровососущие огненные феи кружили над нами, оставляя за собой огненные всполохи, как хвосты крошечных комет. Земля стала влажной, потом под ногами стало хлюпать. Если мне не изменяет память, прямо перед нами должен быть мелководный пруд. Ничто, кроме воды, не может остудить пыл огненной феи. По крайней мере, я на это надеялась. Это было лучшее место из всех, куда я могла нас вывести.

Мы кинулись в пруд и мгновенно оказались по колени в воде.

Я быстро пошла вброд к центру и стала уговаривать себя, что умереть оттого, что из тебя досуха высосут всю кровь огненные феи, это более страшная смерть, чем утонуть. Я сама не купилась на это ни на минуту, но ради Пиараса я хотя бы пыталась не думать об этом.

— Глубоко вдохни и оставайся под водой как можно дольше, сколько выдержишься, — бросила я через плечо.

Феи могли просто парить над поверхностью, пока мы не будем вынуждены вынырнуть, чтобы глотнуть воздуха, но я решаю проблемы по мере их возникновения. Каждой проблеме — свое время.

В центре пруда вода была до подбородка мне и по грудь Пиарасу. Я набрала полные легкие воздуха, сколько могла вместить, и присела. Пиарас сделал то же самое.

Феи были уже над нами. Они походили на факелы, плывущие над поверхностью. Они кружили в поисках добычи. Я думала, что мои легкие взорвутся, но не шевелилась. Потом так же внезапно, как появились, они улетели. Не веря сегодня ночью ни в какую удачу, особенно в перемены к лучшему, я еще несколько мгновений подождала, а потом подняла голову над водой. Было очень трудно без шума глотать воздух.

Ни одной феи. Ни единого огонька.

Сзади меня над водой показалась голова Пиараса.

— Они улетели? — Он тяжело дышал, наполняя свои легкие воздухом. Похоже, он тоже сомневался в нашей удаче, как и я.

Я пристально рассмотрела окружающие деревья. Ни одного свечения.

— Никого не видно.

— Почему?

— Может, нашли что-то повкуснее? — На самом деле я в это не верила, но так могло случиться, если что-нибудь следовало за нами, но сейчас я не собиралась изучать этот вопрос слишком глубоко. — Давай отсюда выбираться.

Я поняла, что покинуть пруд гораздо труднее, чем зайти в него. Конечно, моя одежда промокла и стала тяжелее, но почему-то особенно справа. Пиарас посмотрел на меня, его глаза стали большими, как блюдца.

— Райни. — Его голос был встревоженным.

Я остановилась и взглянула вниз, на себя. Ничего не увидела.

— Что?

Его лицо исказила гримаса, и он указал на мой правый бок.

Я подняла правую руку и посмотрела внимательнее. И тут же невольно взвизгнула.

Черная блестящая пиявка усердно работала, стараясь присосаться к моим ребрам. Она была длиной не меньше тридцати сантиметров. И, судя по тому, как активно она извивалась, чтобы добраться через кожу доспехов до моей, я, должно быть, стоила того, чтобы так трудиться.

Я вышла из воды за рекордное время и стояла на берегу с ножом наготове. Теперь главное — не взвизгнуть, когда буду отдиравать пиявку. Я даже не могла вспомнить, когда еще хотела так сильно визжать и бежать.

— Ворующий души камень, феи с острыми, как бритва, клыками, пиявки-кровососы, — шепотом возмущалась я, в то время как старалась поддеть ножом все еще пытающую

вцепиться в меня ртом пиявку и отковырнуть ее. — Когда все это закончится, я потешу себя визгом. Я это заслужила.

Я содрала пиявку со своего камзола и проверила, нет ли на мне других. Но вдруг остановилась. Что-то было не так. Даже хуже, чем длиннющие пиявки. Пиарас дважды кашлянул из воды, а потом меня словно ударило. Шум, который только что произвел Пиарас, был единственным звуком, который я услышала. Было такое ощущение, что все существа, живые или не совсем живые, задержали свое коллективное дыхание в ожидании чего-то. Феи знали, что это, вот почему так быстро улетели. Подозреваю, нам не стоит ждать и выяснять, что же это такое. Пиарас осознал это одновременно со мной.

— Что это? — прошептал он.

Я предположила, что он имел в виду мой сегодняшний длинный список чудовищ.

— Ничего из того, что я упомянула. Нам надо двигаться. — Амулет вел себя так, как будто пытался прорваться через мой камзол, чтобы освободить себя. — Что бы это ни было, оно быстро идет за нами.

Я пошла обратно по собственным следам к холму с намерением обойти кругом его основание. Таким образом мы можем вернуться к прежнему направлению — в сторону ближайшего выхода. Новая угроза исходила с противоположной стороны, поэтому каждый шаг в нашем настоящем направлении вел нас дальше от «чего бы это ни было» и ближе к дому. Это работало на меня.

Я вдруг остановилась прямо перед границей большого очищенного участка леса. Пиарас наткнулся на меня сзади, и мы оба кубарем покатались вниз. Я подняла взгляд и застыла.

Принц Чигару Мал'Салин вышел из тени справа, примерно в пятидесяти ярдах над нами. Он был не один. Я не ожидала, что он будет там. Он нас не видел и не слышал, хотя подозреваю, совсем скоро все изменится. Он был хорошо вооружен и защищен доспехами, чего я не могла сказать о себе или о Пиарасе. Выглядел принц так, будто был расстроен нашим скорым побегом.

Рахимат, гоблин-заклинатель, выскользнул из-за деревьев как привидение, чтобы встать рядом с ним. Нас они не почувствовали, и я не знаю, сигнальный маячок защитил нас или присутствие чего-то непонятного, крадущегося за нами. Но я знала точно, что мы были зажаты в ловушке между гоблинами и чем-то таким, что, как видно было по реакции амулета и как подсказывали мне мои инстинкты, было гораздо хуже.

Глава 12

— Госпожа Бенарес! Я знаю, вы здесь. Я обещаю не причинять вреда вам или вашему заклинателю, чего не могу сказать о созданиях, живущих в этом лесу. Вы же не выживете без моей защиты.

Заклинатель? Я беззвучно выругалась. Замечательно я оставляю Пиараса в стороне от всего этого.

Принц помолчал, прислушиваясь. Он жестом отдал какой-то приказ, и его стражники рассыпались вокруг того места, где были мы. Они не знали нашего точного местоположения, но их поиски не займут много времени, особенно если они идут по нашему следу.

Мои руки вспотели, хоть и были в кожаных перчатках, но хватка кинжала не ослабла. Я заставила себя выровнять дыхание и освободила защитное экранирующее заклинание, которое я удерживала, надеясь прикрыть нас обоих.

Принц и его стражники приближались. Они не таились и не старались делать все бесшумно. В этом не было необходимости. Никто из них даже не прятался.

— Даю свое слово, что вы оба будете освобождены в целостности и невредимости сразу же, как только я получу Сагред.

Вот что говорил принц, вот чему я не верила. Я не снимала с плеча Пиараса руку, давая понять, что нельзя шевелиться. Он в предупреждениях не нуждался. Пиарас оставался

лежать на земле, вглядываясь в густые заросли тростника и камышей, по мере приближения гоблинов в его глазах нарастала тревога. У него в руке был длинный кинжал, и выражение его лица говорило, что сегодня ночью он никуда не собирается идти с гоблинами — а если хоть один гoblin попытается его заставить, то глубоко пожалеет об этом.

Охрана принца Чигару вооружена в основном мечами. Было несколько арбалетчиков. Не очень близко, но я воспользуюсь любой их оплошностью. Я бы не сказала, что у меня появилось ощущение предоставленного преимущества, но если арбалетчики подстрелят кого-нибудь еще, кроме нас, добро пожаловать на вечеринку.

Я не поняла, что меня испугало первым: крадущиеся к нам гоблины или то, что висело у меня на шее. Если бы металл обладал чувствами, я бы сказала, что сигнальный маячок сейчас испытывал ярчайшие эмоции и делал все, чтобы заставить меня их разделить. Мой разум знал, что я нахожусь в лесу и что здесь достаточно кислорода для всех и каждого. Но мое тело не верило. Воздух начал сгущаться. Только одно могло быть этому причиной. Магия. Самая плохая. И ее было слишком много.

За мной велась охота... и не только принцем.

Я посмотрела вверх. Одетый в богатую мантию гoblin стоял на дальней стороне расчищенного участка, на полпути между нами и Чигару Мал'Салином. Охранники принца застыли. Я их не осуждаю. Мне тоже не нужны были формальности для знакомства с появившимся новым персонажем. Прошлой ночью мы уже встречались.

Сарад Нукпана стоял один, совершенно не защищенный от свиты принца Чигару. Любой из них мог свободно выстрелить шаману в грудь из арбалета. Но никто даже и не пытался.

Верховный шаман повернул голову, его взгляд свободно изучал каждого гоблина на просеке. Большинство из них с трудом передвигались, некоторые отворачивались. Я услышала щелчок пальцами, и несколько гоблинов кинулись в лес, гонимые ужасом.

— Мне следовало ожидать, что предатель скрывается в диком лесу с дикими животными, — произнес Нукпана.

— Или кринсани связались с чудовищами, — в тон ему ответил принц Чигару, на его лице никаких эмоций.

Из тени за спиной Сарада Нукпаны выступили другие фигуры — одни были в мантиях, другие в королевских доспехах Мал'Салина. Они не собирались немедленно атаковать. Они чего-то ждали, и, что касается меня, лучше провести остаток ночи, так и не узнав, чего.

Одиноким гoblin шагал вперед, в то время как остальные прокладывали ему дорогу. Это было неожиданно. Чудесный замысловатый орнамент на его груди — две змеи, увенчанные коронами, переплетаясь, сражались за господство — четко обозначал, кто это. Он выглядел как повзрослевшая копия принца.

Король Сатрик Мал'Салин.

— Брат, — обратился он.

Принц Чигару не шелохнулся.

— Сатрик.

— Тебе следует обращаться к своему королю «ваше величество». — Голос Нукпаны был тих и ровен, но в нем явно сквозила неприкрытая угроза.

— Мне он не король и больше не брат, — ответил Чигару. — Я его больше не уважаю и не почитаю, поэтому могу называть его, как сочту нужным. — Он слегка усмехнулся. Смешок был неискренним и без юмора. — Пусть довольствуется тем, что я назвал его по имени, а не как-нибудь иначе, что первое пришло на ум.

Нам с Пиарасом нужно было бы находиться где-нибудь подальше от этой встречи любящих родственников. Побежим — застрелят. Останемся — найдут, а потом застрелят. И это если мы родились под счастливой звездой. На самом деле, конец будет плохим в любом случае. В этот момент я не знала, какой из Мал'Салинов хуже, а о Сараде Нукпане даже и думать не хотела. Подозреваю, Сатрику Мал'Салину нужна была сила, он и призвал верховного шамана следить за нами, если он захочет немного позабавиться, прежде чем нас

прикончить. Хотя... если в его словах, обращенных ко мне прошлой ночью, была доля правды, Сарад Нукпана очень хотел получить меня живой. А это хуже некуда.

Принц склонил голову в мрачном приветствии своего брата, в то время как плавным движением незаметно вытащил саблю из ножен. Звон металла раздался с двух сторон одновременно. Глядя на напряженные лица вокруг нас, становилось ясно, что это давняя вражда и конфронтация. Я очень не хотела бы оказаться здесь, когда у них начнется стычка.

Внезапно ночь огласилась диким криком гоблина. Затрудняюсь сказать, с какой стороны раздался этот боевой клич. Он был немедленно подхвачен хором голосов. С обеих сторон полетели стрелы, и закипел бой.

Я больше не хотела на это смотреть. Я толкнула Пиараса, и мы устремились к деревьям. Я не видела, куда мы бежим, но слышала, как прямо за нами гоблины убивают друг друга. А... плевать! Я обнаружила просвет между деревьями, но вокруг были слишком густые заросли ежевики и винограда. Мое лицо и руки были иссечены крошечными ранками. Земля внезапно буквально провалилась — впереди канава. У Пиараса ноги были длинные, и он мгновенно оказался на другой стороне. Мои же ноги на такое были неспособны, и мне не повезло. Я упала на край канавы, и мое колено со стуком врезалось в землю. От боли из глаз брызнули слезы, но я заставила себя подняться и бежать дальше.

Пиарас внезапно остановился. Вполне естественно, что я в него врезалась. К счастью для нас обоих, мы не упали.

Я увидела, что его остановило. И согласилась с его действиями. Ведь чувствовала же, что за мной идет охота, но это, как оказалось, не Сарад Нукпана.

Перед нами неясно вырисовывалась черная масса. Я уже видела ее раньше — через умирающие глаза Сисела Пели.

Размытые бесплотные черные фигуры скользили между деревьями, окружая нас. Я скорее почувствовала, чем услышала сзади себя какое-то движение, и резко повернулась, встав спиной к спине Пиараса и держа кинжалы наготове. Я оказалась лицом к лицу с одним из этих нечто. Резким ударом нанесла удар в то место, где должен быть живот, но лезвие прошло сквозь воздух. Ко мне потянулся маслянистый палец и коснулся меня. Сигнальный маячок бил меня словно молот. Мою грудь сжало от такой боли, что невозможно было дышать, и я стала терять сознание. И вдруг эти нечто стали отступать.

Сквозь деревья было видно, что за нами кто-то бежал. Мгновение спустя на поляну буквально ворвались шаманы Кринсани. Как и мы с Пиарасом, они остановились как вкопанные при виде монстров. В отличие от нас, они не были удивлены. Но и радости узнавания и те и другие, похоже, не испытывали. Шаманы стали окружать чудовищ, запев низким, свистящим шепотом. Я узнала некоторые элементы заклинания сдерживания, но этот сорт из тех, которым меня никогда не учили, да я и сама не хотела бы их знать. Идеально для монстров.

Никакого эффекта.

Теперь настала очередь гоблинов удивляться. Я ощущала их страх, как и голод этих существ. Они стремились добраться до нас больше, чем хотели подчиняться шаманам, и, похоже, заклинания гоблинов их только раздражали. Может, и из-за меня, но раздражать этих существ — не слишком хорошая идея в нашем случае. Шаманы не понимали этого и продолжали петь. Два существа повернулись и направились к ним. Глаза ближайшего к нам гоблина расширились — он не верил своим глазам.

К нему скользили две тени. Гоблин продолжал стоять и петь заклинания и вдохнул, чтобы закричать, но существа настигли его раньше, не дав ему ни шанса. Они просто перетекли через то место, где он стоял. Ничего не осталось.

Воздух был наэлектризован, как при вспышке молнии. Две тени теперь наелись, остальные двинулись вперед, от нетерпения пританцовывая и предвкушая сделать то же самое. Оставшиеся три шамана считали себя более опытными. Они не убежали — а надо бы.

Несколько бесплотных существ заскользили ко мне и Пиарасу, их стремление выдавало голод. Я сопротивлялась всеми способами, которые знала. Уроки Гарадина не прошли даром.

Мое противостояние и защитные заклинания были высочайшего уровня, но ничто не срабатывало. Чем больше я на них сбрасывала, тем более лакомым кусочком становилась. Магия их не останавливала. Они ее пожирала.

Последнему шаману удалось крикнуть, до того как его взяли. Теперь все внимание сосредоточилось на мне и Пиарасе.

Гарадин обучил Пиараса защитным заклинаниям, но из-за его возраста и отсутствия опыта я решила, что они были в своей основе базовыми. Я была неправа.

Пиарас запел. Его обычно теплый богатый баритон превратился в жесткий и мрачный, ноты грохотали и диссонировали. Он пел на языке гоблинов, на языке, которому эти тени должны были подчиняться, на языке черной магии. Мне не нравилось слышать от Пиараса такое пение. Но чудовища просто проглотили заклинание. В буквальном смысле слова.

Магические приемы не производили никакого эффекта, пение заклинаний и все остальное — тоже. Защитные экраны не срабатывали. Сигнальный маячок бился о мою грудь, как дикий конь, срывающий с себя удила. Я застыла, вдруг больше испугавшись своих мыслей, чем того, что вокруг нас кружили чудовища-призраки. Принц Чигару сказал, что сигнальный маячок связан с Сагредом. Если я была связана с сигнальным маячком, значит я была связана и с Сагредом. Существа ели все, что я могла им дать. Могут ли они съесть все, что сигнальный маячок — и Сагред, естественно, — дадут им? Надеюсь, что нет. А если моя жизнь в опасности, у меня нет выбора, невзирая на то, что Сагред мог сделать мне.

Как раз позади существ, взявших нас в кольцо, был просвет. Мы не располагали временем добежать до него, но если я смогла бы отвлечь их надолго, Пиарасу удалось бы скрыться.

— Встань позади меня, — приказала я. — Когда они подойдут ко мне, я хочу, чтобы ты сразу бежал.

— Я тебя не оставлю.

— Беги!

Пиарас резко повернулся ко мне, его губы произнесли «нет». Но звука не было. Вглядевшись в мое лицо, он застыл. В его глазах отразилось неверие — и страх. Он меня боялся. Я не знаю, какой он увидел меня в то мгновение, да и не хочу знать. Мне пришли на ум слова принца Чигару. Смерть. Он видел, как смерть отразилась в моих глазах. А что в них сейчас увидел Пиарас?

Стала просыпаться сила Сагрета. Я больше не могла ее остановить, зато я могла остановить отродье, порожденное гоблинами, которое приближалось к нам. Я не могла противостоять силе и обнаружила, что не хочу. Моя рука потянулась к амулету. Такое ощущение, как будто она принадлежит кому-то другому, не мне. Кожа моего камзола больше не являлась барьером. Я не чувствовала амулет, я ощущала, что вне его проснулось что-то дикое и огромное.

Его сила стала моей силой. Я была его инструментом, но мелодия все еще была моей.

Мои ребра вздымались и опускались словно без моего участия, чтобы дать моему телу возможность продолжать дышать. Сила прорывалась к поверхности, до этого момента существуя как сложная магия, которую я никогда не знала. Эта сила стала частью меня, как и знание, каким образом уничтожить то, что нам угрожает. Сквозь мой разум проносились совсем не мои мысли, вспыхивая подобно молниям, слишком быстрые для осмысления, слишком сложные для рассудка... но не слишком недостижимые для действия.

Одно существо стремительно набросилось на нас, сходя с ума от голода. Я, защищая Пиараса, бросилась наперерез, чтобы остановить чудовище до того, как оно доберется до нас и у него появится возможность нами закусить. Мгновение контакта открыло канал, высвобождая больше энергии, чем тысяча таких существ могли потребить, и швырнуло нас обоих на землю. Существо постаралось оторваться от меня, чтобы спастись, но не смогло. Слепящая вспышка света, затем все замерло. Давление, пригвоздившее меня к земле, улетучилось. Я открыла глаза.

Существа исчезли. Они исчезли все. Никого не осталось.

Я чувствовала себя разбитой и истощенной, и еще у меня была самая ужасная в моей жизни мигрень. Мне казалось, что я заболеваю. Со стоном я перевернулась, ругнувшись. Чувствовала я себя так, как будто в моей голове сотни голосов. Отлично. Каждый более-менее чувствительный к магии в милях отсюда обязательно услышал, что здесь только что произошло. Уровень громкости оглушал. Я сдавила голову обеими руками. Не помогло. Я перекатилась на спину, жадно глотая ртом воздух. Земля была прохладной и сырой. Может быть, нужно просто на какое-то время закрыть глаза?

Пиарас встал на колени и склонился надо мной.

— Райни, ты меня слышишь? Что с тобой?

Я слегка приоткрыла глаза и скосила взгляд, потом повертела головой, пытаюсь сориентироваться и понять, где верх, а где низ. Ужасно больно, поэтому я тут же остановилась.

Пиарас стал поднимать меня на ноги.

— Нам надо идти. Сейчас.

Я не хотела вставать, но старалась помочь ему изо всех сил.

— Что-то идет сюда? — Я поняла, что говорю как-то невнятно.

— Да, что-то приближается.

Если мы еще немного задержимся в Руинах, то рискуем дожидаться кого-нибудь из Мал'Салинов и гоблина, и они наверняка нас захватят, но мои ноги не желали никуда идти. Остальная часть меня просто хотела вздремнуть. Судя по звукам, направляющаяся к нам компания совсем скоро будет здесь. Не важно, кому они принадлежат — королю, принцу или психопату, — Пиараса и меня ждет смерть.

— Я в порядке, — сказала я, самостоятельно вставая на ноги. Меня немного шатало, но я все-таки держалась прямо. А земля была такой манящей, так привлекала.

У него был такой вид, будто он вовсе не убежден в моих словах.

— Ты уверена?

Мне даже удалось слабо улыбнуться.

— На том свете выплюсь, а умирать сегодня ночью я не собираюсь. Смерть, вот что это. Поспать... как же мне хочется поспать.

— Думаю, мы сумеем вам помочь.

Я узнала этот голос.

Паладин Микаэль Илиесор стоял прямо посередине тропинки, которую я определила как лучший путь сматывать удочки из этого кошмара — и, похоже, он не собирался уходить. В дополнение к этому хранители быстро и молчаливо выступили из-за деревьев, расположившись между нами и гоблинами. С этим действием я могла согласиться и даже была за это благодарна, но сомневаюсь, что могу то же самое ощущать по отношению к Илиесору. Сигнальный маячок тихо висел у меня на груди. Трус!

Светловолосый хранитель-человек подбежал к паладину с той стороны, откуда приближались гоблины.

— Еще шаманы Кринсани, сэр. — Большой человек усмехнулся. — Почти достаточно, чтобы сделать стоящим это путешествие.

Он держал в руках закругленную секиру, но я чувствовала, что и магия у него наготове. Думаю, он хотел по возможности использовать и то и другое, хотя весь его вид говорил о том, что ему больше нравилось размахивать секирой. Надеюсь, он получит то, что хочет. Каждый достоин хоть маленького счастья. Он был бородат, а длинные, до плеч, волосы были оплетены шнурами. Род милоранских морских разбойников. У дяди Рина тоже были в команде несколько милоранских берсеркеров, и у этого хранителя был знакомый маниакальный блеск в глазах. Казалось, как будто он только что примкнул к ребятам дяди Рина.

— Возьми людей и прикрывай наш отход, — приказал Илиесор. — Атаку не провоцируй.

— А что, если они нападут первыми? — страстно желая сразиться, спросил блондин.

— Защищайтесь.

Хранитель отдал честь и скрылся за деревьями.

Я сделала шаг назад.

— *Наши* отход?

— Вы ухитряетесь наживать неприятности, госпожа Бенарес.

Илиесор не шелохнулся, но его поза говорила мне, что, если я сделаю еще хоть один шаг, он через мгновение будет рядом со мной. Я решила стоять где стою и медленно выдохнула, расслабив плечи, все еще готовая мгновенно бежать. Его движения точно повторяли мои, как в зеркале.

— Не совсем так, если задуматься, — ответила я. — Неприятности обычно находят меня сами, особенно в последнее время.

Хранитель улыбнулся, и я должна признать, что эффект он произвел потрясающий. Ему удалось выглядеть одновременно и по-мальчишески озорным, и опасным.

— Я дал себе слово, что в следующий раз, когда найду вас, я буду на сухой земле, — сказал он.

Я не смогла сдержаться и хихикнула.

— Я не собираюсь приносить извинения за ваше купание в канале вчера утром. Девушке приходится защищать свою личную жизнь.

— У меня нет никаких претензий, госпожа Бенарес. По крайней мере к вам. — Его улыбка исчезла, сменившись чем-то удивительно похожим на беспокойство. — Вы сами и ваш друг-заклинатель сослужите великую службу, если поверите. Для вашей же безопасности нужно, чтобы вы оба пошли со мной.

Я взглянула на Пиараса. Все сразу видели, кто он есть на самом деле. Неужели «заклинатель» написано у него на лбу или где-нибудь еще? Пиарас смотрел на хранителя с благоговением, широко распахнув глаза. Ну вот. Только этого мне сейчас не хватало.

— Она ввязалась в опасную игру, хранитель, — раздался сзади нас спокойный вежливый голос. — Впрочем, как и вы.

Сарад Нукпана стоял почти рядом: между нами не было и десяти шагов. Он смотрел на Пиараса и на меня с большим интересом. Все так же зловеще привлекательно, все так же смертельно.

Я использовала вес своего тела, чтобы оттеснить Пиараса за спину. Поразительно, как мало сил у меня осталось, и я была уверена, что ему не понравился мой маневр. А, плевать!

Хранители и гоблины нашли друг друга среди деревьев, и, судя по звукам, приятного было мало. Но сейчас это не относилось ко мне. Так как все были заняты делом, только мы вчетвером стояли на этой маленькой опушке.

— Я ни в какие игры не играю, — ответила я гоблину. — Играя — развлекаются, а у меня здесь никаких развлечений.

— Значит, вы играете неправильно. — Голос Нукпаны был мягким, напоминая мне что-то легко скользящее по сухим листьям. — Хотя то, что вы сделали с моими Магх'Скиду, было довольно забавно. Или мне следует сказать, что Сагред сделал с моими Магх'Скиду. В любом случае это производит впечатление, но вам следует быть более осторожной, Райни, не так ли?

По моему телу поползли мурашки, и я покрылась гусиной кожей, когда мое имя слетело с губ Сарада Нукпаны.

Он продолжил, его тон был самым приятным:

— Я очень долго и с нетерпением ждал нашей встречи. — Он рассматривал меня, и его пристальный взгляд пригвоздил меня к тому месту, где я стояла. — У вас глаза как у вашего отца.

В шоке от услышанного я уставилась на него, не в силах вымолвить ни слова, даже дыхание замерло. Я не знала, кто был моим отцом, но я обязательно это выясню. Я не желаю, чтобы всякие типы, вроде Сарада Нукпаны, упоминали об этом.

Он увидел мою реакцию, взял на заметку — и словно забыл об этом.

— Игры с Ловцом Душ опасны, — проворчал он. — Я бы не хотел, чтобы вы преждевременно нанесли себе ущерб. Вы мне позже понадобятся. Я согласен с вами, игры должны доставлять удовольствие. — Он обратил свое внимание на Пиараса, и его пасть расплылась в широкой улыбке, явно обнажив клыки. — Юный соловей. Сила в твоей песне была неожиданной, но вряд ли нежеланной.

Микаэль Илиесор сделал несколько шагов, заняв позицию между мной с Пиарасом и верховным шаманом Кринсани. Со своими хранителями повсюду в лесу вокруг нас он вряд ли предполагал, что мы можем сбежать.

— Было бы лучше, если бы вы оставались в своем посольстве, — посоветовал гоблину хранитель-эльф. — С вашим королем.

— Наша добыча насколько ускользающая, настолько притягательная, — ответил Нукпана, не сводя с меня глаз. — Как и вы, я был вынужден ее искать. — Краешки губ гоблина изогнулись кверху, как будто он чуть-чуть пошутил. — Какая разница? Мы соперничаем ради внимания одной и той же прекрасной леди.

— Никакого соперничества нет. — Голос Илиесора был тихим и одновременно сильным, я ощущала, как растет его сила. Как и у амулета. Жестокая бойня в лесу вокруг нас не шла ни в какое сравнение с тем, что заклинатель был готов выпустить на волю.

— А вы уверены в своем успехе? — спросил гоблин. — Послушайте, что вокруг творится. Я не слышу ни одного голоса человека или эльфа.

Я могла видеть профиль Илиесора и уловила легкий намек на улыбку.

— Вы правы. Кричат только гоблины.

— Тогда нам нужно поспешить, чтобы закончить свое дело, — произнес Нукпана совершенно невозмутимо. — Госпожа Бенарес, у вас есть то, что принадлежит мне. Я нанял работающего на вас человека, чтобы получить свою собственность обратно, но мои попытки вернуть ее принесли только головную боль и неожиданные сложности. — Опять блеснули клыки при слабой попытке улыбнуться. — Сложности по большей части были устранены.

Саймон Стокен. Нигель Никабар. Я сама. Пиарас, стоящий рядом со мной.

— Вы слишком много допускаете, примару Нукпана, — сказал Илиесор. — Особенно в отношении собственности. Сигнальный маячок — артефакт Конклава. Владелец не менялся — и не поменяется.

— Собственность — это обладание, — ответил гоблин, задержав взгляд своих черных глаз на мне.

Оба — Нукпана и Илиесор — вдруг оказались ближе. Я даже не заметила, чтобы кто-то из них хоть шевельнулся.

Эльф сощурился.

— Слишком далеко заходите.

— Наоборот, паладин Илиесор, я собираюсь зайти гораздо дальше.

Я знала, что может произойти. Иногда девушке все равно, что из-за нее переругались. Теперь не та ситуация. Я была не в состоянии прямо сейчас сражаться, но я не собиралась околачиваться поблизости, чтобы потакать воинствующим сторонам.

Микаэль Илиесор не шевельнулся; он просто снял то заклинание, которое хранило его силу замаскированной. Воздух вокруг него пошел рябью, как на поверхности омота, когда на дне пробуждается нечто громадное и опасное. Магия эльфа достигла Сарада Нукпаны. Гоблин вздрогнул. Если моргнуть, то можно все пропустить. Я не моргала, и я не пропустила это.

Я была не единственная, кто это почувствовал. Я была также уверена, что Микаэль Илиесор не питал иллюзий относительно того, с кем и чем он имеет дело.

«Берите мальчишку и бегите».

Голос Илиесора был спокойным — и звучал внутри моей головы. Пиарас не мог оторвать взгляд от сцены, разыгрывающейся перед нашим взором, как, впрочем, и я. Я не собиралась ждать, когда хранитель передумает, и начала отступать, увлекая с собой Пиараса. Я была уверена, что Микаэль Илиесор позаботится о себе сам. Он бы не получил должность

паладина, если бы не мог ей соответствовать. В этот момент я была не в состоянии помочь кому-либо еще, и опасность угрожала сейчас не мне. Я еще должна позаботиться о Пиарасе.

«Бегите. Я справлюсь».

Я еще мгновение подумала — и мы побежали.

Глава 13

Мы выбрались из Руин на южной окраине квартала магов около канала рядом с Роуван-стрит. Не совсем близко к тому месту, где я хотела бы оказаться, но если учесть, что больше всего я жаждала оказаться за границей Руин, то не нужно придирается к мелочам.

Улицы были пустынные, как я и ожидала, по двум причинам: из-за столь раннего часа и из-за репутации этого района города. Роуван-стрит была в значительной степени жилой, и жители спали. Я бы тоже хотела поспать в своей постели, но в настоящий момент была рада тому, что дышу.

Пиарас и я принимали в этом значимое участие. Раз уж ко мне вернулись мои способности — а подо мной снова были мои ноги, — финальный забег через Руины был не богат событиями, но мы едва могли отдышаться. Бег, сопровождаемый многочисленными смертельными экспериментами, доведет любого до такого состояния.

Миновав мост, отделяющий Руины, мы быстро перешли Роуван-стрит и остановились подальше от уличного фонаря, рядом с пустым особняком. Нам нужно совсем чуть-чуть — лишь перевести дыхание, но меньше всего я сейчас хотела отправиться во внутренний дворик чьего-нибудь дома.

— Мы не можем идти домой, да? — спросил Пиарас. Судя по его тону, ответ он знал так же хорошо, как и я.

— Еще не время. Мы находимся недалеко от корабля Фелана. Сначала мы отправимся туда. Я хочу передать через него словечко Гарадину. Мне с ним нужно поговорить. Мы также дадим знать Тарсили, что мы целы и невредимы.

— Но опасность не миновала.

Думаю, Пиарас на самом деле хотел, чтобы я сказала, будто он ошибается. К сожалению, я не могла этого сделать.

— Опасность миновала относительно, — сказала я. — Мы меньше чем в миле от Сарада Нукпаны и любого из братьев по фамилии Мал'Салин. Вот и все, чем мы располагаем.

Кое-что висит у меня на шее. Теперь мне необходимо узнать, как от этого избавиться, иначе кто-нибудь избавит эту штуку от меня. Микаэль Илиесор был самым лучшим из тех, кто мог подсказать, как это сделать. Он будет меня искать, но я собираюсь найти его первой. Хорошенького понемножку.

Пиарас больше ничего не сказал, но я почти слышала, как в его голове поворачиваются колесики. Сегодня за одну ночь он сильно повзрослел. Не надо выбирать события, которые помогут повзрослеть. Если повезет, то все случившееся в будущем превратится в приятные воспоминания. Если не повезет, будут мучить кошмары. Исходя из этого, Пиарас еще долго будет просыпаться от собственных криков. Не сомневаюсь, он пытался понять смысл всего, что происходило сегодня ночью, — включая меня. Но, думаю, я должна уверить его, что, в отличие от всех тех, кто напал сегодня ночью на нас, я не чудовище. Замечательно, если даже я сама в это поверю.

Хочется спросить Пиараса, что он сделал с Магх'Скиду — или что хотел сделать. Это было какое-то отталкивающее заклинание, что-то, что каждый практикующий магию должен знать для собственной защиты, но это было на языке гоблинов, и Пиарас сделал это очень хорошо. Слишком хорошо. Я хотела увериться, что Тарсили или Гарадин научили его этому, но решила, что лучше не заводить такой разговор прямо сейчас. Чем меньше Пиарас будет заикаться на том, что с нами произошло, тем лучше.

Но вот то, что назойливо крутилось в моих мыслях, я хотела забыть навсегда.

У вас глаза как у вашего отца.

Внезапно из-за углового дома показалась фигура, закутанная в мантию и с накинутым на голову капюшоном. В такое время любой, кто так спешит, вряд ли связан с чем-нибудь хорошим. Он мгновенно заметил нас — собственно говоря, на Роуван-стрит негде было спрятаться.

Человек, гоблин или эльф появился из города, не из Руин. Любезно с его стороны, хотя я не готова его за это наградить. У меня были свои причины, и у Пиараса тоже. Нас сегодня окружало слишком много фигур в мантиях с капюшонами, которые чуть не довели нас до ручки и в прямом смысле слова вынудили бежать. Возможно, этот был одним из них. После бесплотных чудовищ Нукпаны из нижних миров я чувствовала, что могу дать отпор любому встречному. А если магии будет недостаточно, у меня наготове мои любимчики — кулаки, колени, сталь. Я вытащила свои кинжалы — конечно, они были добыты не совсем честным путем, зато служили мне всегда честно. Теперь я вооружена и готова к встрече. Пусть знает, с кем имеет дело.

Фигура остановилась шагах в десяти от нас и отбросила с головы капюшон.

— Я думал, вы оба будете счастливы меня видеть, — сказал Гарадин.

Когда я в конце концов обрела дар речи, мой голос оказался тоньше, чем обычно.

— Хочешь, чтобы тебя насадили на меч, как перепела на шашлыки? Не пугай людей своим бегом по ночам!

Гарадин сначала повернулся к Пиарасу и крепко, до хруста костей, его обнял. Я еще стояла с кинжалами в руках, поэтому, полагая, он и не стал меня обнимать первой. Я вложила оружие в ножны.

— Как ты нас нашел? — удивился Пиарас, когда Гарадин ослабил свою железную хватку и дал ему отдышаться.

— Разве я мог *не* найти вас? — Крестный заключил меня в такое же, до хруста костей, объятие. — Удивляюсь, как вы не разбудили весь район! — Он взял меня за руки и бросил на меня осуждающий взгляд. — Ты снова снимала амулет, не так ли?

— Не так! Между прочим, мы можем добавить пару имен к списку тех, кто хочет получить его. Чигару Мал'Салин — один из них.

Эта подробность очень удивила Гарадина.

— Мы с Пиарасом были у него в гостях, — пояснила я. — Он объяснил мне, что такое амулет и что он делает. Мы бы еще там остались, но не захотели злоупотреблять его гостеприимством, поэтому ушли. Принц подумал, что это невежливо с нашей стороны, и пригласил нас обратно.

— Его приглашение сопровождалось мечами и арбалетами, — пояснил Пиарас.

— И я снова наткнулась на Сарада Нукпану, — продолжила я рассказывать Гарадину. Ну и видок же у него был! Он был просто ошеломлен! — С ним был новый король. Я тебе расскажу все подробно, но давай пойдем сначала куда-нибудь в менее публичное место.

Корабль Фелана стоял на якоре в самой глубокой части лагуны. Хотя в Мермейе имелось достаточно подходящих причалов, после нашей стычки у Нигеля Фелан изменил стоянку и бросил якорь в бухте Витакер. Он ценил свой корабль и свою команду, поэтому всегда повторял, что чувствует себя в безопасности только тогда, когда окружен водой. Я тогда подумала, что это хорошая мысль. А сейчас я просто уверена, что его идея замечательная. Любой может пройти по деревянному причалу, но я не знаю никого, кто бы мог ходить по воде.

Довольно странно, что мой страх воды исчезал, когда я находилась на корабле. Лодки — совсем другое дело. Лодки маленькие. Лодки могут опрокинуться. Для меня корабль похож на большой деревянный остров. Всем известно, острова не тонут. Я считаю, что это правило относится и к кораблям. Знаю, что корабли могут тонуть, но до тех пор, пока хоть один корабль не утонет при мне, не вижу смысла менять свое отношение к общему правилу.

Гарадин отправился утрясти вопрос с перевозкой, а Пиарас и я спрятались под плетеные корзины для крабов, сваленные в кучу в ожидании ремонта. Гавань Дрейка служил

домом большинству рыбаков Мермейи, и там всегда царили шум и суета, когда лодки приплывали с ночной рыбной ловли. Здесь царил контролируемый хаос, так что спрятать пару прибывших туда беглецов-эльфов было проще простого.

До рассвета было еще далеко. Собственно рассвет я встречала вчера и надеюсь, что сегодня меня не разбудят, чтобы снова увидеть восход солнца. Сейчас я была просто счастлива оттого, что осталась в живых.

— Несколько сахарных ватрушек Майры сейчас были бы кстати, — мечтательно протянул Пиарас.

Глядя на его взгляд, перескакивающий с одного предмета на другой, понятно, что не еда была на уме у Пиараса. Он просто не знал, как начать разговор.

У меня имелась довольно интересная мыслишка, насчет чего он хочет поговорить.

— Сахарные ватрушки сейчас бы не помешали, — согласилась я, выглядывая из убежища. Одна часть меня собиралась дожидаться, когда Пиарас сам начнет разговор, а другая сразу хотела перейти к делу. Не знаю, что ему ответить. Я до сих пор не понимаю, что со мной происходит, поэтому, естественно, мне трудно все объяснить это кому-нибудь еще. Но раз уж мы смываемся на «Фортуну», мне надо дать объяснения Гарадину или хотя бы попытаться, потому я могла бы прямо сейчас начать практиковаться.

Пиарас подтолкнул меня к этому. Терпение никогда не стоит в первых рядах достоинств мальчиков-юношей. Кстати, я тоже не могу похвастать такой добродетелью.

— Как ты себя чувствуешь?

Его голос был тихий, и вопрос был пробным, как будто он уже знал ответ, но на самом деле не хотел его услышать. Он хотел спросить не о моем здоровье. Он хотел узнать, та Райни, которая вышла из Руин, та же самая Райни, которая туда вошла? Хороший вопрос. Я сама бы хотела знать ответ.

— Не знаю.

Он просто стоял там, глядя на меня большими карими глазами, и в один ужасный момент я даже подумала, что он собирается заплакать. Психи братья-гоблины, шаманы Кринсани, разнообразные создания ночи, даже Сарад Нукпана — я со всем этим справилась. Что мне не по силам — так это Пиарас, страдающий из-за меня. Еще чуть-чуть — и я, возможно, присоединюсь к нему.

Я неистово замахала руками.

— Нет, нет! Не плачь! — Я моргнула, чтобы скрыть собственные слезы. — Если ты заплачешь, я тоже заплачу. А я не хочу.

Пиарас не заплакал, но судорожно, со всхлипом, вздохнул, а это еще хуже.

— Это я виноват. Если бы я не дал им себя поймать, ничего бы этого с нами не случилось. — Его голос почти срывался. — Мы оба были бы сейчас дома, и тебе бы не пришлось... — Он неопределенно и беспомощно махнул рукой в сторону сигнального маячка, висевшего под моей рубашкой, — этой штукой, и...

Надо прекратить прямо сейчас, пока слезы еще стоят в глазах, иначе они покатаются у меня по щекам.

— Именно благодаря этой штуке мы до сих пор живы. Я не знаю, что произошло со мной, но это не твоя вина. Тут никто не виноват, разве что умерший девятьсот лет назад хранитель, который не смог сохранить след своего собственного ошейника. Но его нет поблизости, чтобы спросить об этом.

Пиарас шмыгнул носом, потом вытер глаза рукавом рубашки. Я подавила в себе импульс сделать то же самое.

Он сглотнул и глубоко вздохнул, приводя себя в более спокойное состояние.

— Что ты собираешься делать?

— Я могу сделать только одно. Связаться с Микаэлем Илиесором и найти какой-нибудь способ отдать ему эту вещь. Если она ему нужна, пусть будет у него. Хранение Сагрета — его работа, поэтому я собираюсь ему помочь в этом деле.

— Ты думаешь, ему можно верить?

— Я не могу верить никому другому, кто считает, что должен владеть амулетом. Они все хотят, чтобы я умерла, или даже хуже. Похоже, только он не хочет моей смерти. Это не много, но это начало.

Пиарас шмыгнул носом. Я тоже.

Послышался тихий свист Гарадина. Я выглянула из-за корзин. Небольшая спасательная шлюпка «Фортуны» уже стояла, задрал нос, у причала.

Лодка — это спасение.

Два члена экипажа Фелана, дружно налегая на весла, доставили нас к «Фортуне». В шлюпке имелась секция, покрытая брезентом. Пиарас и я скользнули под брезент, не замеченные ни рыбаками, ни гоблинами.

Недолгое путешествие к кораблю Фелана дало мне несколько минут на размышление. Мысли все время крутились вокруг хранителя. Микаэль Илиесор мог у меня силой забрать амулет, когда нашел нас в Руинах, и в моем состоянии тогда я вряд ли могла его остановить. Он этого не сделал. А как он поступил? Встал между мной с Пиарасом и опасным Сарадом Нукпаной, а нам велел бежать. Он хотел амулет, но не собирался подвергать наши жизни опасности. Короче говоря, он оказался идеальным паладином и замечательным джентльменом. Я почувствовала, как на моих губах заиграла улыбка. Даже не ожидала от него такого, но, пожалуй, с этим я могу свыкнуться.

Мы поднялись на борт корабля без происшествий.

Впервые за последнее время я почувствовала себя в безопасности. «Фортуна», как и все, принадлежащее Фелану, не отличалась показным блеском. Быстрота и проворность — вот все, что от нее было нужно. И она предоставляла и то и другое. А еще на ней были люди и эльфы, которые отлично знали, как использовать имеющееся на борту оружие.

Аерик Галир, первый помощник Фелана, встретил нас, как только мы причалили к борту.

— Капитан не принимает гостей в такой поздний час, — усмехнулся Аерик, помогая мне подняться на борт. — Он был очень удивлен, что вы направляетесь сюда.

— Вообще-то мы не планировали. Я не собираюсь надолго оставаться. Здесь не будет безопасно ни мне, ни всем остальным.

— Какая бы неприятность за вами ни шла, мадам, мы в состоянии с ней справиться.

— Прямо сейчас даже я не могу справиться с неприятностями, но не собираюсь впутывать в свои проблемы кого-нибудь еще. Я планирую уйти до того, как кто-нибудь узнает, что я здесь.

Аерик пожал плечами, потом согласно кивнул. Он не понаслышке знал, и на своем опыте убедился, что мне порой случается притягивать неприятности, поэтому он и не собирался со мной спорить.

— Капитан просил передать приглашение в его каюту.

Мы спустились вниз. Фелан сидел за столом в центре каюты, перед ним стояли тарелки с остатками еды. Кто знает, какова должна быть ночью пища у человека с образом жизни совы. Я пересекла каюту тремя большими шагами и приветствовала брата, радостно заключив в объятия. Фелан не был любителем пообниматься, и в обычной жизни я уважала его личное пространство, но за последние дни произошло слишком много необычного, и я посчитала, что это дало мне право проявить чувства.

Проходя через дверной проем, Пиарас наклонил голову, и с лица моего кузена сразу исчезла улыбка, как только он увидел молодого эльфа с кровоподтеками на лице. Синяки не исчезли, но выглядели менее припухлыми.

— Что случилось? — Голос Фелана обещал много чего плохого кому бы то ни было, разрисовавшему Пиарасу лицо.

— Ничего хорошего, — ответила я. Мой голос вдруг зазвучал так же обессиленно, как я себя и ощущала. Я поискала, где бы присесть, ведь здесь меня никто не собирался убивать. Я подтащила стул и села. Мои мышцы были напряжены и возмущались ночными забегами и

другими вредными для здоровья видами спорта. — Наверное, мне следует начать с того момента, как вчера утром я ушла из дома.

Фелан приказал принести еду и чистую одежду для нас обоих. То, что было на мне сейчас, почти не пострадало, но запах после ныряния в пруду Руин был такой, что я сразу приняла предложение кузена переодеться. Когда я это сделала, то рассказала все — сначала о разговоре с Янеком в особняке Нигеля, затем о том, что видела А'Захру Нуру, и о последующей встрече с Тэмом, а под конец о подставе Окнуса и как мы с Пиарасом провели ночь.

К этому времени Пиарас давно вышел из-за стола и растянулся на койке Фелана. Теперь он мирно посапывал. Да и у меня слипались глаза.

Гарадин оперся локтями о стол и лбом уткнулся в ладони. В этой позе он всегда размышлял, особенно когда проблем было больше, чем информации, как выпутаться из ситуации. Рада, что он согласился со мной.

— Все запуталось, но сигнальный маячок имеет большое значение, — сказал он. — Он поднял голову и откинулся на спинку стула. — Это вполне объясняет его популярность... и твою тоже.

— Для меня никакого смысла нет в том, почему он выбрал именно меня и прилепился, — возразила я. — Хранители связаны с Сагредом. Я не хранитель. Я всего лишь посредственная колдунья.

Очевидно, я также была дочерью своего отца, и я жаждала поговорить об этом с Гарадином, но подумала, что надо дождаться, когда мы останемся одни.

— Не похоже, чтобы сигнальный маячок был разумным, — заметил Фелан.

— Согласна.

— Но, похоже, ему наплевать на твое мнение.

Я приняла это. Он был прав.

— Я могу предположить, что ты сделала. — Голубые глаза Гарадина были серьезны, когда он посмотрел на меня. — Но я не понимаю, как ты смогла это сделать.

Ровно столько же я знала и не знала сама.

— Что тебе известно о Сагреде? — спросила я.

— О нем достаточно знать, что ты не хочешь иметь с ним дело.

— Слишком поздно. — Теперь время для вопроса. — Что может контакт с ним дать мне?

Гарадин не хотел отвечать. Это было очевидно.

— Легенда гласит, что Сагрэд может сровнять с землей армии и королевства, — ответил он. — Хотя нет исторических записей о том, что он связан с поражением какой-либо армии или больше не существующим королевством. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что все это придумано.

— Можно с уверенностью утверждать?

— Более чем.

— Но не точно определенно.

— Нет.

Я вздохнула и сделала глоток кофе, который приготовил Фелан. Он добавил туда виски, и напиток обжег мне горло.

— Хотя говорят, что Великий Разлом в Рескилии был вызван Сагредом, когда у кринсани эксперимент пошел не так, как они хотели, — добавил Гарадин.

Великий Разлом в горах Норд Рич был провалом шириной в милю и примерно пятьдесят миль длиной. Это был некий эксперимент.

— Но что он сделает со мной! — Мой голос стал каким-то слабым.

— Я только читал о шаманах Кринсани, использовавших Сагрэд, — ответил Гарадин. — И они не были достаточно нормальными с самого начала, поэтому я думаю, что их записи — не самый лучший источник.

— И что?

— Сагред оказывает влияние на ментальную устойчивость.

Мой кофе застрял в горле. Я постаралась сделать глоток.

— Я тоже об этом слышала.

— Всего лишь еще одно заявление, и, возможно, ложное, — поспешил успокоить меня Гарадин. — Я уверен, что ты сегодня ночью на опыте убедишься, что такое сигнальный маячок и защитные заклинания Сагрета.

Ему легко сказать. Он не был тем, кто мог умереть на дне озера.

— Надо спросить Микаэля Илиесора, — добавил Гарадин. — Хранители играют с Сагредом как угодно, но секретов не выдают. Ты решила с ним встретиться?

Я кивнула.

— Сразу, как только выплыву. У меня такое чувство, что мне это очень нужно.

— Ты знаешь, где его найти?

Я улыбнулась, хотя улыбка оказалась больше похожей на гримасу.

— Это единственная легкая часть в этой полной неразберихе. Мне не обязательно что-то делать. Он сам найдет меня. Последнее время он периодически неожиданно появляется в моей голове, поэтому, когда он сделает это в следующий раз, я просто назначу время. Я собиралась сначала найти его сама, но мне нужно поспать.

— С тобой пойти на встречу с ним? — спросил Фелан.

Я сделала еще один глоток кофе. Теперь он горло не обжигал, но я совершенно перестала чувствовать свой язык.

— Справлюсь сама, — ответила я. — Я не хочу никаких недоразумений. Когда я скажу, что он может получить сигнальный маячок, он должен знать, что я не часть сделки.

Фелан осушил свою кружку.

— Думаю, мы можем помочь ему это понять.

— Расскажи мне подробнее о существах, атаковавших тебя и Пиараса, — попросил Гарадин.

— Которых сотворил Сарад Нукпана?

— Тех.

— Больше всего они похожи на тени, — ответила я. — Но такое впечатление, как будто они плотные, словно чернила, но при этом могут есть людей. — Я почувствовала дрожь и упадок сил. — Нукпана назвал их Магх'Скиду. Я знаю язык гоблинов, но никогда раньше не слышала о таком термине. Ты знаешь, что они собой представляют?

Гарадин кивнул.

— Их создали кринсани. Предположительно, используется первобытная магия гоблинов. Эти существа работают как губка — впитывают магию тех, у кого она есть, и жизненные силы тех, у кого магии нет. Шаман, который создает их, потом может собрать эту энергию для других целей.

Если Сарад Нукпана был их создателем, не очень-то хочется узнавать об этих других целях или думать о том, насколько близко мы с Пиарасом подошли к раскрытию этой тайны. Первым делом, когда мы Микаэлем Илиесором встретимся, возможно, я его поблагодарю.

— Они могут принимать любую форму, которую выберет их создатель, — продолжал Гарадин. — И при этом можно придать им законченность с множеством конкретных деталей или, наоборот, упростить, если нужно. Формирование образа требует времени и усилий. Судя по твоему описанию, те Магх'Скиду, с которыми ты столкнулась, были самыми примитивными. Быстро слепленная и необработанная версия. Несомненно, кринсани больше интересовал результат работы, а не внешний вид.

Мне не нужно было спрашивать, что это была за работа. Или, более точно, чья это была работа.

Я бросила взгляд на Пиараса. Он спал. Хорошо. Я не хочу, чтобы он услышал то, что я собираюсь спросить. И я не хочу знать ответ, но мне надо. Я видела, что они сделали с Сиселом Пели и шаманами, которые пытались остановить их, но я не знаю, что реально произошло. Если я натолкнусь на бестий Сарада Нукпаны снова, я хочу быть лучше

подготовленной, хотя думаю, что это вряд ли поможет. Шаманы тоже считали, что они подготовлены, и смотрите, что с ними случилось. Но в море ненужной информации я всегда стараюсь вылавливать ценные сведения, когда есть такая возможность. По крайней мере, я умру, зная, что меня убило.

— Не думаю, что Сарад Нукпана намеревался напустить Магх'Скиду на тебя или Пиараса, — сказал Гарадин, не совсем правильно истолковав мои мысли. — Учитывая то, что они обычно делают, странно было бы отправлять их за вами. У тебя сигнальный маячок, Нукпана хочет получить Сагред, поэтому ему ты нужна живой.

Гарадину не было необходимости мне это растолковывать. Я и сама уже уяснила этот факт, от которого меня тошнило.

— Скорее всего, Нукпана отправил их в Руины, чтобы они там покормились магическими существами, — продолжал Гарадин. — Так меньше шансов привлечь внимание городского дозора.

В этом был смысл.

— Шаманы потеряли над ними контроль и заплатили соответствующую цену. Если бы я не был в состоянии справиться с тем, что сотворил, то, возможно, закончил бы свой путь таким же образом.

— Возможно.

Я подавила волну тошноты. Нет, наверное.

— Я бы сказал, что вы с Пиарасом привлекли их внимание. Ты ведь привлекла мое. Одно дуновение твоей магии — и они, так сказать, лязгая зубами, на вас напали. Раз они шли по вашему следу, все, что оставалось шаманам, нагнать их и попытаться взять под контроль.

— Поэтому шаманов съели? — спросил Фелан.

Мне совсем не понравилось последнее слово. Но для того ужаса, свидетелем которого я была, это было самое подходящее описание.

— Поглочены — будет более верно, — уточнил Гарадин. — Как только Магх'Скиду «насытятся», шаманы кринсани используют то, что они забрали, для своего колдовства. Потом они отпускают их наполнять свой так называемый живот снова. А что касается того, что шаман делает с дополнительной энергией, это нечто настолько большое и отвратительное, что даже группа самых талантливых шаманов не может, или не хочет, делать в одиночку.

Это звучало слишком похоже на работу Сагрета. На мой вкус, удовольствие ниже среднего. Мне вдруг захотелось добавить еще виски в кофе.

— А это «большое и отвратительное» случайно не может оказаться тем, что открывает Врата? — поинтересовалась я.

Гарадин кивнул.

— Это и еще много другой разнообразной «полезной» деятельности. Я не оставил попыток до конца в этом разобраться. Говорят, используются такие же ритуалы, что и при создании Врат, для формирования отвратительных Магх'Скиду. Кровь, пытки, жертвоприношения — неизвестно, требуется ли все это на самом деле или для кринсани это всего лишь предлог.

Похищение может оставить след. Поглощение не оставляет ничего. Потребовалось сложное расследование, чтобы найти объяснение, куда недавно бесследно исчезли маги. Магх'Скиду не оставляют следов.

Много о чем надо подумать, и у меня было ощущение, что никто, с кем я столкнулась вечером, не собирался терпеливо ждать, пока я все разложу по полочкам. Я подняла взгляд. На меня пристально смотрел Гарадин.

— Что ты собираешься делать с ним? — Он кивнул в сторону Пиараса, не желая произносить его имя вслух, боясь разбудить.

Пиарас свернулся калачиком под одеялом, его дыхание было глубоким и ровным. Я точно знала, что Гарадин имеет в виду. Слишком многие теперь знали, на что он способен. Слишком многие мерзавцы. Я была не единственной причиной, почему Магх'Скиду пошли

за нами. Может быть, даже не я была основной причиной. После погружения гоблинов в сон и противостояния чудовищам — любимчикам Нукпаны — Пиарас светился энергией, и она не уменьшалась, пока мы не покинули Руины. Он оставил след практически всему, что шло за нами по пятам.

— Сегодня он хорошо потруился, — тихо сказала я.

— Я знаю, — ответил Гарадин. — Я его слышал.

— Не только ты. Многие слышали.

— Ты была неосторожна.

— Перед этим я имела дело с психами, — ответила я. — Некоторые были такими же жуткими, как Сарад Нукпана. Я сделала все, чтобы выжить. Это мой выбор. У Пиараса выбора не было. — Я понизила голос. — Пиарас воспользовался отталкивающим заклинанием против Магх'Скиду. На языке гоблинов. Ты научил его, верно?

Гарадин твердо встретил мой взгляд.

— Я думал, что это может ему пригодиться. Как он пел?

— Очень искусно. Даже слишком.

— Эти заклинания очень сложные. Особенно на языке гоблинов. Мальчик удержал их в голове. — Гарадин с одобрением кивнул. — Хорошо.

Я согласна, хорошо, что Пиарас удержал их в голове. Но я не была рада, что он впутался в ситуацию, где мы в центре событий и рисковали проиграть.

— Я бы предпочла, чтобы ему не пришлось защищать себя от подобных существ. В нормальных условиях я бы оставила его в одном из конспиративных домов Маркуса, но они все заняты. Кроме того, лучше, если он будет с теми, кого знает. А ты что предлагаешь? — спросила я Гарадина.

— Лучшим местом для него будет дом.

— А там безопасно?

— У Тарсилии одна из самых сильных защит в районе, — ответил Гарадин. — И я буду контролировать, пока все это не уляжется.

— Будем надеяться, что это случится совсем скоро и с победой на нашей стороне. — Я допила свой кофе. — Ну, а теперь прошу прощения, но мне нужно вздремнуть и назначить свидание хранителю. — Я показала на другую койку, заваленную картами и бумагами. — Можно я позаимствую ту койку на пару часов? — спросила я разрешения у Фелана.

В ответ Фелан поднялся и стал на ней наводить порядок, убирая вещи. Освобождая кровать, он перенес всю эту кучу на ближайший дорожный сундук.

Откинув одеяло, я села на край койки.

— Разбудите меня, если будет намечаться резня. — Я произнесла это как шутку, но получилось почти всерьез.

Фелан, возможно, улыбался, хотя это давалось ему с трудом.

— Думай об Илиесоре. Не беспокойся ни о чем постороннем. Мы постараемся, чтобы тебе ничто не мешало.

Его серьезный тон отмел всякие сомнения. И как только я легла и укрылась одеялом, моей последней мыслью перед погружением в сон была надежда, что эти замечательные слова сбудутся.

Глава 14

Сну не потребовалось много времени, чтобы найти меня, а мне не потребовалось много времени, чтобы найти Микаэля Илиесора. У меня не было ни единой мысли, как это сделать, но если сигнальный маячок мог «говорить», я была уверена, что он мне подскажет.

И вдруг я обнаружила себя в незнакомой и щедро декорированной спальне. Только самые лучшие и самые дорогие предметы мебели и ткани, а мой глаз на такие вещи был наметан. Я давно поняла, что если мне что-то нравится, значит дорого. Еще одна семейная черта семьи Бенарес. Со стороны кровати под балдахином послышался шорох. Вышитые

шторы были откинута, и я посмотрела на спящего. У меня перехватило дыхание.

Там лежал Микаэль Илиесор, укрытый до пояса светлой простыней. Одну руку он засунул под подушку, другая покоилась на кровати. Его медно-рыжие волосы блестели в свете единственной прикроватной лампы, и один локон спадал на висок. Мой взгляд поневоле спустился ниже, на мускулисто-худощавый торс, и еще ниже. Если бы на нем было что-то надето, то мне бы не было все так очевидно. Хранитель пошевелился, и простыня сползла ниже. Ну да, конечно же, он спал без нижнего белья. Я почувствовала, как у меня загорелись щеки, чего не может быть, ведь я же на самом деле находилась в другом месте. Я опустила глаза. Потом подняла снова. Я ничего не могла с собой поделать.

Его восхитительные глаза морской волны были открыты, он смотрел на меня. Я не любила воду, но в таких глазах я могла утонуть и умереть счастливой. В шоке я застыла. *Он смог меня увидеть*. Я опустила взгляд и посмотрела на себя. Я себя видела. Но я же заснула и сплю на борту «Фортуны»! Как я могу находиться в двух местах одновременно?! Или могу? Но каким образом?

Илиесор теперь оперся на локоть. Он все еще не сводил с меня взгляд, но теперь в уголках его губ спряталась улыбка. Мое сердце стало биться большими редкими толчками.

— Вот этого я не ожидал, — произнес он.

Он обращался ко мне.

— Нам надо поговорить, — услышала я себя. Как будто говорила не совсем я, ведь меня все-таки нет здесь, то есть там. Я почувствовала, как меня охватывает паника: я не понимаю, где нахожусь на самом деле.

Его улыбка превратилась в усмешку.

— Мы уже *ведем* беседу. — Потом его глаза слегка расширились. — Никогда раньше не приходилось перемещаться, не так ли?

Я покачала головой.

— За последние два дня произошло много чего впервые. — Я сглотнула ком в горле и посмотрела на свои руки. — Полагаю, мое тело физически не здесь, да?

— Я знаю только двух магов на Миде, которые могут хорошо проявляться, а вы сделали это через три слоя моих лучших защит.

Не я. Я только стала приходить в себя, но если сначала просто покрылась мурашками, то теперь испытывала настоящий ужас. Интересно, могу ли я упасть в обморок? Думаю, мое состояние было очевидным, потому что хранитель вознамерился встать.

Я замахала руками.

— Нет, нет. Лежите. — Видеть его вылезающим из постели, хоть сейчас, хоть в любое время, *вряд ли* успокоит мои расшатанные нервы. Совсем наоборот.

Он остался в постели. Но все-таки сел на край кровати, обернувшись простыней до талии. Он сделал жест рукой, приглашая сесть в кресло. Я посмотрела на него, сомневаясь, получится ли: как я могу сесть в кресло, когда на самом деле меня здесь нет? Я осторожно присела — и никуда не провалилась. Вот так сюрприз — странно, но приятно. Настолько, насколько приятно видеть неприкрытую идеально вылепленную грудную клетку этого эльфа.

Поскольку я никогда раньше такого не практиковала, то не знала, как долго я смогу здесь оставаться; поэтому я решила, что пора поговорить о главном.

— У меня есть вопросы; у вас — ответы.

— У меня тоже есть вопросы, — ответил он.

Держу пари, и не один.

— Предлагаю сделку, — сказала я. — Вы отвечаете на мои, я — на ваши.

Он согласно кивнул. Меня это вполне устраивало. Тем более были некоторые моменты, касающиеся меня, относительно которых я бы предпочла оставить Конклав в неведении.

— Я начну, — предложил он. — Сарад Нукпана нанял вашего партнера украсть маячок-ориентир. Он назвал вас по имени. Вы можете управлять маячком-ориентиром. Это не случайные совпадения.

— Оказалось, ваши предположения верны, не так ли?

— У меня не было времени на что-то другое. Как и у вас.

Глядя на нашу общую ситуацию с его точки зрения, догадываюсь, мое участие выглядит более чем сомнительным. И вообще-то он прав. По прямой дороге высокой морали я прогуливалась не всегда. Но знакомство с вором не делает вором меня, и знание моего имени каким-то психопатом не делает меня его подружкой, так что я чувствовала себя вполне титулованной особой, чтобы оседлать моего благородного коня — хотя бы на миг.

— Я ничего не украла, паладин Илиесор. А со мной совсем недавно обращались так, как будто я воровка. Я считаю, что вы лучше всех сможете решить мою проблему и хотя бы не будете пытаться убить меня после этого. Вот почему я здесь. Не так я обычно обретаю союзников, но сейчас я вынуждена сделать такой выбор.

Он снова посмотрел на меня.

— Тогда откуда у вас взялся маячок-ориентир?

Я рассказала. Конечно, я совершенно забыла при этом упомянуть имена Квентина, или Фелана, или Пиараса, или кого-либо еще, кого я любила. Удивительно, как мелкие детали могут изменить картину в целом. Я уверена, Илиесор хотел знать подробности, а я решила, что в этом нет необходимости. Если он и считал по-другому, то не показал этого ни единым знаком. Очевидно, только одна вещь была для него важна, и она висела у меня на шее.

Когда я закончила, он просто сидел и смотрел на меня — без сомнения, взвешивая мои слова и сравнивая их со своей версией правды. Мой тон не выдавал моих эмоций и не должен был вызывать сомнений в моей искренности. Но я знаю, что Микаэль Илиесор не поверил мне ни на секунду. Его проблема, не моя. Пока еще. Наконец он заговорил:

— Итак, вы знаете, чем обладаете.

Это не вопрос.

— Более или менее. Чигару Мал'Салин рассказал мне прошлой ночью. Хотя, думаю, рассказал лишь потому, что не ожидал, что я собираюсь оказаться где-то в другом месте.

— Возможно. Что вы знаете о Сагреде, госпожа Бенарес?

— Больше, чем знала вчера, а это, черт побери, больше, чем я вообще хотела бы знать. Я знаю кое-что о том, что он, предположительно, может делать, и что многие хотят прибрать его к рукам, включая вас.

— Позвольте рассказать, что знаю я, госпожа Бенарес. Ваш партнер... — он замолчал и слегка улыбнулся, — который, очевидно, не имеет имени, нашел маячок-ориентир позавчера ночью в доме известного некроманта Мермейи. Момент, когда он открыл коробку-контейнер, мне известен, как и многим в этом городе. Я знаю, что маячок-ориентир перешел в ваши руки у складов Саймона Стокена. Я почувствовал его снова спустя несколько часов на окраине квартала магов. Сигнал был еле уловимый. Я почувствовал его потому, что знал, к чему мне прислушиваться.

Он встал, придерживая свободно обернутую вокруг пояса простыню, и потянулся за длинным халатом, брошенным на спинку кровати и свисающим до пола.

— То, что я услышал прошлой ночью в Руинах, было не еле уловимым сигналом и не маленьким магическим действием, присущим маячку-ориентире. Я последовал за сигналом и обнаружил вас и вашего заклинателя, слишком юного, чтобы быть таким могущественным. Вы просто уничтожили шесть полностью сформированных Магх'Скиду. Случайный свидетель мог бы сказать, что вы совершили эту проделку вполне самостоятельно. — Он помолчал. — Но я не случайный свидетель.

Он отвернулся от меня, надел халат и позволил простыне свалиться на пол.

Я сглотнула.

Он завязал пояс и повернулся ко мне лицом.

— Прошу прощения, госпожа Бенарес, но ваши природные таланты в лучшем случае незначительны — по крайней мере, были такими. То, что вы совершили прошлой ночью, — это уровень таланта и мастерства, который вам, увы, не по плечу. Вы прошли через маячок-ориентир и воспользовались Сагредом. Как — не знаю. Я никогда не соглашался с Сарадом

Нукпаной ни в чем, но в этом он прав. Вы играете в опасную игру.

Не знаю, обижаться ли на его менее чем скромную оценку моих прежних способностей или беспокоиться по поводу такой скрупулезности. Но его последнее высказывание задело меня за живое.

— Никто даже не спросил меня, хочу ли я играть, паладин Илиесор. Я искатель. Причем хороший. Я могу за себя постоять, и в рукавах всегда держу пару-тройку трюков. Вот так я жила до сих пор, до позавчерашней ночи. Большинство в этом городе даже не подозревают, чем я теперь обладаю. Для меня нет ничего лучше, чем швырнуть этот кусок металла в ближайший канал! Если б я смогла!

Хранитель выглядел озадаченным.

— Не можете?

— Не могу! Помните тот час, после того как я покинула склад Стокена?! Вы сказали, что почувствовали маячок-ориентир снова?

— Да.

— Это произошло, когда я попыталась снять его. Это был словно удар молнии, обвившей мою шею. Он меня чуть не убил. Вот я и вынуждена теперь носить его на себе.

Илиесор искал на моем лице признаки чего-то, известного только ему. Все время, пока я сидела под этим внимательным испытующим взглядом благородного, одетого в шелка хранителя Конклава, мне хотелось исчезнуть. Я сопротивлялась этому порыву так же хорошо, как и некоторым жизненным побуждениям, которые пытались привлечь мое внимание. И я очень надеюсь, что Илиесор не читает мыслей. У меня и так достаточно трудностей сегодня ночью.

— Невероятно, — произнес он, когда прошла, как мне показалось, целая вечность. — Эмалиэль приспособил его для себя. Никто другой не может им пользоваться!

— Я не пытаюсь им пользоваться. И я не знаю этого вашего Эмалиэля, и мне наплевать на его вкус к украшениям. Я просто хочу знать, как мне избавиться от этой штуковины и остаться в живых.

— А вы не можете?

По какой-то причине этот единственный простой фактик до него не дошел.

— Думаю, мы это уже установили, — произнесла я, быстро теряя остатки того маленького терпения, с которым пришла сюда. — Почему я не могу его снять?

— Из того, что я узнал, ваш партнер, которого зовут Квентин Рэнд — возможно, вы забыли его имя, — талантливый вор, но он не лучший. Сарад Нукпана мог сделать это гораздо качественнее. Гоблин, преданный делу Кринсани, должен был сделать более логичный выбор. Думаю, Нукпана выбрал не вашего партнера, господжа Бенарес, а вас. Он назвал вас по имени на том складе, и по вполне определенной причине. — Он сделал шаг ко мне. — Я хочу знать, что это за причина.

Я не шелохнулась и тут же выпалила:

— Так же, как и я! Не понимаю, откуда Сарад Нукпана знает меня. Я его знать не хочу. Это правда.

— Вы увязли в этом деле гораздо глубже, чем думаете. — Голос Илиесора потерял свою резкость. Может, он испытывал некоторое удовлетворение, что мой мир получал пинки, а парочка из них принадлежала ему?.. — Сарад Нукпана точно знает, насколько глубоко. Я не знаю. Вам я тоже не верю. Но я найду ответ.

Не сомневаюсь, что найдет.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Расскажите мне о своем отце.

Я тут же вспомнила слова Сарада Нукпаны, сказанные несколькими часами ранее. Мне не хотелось об этом даже думать.

— Я его не знала, а моя мать умерла, когда мне было меньше года. Какое отношение к делу имеет то, о чем у меня нет никаких сведений?

— Это может иметь отношение ко всему. Если вы связаны кровным родством с

Эмалиэлем Ангуисом, тогда вполне логично, что маячок-ориентир отзывается на вас. Отсюда следует, что, вероятно, вы способны иметь прямой контакт с Сагредом без всякого побочного эффекта.

— Побочные эффекты?

— Контакт с Сагредом вызывает галлюцинации, сумасшествие, потом смерть. Но до этого времени владеющий камнем способен воспринимать полную мощь Сагрета. Вы воспользовались камнем, и вы совершенно не попали под его негативное влияние. Это говорит мне только об одном.

— Об одном? — Я осознала, что спрашиваю. Потом снова, словно не расслышала. Может быть, я была в бреду.

— Что вы каким-то образом связаны с Эмалиэлем Ангуисом. Это должна быть близкая связь, не более двух поколений, чем ближе — тем больше эффект. Принц Чигару что-нибудь о нем вам рассказывал?

— Только то, что он умер лет девятьсот назад. Он слегка староват, чтобы быть моим родственником ближе чем в двух поколениях.

— Эмалиэль пропал без вести, не умер, — поправил меня Илиесор. — Вдобавок, будучи связанным с Сагредом, маячок-ориентир является меткой жизни. Эмалиэль адаптировал маячок-ориентир только для себя. Если бы он умер, задача соединения с маячком-ориентиром была бы трудной, как процесс соединения с Сагредом. События последних двух дней показали, что связь остается. Если соединение остается, значит Эмалиэль жив.

Это умозаключение имело такой подтекст, который я не была готова так сразу воспринимать. Я знала, кем была моя мама, и, если верить словам Гарадина, она не была девятьсотлетним эльфом-магом, ставшим хранителем Конклава. Она была хорошей чародейкой, хотя не очень талантливой — иначе она до сих пор была бы жива. Тогда остается вероятность, что Эмалиэль Ангуис был моим отцом. Эта вероятность тревожила, но другое было слишком ужасающим, чтобы предполагать. К несчастью, я сказала, а потом подумала... что лучше бы мне промолчать.

— Девятьсотлетний? — прошептала я.

— Это не редкость для связи с объектом силы, продлевающей жизнь. Сагред как раз этим известен.

Не редкость в его мире, возможно. Хорошо, что я сижу. В моей голове в панике кружились, налетая друг на друга, мысли и вопросы. Один главенствовал над всеми. Интересно, как моя кровь не стынет в жилах, или я не взяла сюда с собой свою кровь?..

Я услышала голос Микаэля Илиесора как будто из другой комнаты.

— Госпожа Бенарес?

— Райни, — услышала я свой ответ. — Зовите меня Райни. Вам можно.

Илиесор стоял на коленях перед моим креслом.

— С вами все в порядке?

— Конечно, — с удивлением ответила я. У меня всегда все в порядке, хотя теперь не думаю, что у меня все будет в порядке потом. Я заставила себя глубоко вздохнуть. Я ничего этого не просила и не хотела ничего подобного, но я в это дело влипла, и ничего тут не поделать. Мой приступ воплей должен немного подождать.

— Расскажите мне, — произнесла я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. Я пыталась держать себя в руках.

— Прошу прощения?

— Расскажите мне все, что вы знаете о Сагреде и Эмалиэле Ангуисе. — Мой страх уступал место гневу. Я принимала его с распростертыми объятиями. — Вы знаете. Нукпана знает, оба Мал'Салина знают. Я даже думаю, что один из моих друзей-гоблинов знает. Не люблю неясность, и я устала бродить вслепую. Итак, расскажите мне.

Илиесор немного подумал. Я терпеливо ждала и смотрела на него. Его глаза цвета морской волны были такие красивые, но больше не пугали. Я не удивилась своему

внезапному спокойствию. Легко быть терпеливой, когда ты в шаге от того, что желаешь получить.

Он поднялся и сел на ближайший ко мне угол кровати, опершись спиной на боковинку.

— Вы знаете, все эти события произошли, когда хранители забрали Сагрэд у короля Омари Мал'Салина. — Это было утверждение, а не вопрос.

Я кивнула.

— Эмалиэль Ангуис повел группу, которая забрала камень обратно. Когда он вернулся на Мид с теми, кто выжил в этом походе, то лучшие хранители попытались уничтожить Сагрэд. Их попытка провалилась. Люциус Каван, архимаг Конклава в те времена, приказал Эмалиэлю спрятать Сагрэд, чтобы предотвратить от попадания не в те руки. Эмалиэль не хотел провести остаток своей жизни запечатанным в склеп, поэтому он создал маячок-ориентир, который мог охранять камень на расстоянии. Но чтобы не позволить любому, кто носит этот маячок, отыскать Сагрэд, он вынужден был связать его с собой.

— Не очень-то он доверчив.

— На это были причины, — ответил Илиесор.

— Люциус Каван хотел прибрать его к рукам?

— Он был далеко не первым в этой очереди.

Гарадин всегда говорил, что человек не должен иметь власть, чтобы не испортиться, но это, определенно, происходит еще до того, как ему эту власть дали.

— Эмалиэль ожидал этого, — продолжал Илиесор. — Но когда он спрягал Сагрэд, он сделал то же самое с собой. Люциус обвинил Эмалиэля в дезертирстве, но Эмалиэль так не считал. Сагрэд был его бременем, его обязанностью. Были и другие на Миде, желающие занять его место там, только он один был связан с Сагрэдом. Поэтому он посвятил свою жизнь охране его. Это случилось девятьсот лет назад. С тех пор никто о нем не слышал, пока несколько месяцев назад не появились разные слухи. Как защитник наследия Эмалиэля, я принял к сведению те слухи... и отнесся к своей работе... самым серьезным образом.

Выражение его лица было почти торжественным. Если не сказать мрачным.

— А в чем состоит работа? — поинтересовалась я, не совсем уверенная, что на самом деле хочу знать правду.

— Отыскать маячок-ориентир, найти Сагрэд и вернуть их обоих на Мид.

У меня возник вопрос:

— Если только Эмалиэль мог использовать маячок-ориентир, как вы планировали отыскать Сагрэд... пока не подвернулась я?

— Эмалиэль настроил маячок-ориентир на себя, — ответил Илиесор. — Поэтому нам пришлось бы делать это трудным и сложным способом. Вы, как искатель, надеюсь, понимаете: когда что-то движется, оно оставляет след — как магический, так и обычный, земной. Мы нашли и тот, и другой. Они привели нас сюда.

— И как вы отыскили этот земной след?

— Люди видят и слышат. Люди разговаривают.

— Иными словами, волка ноги кормят. В моем деле тоже достаточно беготни.

Хранитель пожал плечами.

— На это уходит много времени, но работа сделана. К сожалению, кринсани знают столько же, сколько и мы. И поскольку вы связаны с Эмалиэлем, похоже, что Сарад Нукпана знает больше нас. Мы проследили след Сагрэда до Мермейи, но не дальше.

— Мермейя не маленькая.

— Мы заметили. — Он помолчал. — Но это все, что мы смогли сделать. Вы сможете отыскать Сагрэд?

Я откинулась на спинку кресла.

— Прошлой ночью Чигару Мал'Салин просил меня сделать то же самое.

— Я не Чигару Мал'Салин.

— Я заметила.

— Единственный вариант снять маячок-ориентир — отыскать Сагрэд.

Примерно что-то подобное я и предполагала.

— Просто из любопытства, что вы хотите делать с Сагредом? — спросила я. — Все остальные желают осуществить свои планы сразу же, как только приберут его к рукам. А какие планы у вас?

— Предотвратить его попадание в чьи бы то ни было руки, — ответил он. — Если вы согласны помочь нам его отыскать, мы решим, безопасно ли ему находиться там, где он хранится. Я бы предпочел его не беспокоить, пока в этом нет серьезной необходимости. Сдвинуть его с места означает привлечь к нему внимание.

— А это плохо.

— Очень плохо. Люциус, конечно, давно мертв, но есть другие, страстно желающие того же, что и он. Если Сагред в безопасности, мы оставим его там, где он лежит, вместе с маячком-ориентиром, конечно. Если маячок-ориентир ведет себя нормально, он сразу же касается объекта, для которого он создан, а вы сможете снять его со своей шеи.

— Так, давайте посмотрим, правильно ли я поняла. Я должна дотронуться до чего-то, что называют Ловцом Душ, и тогда я могу снять с себя ошейник?

— Так обычно работает маячок-ориентир.

— А я так не работаю, «обычно» меня не устраивает.

— Альтернатива — ходить с ним на шее всю оставшуюся жизнь, которая резко сократится. Я бы не советовал вам делать такой выбор.

— А если это не безопасное место? — спросила я, хотя была почти уверена, что не хочу слышать ответ.

— Тогда у нас есть средства забрать его с собой, — ответил Илиесор. — Есть специальный контейнер, в котором будет храниться Сагред все время на острове Мид. Мы привезли его с собой.

— Сагред и маячок-ориентир оба будут в контейнере?

— Правильно.

— Но не я? — Мне хотелось подтверждения.

Губы Илиесора растянулись в улыбке.

— Вашего присутствия не потребуется.

— И я буду свободна?

— Да.

Лучшая новость за последние дни.

Он встал с шорохом шелка.

— Можно взглянуть на амулет?

В отличие от принца гоблинов, Микаэль Илиесор спросил достаточно любезно. Я встала, вытащила маячок-ориентир из тайного местечка под рубашкой и подняла его к подбородку. Он был совершенно твердый, каким не должен быть. Я же не здесь, и его тоже не должно быть здесь. Это должно меня беспокоить, но не беспокоит. Я уже ничего не понимаю.

Илиесор сократил расстояние между нами двумя шагами. Я бы отодвинулась назад, но за моей спиной — спинка кресла, и между нами только шелковый халат. Его халат такой красивый! Подчеркивает его глаза.

Он протянул руку, чтобы дотронуться до медленно крутящегося диска, но остановился, не пытаясь прикоснуться. Как и Янек, Микаэль Илиесор с осторожностью относился к неизвестному.

— Не производит впечатления, да? — прокомментировала я. Вдруг в комнате стало мало воздуха. — Внешний вид может быть обманчив.

Он не сводил с меня своих голубых глаз.

— Меня нелегко ввести в заблуждение, и я поражен.

Я говорила ему об амулете. Не думаю, что он говорил мне о нем же.

Он опустил взгляд на диск.

— Эмалиэль выбрал идеальную маскировку, — прошептал он восхищенно.

Я закрыла пальцами диск и сунула его обратно за пазуху. На мгновение мне показалось, что Илиесор собирается следом за ним. Мой взгляд его остановил.

— Маскировка не очень-то важна, когда всякий знает, что это за штучка на самом деле, — сказала ему я. — Слишком многие хотят прибрать ее к рукам. А так как я не могу ее снять, они пытаются использовать меня. Но я не намерена им это позволить.

— Этого и не будет, — заверил меня хранитель.

Мне не понравился его тон. Или его сощуренный взгляд. Нарисовалась картина: он перебросил меня через плечо, как мешок картошки, и утащил на Мид. Я предпочла сейчас игнорировать эту мысль, а еще усерднее игнорировать то, что такая мысль мне понравилась. Что касается текущего момента, у меня серьезные и безотлагательные проблемы: как избавиться от украшения Эмалиэля, висящего на моей шее, и не оказаться при этом не по своей воле в гостях у кого-нибудь еще.

Слишком много всего навалилось для одной ночи. И слишком много надо сделать самой. Я не подкачала, но у меня тоже есть пределы. Я подняла взгляд на хранителя. Мне не нужна помощь амулета, чтобы точно понять, о чем он думает.

— Я хочу взять вас под защиту, — сообщил Илиесор.

Это уже слишком!

— Значит, меня закроют в комнате, а за дверью меня будет сторожить толпа хранителей, правильно?

Уголок его рта пополз вверх.

— Думаю, достаточно будет двух.

— Мне надо уладить кое-какие дела.

— Те же, что и прошлой ночью?

— Нет. Другие, более привычные. — Конечно, не совсем правда, но мне же надо что-то делать, пока не случилось что-нибудь еще.

— Хотелось бы надеяться, — ответил Илиесор. — Поскольку амулет надет на вас, я не могу позволить вам оставаться без защиты, рискуя, что вас захватит Нукпана.

— Вы хотите сказать, захватит амулет.

— К сожалению, вы и амулет — одно целое.

— К сожалению, это так, — тихо согласилась я.

— Нукпана знает, насколько вы сейчас искусны. Один раз это было для него неожиданностью. — Илиесор твердо на меня посмотрел. — Теперь его врасплох уже не застать.

Он был прав. Хоть мне и не хотелось это признавать, но отрицать я, естественно, не могла. Я только согласно кивнула. Парочка хранителей за моей спиной — может быть, и не так плохо. Блондин, которого я запомнила прошлой ночью, казался даже милым, как раз сорта замечательных убийц. И он не как Илиесор — действовал мгновенно по первому импульсу, он мог бы за мной присматривать. Так как мое тело физически находится на борту «Фортуны», Илиесор не может задержать меня здесь против моей воли. По крайней мере, мне так кажется. Но, с другой стороны, многое из того, что мне казалось два дня назад невозможным, обернулось слишком реальными событиями. В частности, то, как мне удалось смыться. А если посмотреть подольше в эти небесно-голубые глаза, можно решить, что домашний арест — просто замечательная идея!

— Я не возражаю против небольшой дополнительной охраны, — согласилась я. — Сама я, чтобы защититься от Нукпаны и подобных ему, могу лишь убежать или воспользоваться Сагредом, хотя более точно будет сказать, позволить ему воспользоваться мной. Так произошло прошлой ночью, и я не хочу, чтобы это повторилось.

— Тогда мы договорились. Я выделю несколько человек, чтобы сопровождать вас.

— Временный договор, — уточнила я, как будто могла запретить ему следовать за мной. — У меня есть семья и друзья, которых я больше не хочу подвергать опасности. Некоторые в состоянии защитить себя сами; некоторые — нет. У Нукпаны не возникнет сомнений использовать их, чтобы добраться до меня. Я не могу позволить, чтобы так

произошло.

— Молодой заклинатель? — спросил Илиесор.

Я кивнула. Мне совсем не понравилось, как Нукпана смотрел на Пиараса прошлой ночью. А меня бы больше всего устроило, если бы я вообще не знала, кто такой Сарад Нукпана.

— Я могу обеспечить и его защиту.

— Спасибо вам, — поблагодарила я от всего сердца. — Моя семья уже принимает меры. Но мне лестно ваше предложение.

— А мне приятно ваше сотрудничество. — Его голос звучал странно мягко. Казалось, он только что поставил все в моей жизни с головы на ноги. Думаю, он ожидал от меня драки. Я бы хотела дать ему пинка, но, по правде говоря, мне надо приберечь свой боевой дух до той поры, когда в этом возникнет необходимость. Сарада Нукпану нельзя не принимать во внимание.

— Мы увидимся вечером в ночном клубе «Сирены» на Герон-роу в квартале магов, — назначила я встречу. — Вы знаете это место?

— Знаю.

— Я буду там, когда колокол ударит девять раз. — Мне удалось улыбнуться. — С некоторыми членами моей семьи, конечно.

— Конечно.

У меня больше не было вопросов, хотя кое-что меня беспокоило, но мне было неловко спросить.

Хранитель почувствовал мои колебания.

— Да?

— А как мне вернуться обратно, туда, где я нахожусь на самом деле?

Я услышала чью-то болтовню.

Сначала был один голос, потом я различила два. К счастью, я их узнала. Хочу сказать, я проснулась в том же месте, где заснула. Мне нравится, когда все идет так, как надо!

— Давай разберемся, — говорил Фелан. — Ты набросился на Чигару Мал'Салина, запиная его охрану, а потом свалил с ног караульного?

Я медленно приоткрыла один глаз. Другая сторона моего лица была все еще глубоко погружена в подушку. Фелан хохотал во весь рот. Выражение лица Пиараса было соответствующим, когда он кивал.

Он сидел, скрестив ноги, на койке Фелана. Синяк почти исчез, кровоподтеки были еще заметны, но тоже уходили. Похоже, корабельный целитель Фелана потрудился на славу, пока я спала. Принимая во внимание то, что произошло прошлой ночью, Пиарас выглядел на удивление спокойным. У меня все еще остался порыв защищать его от опасности, хотя я уже поняла, что в этом нет большой необходимости, если это имеет какой-то смысл. Пиарас, который проснулся на борту «Фортуны», был другим, более зрелым. Ему это идет.

Слишком много событий для ребенка, испытавшего жизнь.

Потом я вспомнила, где я была, кого видела и как он был при этом одет. Я села, тяжело вздохнула и натянула одеяло, укрывшись до самого подбородка.

— Что? — Фелан не понимал, надо ему тревожиться или нет.

— Ничего такого.

— Не похоже, что ничего такого.

Я заглянула под одеяло и с облегчением вздохнула. По крайней мере, я под одеялом была не голая.

— Ищешь хранителя? — хихикнул Фелан, по-своему интерпретируя мою реакцию.

— Нет.

— И он не пытался войти с тобой в контакт? — удивился Фелан.

— Ему этого не нужно было делать.

Фелан широко раскрыл глаза.

— Ты ... вошла в контакт с ним ?

— Я не хотела, но так получилось.

— Ну, и что? Он тебя ждал?

У меня перед глазами сразу же всплыла четкая картина обнаженного Микаэля Илиесора, лежащего на кровати. Я сама почувствовала, как покраснела.

— Думаю, что нет.

Фелан заметил мою реакцию, и его ухмылка стала почти развратной.

— Похоже, ты хорошо повеселилась, сестренка. Хорошая девочка.

— Не веселилась.

Ухмылочка стала еще шире.

— Обманываешь...

— Ну, и когда ты с ним встречаешься? — спросил Пиарас.

— Я предложила сегодня вечером в клубе Тэма. Это достаточно людное место. Я сказала Илиесору, что буду там в девять часов, но приду туда пораньше. После прошлой ночи я желаю немного поболтать с Тэмом об Окнусе и об одном гоблине-заклинателе.

Я выглянула в иллюминатор, находившийся рядом с моей койкой. Стало ясно, что самой не узнать, сколько часов я проспала. Как низко летящие облака могут мне подсказать время?

— Который час? — пришлось спросить у Фелана.

— Начало третьего. Почти проспала обед.

Обед... Отлично. Очень даже неплохо пообедать, после того как некий хранитель пообещал обеспечить защитой и дать охрану. Охрану, которую я раньше отвергала. Я вздохнула и отбросила одеяло. С безопасностью все в порядке, а мне надо пообедать.

— Как ты думаешь, хранителю можно верить? — спросил Пиарас. В его голосе звучала надежда. В моем — тоже.

— Я только что поверила.

Глава 15

Фелан и несколько членов его экипажа наиболее презентабельной наружности были выбраны мною в качестве эскорта в ночной клуб. Понимаю, что они не смогут выступить как средство устрашения, если мы наткнемся на Сарада Нукпану, но все остальные, кого мы встретили по дороге в клуб, сразу старались перейти на другую сторону улицы. Когда мы подошли к «Сиренам», Фелан и два члена его команды вошли со мной внутрь и расположились в баре как у себя дома; остальные на улице контролировали выходы. Согласно тому пути, по которому меня догоняет моя удача, это были не те меры предосторожности, что я хотела бы предпринять, но те, что должна была.

Я думала, что пришла сюда довольно рано, чтобы поговорить с Тэмом начистоту, но, по-видимому, мне придется постоять в очереди. Воссоединение после долгой разлуки было в моей любимой кабинке. Тэм и некий хранитель-эльф болтали как старые друзья.

Я медленно продефилировала перед ними.

— Вижу, мальчики, вы знакомы.

Ни виноватого взгляда, что их заметили, ни удивления, что увидели меня... Нормально... я носом чуяла сговор, но ведь место встречи предложила именно я, и явно не под нажимом! Здесь что-то происходит, и я подозреваю, что все это связано со мной!

— Я знаю паладина Илиесора довольно хорошо, — произнес с улыбкой Тэм. — Хранитель любезно помог мне однажды выпутаться из опасной ситуации.

— А примару Натраш как-то раз помог мне уладить конфликт, — ответил Илиесор.

— Сегодня мы с Микаэлем делимся воспоминаниями, — объяснил Тэм. Его улыбка стала шире, отчего блеснули клыки. — Боевыми историями Райни Бенарес.

— Которых у Тэма гораздо больше, чем у меня, — ответил Илиесор.

— Но в твоих больше боли, — возразил Тэм. Он посмотрел на меня, изобразив на лице

страдание. — Ты ведь на самом деле не пнула его *туда*, не так ли? Я уверен, этого не требовалось.

— Очень даже требовалось, — уверила я их обоих, подтягивая стул к краю кабинки и усаживаясь. Я уже раздумывала, как бы мне не повторить пройденное. — У меня к тебе несколько вопросов, — сообщила я Тэму. — Я собиралась поговорить наедине, но раз уж ты и паладин, похоже, хорошие друзья, думаю, ничего страшного не произойдет, если я задам их здесь.

Тэм знал, что я не сбита с толку, и я была награждена вспышкой замешательства, мелькнувшего в его темных глазах. Видя их здесь вместе, я настроилась на резкий хук слева. По крайней мере, я могу оказать ответную любезность.

Я подалась вперед, не давая ни одному из них шанса возразить.

— Паладин Илиесор рассказал тебе, как я провела эту ночь?

— Нет, не рассказал, — ответил Тэм, не сводя с меня глаз. — И ты ушла до моего возвращения. Объяснения Келла по поводу твоего местонахождения вряд ли что-то прояснили.

Я посмотрела на сцену, хотя и так уже знала, что там есть... и кого там нет. Те же самые, что и день назад, музыканты наигрывали мелодию, но один из выступающих отсутствовал, что бросалось в глаза. Я даже не удивилась.

— Твоего нового заклинателя нет, — заметила я.

— Еще рано, — ответил Тэм.

— Значит, у него сегодня выступление?

Гоблин подозрительно сощурил глаза.

— Конечно. Сегодня самая напряженная ночь недели. — Он замолчал. — Ты думаешь, он не придет?

Я пожала плечами.

— Просто подумала, что он может еще где-нибудь оказаться. Вторая работа, например. — Я внимательно посмотрела Тэму в глаза. — Ведь он же не давал представление вчера ночью? Так?

Неясные колебания гоблина превратились в некую мрачную догадку.

— Нет, не давал.

— И не объяснил тебе, почему?

— Я не видел его... да и тебя... со вчерашнего вечера.

— Меня взяли под стражу, так что и не сбежишь. И все благодаря твоему исчезнувшему заклинателю. — Я понизила голос. Мне нужны были ответы, но я не хотела, чтобы всякий в этом месте знал о моих делах. — Мы были в переулке прошлой ночью. Он держал свой кинжал у ребер Пиараса Ривалина.

Тэм был чрезвычайно спокоен.

— Может, ты расскажешь, как провела ночь?

— Может, ты мне скажешь, какого черта ты тянешь? — Мой голос понизился до злобного шепота. Мне нельзя привлекать внимание. Но я уже это сделала. Лоркан Карст подошел и встал в нескольких шагах позади своего босса. Хороший менеджер всегда видит малейшие намеки на неприятности, а я не собиралась сдерживать свои эмоции. Краем зрения я засекала пару хранителей и узнала сверхэнергичного силача-блондина, знакомого по прошлой ночи. Такого же здорового темноволосого хранителя рядом с ним я раньше не видела. Фелан и его парни покинули бар и рассредоточились, окружая хранителей.

Пока никто случайно не чихнет, ничего фатального не произойдет.

Тэм сидел и не шевелился.

— Пиарас пострадал?

— А тебе есть до него дело?

Тэм вздрогнул, как будто я дала ему пощечину.

— Есть.

Я вздохнула и откинулась на спинку стула, чуть отодвинувшись от стола. Мои пальцы

были так стиснуты, что побелели костяшки. Я не верила, что Тэм имел к этому прямое отношение, но когда Мал'Салин просит об одолжении, сказать «нет» не вариант. Они были семьей Тэма. Они присутствовали в городе. И они, скорее всего, обращались с просьбой.

— Сегодня он сине-черный, но его вылечат. — Из моего голоса ушло напряжение. Немного. — Но не благодаря твоему заклинателю. Или Окнусу Рансилу. Или принцу Мал'Салину, на которого они оба работают.

Эти слова привлекли внимание хранителя.

— Тэм, может, все-таки перейдем в твой офис?

— Пожалуй. — Гоблин начал вставать.

Я осталась сидеть, где сидела.

— Я не пойду. У тебя не один выход из офиса, Тэм. И мне лучше держаться от них подальше. Я сейчас ценю свою безопасность превыше чьих-либо чувств. — Я посмотрела на одного, потом перевела взгляд на другого. — Уверена, господа, вы поймете. — Я махнула рукой, приглашая садиться обратно. — Пожалуйста, располагайтесь как вам удобно.

Они сели.

Тэм заговорил первым.

— Даже не подумал, что прошлой ночью с Пиарасом могло что-то случиться.

Он не упомянул меня, только Пиараса. Хороший знак, может, Тэм не погряз в этом деле по самые уши, но это еще не значит, что его руки чисты.

— Но ты же знал об этом, — уточнила я.

— Нет. Не знал.

— Мне очень хочется тебе поверить, — вздохнула я. — Теперь не так много людей, кому я могу доверять. Я бы предпочла, чтобы ты остался одним из них.

Его взгляд немного смягчился.

— Я с тобой.

— Тогда мне надо, чтобы ты был со мною честен.

— Честность сейчас опасна.

— Так же, как и секреты.

Микаэль подался вперед.

— Нам явно больше не следует прилюдно беседовать.

Хоть мне это и не нравилось, но я вынуждена с ним согласиться. Я махнула рукой Фелану.

— Может, присоединишься к нам в офисе Тэма? Паладин Илиесор чувствует необходимость в небольшой приватной беседе.

Тэм сидел за своим столом. Думаю, он чувствовал, что сейчас ему требуется отгородиться от меня надежным предметом мебели. Он помнил, что я сделала с Илиесором. Фелан дал знать двум членам команды, которые пришли с нами в «Сирены», что мы немного задержимся. Они расположились около двери в офис Тэма. Не сомневаюсь, что к их компании присоединились и хранители.

Как радушный хозяин, Тэм предложил что-нибудь выпить из его личного бара, Фелан принял его предложение и обратился ко мне:

— Тебе что-нибудь дать?

— Разумеется. — Выпить... какая замечательная идея! Я села на край одного из роскошных мягких кресел Тэма, но чувствовала себя немного напряженно. Интересно, почему... Не думаю, что прошлой ночью меня приказал похитить Тэм или что Микаэль Илиесор собирается сделать то же самое сегодня ночью, но предосторожность никогда мне не мешала.

Я взяла бокал и сделала глоток. Резкий вкус кесолианского портвейна обжег холодным огнем. Мне пришлось передать бокал Фелану. Когда знатоку предлагают в баре самому сделать выбор из личной коллекции, он хорошо знает, как прямоком дойти до нужной кондиции.

Мой кузен устроился с бокалом в другом кресле.

Я посмотрела на Микаэля Илиесора, вопрос вслух не задавала, но взгляд говорил сам за себя.

— Тэм знает, почему я здесь, — ответил Илиесор.

Я сощурилась.

— Он знает?

У Тэма был ошеломленный вид. Я никогда раньше его таким не видела, и, к сожалению, я была не в том настроении, чтобы получить от этого удовольствие. По-видимому, то, что я впуталась в это дело, для него тоже оказалось новостью.

— Райни и я будем работать вместе, — пояснил Тэму Илиесор. Он посмотрел на меня, в его глазах невозможно ничего прочесть. — По крайней мере, я надеюсь, что ничего не изменилось.

В этот момент амулет проснулся, чтобы сказать всем «привет»! У Тэма глаза стали еще шире. Не получится держать в секрете то, что уже ни для кого не тайна. Пожалуй, стало даже легче. А так как все присутствующие в этой комнате знали мой стиль, я могла спокойно кинуть свои карты на стол. Я вытащила амулет из-под рубахи.

Взгляд темных глаз Тэма был прикован к моей груди. Для него это была знакомая территория.

— Нет! — все, что он мог сказать.

Я улыбнулась, хотя ничего смешного не было.

— Вот так-то!

— Это невозможно. — Тэм обрел дар речи.

— Так должно быть. Но это не так, — сказал Илиесор.

— Ты знал? — спросил Тэм Фелана, который поразительно тихо сидел все это время.

Кузен усмехнулся.

— Было бы трудно не узнать. Я был вместе с ней.

Я твердо посмотрела на Тэма.

— Я могла бы спросить то же самое.

— Что?

— Как ты узнал?

— Это зависит от того, что ты подразумеваешь под словом «узнал»? — Ответом Тэма на вопрос очень часто был другой вопрос. Это его качество не было в числе тех, что мне полюбились.

— Тэм. — Я предостерегала.

Он посмотрел на Илиесора.

— Скажи ей, — сказал хранитель.

Я отставила свой напиток в сторону.

— Тэм, предлагаю сделку. Ты расскажешь мне все о своих делах, а я расскажу тебе все о своих.

Губы гоблина изогнулись в свирепую усмешку.

— И перед всеми.

Я поджала губы, превратившиеся в тонкую сердитую линию.

— Просто проговорись.

Тэм откинулся на спинку кресла.

— Примерно недели две назад моя бывшая наставница прибыла в город. Она предложила вместе пообедать. Так как мы не виделись друг с другом несколько месяцев, я не особо задумался над причиной этого приглашения. Во время обеда она попросила оказать любезность. Ей нужен безопасный дом, где-нибудь в отдалении, который легко охранять. Моя семья имеет собственность, которая как раз соответствует ее нуждам. На следующее утро она была здесь, попросив разрешения там остаться, так как она хотела бы продлить свой визит.

— Тебе надо нанять службу уборки, Тэм, — посоветовала я. — А так дом

замечательный, впечатление производит.

Гоблин поднял одну бровь.

— Прошу прощения?

— Прошлой ночью Пиарас и я были гостями в твоём уединённом особняке.

Он помрачнел.

— У меня были подозрения относительно того, кто мог там остановиться, поэтому я рассудил, что не нужно задавать ей лишних вопросов. Очевидно, мне следовало поступить наоборот и расспросить все подробно. То, что она мне сказала, мне на самом деле не понравилось, но этого было не достаточно, чтобы отказать в просьбе. Вообще говоря, надо бы. Прошлой ночью она была там?

— Нет, насколько я знаю, — ответила я. — Но её защиты там были. Она оставила своего принца в уютном, безопасном гнездышке.

Тэм нахмурился.

— Она упоминала, что они делают в городе? — поинтересовалась я.

— Она, как и ожидалось, уклонилась от этой темы. Зная о визите Сатрика, лучше меньше знать о приезде Чигару.

— Кроме дома, она о чём-нибудь тебя спрашивала?

— Нет.

— Значит, она не упоминала ни амулет, ни Сагред.

— Ни намеком. Я все узнал от Микаэля.

— Благодаря вам, — Илиесор обратился ко мне, — события мчатся быстрее, чем мы предполагали. Мы кое-что наверстали. К счастью, кринсани сейчас на несколько шагов позади нас.

— Я уверен, моя бывшая наставница подумала, что я откажу, если узнаю весь план, — продолжил Тэм. — Она была права. Она честная и никогда намеренно не причинит никому вреда, но её беда в том, что она думает, будто Чигару Мал'Салин разделяет её моральные принципы. Я знаком с принцем, и пока он гораздо лучшая альтернатива своему брату, но он все-таки Мал'Салин. Моя наставница, как давно известно, закрывает глаза на многое.

— Он сказал мне, что лишь хочет не допустить, чтобы Сагред попал в руки его брату, — сказала я.

— Ты с ним говорила?

— Это была не моя идея.

Я вкратце обрисовала ему события прошлой ночи.

У Тэма был недоверчивый вид.

— И ты пришла сюда пешком сама?

Фелан с возмущением стал прочищать горло.

— Я и восемь моих лучших парней вряд ли назовешь «сама».

— А ты и восемь твоих лучших парней могут защитить Райни от нападения кринсани? — резко отреагировал Тэм.

— А ты успеешь пропеть заклинание, когда тебе в зубы летит кулак? — огрызнулся Фелан.

— Мой эскорт был более чем достаточным, — ответила я им обоим. — И паладин Илиесор распорядился насчет пары хранителей, которые станут моей новой тенью. Двое ждут за дверью, правильно? — спросила я Илиесора.

— Так планируется.

Я широко развела руки.

— Видите, защитников много.

— Почему она? — спросил Тэм у Илиесора.

— У меня есть только версия, — вот и все, что он ответил.

Так как эта версия включала предположение, что моим отцом был девятисотлетний хранитель, то я не хотела обсуждать эту теорию и потому сменила тему.

— Ну так как насчет твоего заклинателя? — спросила я Тэма.

— А что насчет него?

— Когда, где и почему он стал подрабатывать киднеппингом? Он заплатил Окнусу Рансилу, чтобы меня поймать. С каких пор Окнус на него работает?

— Окнус работает на Мал'Салинов, — терпеливо напомнил мне Тэм.

— Да, я это знаю; но почему Окнус работает... — Я замолчала. Мысль и умозаключение созрели в две секунды.

— Твой заклинатель — Мал'Салин? — Я не могла удержаться от того, чтобы мой голос не поднялся на пару октав. Я ощущала необходимость позволить себе это.

— Рахимат — племянник моей покойной жены.

Я не могла поверить в то, что услышала. Потом до меня дошло.

— Дядя Тэм?

— Ну да.

— И ты мне не сказал?

— Я не видел, где это может хоть как-то улучшить ситуацию. Так что нет, не сказал.

— Ты имеешь в виду, улучшить *твою* ситуацию.

— Одно и то же.

— Вряд ли.

— Даже не мог предположить, что Рахимат работает на Чигару Мал'Салина, если это то, что ты имеешь в виду, — ответил Тэм. — Хотя теперь понимаю, что его присутствие в Мермейе — не просто совпадение. Придумать шпионить за мной — это не в стиле примари Нуру, это больше похоже на принца. Она мне доверяет; принц — нет. Рахимат приехал на летние каникулы после окончания семестра в колледже Конклава. Он заклинатель, и сказал, что хотел бы заработать немного денег, поэтому я и взял его к себе.

Мне надо прикусить язык. Дядя Тэм был Рахимату не только источником дополнительного заработка. Большинство студентов обычно летом работают. Великовозрастные детишки — подданные Мал'Салина — воруют людей и непрофессионально, на уровне хобби, борются за мировое господство. Мне кажется, у них должна быть где-то тренировочная база.

— Интересно, появится он сегодня ночью на работе? — Что мне оставалось сказать?..

— Исходя из того, что ты мне рассказала, вряд ли, — ответил Тэм. Его взгляд стал еще мрачнее. — Но если придет, даю гарантию, он пожалеет, что явился.

Илиесор сел на край письменного стола Тэма.

— Мне бы больше хотелось узнать о полученной вами записке от Окнуса Рансила.

— Конечно. Какая часть?

Тэм презрительно фыркнул.

— Та часть, которая вынудила тебя отбросить всякий здравый смысл и отправиться на встречу с ним.

Я расправила плечи и выпрямилась.

— Это та же самая часть, где он заявил, что знает, где хранится Сагред.

— Что? — Илиесор вдруг подался вперед, как гончая, унюхавшая след.

— Разве что он открытым текстом Сагред не называл, — добавила я. — Он говорил об артефакте. Учитывая то, что я знаю теперь, думаю, это одно и то же, правильно?

— Верно. Вы помните его слова дословно?

— Зачем мне помнить? Я сохранила записку. — И я вручила эту записку ему.

Хранитель прочитал содержимое.

— Похоже, мастер Рансил случайно натолкнулся на некую очень ценную и опасную информацию.

Тэм усмехнулся.

— Из того, что я слышал прошлой ночью в квартале гоблинов, Окнус не просто случайно натолкнулся; он переступил грань гораздо раньше. Сегодня утром он сбежал из района, и никто его больше не видел. Ходят слухи, что Сарад Нукпана тоже ищет Окнуса. Сурово...

— Если Рансил знает, где Сагред, почему бы ему просто не продать информацию Сарад Нукпане? — размышлял Илиесор.

— Зная Окнуса, могу предположить, что он делал такое предложение, — ответил Тэм. — Но если он действует согласно своей хитрой тактике, то Нукпана — не единственный потенциальный покупатель. И семья Мал'Салинов разделена на два лагеря... Работать на семью сейчас гораздо сложнее, чем раньше.

Фелан допил последний глоток.

— Звучит так, как будто он ждет, кто назначит за его лот самую высокую цену.

— Всем известно, что Окнус всегда играет за обе стороны, так что я не удивлюсь, — ответила я.

Тэм усмехнулся.

— Сарад Нукпана не любит, когда с ним играют.

— Фабрика сплетен случайно не сообщила, где Окнус залег на дно? — поинтересовалась я. Если Тэм не знает, то у меня есть хорошенькая идея!

— Ни намека.

— Принимая во внимание, кто за ним охотится, у Окнуса есть веская причина рыть когтями себе дорогу под ближайшим утесом, — заметил Фелан.

Я улыбнулась. Это была особая улыбка, с большой долей злости.

— Думаю, я знаю, где он может прятаться.

Глава 16

Без сомнения, Окнус всегда стремился к популярности. Теперь с ним хотела поговорить я. Так же, как и Сарад Нукпана. И я не думаю, что он имел в виду популярность такого рода.

Отследить гоблина-доносчика было довольно просто. Время от времени он считал благоразумным находиться не со своим народом. Ничто так не приводит в уныние, как сделка, заставляющая тебя исчезнуть. Когда квартал гоблинов становился последним местом, где он хотел бы быть, Окнус имел на примете три любимых заведений, где можно утопить свои страдания: «Слепой бандит», «Хитрый лис» и «Спящий великан». «Слепой бандит» в прошлом месяце сгорел дотла, владелец «Хитрого лиса» сам хотел добраться до Окнуса, так же как и Сарад Нукпана, поэтому оставался только «Спящий великан». Действительно, Окнус проживал там с двумя дюжими телохранителями на буксире.

Громадным гоблинам такая работа подходила как нельзя лучше. Когда ты огромный, покрыт шерстью, у тебя клыки и желтые глаза, больше ничего не требуется, для того чтобы тебя боялись. Мускулистые защитники были хороши в главном — они были большими. К их чести, они делали свою работу хорошо. Но подвижностью, а также умением мыслить или действовать обременены не были.

«Спящий великан» был дешевым кабаком, расположенным на аллее Головорезов в районе доков. Я знаю, что название многообещающее, но местным властям нравилось. Они считали, что из-за развитого чувства гражданского долга честно оставили название, соответствующее истине. Тем же, кто там не обитал, название говорило, что для них же лучше держаться отсюда подальше. Если же кто случайный игнорировал предупреждение, то это его дело и его жизнь.

Фелан поджидал Окнуса с двумя своими приятелями из команды и парой хранителей в переулке около вышеупомянутого заведения, который примыкал к вышеупомянутой аллее. Тэм вернулся в «Сирены». У него бизнес, а его нельзя пускать на самотек. Я сказала ему, что позабочусь об Окнусе.

Микаэль Илиесор заботился обо мне.

Не было никакой опасности, что хранитель упустит меня из виду. Думаю, мне надо быть благодарной за то, что он не придерживался решения посадить меня куда-нибудь под замок. Даже не сомневаюсь, он все еще склоняется к этому варианту, но в связи с тем, что

нет возможности получить Сагрэд самому, лучше, в его же интересах, оставаться на моей стороне по-хорошему. И поэтому он здесь. Рядом. Вообще-то такое соседство было довольно приятным, хотя не очень удобным. Если мне придется вытащить оружие, мне сначала надо будет сразиться с ним, чтобы ушел с моей дороги. И, принимая во внимание соотношение наших габаритов, я понимала, что это физически невозможно.

Я присоединюсь к Фелану через минуту, но сейчас мне надо поговорить с Илиесором. У меня есть некоторые вопросы. Мучительные вопросы — например, о жизни и смерти. Илиесор и я стояли позади груды ящиков за углом у начала аллеи Головорезов. Фелан подаст мне знак, как только появится Окнус. Я хочу, чтобы мои руки первыми сомкнулись на горле этого гаденыша.

Илиесор стоял как статуя на расстоянии вытянутой руки от меня. Внешне спокоен, но в случае необходимости он мгновенно вытащит или меч, или кинжал. Всегда хранитель, всегда на посту, всегда готов ко всему. Интересно, он когда-нибудь знал, как расслабляться? Нет, это не значит, что я хочу, чтобы он попробовал сделать это прямо сейчас, но интересно, какие забавы понравились бы Микаэлю Илиесору...

Он, должно быть, почувствовал, что я за ним наблюдаю, и взглянул на меня. В его темных глазах невозможно было ничего прочесть в тусклом свете.

— О чем вы думаете? — прошептал он. Повышать голос в этом районе никогда не желательно, и даже чревато последствиями. Может быть, он знал это. А может быть, его вопрос касался только меня. В любом случае, у него чудесный шепот.

— Ни о чем, — солгала я.

— Вы улыбались.

— Вовсе нет.

Он тоже чуть-чуть улыбнулся.

— Да, улыбались. Почему?

— Интересно, вы когда-нибудь бываете не на службе?

— Бываю.

— И чем вы обычно занимаетесь?

Его голубые глаза блеснули в полумраке.

— Познанием. Так именно это и вызвало у вас улыбку?

— Да. Я просто не могу вас представить иначе как хранителем.

— Не знаю, что вы могли обо мне услышать, — начал он.

— Все по правилам и только для пользы дела.

Его улыбка стала чуть шире.

— Я держу себя и своих людей на более высоком уровне ответственности, чем большинство моих предшественников. Вот и приобрел такую репутацию. Иногда это делает нашу работу немного легче. — Улыбка пропала. — Я воспринимаю свое назначение... и свои обязанности... очень серьезно. Вы в опасности из-за некоего предмета, за который я несу ответственность. И я прошу вас помочь нам его найти.

Я почувствовала себя неудобно.

— Должна сказать, мои причины согласиться помочь не совсем благородны, ну вы знаете. Я — одна большая мишень для большого количества плохих людей, пока не сниму с себя эту штуку. Поэтому у меня свой шкурный интерес помочь вам, чтобы получить то, чего хочу я.

— Это не уменьшает опасность, грозящую вам в ближайшие несколько дней, и не уменьшает мою признательность за вашу помощь... и моего восхищения вами. — Хранитель неловко замолчал. — Госпожа Бенарес? — Его голос был странно официальный.

— Да?

— Я был бы очень признателен, если бы вы звали меня Микаэль.

Я почувствовала, что мои губы расплываются в улыбке. Я ничего не могла с собой поделать.

— Думаю, я смогу.

Если бы света было больше, я бы поклялась, что он покраснел от смущения. Мне стало как-то теплее.

А теперь настало время задать вопрос по поводу предстоящей ночи.

— У тебя есть план? — спросила я, мой голос почему-то был слабым и тихим даже для меня.

Микаэль выглядел искренне озадаченным.

— Прошу прощения?

— План. Скажем, Окнус на самом деле знает, где Сагред, и мы добьемся от него признания. У тебя есть план, как снять с моей шеи эту штучку, чтобы при этом моя голова осталась на плечах?

— Есть. Но детали зависят от того, где находится Сагред.

А теперь вопрос, который я на самом деле не хотела задавать:

— А что, если проныра лжет? Что, если он ни фиги не знает и просто пытается надуть не тех людей? Это для него не впервой. Что тогда?

Микаэль молчал немного дольше обычного.

— Ты — искатель... и дочь своего отца. Так и думала, что услышу нечто подобное!

Он шагнул ко мне. Я не шелохнулась, я не против.

Его голос понизился.

— Если существует возможность, хоть отдаленная, что Окнус Рансил знает, где Сагред, я бы предпочел получить эту информацию от него, а потом подтвердить более цивилизными средствами.

Я приняла на веру.

— Потому что Сагред опасен?

— Это одна причина. — Микаэлю было неловко, и он замолчал. — Без сомнения, ты прекрасный искатель, но твой отец создал маячок-ориентир соответственно уровню его мастерства. Он был исключительно талантливый маг, один из лучших, когда-либо воспитанных нашим орденом. Он знал, как пользоваться амулетом, чтобы поймать след Сагрета. К несчастью, эта информация исчезла вместе с ним. Но я знаю, как маячок-ориентир, подобный твоему, работает...

— Значит, если необходимо, пройдеши через это вместе со мной.

Он слегка улыбнулся.

— Если необходимо. Надеюсь, не понадобится.

— А какова вероятность того, что Эмалиэль Ангуис — мой отец? — наконец решилась спросить я. — На самом деле?

— Судя по реакции амулета на тебя — почти несомненный факт.

Я теперь тоже замолчала надолго, но совершенно по другой причине.

— Эльф-хранитель, которому девятьсот лет, — мой отец.

Я сказала это скорее гораздо более молодому хранителю-эльфу, стоящему передо мной, чем себе. Когда произносишь что-нибудь вслух, оно кажется более правдоподобным. Или меньше ужасает.

— Он был связан с Сагредом, — сказала я. — Я связана с Сагредом. Ему девятьсот лет, и он до сих пор жив. Я буду...

— Просто прекрасной, — заверил меня Микаэль.

— Откуда ты знаешь?

— Эмалиэль долго, близко и каждый день контактировал с Сагредом — почти два года, пока создавал маячок-ориентир. И еще он носил амулет примерно лет десять, пока кто-то не заметил, что он не стареет. Ты никогда не дотрагивалась до Сагрета. Ты носишь амулет только два дня. Мы найдем Сагрета, снимем с тебя амулет, и ты станешь еще прекрасней.

— Никаких магических последствий?

Микаэль молчал.

— До сих пор ты меня обнадеживал, — сказала я. — Было бы замечательно, если бы так продолжалось и дальше.

— Могут быть некоторые остаточные явления.

— Остаточные?

— Когда Эмалиэль адаптировал к себе амулет, он существенным образом адаптировал и себя к Сагреду. Маячок-ориентир действует как канал связи, и через него передается значительная энергия Сагрета. Ты испробовала на себе это прошлой ночью с Магх'Скиду. С объектами силы любая связь обычно разрывается, если маячок-ориентир удален.

— Обычно.

— С такими мощными объектами, как Сагред, остаточные явления могут быть гораздо бо льшими, чем обычные магические побочные эффекты.

— Значит, что-то из того, что я умею делать сейчас, теперь может остаться со мной?

— По всей вероятности, все, что ты можешь делать сейчас, останется с тобой.

— Великолепно! Каждые час-два я обнаруживаю что-нибудь новенькое в своих способностях. — Ко мне пришла мысль, от которой слабо засосало под ложечкой. — А Сарад Нукпана знает об этом?

— Он — ведущий исследователь Сагрета, — ответил Микаэль. — Да, должен знать.

Мне не надо было об этом спрашивать.

Из переуллка послышался тихий свист Фелана. Представление начинается!

Я скользнула в переулок к Фелану. Микаэль остался за углом. Я предупредила его, перед тем как уйти из «Сирен», что сначала хотела бы дать Окнусу в рыло. Навредил он — мне. Амулет висел на шее — у меня. И я чувствовала, что заслужила определенные права и привилегии. До сегодняшней ночи мне и в голову не могло прийти, что придушить Окнуса — это право или привилегия, но события последних нескольких дней были полны новизны.

Я огляделась. Окнуса нет.

— Где он?

В тусклом свете расцвела улыбочка Фелана.

— Он сейчас приканчивает свою последнюю пинту. Я попросил Норлин налить ему эля бесплатно. Он должен будет остановиться здесь, перед тем как уйти.

— Здесь? — Тут до меня стало доходить, и от этого лучше не запахло.

Фелан ухмыльнулся.

— Да-да, прямо здесь.

— Так я стою в... — Я посмотрела на свои ботинки с отвращением.

Его усмешка превратилась в волчий оскал, и он топнул своим ботинком по чему-то мокрому.

— Вероятно, так. Чертова работенка, сестричка. Что в вонючем переуллке Нигеля, что здесь.

Теперь я вспомнила, почему избегала переулков в этой части берега. Я обрадовалась, что ночь прохладная. Жарким летом вонь просто непереносима.

Никогда не думай, что ночь не станет еще хуже. Самое худшее — на любой вкус.

— Кто такая Норлин? — спросила я, тщетно пытаясь выбросить из головы мысли о своих ногах.

— Хозяйка здешней пивоварни. Я знал ее, когда она работала в «Нищем попрошайке». Варит замечательный эль, но карлик, владеющий этим местечком, слишком скупой, чтобы продавать нектар этой леди в первозданном виде. Он думает, что может получить больше прибыли, если его разбавить водой. Но, как я понимаю, можно получить и неразбавленный, если чуть приплатить Норлин.

— Пьяный Окнус для нас бесполезен, — напомнила я ему.

— Нет проблем! Норлин позаботилась, чтобы он наполнил свой пузырь раньше, чем мозги. Он будет достаточно расслаблен и довольно чувствителен к вопросам, — усмехнулся кузен. — Или ты всегда можешь ускорить события и воздействовать разумной логикой?

Выражение моего лица и соответствующий жест ответили ему, что я думаю по этому поводу. Воздействовать разумной логикой на кого-нибудь типа Окнуса — все равно что

перевернуть скалу и найти под ней бессмысленные и глупые безделушки. В случае с Окнусом найти что-нибудь бессмысленное и глупое всегда гарантировано.

Фелан кивком указал в том направлении, где Микаэль прятался в тени. Буквально слился с ней. Аж жуть. Взгляд Фелана был не совсем одобрительным.

— Что ты о нем думаешь? Я ему не верю.

Два хранителя, которые присутствовали у Тэма, стояли в нескольких шагах от нас. Похоже, Фелану было все равно. Его целью в этот вечер было впечатать топор блондина-хранителя в его же собственный череп, он не желал идти на мировую.

— Я и не сомневалась, — ответила я. — Его работа — поддерживать закон. Твоя — нарушать. Если я хочу избавиться от этой штуки, мне нужна помощь. Он — самый лучший кандидат. — Я бросила взгляд на дверь таверны. — Болваны Окнуса все еще при нем?

— Не отходят дальше трех шагов, — ответил Фелан. — Этого достаточно, чтобы сделать меня клаустрофобом. Он сегодня слишком нервный.

Я хмыкнула.

— Интересно, почему? Надеюсь, Норлин тоже налила им бесплатно. Чем сильнее они пьяны, тем для нас лучше.

— Неразбавленный — одному, а второй не пьет вообще. Она пыталась, но без вариантов.

— Не проблема, — пророкотал блондин-хранитель.

Я подпрыгнула. Я почти забыла, что они здесь.

Хранитель усмехнулся с высоты своего роста.

— Не беспокойтесь. Мы займемся теми двумя, пока вы и капитан будете разговаривать с мастером Рансилом.

В его голосе звучало лишь огромное желание помочь. Я смогла увидеть уязвимое место силача с топором.

Фелан был прав. Окнус и его пузырь были более чем наполнены пивом Норлин. Мы скользнули дальше в переулочек. Несомненно, было много мест, куда могли с ним пойти его горы мускулов. Переулки, которые дублировали общественные писсуары, не пересекались. Может, громилы и не были такими идиотами, как выглядели. Два хранителя молча дрейфовали по каждой стороне у входа в переулочек, они в буквальном смысле слова слились с тенью, как и их командир, словно привидения. Это выглядело жутко. Окнус вошел в переулочек. Его телохранители — нет. Я слышала стук его ботинок. Потом все стихло. Как я уже сказала, жутко.

Фелан проделывал такое и раньше и считал благоразумным подождать, пока Окнус закончит дело, ради которого вышел на улицу, и только потом схватить. Всякое может случиться. В отличие от большинства планов Фелана, этот не вызывал никаких сомнений.

Когда Окнус был уже в переулке, я нашла очень интересную точку на стене, которая завладела моим полным и безраздельным вниманием. Фелан справится с физической стороной охраны Окнуса. Я была здесь на тот случай, если Окнус был еще в состоянии защищаться магическими способами.

Я услышала звук удара, сопровождаемый сдавленным криком. Все, на что Окнус был способен.

Фелан аккуратно припечатал его к стене.

— Привет, Окнус.

— Капитан Бенарес, — пискнул маг.

Я вышла из тени. На моем лице было написано выражение, не сулящее ему ничего хорошего. Надеюсь, Окнус купится на мой блеф и мне не придется ничего ему делать. Уж очень не хотелось притрагиваться к нему. Увидев его округлившиеся глаза, я поняла, что меньше всего он ожидал столкнуться сегодня ночью со мной. Правда, глаза Окнуса могли вылезти из орбит потому, что Фелан схватил его за горло. Я представила, будто это сделала я. Это помогало сохранить злобный блеск в моем взгляде.

Окнус был до сих пор жив и бродил по городу только потому, что некоторые люди

считали, что он пока полезен. Как сейчас. Те же самые люди позволяли ему жить еще и по той причине, что было бы трудно объяснить блюстителям порядка, что Окнуса убили лишь из-за того, что он кого-то раздражал. Хотя весь городской дозор знал Окнуса и мог понять эту причину, закон никому не разрешит закрыть на это глаза.

— Тратишь золото Мал'Салина, полученное вчера ночью? — поинтересовалась я.

— Прошлой ночью был всего лишь бизнес, ничего личного.

— Пиарас Ривалин был избит, нас обоих похитили. — Я приблизилась к Окнусу чуть больше, чем мне хотелось бы. Для подобных типов такие действия идут рука об руку с утрачением. Это было грубо, но ведь работало. — Прошлой ночью все было личное.

Окнус предпочел отрицательно качнуть головой.

— Ты не понимаешь.

— Думаю, что очень даже понимаю. Поговаривают, что тебя ищет Сарад Нукпана.

Окнус попробовал улыбнуться, но у него плохо получилось.

— Он мне дал еще одну ночь про запас.

Фелан с сожалением вздохнул, хотя я знаю, он никогда не сожалеет, если уже к чему-то приготовился.

— Окнус, тебе надо серьезно поработать над своей ложью. Ты провел здесь меньше часа и прикончил все пять пинт эля сам. И один из твоих цепных псов усердно идет наравне с тобой.

Коротышка-толстяк Окнус стал дико озираться по сторонам.

— У них кое-какие важные дела, — сообщила я ему. — Ты увидишь их позже.

— Думаю, у тебя плохая ночь, — высказал догадку Фелан, — и ты пытаешься забыться и наклюкаться как свинья. Не срабатывает. Поверь мне, я знаю.

— Не думаю, что у тебя есть еще одна ночь про запас, — сообщила я Окнусу. — Думаю, ты сбежал из дому.

Фелан сильнее прижал колдуна.

— Ты сбежал из дому, Окнус?

Тот стал извиваться и визжать.

— Видимо, это «да», — сказала я.

— Твои друзья Мал'Салины не подойдут и на мило к этой помойке, — сообщил Фелан. — Вот почему ты здесь, как нам кажется. Ты, без всяких сомнений, совершил что-то слишком порочное, вот почему смылся на другую сторону города. Не хочешь поделиться с нами?

Я наклонилась ближе.

— Я соглашусь на сведения о местонахождении Сагрета. Так как Чигару Мал'Салин уже заплатил тебе пятьдесят тенари, тебе надо отработать гонорар. Меня устроит точная информация.

Окнус перевел взгляд на мою грудь. Он подозревал, что там амулет, по крайней мере, именно так я истолковала его взгляд. Если я позволю себе подумать другое, Окнус окажется в таком состоянии, что не сможет сказать ни слова. Невольно моя рука сжалась в кулак. С другой стороны, ему не нужны все зубы, чтобы говорить.

— Сагред всегда принадлежал Мал'Салинам, — пояснил Окнус. Фелан чуть усилил давление на его шею, и я услышала слабый звук удовлетворения. Удовлетворения человека, который рад хорошо выполненной работе.

— Кому? Королю Сагрику или принцу Чигару?

Окнус стал еще сильнее извиваться.

— Да, я так думаю. У вас будут проблемы, особенно принимая во внимание, что король взял в свое маленькое путешествие Сарада Нукпану. У психопатов нет никакого чувства юмора, особенно когда им переходят дорогу.

— Профессионально говоря, что тут такого, если два клиента соперничают за один и тот же приз, — заметил Фелан. — Но это же рискованно, и надо обладать определенным уровнем мастерства, чтобы прибрать к рукам их деньги и остаться в живых. Окнус оказался

здесь, потому что ему просто не хватило мастерства.

Я сощурила взгляд и злорадно улыбнулась. Моя улыбочка обещала много неприятностей. Что касается гнева, kloкочущего внутри меня, я держала себя в руках. Я не хотела давать волю чувствам, чтобы не выглядеть некрасиво. Я медленно вытащила свой любимый кинжал. Он мне нравился своими размерами и формой: тонкий и слегка изогнут. Окнус был наслышан, как я поработала своим кинжалом в прошлом году. За малым исключением, все так и было. Когда приходит время поддержать репутацию, факты скоротечны, а вот сплетни могут поддерживаться годами. Не факты заставили Окнуса трястись в своей луже.

— А я не думаю, что ты любишь рисковать без оглядки, — произнесла я, делая интенсивные выпады, как в фехтовании. Фелан тоже выглядел так, как будто вызывал на дуэль. — Думаю, ты знаешь, где хранится Сагред. Знает также и Сарад Нукпана. Ты можешь нам сказать здесь, или мы отправимся куда-нибудь в тихое место и спросим тебя снова, и будем спрашивать, пока ты нам не скажешь. Все полностью зависит от тебя.

— Нукпана этого не допустит, — запищал придушенный рукой Фелана Окнус.

Фелан усмехнулся.

— Ты на самом деле *хочешь*, чтобы он узнал? Ты полный придурок! Если ты ничего ей не расскажешь, или я тебя прикончу, или она сама разрежет тебя на кусочки. А поскольку ты с нами, Нукпана подумает, что ты заговорил. В любом случае, твоя ночь из плохой становится просто ужасной. И будет еще хуже, если не скажешь, где Сагред.

Бегающие, как у хорька, глазки Окнуса метнулись ко мне. В его бравате что-то надломилось, но сомневаюсь, что он уже был готов заговорить. Еще не время. Мне надоело стоять в воняющем мочой переулке, и я знаю, как превратить надлом во взгляде в глубокую трещину.

Я вовсе не собиралась воспользоваться ножом, поэтому и спрятала его. Но улыбка от этого милее не стала. Мне известны простые трюки, чтобы разговорить Окнуса. Он работал на семью Мал'Салинов, но он их боялся, и по многим причинам. Чуланы королевской семьи были набиты скелетами, но один скелет в особенности будет для Окнуса как тревожная кнопка.

Моя усмешка стала еще шире. Не все Мал'Салины сегодня ночью присутствовали в квартале гоблинов, и один из них должен мне победу.

— Окнус, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Тэм посмотрел на меня.

— Скажи, что ты шутишь.

— Сарад Нукпана хочет заполучить Сагред. Я хочу вернуть свою свободную жизнь. Окнус знает, где Сагред. Тебе еще нужны доводы?

Мы находились на складе, за «Сиренами». Фелан вернулся обратно на «Фортуну». Передав Окнуса в когти Тэма, кузен решил, что его работа на сегодняшний вечер выполнена. Рыцарство не умирает, но иногда, когда дело касается Фелана, оно почему-то предпочитает вздремнуть.

Микаэль Илиесор был в соседнем помещении. Так как план состоял в том, чтобы таскать Окнуса за собой, пока мы не получим ту информацию, которая нам нужна, хранитель решил спрятаться. Окнус его никогда раньше не видел, и Илиесор предпочитал, чтобы так и оставалось. В основном он не хотел, чтобы Окнус бегал по городу, зная о том, что в этот момент Мермейя полна хранителей, которые охотятся за тем же, что и семья Мал'Салинов, и Сарад Нукпана.

Я знала, что Тэм окружил склад заклинаниями, создав хорошую звукоизоляцию. Подозреваю, что помещением пользовались как комнатой для допросов так же часто, как и для хранения посуды и скатертей, но мне совершенно неинтересно знать детали. Окнус был внутри и слышать нас не мог.

— Ты меня подставляешь, — обвинил меня Тэм.

Слишком много всего происходит вокруг.

— Честная игра осталась в другой жизни, — ответила я.

— Отыгрываешься на мне из-за Рахимата, да?

— Я? Да как же можно?! Твой племянничек погряз в этом деле по самые его остроконечные уши. Он запросто швырнул меня и Пиараса под ноги Чигару Мал'Салину, и ты говоришь мне, чтобы я это просто так оставила?

— Я не имел к этому делу никакого отношения, ты же знаешь. — Он слабо улыбнулся. — Кроме того, ты мне так сильно нравишься, что заставляешь терять голову.

Было не много раскаяния в его улыбке, но в том, о чем мы говорили, по-моему, был весь Тэм. Кроме того, это правда. Я верила ему, и в этом была прелесть Тэма: он столько времени сходит по мне с ума. Поскольку он был прав, я сделала единственно возможное — сменила тему.

— Все конспиративные дома Маркуса в районе доков в настоящий момент заняты, поэтому самое удобное — привести его сюда. Ты сможешь мне или нет?

Тэм посмотрел на Окнуса через щель, намеренно оставленную в двери, и открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал — лишь замотал головой и тихо рассмеялся.

— Не понимаю, как ты раскручиваешь меня на это.

— Ничего я тебя не раскручиваю. Это ты мне обязан за прошлую ночь.

— Это не моя вина.

— Это было в твоём доме. Тебе не надо было позволять А'Захре Нуру и её дорогому принцу оставаться здесь со своими ближайшими вооружёнными до зубов друзьями.

У Тэма был почти смущённый вид.

— Согласен, не надо было. Но отказать, признаю, было бы мне очень трудно.

Тэм, видимо, не хотел углубляться в разъяснения и даже упоминать эту тему, а я не располагала временем.

— Помоги мне развязать язык Окнусу, и я сведу тебя с лучшим поставщиком алкоголя в Грейпойнте.

Тёмные глаза гоблина сверкнули живым интересом.

— У неё на складе весь ассортимент Маркуса Севелина.

Тэм весь обратился в слух.

— Детали мы обсудим позже, — добавила я. — Сначала Окнус. Замечательные вина потом.

Тэм ещё раз взглянул на мага-коротышку и сделал глубокий вдох. Я его не осуждаю. Я бы тоже не желала дышать одним воздухом с этим вонючкой.

— Все ради клиентов.

Я улыбнулась, встала на цыпочки и чмокнула его в щёчку.

— И твоих друзей.

— Друзей тоже, — прошептал он. Его дыхание согревало щеку... а руки, почти горячие, уже обнимали мою талию.

Его губы нашли кончик моего уха, и язык принялся ласкать мою ушную раковину. Я обнаружила, что сделала вдох, а выдохнуть не могу. Тэм обвинил рукой мою талию и плотно прижал меня к себе. Я безуспешно попыталась вспомнить, что я здесь делаю. Вопрос порхал в моей голове в поиске ответа. Ах да! Окнус. Если я не умру пыл Тэма, ничего не будет.

— Окнус, — с трудом выдохнула я.

— М-м-м? — Губы Тэма опускались ниже, его другая, свободная рука тоже опускалась ниже.

Я пыталась показать на комнату для допросов, но мои пальцы почему-то помимо моей воли ответно ласкали волосы Тэма. Не пальцы, а предатели!

— Окнус, — снова повторила я с легкой настойчивостью.

— Оставь его, пусть развлекается со своей подружкой, — прошептал Тэм. Потом он меня поцеловал: ослепительная встреча губ и горячее дыхание, увенчанное легким укусом клыка, — все гарантировало, что любая женщина наполнится соком желания и у неё

подогнуться колени. Мне не нужна помощь Сагрета, чтобы узнать, что Тэм захочет делать дальше.

При Микаэле Илиесоре в соседней комнате.

Я попыталась наполнить легкие воздухом, вдохнув половину возбуждения Тэма, и отстранилась назад.

— Микаэль в соседней комнате, — напомнила я.

Его объятие стало крепче.

— Он пусть тоже развлекается со своей подружкой.

Я предупреждающе подняла палец.

— Мы здесь не для этого. — Я старалась сделать глоток воздуха. Но все равно еще задыхалась от возбуждения.

Тэм нежно провел пальцами под моим подбородком, приближая мое лицо к своему.

— Планы могут меняться. — Хитрая улыбка на губах отразилась такой же хитринкой в его темных глазах, которые почему-то стали еще темнее.

— Возможно. — Я вздохнула, тяжело. — Потом.

Тэм с большой неохотой отпустил меня, но взял обещание в лучшее время продолжить. Я сделала шаг назад и поправила одежду, приводя ее в порядок... то же самое попыталась сделать со своими мыслями. Было нелегко заставить себя успокоиться, но мне удалось.

Мы с Тэмом зашли на склад. По выражению глаз Окнуса, когда он увидел Тэма, я поняла, что теперь все пойдет намного легче и приятнее. Меня терзали угрызения совести по поводу последней части, но воспоминание о синяках на лице Пиараса, а также огненных феях, гигантских пиявках и Магх'Скиду... этого достаточно, чтобы заставить совесть замолчать.

— Раз не хочешь говорить со мной, думаю, тебе понравится говорить с примару Натрашем. — Я многозначительно замолчала. — Можешь быть уверен, он член семьи Мал'Салинов, к тому же при почившей королеве он занимал должность главы шаманов. — Я не задавала вопросов. Окнус знал, кем был Тэм, даже лучше меня... или догадывался.

Окнус сопроводил кивок писком — слишком много для подтверждения его информированности о последней деятельности Тэма или, по крайней мере, о его репутации.

— Он также мой хороший друг.

— Очень хороший друг, — подчеркнул Тэм, его голос был низким и мягким... и лишенным даже капли жалости. А взгляд красноречиво говорил о том, что ожидает пленника, и обещал мучения, выходящие за пределы хилого воображения Окнуса. Я пришла в ужас. Могу себе представить, что предстоит пережить Окнусу!

Я повернулась, чтобы покинуть комнату.

— Если тебе что-нибудь понадобится, дай мне знать, — беззаботно сообщила я Тэму.

Гоблин медленно кивнул, его лицо было непроницаемо. Я поборола в себе дрожь. Умею я выбирать себе друзей или нет?

Самый сильный страх Окнуса, ассоциирующийся с семьей Мал'Салинов, основывался на том, что они делали со слугами, которые вызвали их гнев. Они их ели! Конечно, это неправда. Ну, во всяком случае, больше такого не делают. Но когда приходится поддерживать предубеждение или репутацию, маленький слух живет долго. Особенно если он связан с поджариванием на углях. Нелепые слухи о семье Мал'Салинов умножали страхи в сотни раз.

— Подожди! — Голос Окнуса был тонким, дрожащим и, соответственно, испуганным.

Ну вот, хоть какой-то прогресс!

Если Окнус заговорил, его не заткнешь. Его сделки на обе стороны превратились в настоящую паутину интриги. Известно, что от жадности человек тупеет, и я думала, что повидала и услышала все, но выкрутасы Окнуса потрясли даже меня.

Сарад Нукпана хотел заполучить амулет и расходный материал — человека-вора, который этот амулет и добудет. Окнус никогда не любил Квентина, так что тот возглавлял список расходных материалов. Однажды Чигару понял, что его брат и Нукпана гоняются за тем, что и ему бы пригодилось, и присоединился к погоне. С этого момента многое стало

опасным для Окнуса. Он не мог пренебречь приказом Сарада Нукпаны без проявления своих деловых отношений с Чигару Мал'Салином. Окнус знал, что двойная выгода, к которой он стремился, не много ему даст, если он будет мертв, и отчаянно пытался переложить ответственность. Он сказал Сараду Нукпане, что Квентин собирается его надуть и сбить краденое через Саймона Стокена. Выходило, что Стокен умер не в гордом молчании, назвав Окнуса основным источником неудобств Нукпаны. Потом наступила вчерашняя ночь. Окнус следил за Пиарасом и указал слугам Чигару точное место, где найти юношу, а мне в «Сирены» отправил письмо. Поэтому весь вечер, во время которого Пиарас и я могли быть убиты множество раз, был срежиссирован дрожащим гоблином, сидящим в пяти шагах от моих стиснутых от ярости кулаков. Я услышала возглас досады. Думаю, это мой.

— Райни. — Голос Тэма был низким и предупреждающим. — Даже Сарад Нукпана не сумеет вытянуть информацию из трупа.

Я разжала кулаки.

— Очаровательно, Окнус. Я смогу правильно воспользоваться всей этой информацией, но ты так и не сказал мне, где Сагред.

— Я не могу тебе сказать! — скорбно завопил он. — Он убьет меня!

— Кто?

Губы Окнуса затряслись от приглушенных рыданий. Как же тяжело сдерживать ярость в рамках приличия! Было бы намного легче, если бы Окнус не вызывал у меня презрения.

— Нукпана, — прогнусавил он. — Король, принц. Не играет роли, все равно неминуемая смерть.

Даже если бы я могла поместить свою благопристойность на полку, либо мой желудок не вынес бы пытки, либо не хватило бы терпения на такой долгий допрос. Хорошо, что я не инквизитор. Лучше умереть с голоду. Тэм почувствовал мое разочарование и сменил меня, слава богу.

— Очень хорошо, но если ты отказываешься быть полезным моей подруге-эльфу, ты можешь еще оказаться полезным мне. Ты родом из Майпора, не так ли?

Окнус испуганно помолчал, потом осторожно кивнул, не найдя в вопросе подвоха.

— Хорошо. Я не знаю, известно ли это тебе, но майпорская плоть — для нашей семьи деликатес. — Тэм резким щелчком дернул за кнопку манжеты на рубаше Окнуса и задрал рукав выше локтя, с отвращением глядя на глубоко ввевшуюся грязь. — Естественно, сначала тебя надо помыть, — проворчал он вполголоса.

Окнус посмотрел на меня широко открытыми глазами, в них читалась паника.

Я даже не пошевелилась, чтобы остановить Тэма.

— Где Сагред?

Когда Окнус не ответил, Тэм брезгливо поднял одну из маленьких ручек мага.

— Конечно, немного жилистый под жирком, но ничего, за ночь маринад все смягчит. — Его темные глаза подернулись мечтательной дымкой, когда он провел кончиком пальца по дряблой руке Окнуса. — У моей бабушки был восхитительный рецепт. — Он втянул в себя воздух. — Мясо само отстает от костей.

— Посольство гоблинов, — пропищал Окнус. — В мавзолее.

— Откуда знаешь? — Тэм легонько подталкивал Окнуса со стула, а маг крепко прижимал к себе одной рукой другую — предполагаемую для блюда.

— Год назад появился эльф, который хотел попасть на территорию посольства.

— Опиши его, — раздался спокойный голос Микаэля из теперь уже открытой двери.

Окнус сглотнул, его взгляд метнулся от меня к Тэму.

— Ты что, не понял? — пригрозила я.

Гоблин облизал губы.

— Серые глаза, седые волосы, но не старый. Он отвалил мне золота больше чем надо, поэтому я не задавал вопросов.

Окнус начал задыхаться. На мою удачу, до обморока дело не дошло: он сделал глубокий судорожный вдох.

— Я провел его во владения через Руины. Он вошел в мавзолей. И больше оттуда не вышел. Я спустился посмотреть. Его там не было. Там только один вход и выход, а я все время его караулил.

Я взглянула на Тэма.

— Мавзолей?

— Мавзолей достался от бывших владельцев.

— Откуда ты знаешь, что он нес Сагред? — спросил Микаэль.

Я чувствовала в его словах напряжение заклинателя, заставляющего Окнуса непреодолимо говорить правду. Но в этом не было необходимости. Окнус говорил правду, или он думал, что это правда. Наверное, и амулет помогал событиям развиваться в нужном русле. И снова я была благодарна.

— У него была маленькая коробка, сделанная из белого камня, — ответил Окнус. — Как коробка, которую Квентин должен был украсть для Нукпаны. Только эта была больше и квадратная. — Он развел руки примерно на четыре дюйма — нелегкая задача, принимая во внимание, что Тэм все еще крепко держал его руку.

— Как ты узнал, что там внутри?

— Там что-то светилось, как большой светляк. Красный, мерцающий.

Микаэль поставил перед Окнусом на стол коробку полупрозрачного белого камня.

— Приблизительно такая?

Окнус снова облизнул губы.

— Точно.

— И Нукпана не знает?

Окнус сглотнул и отрицательно замотал головой.

Тэм отпустил Окнуса, но не отошел, вместо этого он угрожающе навис над сжавшимся гоблином.

— Трудно поверить, но думаю, ты нашел способ получить еще больше золота от Сарада Нукпаны и даже отверг другую возможность.

Окнус вжался в кресло.

— Сначала нет. Я нечаянно услышал, зачем ему нужен амулет. Вы знаете, что он надеется найти с его помощью. Вот тогда я и вспомнил эльфа и каменную коробку. — Его левое веко стало дергаться. — Поэтому я назначил ему еще одну встречу. Чтобы сделать ему предложение. Это когда я услышал, что он узнал о моей сделке с принцем. На встречу я не пошел.

— Умный ход, — тихо проговорила я.

— Я собирался сбежать из города.

— Еще умнее.

— Мой корабль не может уйти до утреннего прилива, поэтому я отправился в «Спящий великан». — Окнус попытался выдать свою фирменную сальную ухмылочку, но она получилась какой-то кривой и болезненной. — Я рассказал вам все, что вы хотели узнать. Как насчет того, чтобы меня отпустить? Мой корабль отходит через час. Я буду на нем. Я клянусь. — Он с растущим отчаянием посмотрел на меня, потом на Тэма, потом на Микаэля. — Если я останусь здесь, он меня убьет.

— Если тебе повезет, — ответил ему Тэм.

Микаэль посмотрел Окнусу в глаза. Гоблин не смог отвести взгляд. Микаэль держал его внимание не меньше минуты, пока капли пота не выступили на лбу Окнуса.

— Думаю, он рассказал правду. Райни?

Амулет завибрировал под моей рубашкой — если бы я не знала сама, то сказала бы, что кто-то здесь обрадовался. Я кивнула и накрыла амулет ладонью.

— Похоже, что мы согласны.

— Вы можете идти в мавзолей сейчас, — с жаром сказал мне Окнус. — Сегодня ночью Нукпаны нет посольстве.

— А где он?

Бурное желание Окнуса говорить сменилось смущением.

— Я слышал, что он собирался охотиться на соловья.

Глава 17

Я не могла достаточно быстро попасть домой.

Терпение никогда не было моим достоинством, даже если у меня не было резона торопиться. Время было не на нашей стороне. Нам пришлось воспользоваться каналами; Сараду Нукпане нужно было просто замучить и убить еще одного мага, чтобы сделать новые Врата. Мои ноги хотели бежать весь путь до дома, хотя голова знала, что срезать через центр города по каналу Великого герцога будет быстрее, не говоря уже о том, что если я побегу, то у меня сообразит дыхание и я не смогу помочь Пиарасу, когда доберусь до места.

Мне показалось, что минула целая вечность, когда мы прибыли в док на Минта-роу. Я не могла ждать ни пока хранители привяжут канаты, ни Микаэля, ни Тэма в лодке позади нас.

Мои ноги наконец сделали то, что хотели. До Тарсилии было два квартала, и я бежала весь путь. Повернув за угол, я увидела ее лавку. Никаких якобы прогуливающихся кринсани у ее дверей. Это хороший знак. Везде горел свет. Странно для двух часов ночи, но когда Гарадин защищал что-то, ему всегда нравилось видеть место действия.

Я протянула руку и толкнула дверь — и врезалась в защитные поля Гарадина и защитные заклинания Тарсилии. Меня припечтало лицом к стене. Испытывая ужасную боль, я вспомнила, что они всегда делали свое дело хорошо. Меня шатало, а перед глазами кружились звездочки. Я с трудом припомнила мелодичный металлический звук и подивилась, где это я так сильно треснула башкой.

Я подняла взгляд.

Гарадин стоял в теперь уже открытом дверном проеме. Металлический звон издавали колокольчики, которые Тарсилия повесила на балку с внутренней стороны двери. Я тряхнула головой, чтобы в ней хоть немного прояснилось. Незамедлительно пришла боль. Не лучший вариант.

— Девонька, а ты не догадалась постучать? Бьет намного слабее. — Он махнул рукой, и защитные поля пропустили меня.

Тарсилия стояла позади прилавка, опираясь руками на полированное дерево, взгляд нацелен на дверной проем. Я обернулась и увидела Микаэля и Тэма, стоявших у порога.

— Ты дома, — сказала она мне, но ее взгляд остановился на двух моих сопровождающих. Возможно, «остановился» — слишком мягкий термин. Гранитная плита, упав на что-нибудь, и то не настолько останавливается. Не сомневаюсь, Гарадин рассказал ей, кто такой Микаэль, чего он хочет... а с Тэмом Тарсилия была слишком хорошо знакома. И в этом страшном взгляде, направленном на них обоих, сквозило, что Тарсилия считала Микаэля и Тэма лично ответственными за все, что случилось с Пиарасом и мной за последние два дня. Взгляд был всепроникающий и сверхзащитающий — и я любила ее за это.

— Все нормально, — успокоила я ее. — Они с нами.

Не похоже, что это ее успокоило, а пока она не даст своего разрешения, не было никакой возможности Микаэлю и Тэму переступить ее порог, хоть магический таран применяй. Тарсилия должна была пригласить их в свой дом. Ее сердитый взгляд подсказал мне, что она, конечно, сделает это, но не по своему желанию.

— Микаэль Илиесор, Паладин Ордена и Братства Хранителей Конклава, Священный Протектор Кворума Двенадцати, — официально произнесла она. Затем замолчала и посмотрела на меня.

— Тарсилия, им надо войти. Сейчас.

И она уступила моей настойчивости.

— Ты и твои гости могут теперь войти в мой дом, — быстро закончила она.

Раздался еле слышимый треск, и защитное поле раздвинулось, впуская внутрь Микаэля, четырех хранителей и Тэма. Остальные караулили снаружи. Защитное поле и все магические заклинания были беззвучно восстановлены.

— Что случилось? — спросила она меня.

— Где Пиарас?

— Он не смог заснуть; он в мастерской.

Я бросилась мимо нее к задней двери лавки.

Тарсилия не отступала ни на шаг.

— Что случилось?

Внезапно все началось. Атмосфера наполнилась тяжелой энергией, будто воздух перед грозой, мою кожу словно кололи тысячи горячих иголок. Сарад Нукпана не искал способа обойти защиты Тарсилии и Гарадина — он сквозным ударом прошел сквозь них.

Тарсилия и я были ближе всех к двери мастерской. И мы были единственными, кто переступил ее порог. Поскольку мы оказались внутри, сила открывающихся Врат заблокировала дверь, как в вентиляционной шахте, захлопнув ее за нами как капкан. Пиарас поднял взгляд от ступки, где он перетирал сушеные травы, его глаза широко раскрылись, как у оленя, попавшего в поле зрения охотника. Я ругнулась и попыталась поставить все щиты, какие могла. Врата и черная магия съели их как легкую ночную закуску. Не было способа, чтобы Микаэль, или Тэм, или кто угодно другой мог попасть внутрь. А нам теперь не выйти наружу.

Врата Сарада Нукпаны просто открылись, никакого входа в ад, никакого зловония серы, просто раздвижные шторы серебристого тумана. Я попыталась вытащить свои ножи и закрыть Тарсилию собой. Ничего не произошло. Та же самая черная магия, которая запечатала комнату, не давала нам пошевелиться. Из Врат тянулся тошнотворно сладковатый запах и слышалось разноголосое шипяще-свистящее пение гоблинов. Я узнала песнь и то, что она порождала, и эта сила была хуже, гораздо хуже. Крики в глубине лишь подтверждали мою догадку.

Тарсилия была ближе к Вратам, когда они открылись. Ее первую и втянуло.

— *Нет!* — звенел у меня в ушах и голове тоскливый крик Пиараса.

Трое шаманов в черных мантиях шагнули из Врат в комнату. Следом плавно скользили полностью сформированные Магх'Скиду. Я ничего не могла поделать, чтобы остановить хоть одного из них... как и Пиарас. Гоблины схватили его и прижали к полу, Магх'Скиду с голодным видом дрейфовали на недостижимом расстоянии. Пиарас широко открытыми глазами отслеживал каждое движение существ. Он знал, чего надо бояться больше всего.

Сарад Нукпана просто стоял с другой стороны портала. Он не сделал ни одного движения, чтобы пройти сквозь Врата. Ему это и не нужно. Его шаманы и Магх'Скиду хорошо знали свое дело и замечательно справлялись с ним. А если он создал Врата сам, ему надо было стоять на другой стороне, чтобы поддерживать стабильность функционирования. Ему потребовалось немереное количество силы, чтобы пробить дыру в защитных полях и щитах, окружающих лавку Тарсилии. У Нукпаны была сила и мощь, а из внезапно наступившей тишины за его спиной он взял жизнь.

— Добро пожаловать, госпожа Бенарес. Какой приятный сюрприз! Только я подумал, что вы опять решили быть неуловимой, как вы стали более сговорчивой.

Его голос был таким же, каким я его запомнила: хрустящий, вежливый и вызывающий страх, от которого по коже ползут мурашки. Я могла видеть его глаза, и не хотела в них смотреть. В этих темных глазах, как отражение, было нечто безмолвное, нечто вечное и злобное. Если глаза — зеркало души, душа Сарада Нукпаны никогда не видела солнечного света.

Здесь был гoblin, который обожал свою работу, превратив ее в образ жизни.

Для него Пиарас был просто мальчик, а все магическое, что я имела в своем арсенале из тяжелой артиллерии, могло лишь взерошить ему волосы, и он знал соотношение сил. Сагред был способен на большее... гораздо большее. Он знал это тоже. Он медленно

улыбался.

Потом он протянул мне руку сквозь Врата. С нее тяжелыми каплями падала темная кровь. Я знала, что кровь не его. Как только его рука пересекла порог Врат, сначала давление пригвоздило нас к месту, а затем что-то подбросило всех вверх. Я старалась глубоко вдохнуть. Пиарас судорожно хватал воздух. Полагаю, если охотник хотел, чтобы юноша взмолился, нужно было открыть ловушку.

— Смелее, госпожа Бенарес. Нам предстоит много работы, времени мало, оно не ждет.

Разумное требование разумным тоном. Никакого маниакального хохота, никаких ликующих пожиманий рук. Никаких обычных признаков дьявола. Тогда почему мне рвет грудь крик и страстно хочется убежать, и не в этом порядке?

Я проглотила ком в горле и закричала:

— Отпусти его!

Мой визг сбил его с толку. Похоже, он вообще не понимал, как можно к нему предъявлять требования.

Осознав, что я имею в виду, он посмотрел на Пиараса. Можно подумать, что я потребовала вернуть его любимое лабораторное животное.

— Боюсь, это невозможно.

— Это условие, которое ты принимаешь или нет.

Он снова улыбнулся.

— Вы не в том положении, чтобы торговаться, госпожа.

— Ты тоже.

Я могла позволить Сагреду помочь мне, но он мог при этом забрать мою жизнь и то, что осталось от моей силы... приближая меня на один шаг к тому, что меня ждет, воспользуюсь я этим снова. Я не хотела ничего из этого списка. Но если не действовать, гoblin заберет все, что пожелает его черное сердце, включая двух самых дорогих мне людей.

Легкое решение. Некоторые вещи настолько ценны, что не имеют никакой цены.

Я поняла, что хочу сделать, но пока, правда, не догадалась, как это осуществить. К счастью, Сагреду, видимо, известно и то и другое. Мое сердце стучало в груди молотом, дыхание участилось от просыпающейся силы. Улыбочка гоблина стала еще шире. Я знала, почему не могу дышать. Он не знал. Пусть думает, что я в ужасе. Я действительно была в ужасе. Но только не из-за него!

Врата в моем доме открыл Сарад Нукпана. Я очень хотела нанести вред верховному шаману. Сделать ему пакость, повредить Врата. Это было честно и жестко, но значит я честная и жестокая девушка. Если ему нужна сила Сагрета, он ее получит. Надеюсь, он подавится.

В этот момент Пиарас извернулся и освободился от одного из своих захватчиков, ударив шамана ботинком в челюсть. Внимание Сарада Нукпаны сместилось на мгновение на Пиараса. Это был тот единственный шанс, которого я ждала. И я им воспользовалась.

Я испытала недолгое удовлетворение, увидев расширившиеся от шока глаза гоблина, когда его накрыл удар. Он сбил его с ног, перевернул, покотив его назад кубарем, за пределы видимости. Я чувствовала вибрацию, видела на той стороне портала глыбы и большие куски камня, посыпавшиеся сверху. Крики боли, которые до меня доносились, принадлежали гоблинам. Над всем этим я слышала голос Сарада Нукпаны, отдающего приказания, очень слабый, но вряд ли мертвый.

Он не сдох? Я распылила в Руинах шесть Магх'Скиду. Сагред мог сравнять с землей армии, но не смог убить одного гоблина? Мое горло сжал спазм, и я почувствовала во рту вкус крови. Я продолжала увеличивать силу, которая протекала через меня и лилась во Врата. Черные цветы распустились на краю моего поля зрения. Если я потеряю сознание, я умру.

Пиарас закричал.

Его страх был полон ярости, рожденной прошлой ночью в переулке, окрепшей в

Руинах и теперь полностью сформировавшейся, которая выплеснулась в бессловесном крике. Я и раньше видела его сердитым, но таким — никогда! Его мощь питалась этим гневом.

Этот крик нес ранее сдерживаемую ярость и страх... и был направлен напрямик сквозь Магх'Скиду к Вратам, которые только что поглотили его бабушку. Трем шаманам и Магх'Скиду не повезло оказаться у него на пути. Сила голоса Пиараса, словно сильный порыв ветра, покатила их кубарем ко входу и захлопнула за ними дверь Врат.

Я прислонилась к стене и сползла вниз. Пиарас скорчился на полу в углу. Сила поля исчезла вместе с Вратами, породившими его, и Микаэль, Тэм и Гарадин в мгновение ока оказались в комнате.

Я добрела до Пиараса и склонилась над ним. Он бы попытался вжаться в стену, если бы мог. Все что угодно, лишь бы избавиться от того, что он хотел прогнать от меня и от себя.

— Не трогай меня! — В его темных глазах мелькали беспокойные мысли, а его дыхание стало учащенным и поверхностным.

Остатки его магии с треском лопались вокруг него в воздухе. Уверена, он видел остатки магии Сагрета вокруг меня. Я бы не хотела оказаться рядом с собой. Опустив руки, я медленно села на корточки, крайне истощенная. Понимаю, что он ощущал. Когда чувствуешь, как твоя кожа пытается отойти от костей, последнее, чего тебе хочется, это чтобы к тебе кто-нибудь прикоснулся, невзирая на то, что почти не держишься на ногах.

Я знала о присутствии Микаэля и Тэма рядом с нами. Гарадин стоял как раз позади меня. Амулет перестал жечь кожу, сообщая, что опасность миновала. Но в этом не было необходимости. В этот раз Сарад Нукпана, может, и не получил то, за чем пришел, но в то же время украл достаточно.

— Она вернется назад, — сказала я Пиарасу. — Я сделаю все, что потребуется.

Я произнесла это как обещание, но не могла ничего сделать для Пиараса прямо сейчас — во всяком случае, вернуть его бабушку в целости и сохранности. Но я хотела сказать, что собираюсь сделать все для того, чтобы это произошло, даже если придется самой сдаться Сараду Нукпане.

— В этом нет необходимости, — раздался близко голос Микаэля. — Но даже если бы была, я бы не позволил тебе сделать это.

Я с трудом повернула к нему голову. Должно быть, мои мысли дошли до Микаэля, а возможно, он просто был чутким. Вероятнее всего последнее.

— У тебя есть лучшее предложение?

— Он выйдет на контакт с нами, с условиями по освобождению Тарсилии...

— Освобождения? Ты хочешь сказать, торговли? — Я понимала, что, по существу, обмен может никогда не состояться, но не видела резона обсуждать это сейчас. Сарад Нукпана не собирался ни с кем торговаться насчет Тарсилии. Он мог ее использовать и для другого. Я не стала говорить об этом вслух. Мы все знали это, и если Пиарас не догадывался, то и пусть остается в неведении.

— Это то, что он будет предлагать, — сказал Микаэль, — но не то, что он собирается получить.

— И в самом деле, что он собирается получить? — набросилась я.

Микаэль помрачнел.

— Больше, чем он ожидал.

— Я уже попробовала дать ему «больше, чем он ожидал», и это не сработало. — Я посмотрела на хранителя в ожидании ответов, которых у меня не было. И поняла, что ему нечего сказать, и это накормило мою ярость и чувство неудовлетворенности. — Почему это не сработало? Он действовал так же, как делал это в Руинах. Здесь была сила и мощь. Шесть Магх'Скиду уничтожены. Как же ему удалось остаться в живых?

— Не понимаю, — признал мой учитель. — Но мы имели дело с Вратами, самым темным видом черной магии, и Сагредом. Кто знает, какой вид магии у него? Но они обе являются магиями, поэтому должны действовать по одинаковому, или хотя бы похожему,

правилам. — Он был очень озабочен и не пытался этого скрыть.

Приятно узнать, что это не из-за меня, но все же где-то рядом, где я хотела получить ответы.

— Все, что я хочу узнать, это как мы собираемся вернуть мою бабушку обратно? — спросил из угла Пиарас. — И когда?

В его голосе звучала негибкая сталь, которую я раньше никогда не слышала. Вопрос и пристальный взгляд были направлены прямо на хранителя.

— Сарад Нукпана в посольстве гоблинов, — ответил ему Микаэль. — Не могу представить, что он держит твою бабушку где-нибудь еще.

— И Сагред в мавзолее, — добавил Тэм.

— Удобно делать покупки за один заход, — проворчала я.

— У вас есть план? — в упор спросил Микаэля Пиарас.

— Да.

— Какой?

Микаэль какое-то время молча смотрел на него, потом промолвил:

— Не сейчас.

— Почему? Вы не хотите говорить в моем присутствии? Думаете, я слишком молод? — Я никогда не видела, чтобы глаза Пиараса были такими темными. Почти как у Микаэля, и даже темнее.

— Нет, до тех пор, пока не появится возможность вернуть ее обратно. — Его тон говорил, что дискуссии здесь неуместны.

Я была совершенно с ним согласна.

— Ты просто закрыл Врата, *снаружи*, — продолжал Микаэль. — Что ты думаешь по поводу того, насколько тяжело... нет, насколько невозможно... это?

— Нет, ничего не думаю. — Голос Пиараса несколько смягчился, но только слегка.

— Что наверняка, так это то, что ты смог это сделать, — сказал Гарадин.

Микаэль продолжал смотреть на Пиараса. Я не знаю, оценивал ли он его, испытывал или просто ждал, моргнет ли тот первым. Пиарас не моргнул и не отвел взгляд. Вероятно, удовлетворенный какими-то своими наблюдениями, Микаэль прервал контакт.

— Мы не можем здесь говорить. Есть одно место, где кринсани не смогут создать Врата.

— И где же оно? — спросила я.

— У нас, хранителей, тоже есть свой конспиративный дом.

Глава 18

Пиарас пошел с нами.

Мы прибыли в конспиративный дом хранителей в центре города как раз перед рассветом. Я уже видела спальню хозяина в прошлый свой визит, и остальное в этом палаццо было таким же шикарным. Этот дворец принадлежал кузену Микаэля — графу Еилде, который, к нашему удобству, в настоящий момент отсутствовал по причине медового месяца.

Наше путешествие в дом графа обошлось без приключений. И ничего не происходило. Для Пиараса это было мучением, ведь никто ничего не предпринимал для того, чтобы освободить его бабушку, и от этого он был несчастен. А вот амулет, похоже, знал, что в самое ближайшее время объединится с Сагредом. С того момента, как мы сюда добрались, он не переставал радостно урчать.

— Если не сейчас, то когда? — спросил Пиарас.

— Сегодня, до наступления полуночи. — Я всего лишь повторила временную последовательность Микаэля, и, по правде говоря, мне нравилось говорить это столько раз, сколько Пиарасу нравилось слышать мой ответ, — мне не трудно. Но, в отличие от Пиараса, я видела в выжидании здравый смысл. Пиарасу пришлось быть свидетелем того, как шаманы

Кринсани тащили его бабушку через самые мерзкие Врата, которые я когда-либо видела или о каких слышала, поэтому прямо сейчас бо льшей частью его мыслей владели не логика и терпение.

— Тогда Сарад Нукпана убьет ее раньше. — Пиарас проглотил ком в горле и отвернулся, чтобы я не заметила в его глазах слезы. — Или того хуже. — Пиарас два дня назад и не задумался бы, если бы я увидела его плачущим. Сейчас, в конспиративном доме хранителей, он стоял ко мне спиной, отчаянно пряча признаки слабости. Лично я не считаю слезы слабостью; но будучи женщиной, да еще таким молодым, Пиарас воспринимал мир немного по-другому, особенно сейчас. Я не могу его осуждать.

— Он не убьет ее... и ничего ей не сделает, — сказала я.

Я ожидала, что он рассердится или спросит, откуда я это знаю. Но он промолчал. Он слишком хорошо понимал, почему Сарад Нукпана хотел, чтобы Тарсилия была жива и невредима. У гоблина были другие маги, которых он мог использовать в качестве топлива для создания Врат. Тарсилия была для него более ценной в качестве заложницы. По крайней мере сейчас.

Пиарас взглянул в мою сторону. Я увидела, как он на секундочку посмотрел на меня как Сарад Нукпана. Товар для обмена, отработанный и бракованный. Пиарасу не хотелось смотреть на меня так. Я все понимаю.

— И он не собирается убивать или причинять боль мне. Или тебе, — сказала я больше для себя, чем для Пиараса. Видя, как он пытается сдержать слезы, я сама почувствовала соленое жжение в глазах и изо всех сил старалась не разреветься. Микаэль будет здесь с минуты на минуту, и ему совсем ни к чему видеть меня плачущей. Это не поможет Пиарасу. Микаэль обещал посвятить нас в детали своего плана. Сейчас даже небольшое просветление способствовало бы поднятию духа.

Дверь открылась, и я мгновенно вскочила на ноги. Не то чтобы я ожидала, что из-за двери появится что-нибудь плохое, но старые привычки... и недавние события, которые укрепили те привычки... было тяжело переломить.

Это был Гарадин, и мы вздохнули с облегчением.

Я вернула в ножны кинжал, который оказался в моей руке словно сам по себе.

— Калчес был дома? — спросила я.

— Дома.

Гарадин пришел с нами сюда, в этот конспиративный дом, но потом в сопровождении двух хранителей отправился повидаться с Калчесом Беканом — черным магом, у которого была самая большая частная коллекция книг по высшей черной магии, включая знания о Вратах. Экзорцист и демонолог по профессии, черный маг Бекан был довольно приятным господином по общим отзывам, но я бы не захотела спать в том же доме, где находится его библиотека. Хотя научные исследования — хорошая вещь. Сегодня ночью я собиралась сойтись лицом к лицу с Сарадом Нукпаной, и я хотела знать, что происходит и как... или, по сути, что *не* должно произойти и почему.

Гарадин пользовался моментом — знакомился с сыром, мясом и элем в буфете.

— Ну? — не утерпела я. — Что со мной случилось... как?

— На твоём пути были Врата, — ответил он с набитым сыром ртом.

— Что? Врата? Они были открыты. Я находилась с одной стороны, Нукпана — с другой. Между нами ничего, кроме воздуха, не было, никаких преград.

Гарадин поднял руку, останавливая мои излияния.

— Большая преграда. Примерно в четыре мили. Ты забываешь о расстоянии. Несомненно, расстояние очень важно, даже критично.

— Какое расстояние? Мы были в одной комнате. — Как только я это сказала вслух, тут же поняла, что не права. — Он был с другой стороны города.

— Правильно.

— Но у меня был прямой удар, — запротестовала я.

— Через Врата, — уточнил Гарадин. — Искривления за их границами были достаточно

сильными, чтобы рассеять большую часть того, что ты туда швырнула.

У меня все оборвалось.

— Сколько прошло сквозь Врата?

Крестный пожал плечами.

— Может, пять процентов, может, меньше.

Я плюхнулась в свое кресло.

— Как раз достаточно, чтобы его взбесить.

— Возможно.

Нет, определенно. Остальное было так просто. Я бы билась головой о стену, если бы Нукпана уже не сделал этого со мной. Я была такая дура!

— Тогда, значит, у меня получилось потому, что я целился непосредственно во Врата, а не в то, что находилось с другой стороны, — сказал Пиарас.

— Совершенно верно.

Я поняла, что это значит, и мне это не понравилось.

— Получается, если я хочу причинить вред Сараду Нукпане, мне нужно находиться с ним в одном помещении.

Гарадин сделал большой глоток эля.

— Желательно просто рядом.

Нет, я не хотела рядом. Я не хотела находиться близко ни к Сараду Нукпане, ни к камню, ворующему души. Но, похоже, на этой неделе совсем не имеет значения, чего я хочу или не хочу. Хотя кое-что меня порадовало: у гоблина была та же проблема, что и у меня, в противном случае я не стояла бы здесь и не чувствовала бы себя такой глупой.

— Выходит, ничего другого, кроме как закрыть Врата, я бы сделать не смог, — попытожил Пиарас.

— Ты сделал то же самое, как если бы захлопнул очень большую, очень тяжелую дверь перед носом Нукпаны, — сказала я.

— Тогда почему я чувствую себя таким... — он старался изо всех сил подобрать правильное слово, — беспомощным?

Мы с Гарадином уставились на него, не веря своим ушам. У меня даже челюсть отвисла. А вот у Гарадина — нет. Он опять ел.

— Беспомощный? Только не это слово подходит тебе сегодня ночью, — ответил ему Гарадин, после того как прожевал. — Я уверен, что Сарад Нукпана не считает тебя беспомощным. И то, что Тарсии нет здесь с нами, ни в коей мере не делает тебя беспомощным и неумелым.

— Но я не смог ее спасти. Я провалился.

— Ты не провалился! Я ее тоже не спасла. Если ты провалился, значит мы оба провалились. Чувство вины не принесет ничего хорошего ни нам, ни Тарсии. Мы старались изо всех сил, — высказалась я.

— И все равно нехорошо.

Я вздохнула. Я чувствовала то же самое, но не собиралась давать волю эмоциям. Пиарас был просто еще одним взыскательным, добивающимся во всем совершенства человеком, причем это относилось ко всему. Что бы он ни делал, это никогда не было достаточно хорошо, по крайней мере для него. И сейчас я могла увести его с этой тропы лишь тем, что хорошо и основательно спрятала свои чувства. Знаю: иначе не будет ничего хорошего. Я тоже никого не слушала. Я посмотрела на Гарадина. Легкая усмешка таилась на его губах.

— Ой, прекрати!

Он расплылся в улыбке.

— Я не сказал ни слова.

— Зато много подумал.

— Я откажусь от любого.

Пиарас переводил взгляд с меня на Гарадина. Мы совершенно забыли о нем.

— О чем вы толкуете?

— Гарадин, видимо, только что подумал, как ты сильно напоминаешь ему меня в твоём возрасте. И он находит забавным, что мне сейчас возвращается то же, что когда-то он получал от меня.

Молодой эльф все еще был сбит с толку.

Гарадин жизнерадостно захихикал.

— За все в этой жизни приходится платить, черт побери.

— Ты никогда не найдешь более строгого критика, чем ты сам, но еще тяжелее молчать, — объяснила я Пиарасу. — Единственное, чем ты можешь себе помочь, — научиться не позволять своим эмоциям брать над тобой верх.

— Ты один против трех шаманов Кринсани и Магх'Скиду, — сказал ему Гарадин, — и кто знает, сколько их было еще по ту сторону Врат. Нукпана не путешествует с непрофессионалами. А ты не позволил взять себя в плен...

— И меня тоже, — добавила я. Я всегда отдаю должное. — Ты спас нас обоих. Наша ситуация изменилась бы коренным образом, если бы ты не захлопнул Врата перед носом Нукпаны.

Краска приятного смущения залила щеки молодого заклинателя.

— Но бабушка...

— Оказалась вне зоны твоей досягаемости, — раздался голос Микаэля из дверного проема. — Если кто-то не настроен на Врата в процессе их создания, он может пересечь границу «туда», но вернуться «оттуда» не получится, — пояснил хранитель. — Раз Тарсила уже попала на ту сторону, вернуться возможности не было. Поэтому ты ничего не мог поделать.

Пиарас несколько секунд переваривал сказанное Микаэлем, потом согласно кивнул. Полагаю, если твою совесть оправдывает легендарный заклинатель, то это имеет больше веса, чем твои друзья и семья вместе взятые, невзирая на их уровень мастерства.

— Что же я такого сделал? — Голос Пиараса звучал гораздо мягче, как будто ему нужно было узнать ответ, но нет уверенности в том, что на самом деле хочется его услышать.

— Твой инстинкт подсказал, что надо закрыть Врата, — ответил Микаэль. — Это навредило тому, кого ты любишь. Ты хотел, чтобы Врата и все, что через них прошло, исчезло. Ты направил в определенное русло свое желание — и довольно интенсивно — через свой голос. Врата подчинились и полностью обрушились. Простыми словами, ты использовал свой голос, чтобы превратить свое сильное желание в реальность.

Пиарас уставился на паладина.

— Но я не знаю, как это у меня получилось.

— Несомненно, знаешь. На глубинном уровне ты знал точно, что надо делать, и сделал это. — Микаэль помолчал, его голубые глаза невозмутимо изучали лицо Пиараса. — Вид распахнутых Врат испугал тебя вне твоих мыслей.

Он не задал вопрос, но ждал ответа.

Пиарас молча кивнул.

— Вне мыслей лежит инстинкт. Он заставляет нас сражаться и защищаться или спасаться бегством и выживать. Он первородный, и мы, в сущности, все им обладаем. Твои инстинкты подсказали тебе разные варианты действий. Но ты не убежал, ты не мог воспользоваться своим телом для драки, поэтому ты предпочел другой, более знакомый тебе способ. Это было примитивно и, возможно, грубо, но ты сделал то, что хотел.

Микаэль снова замолчал. Я бы сказала, что ему не очень-то хотелось произносить то, что он собирался сказать.

— Мастеру-заклинателю пришлось бы очень хорошо потрудиться, чтобы сделать то, что ты сделал сегодня ночью, — начал он. — Ты разрушил почти мгновенно то, на создание чего у Сарада Нукпаны и его лучших шаманов ушли часы. У тебя в руках невероятно мощный инструмент, Пиарас. Хотя подозреваю, что Сарад Нукпана больше считает его

оружием. В этом отдельном вопросе я с ним согласен. В любом случае, для твоей же безопасности и безопасности других тебе нужно уметь дозировать и контролировать свою силу, то есть управлять ею. И тебе обязательно надо учиться уже сейчас. Кто твой учитель?

— Я, — скромно ответил Гарадин. — Хотя, наверное, теперь уже нет. Он никогда не делал ничего даже близко похожего на то, что произошло сегодня ночью, но я предполагал, что у него есть большой потенциал. — Он криво усмехнулся. — Я не думал, что мальчик так быстро себя проявит. Две недели назад я отправил письмо Ронану Кайлу с просьбой принять Пиараса в студенты на следующий семестр. Ронан — мой бывший коллега и друг, поэтому я подумал, что моя рекомендация будет иметь достаточный вес, чтобы его убедить.

Пиарас покраснел еще гуще. Он знал слишком хорошо, кто такой Ронан Кайл. Любому, кто страстно стремился к пению заклинаний, было знакомо это имя. К тому же все знали, что было практически невозможно попасть к нему на прослушивание, не говоря уже о зачислении в студенты.

Я улыбнулась. Думаю, Пиарас был больше ошеломлен тем, что Гарадин так высоко оценил его способности, чтобы дать рекомендации, даже помня о том, что я говорила ему в Руинах. По выражению его лица, все это вместе страшило его почти так же сильно, как Сарад Нукпана.

— Думаю, это хорошая идея, — ответил Гарадину Микаэль. — Вы получили ответ от Ронана?

Гарадин улыбнулся.

— Утром дома меня ждало письмо. По моей просьбе маэстро Кайл приглашает Пиараса на прослушивание.

— Основываясь на том, чему сегодня ночью я был свидетелем, я добавлю к вашим рекомендациям свои, — улыбнулся Микаэль. — А когда вернусь на Мид, заскочу и переговорю с Ронаном. Он тоже был моим учителем, Пиарас. Между нами говоря, могу практически гарантировать, что он откроет для тебя ворота своей башни.

Для Пиараса это было выше сил. Он хотел что-то сказать, потом передумал, покраснев до кончиков ушей. Конечно, ночь по-прежнему оставалась для него тревожной, но теперь, по крайней мере, где-то впереди забрезжил свет.

А Микаэль смотрел на меня. В отличие от Пиараса, я была абсолютно уверена в том, что не хочу, чтобы мне объясняли, что я делала ночью. Микаэль мог не тратить лишних слов. Я уже знала. Сначала уничтожила шестерых Магх'Скиду, потом намусорила в лаборатории Нукпаны. Благодаря Сагреду, я была жива; но также благодаря Сагреду, теперь владела совершенно неизвестной потенциально беспредельной силой... и ко мне притягивало подозрительных магов со смутными целями, как стрелку компаса к северу. Я не хотела иметь дела ни с этой силой, ни с этими психами, но теперь прекрасно понимала, что даже если избавлюсь от силы, нет гарантии, что психи оставят меня в покое.

Должно быть, Микаэль прочитал все это по моим глазам, потому что не сказал ни слова. Я очень хотела отказаться от всего, что со мной произошло, и держала язык за зубами. Но мне надо было спросить.

— Эльф, которого описывал Окнус, мой отец?

— Да.

— Сегодня ночью мы отправляемся в посольство за Сагредом, верно?

— Да.

— Я теперь *совершенно* непобедима для Сарада Нукпаны, верно?

— Бесспорно.

Я не хотела этого слышать, но именно такого ответа и ожидала.

— И Сарад Нукпана будет охотиться за мной всю мою оставшуюся жизнь, пока я сама не смогу выследить его и поймать.

— Да.

— Ты можешь не отвечать мне одним словом?

В уголках его губ мелькнула улыбка.

— При необходимости.

Пиарас не улыбался.

— Сегодня ночью мы не собираемся вызволять мою бабушку?

— Как только Сагред будет в безопасности, мы отправимся за твоей бабушкой, — заверил его Микаэль.

— И Сарад Нукпана, — добавила я.

— Ты была когда-нибудь в посольстве гоблинов? — спросил он меня.

— Раз или два. — Я не особенно жаждала останавливаться на тех случаях. В гости туда меня не приглашали.

— Хорошо, это поможет. Ты знакома с территорией?

— Не имела удовольствия. — Принимая во внимание то, что гоблины подразумевают под садами, я не думаю, что много потеряла.

— Здание посольства — более новое, — пояснил Микаэль. — Королевская резиденция — соответственно более старая. Мавзолей и руины храма находятся между ними. Мои хранители раздобыли план посольства гоблинов и апартаментов семьи Мал'Салинов. Оба этих здания окружает одна стена.

— Как удобно.

Мой сарказм не прошел незамеченным. Принимая во внимание мои настоящие и будущие обстоятельства, думаю, всякий поймет мое уныние и отсутствие энтузиазма.

— Окнус сказал, что Сагред в мавзолее, — сказала я. — Возможно, нет знака, указывающего на то место, где он спрятан. Я очень надеюсь, что ты не планируешь вскрывать склепы, пока мы не «сорвем куш».

— Сигнальный маячок-ориентир даст тебе знать, когда мы подойдем ближе.

— Как? — осторожно спросила я. Предыдущее общение с амулетом было очень даже ощутимым. Я вполне могла обойтись без еще одного смертельного эксперимента.

— Таким же образом, как почти все маячки-ориентиры. Настойчивые сигналы, усиливающиеся, как только ты приблизишься к объекту, на который настроен этот амулет.

Я удерживала рукой дергающийся маячок.

— После твоего нападения и захлопнувшихся перед его носом — усилиями Пиараса — Врат Сарад Нукпана не сможет полностью восстановить свои силы к следующему дню, — продолжал Микаэль. — И я планирую воспользоваться этим. Он останется таким же опасным, но, может быть, его действия будут не настолько смертоносными. Это преимущество, которого у нас раньше не было.

— Войти будет достаточно легко, — ответила я. — Тем более если принять во внимание, кто я и что на мне висит, они примут меня с распростертыми объятиями. Вот уйти будет гораздо сложнее.

В глазах Микаэля заплясали лукавые искорки.

— Нет, если ты уйдешь со всеми.

— Со всеми? — Я совершенно не поняла его плана.

— Бал-маскарад у короля гоблинов! Общественная элита этого города в безумии. Ты, должно быть, заметила.

— Бал-маскарад... — произнесла я совсем без энтузиазма.

— Сегодня ночью в посольстве гоблинов, — закончил за меня фразу Микаэль. — Ничего не может быть лучше — все будут в масках.

Не вижу ничего хорошего. Не только потому, что собираюсь в драконье логово, но мне еще придется надеть на себя что-то такое, в чем трудновато будет смыться из лап смерти. Хотя если я — везунчик, если Микаэль настолько хорош, как, кажется, все думают, я не окажусь ни пойманной, ни мертвой.

— Я и несколько моих людей будут присутствовать в качестве представителей архимага. — Микаэль сделал шаг назад и исполнил аристократический поклон. — Почту за честь, если ты составишь мне компанию — как моя гостя.

Все что я могла спросить:

— А разве сегодня?

Конечно, не таких слов он ждал. Но подумал и ответил:

— Именно так. Если ты переживаешь за свою репутацию, мы оба будем в масках, поэтому нас никто не узнает.

— Единственный, кому можно испортить репутацию, это ты, — ответила я. — Я — Бенарес, ты не забыл?

— Это меня не беспокоит.

Вот так сюрприз. На самом деле замечательно.

— Не беспокоит?

— Нисколько. Однако, возможно, твоя фамилия также Ангуис.

Ну конечно. Это означает, что я криминальная только наполовину. Мой отец был хранителем Конклава. Это делает другую сторону моей семьи все-таки минимально приемлемой. Хотя я уверена, он не имел в виду то, что прозвучало. Некоторые люди это подразумевают, но ничто не мешает им высказываться... или, гораздо чаще, так думать. Все равно ничего хорошего. Как снег в небзианской пустыне. Паладин хранителей Конклава с Бенарес. Вероятность сравнима с замерзанием последних кругов ада. Я огляделась по сторонам, что бы такое пнуть? Где Окнус, когда он так нужен?

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — ответил Микаэль.

Это был тот блондин с громадным топором, которого звали, как я узнала, Вегард Рольфгар.

— Простите, что прерываю, сэр, но мы получили от кринсани сообщение.

Микаэль подошел и взял запечатанную сургучом бумагу.

— Как его доставили?

Вегард вошел и закрыл за собой дверь.

— А его и не доставляли. Хью и Терис были в дозоре у посольства гоблинов, когда два шамана вышли и приколотили это к воротам. — Он усмехнулся. — Хью подумал, что это, возможно, для нас, так что он принес его. Адресовано леди. — Он указал на меня. Хранитель-блондин вытащил из-за пояса длинный узкий сверток. — Гоблины использовали это в качестве гвоздя.

Микаэль взял посылку и осторожно развернул ткань. Выражение его лица говорило о том, что он знал, что мы сейчас увидим. У меня возникла собственная идея. Последний слой ткани снят. Внутри оказался церемониальный жертвенный кинжал. Ненавижу, когда оказываюсь права! Судя по рукоятке, инкрустированной темными самоцветами, треугольному лезвию длиной почти в фут и одиночному рубину, венчающему головку эфеса, он принадлежал самому Сараду Нукпане. Тогда я знаю: какие бы слова ни были написаны на пергаменте, это было просто приглашение к игре. Настоящим посланием считается кинжал. Хотя, если приказано было прикрепить им записку к воротам, Нукпана вряд ли мог использовать его более извращенным способом. Но я уверена, что у этого кинжала есть дубликат. У психов всегда так. Кинжал был персональным вызовом на дуэль, и я воспринимаю его только так.

Микаэль изучал конверт. Он был запечатан черным воском, и печать выглядела не поврежденной. Но мы оба знали больше. Все, что делает Сарад Нукпана, не может быть безвредным. Я не мешала Микаэлю проводить инспекцию. Он очень внимательно все проверил, что позволило мне быть уверенной в результатах. Через какое-то время он передал его мне с отвращением, видимым невооруженным глазом.

— Выглядит вполне безопасно, — сообщил он мне. — Не чистое, но без подвоха.

В общем-то, как я и ожидала. Я приняла его и, к крайнему изумлению Микаэля, тоже стала внимательно изучать по-своему. Я ценю свою жизнь больше, чем чувства хранителя, и мне нужно было получить впечатление об авторе послания. Микаэль не воспринял мою осторожность как недоверие ему лично.

Бледно-кремовый пергамент был нежно-мягким на ощупь. У меня возникли ужасные

догадки относительно его происхождения, и я подняла вопросительный взгляд на Микаэля. Он крепко сжал губы, и рот превратился в тонкую линию. Это не просто неприязнь. Я практически уверена, что знаю, из чьей кожи получен этот пергамент. Мне это придало еще больше решимости, и я вытащила маленький кинжал, чтобы вскрыть печать. Этого нельзя сделать, не дотрагиваясь до письма, но я старалась прикасаться к нему как можно меньше. Я должна прочитать сообщение, а это будет трудно сделать, если кинуть письмо в камин, а самой блевать в противоположном углу комнаты. Я смогла определить, что человек или эльф, чья кожа была использована Сарадом Нукпаной в качестве персональной бумаги для писем, умер не так давно. От этого знания лучше не стало, и пришлось принять его как факт.

Я сломала печать. Ничего не произошло. Не сомневаюсь, Нукпана сохранит все свои пренеприятнейшие сюрпризы для личной встречи. Письмо было написано по-гоблински, что для меня не было проблемой. Чернила были тоже странные. И это для меня уже большая проблема. Это были не чернила, а кровь, а в этом качестве она должна была быть свежей. Я заставила себя сфокусироваться на письме, а не на происхождении того, чем и на чем оно было написано.

Я прочитала письмо, сосредоточившись на самом сообщении, и выяснила больше, чем было в словах, нацарапанных на пергаменте. Сарад Нукпана написал их, стремясь привести меня в ужас, чтобы я не смогла потом ему противостоять. Он хотел, чтобы на нашей встрече присутствовал Пиарас. Если его не будет, сделки не будет — с Сагредом или без Сагрета. Он меня уверял, что в убийстве такого молодого и талантливого заклинателя нет никакой пользы и этого у него даже в мыслях нет. Потом он сообщил мне точно, что у него в мыслях, причем спокойно и со всеми физиологическими подробностями. Я стиснула зубы, направляя свою ярость, клокотавшую в горле, обратно к желудку, откуда она пришла. Но я не смогу заключить ее там надолго. Надо будет выпустить пары позже, когда горло Сарата Нукпаны будет у меня в руках.

— Что это? — спросил Микаэль.

Я подала ему письмо.

— Ему не терпится. Ты умеешь читать по-гоблински?

— Умею.

— Хорошо.

Я не собиралась читать ему ни с Пиарасом в комнате, ни без него. Я не хочу давать жизнь любого рода извращенным словам этого гоблина.

Микаэль внимательно прочитал письмо. Его реакция была практически такой же, как у меня. Хранитель в моих глазах поднялся на пару ступеней выше. Защитные инстинкты в человеке могут иногда быть больше помехой, чем помощью, но если речь идет о Сарате Нукпане и о том, что он творил, я бы забрала все защитные инстинкты у кого угодно, особенно если этот «кто-нибудь» — паладин хранителей.

— Что там? — Пиарас встал и направился к Микаэлю. — Что там написано?

Я преградила путь.

— Нет!

Моя вспышка была неожиданна даже для меня. Пиарас застыл на месте. Глядя на выражение его лица, можно было подумать, что я дала ему пощечину.

— Прошу прощения, но тебе не надо это читать. — Громкости в моем голосе поубавилось, но эмоций было хоть отбавляй.

Я сама учила читать Пиараса на языке гоблинов. Но я учила его для того, чтобы уметь смешивать травы для приготовления сборов и лекарств, а не для того, чтобы читать извращенный бред чудовища.

Молодой эльф напрягся.

— Почему нет? Если это о моей бабушке...

— Единственное упоминание о твоей бабушке — в связи со сделкой.

Это не чистая правда, но я не хотела вообще говорить Пиарасу, что там. Сарад Нукпана, конечно, написал о Тарсиллии — пунктуально и подробно перечислил, что с ней

произойдет, если мы не осуществим его пожелания сразу же. Затем, в кульминационной точке ее гибели, он использует то, что останется от жизни Тарсили, в качестве топлива для создания других Врат, чтобы лично прийти и забрать Пиараса и меня. Мальчику нельзя такое читать.

— Сделки для тебя? — тихо спросил Пиарас.

— Да.

Я убеждала себя, что полуправда лучше, чем вообще ничего. Пиарас молчал и просто смотрел на меня. Он знал, что в письме было написано что-то еще, и ему не надо было магического таланта, чтобы понять это. Если действовать решительно, есть шансы на то, что он действительно не захочет узнать. Но он чувствовал, что должен. И как бы сильно я ни стремилась этому воспрепятствовать, я не была полностью уверена, что он не прав. Мир полон уродства. Пиарас рано или поздно получит ответ на этот вопрос. Я просто не хотела, чтобы это произошло сейчас или в ближайшее время.

— Что там еще? — спросил он. Его голос был тих, но тверд. Он не собирался отступать. В душе я была рада.

Я не стала отвечать сразу же. Это было не очень удобно для всех присутствующих, но дало мне возможность подумать.

— Тебе лучше не видеть, что он там написал, — наконец ответила я. — Это продукт извращенного ума садиста, и ты ничего не выиграешь, узнав, что в письме. Я не хочу, чтобы ты даже прикасался к письму. Просто поверь мне разок и не настаивай.

— Там что-то и обо мне?

Я набрала в грудь воздуха и ответила:

— Да.

— Он хочет навредить мне, да? — Пиарас знал ответ на этот вопрос так же хорошо, как Микаэль и я.

— Да, хочет.

— Он хочет, чтобы пришли мы вдвоем, — продолжал он.

— Хочет — не значит, что получит, — ответила я.

— Мы собираемся сделать все, что в наших силах, чтобы ты и Райни остались целы и невредимы, — ответил Микаэль. — И вернуть твою бабушку живой.

Пиарас тщательно взвесил его слова, прежде чем ответить:

— Тогда мне действительно не нужны подробности письма. Но если есть что-то, что я должен знать до полуночи, пожалуйста, скажите мне.

Я была смущена. Это была хорошая смена эмоций.

— До полуночи?

— Когда мы освободим бабушку. Если есть что-то, что мне надо...

— *Мы* ? Нет, нет! Никакого «мы». Ты остаешься здесь!

— Нет, не остаюсь.

— Да! Остаешься!

— На самом деле, Райни, лучше, если он пойдет с нами, — сказал Микаэль.

— Что?

Не могу поверить своим ушам! Если все пройдет хорошо, то через несколько часов я собираюсь Сарада Нукпану просто удавить собственными руками! Но, похоже, мне надо сделать то же самое с Микаэлем Илиесором прямо сейчас!

— Для того чтобы вернуть Сагрэд и противостоять кринсани, у меня будет задействован каждый хранитель, который приехал сюда со мной, — пояснил Микаэль. — Самое безопасное место для Пиараса — быть вместе с нами.

Я не смогла найти изъян в его логике, но это не значит, что я с ним согласна. У меня есть собственные защитные инстинкты, и эти инстинкты хотели взять Пиараса и не отпускать. Моя более практичная сторона знала, что это невозможно. Минимум, я должна была бы позволить ему убить Сарада Нукпану. Но другая часть меня жаждала посадить Пиараса под замок в самом глубоком подвале города или вынудить Фелана немедленно

отправиться с ним в центр ближайшего океана. Притягательно, но вряд ли осуществимо. Да и куда можно спрятать человека от гада, который может прорезать Врата в любом месте, где пожелает.

Поэтому я просто встретила слова Микаэля каменным молчанием. Иногда я ненавижу, когда оказываюсь права, но когда оказывается прав кто-то другой, это просто невыносимо. Особенно если это делает неправой меня. Наверное, неразумно, но я работаю над собой.

Глава 19

Сарад Нукпана хотел, чтобы обмен состоялся в полночь, в разрушенном храме около строений, принадлежащих семье Мал'Салинов. Сагред был в мавзолее, на землях посольства. На первый взгляд, все достаточно просто. Отправиться на маскарад, взять домой один камешек, ворующий души, в качестве сувенира с вечеринки и, пока будем находиться по соседству, умыкнуть Тарсилиу. Просто. Легко!

На практике все гораздо сложнее. Что касается нашего проникновения незамеченными в посольство, в план Микаэля входило переодевание, целью которого, как я предполагала, было сделать нас наименее приметными.

Король Сатрик Мал'Салин выбрал для своего дебюта в Мермейе костюмированный бал. Маски и переодевание я могу понять, с этим приходится примириться. Хотя прогулка в посольство гоблинов в маске вызовет ко мне интерес на любом уровне, а все это тесно связано с задачей моего дальнейшего выживания. А уж причудливый костюм создает для достижения этой цели огромные преграды. Конечно, высокородные гоблины, как и эльфы, охотно хватались за любой шанс привлечь к себе внимание и превзойти друг друга в экстравагантности и изобретательности, но это не означает, что я должна к ним присоединиться.

Микаэль сказал, что должна.

— Так твой план в том, чтобы мы просто прошествовали через парадную дверь? — спросила я.

— Это самый предпочтительный путь, когда у нас есть приглашения.

— Ух! Микаэль, а на тех приглашениях не написаны имена? И вся остальная информация, что ты — официальный представитель Юстиниуса Валериана?

Я заметила, как в его глазах заплясали хитрые искорки.

— Написаны. Вот почему мы их использовать не будем. Один из моих людей на вечере будет выдавать себя за меня.

— А он знает, к кому отправляется в логово? Кроме меня и Пиараса, ты, скорее всего, стоишь следующим в его списке «наиболее подходящих кандидатур на смерть».

— Он знает. Добровольно вызвался сам. Кроме того, его будут сопровождать еще трое моих людей.

— Тогда чьими приглашениями мы воспользуемся?

— В добавление к его гостеприимству, граф любезно позволил мне прикинуться на вечер, будто я это он. Гаврил и я — кузены, поэтому мы внешне довольно похожи. Добавить к этому маску и костюм — и никто не узнает, что это я, а не он. Гаврил, его невеста и четыре гостя получили приглашения. Они собирались из-за этого вернуться сегодня утром, но я отправил им на прошлой неделе письмо относительно состояния дел здесь и спросил, не хотят ли он и его молодая жена продлить медовый месяц на несколько дней. Они решили, что это замечательно.

Я услышала только одно.

— Мы будем выдавать себя за новобрачных?

— Да.

Практически впервые в жизни я не нашла что сказать.

— Новая графиня — из Рины, — ответил он, совершенно не так поняв причину моего беспокойства. — Здесь ее никто никогда не видел, поэтому никто и не узнает, что ты — это

не она.

— Кроме Сарада Нукпаны.

— Ты будешь в маске.

— Но на мне висит амулет.

— Но ты со мной, — ответил он. — И нас будут окружать мои люди.

С этим не поспоришь. На счету Микаэля уже две победы над верховным шаманом.

— Ты и я, вдобавок Пиарас и Гарадин — получается четыре приглашения, — продолжил Микаэль. — Вегард и Ристон возьмут остальные два. Оставшиеся без приглашений мои люди попадут во владения другим способом.

— Сколько людей?

— Все.

А вот это мне понравилось.

Даже если бы Микаэль смог опустошить цитадель хранителей на Миде, я все равно не чувствовала бы себя в безопасности. Хранители могли защитить меня от Сарада Нукпаны, но они ничего не могли поделать с Сагредом. Это был мой личный враг, и, когда мы встретимся, я буду одна, только я и Ловец Душ. Не моя фантазия о забавном свидании.

Это заставило меня припомнить кое-что еще. Принц Чигару Мал'Салин жаждал получить Сагред так же, как жаждал убить своего брата. Когда ненависть так велика, как у Чигару и Сатрика, кому-то от этого только хорошо. Ничто не добавит такой пикантности вечеринке, как потенциальное воссоединение братьев, одержимых мыслью об убийстве друга.

— Думаю, что мы будем не единственные, кто воспользуется чужими приглашениями, — высказала я свое предположение Микаэлю. — Сомневаюсь, что принц Чигару, будучи в городе, не примет участия в этом мероприятии. Он, кажется, думает о любой возможности сомкнуть руки на горле старшего брата.

— Не удивлюсь, если он окажется там.

И я не удивлюсь. У него есть здесь прямой интерес. Что тут удивительного? Ничего.

— Хотя для отвлечения внимания нет ничего лучше, чем попытка убийства на виду у всех, — раздался голос Гарадина, который теперь стоял в дверном проеме. Он сделал пару шагов в комнату и медленно покрутился, как на подиуме. — Ну, как?

Мой крестный выглядел так, как будто только что вышел из тронной комнаты небянского паши. Его длинная сапфировая шелковая туника струилась поверх таких же брюк. Обе части костюма украшены серебристой вышивкой. Туника была застегнута спереди до самого низа шикарными пуговицами из серебра с жемчугом. На голове у него был намотан шелковый тюрбан, закрепленный спереди драгоценной булавкой. Перебор, но в целом со вкусом и замечательно подходит Гарадину.

Мне бы хотелось, чтобы я сказала то же самое о выбранном для меня наряде. Когда я говорю «о выбранном», это не означает, что выбранном мною. Я бы никогда даже не посмотрела на нелепый бронзовый бархат, пенгорианский шелк цвета слоновой кости, золотую вышивку и драгоценные камни, которые рассыпались по всему креслу рядом со мной — то ли мой первый, то ли последний выбор. Микаэль выбирал наши костюмы лично. Я твердо знаю, что могу доверить паладину хранителей свою жизнь, а теперь могу к этому добавить, что ни в коем случае не доверю ему свой гардероб. Поскольку Микаэль сказал, что маскарадный костюм нужен, я согласна, но только до определенной степени. У меня хоть как-то должна быть видна фигура!

— Могу я хотя бы надеть что-нибудь черное?

— Нет, — решительно отверг он.

— Почему нет?

— Об этом сказано в приглашении, и нельзя брать с собой никакого оружия. В черном будут только гвардейцы Мал'Салина и слуги. Ни один гость не будет в черном, чтобы не возникло неловкой ситуации или недоразумения. Относительно оружия... мы с собой возьмем, но оно не должно быть заметно.

Я не хотела еще одной стычки с приближенными Мал'Салина, поэтому предпочла бы слиться с окружающей обстановкой. А такое платье гарантированно не сделает меня незаметной, я, будучи в центре внимания, нарвусь на неприятности.

Костюмированные балы были основным занятием высшего сословия в Мермейе, поэтому сундуки и громадные шкафы графского дворца ломились от изобилия вещей, в которые Микаэль считал нужным пышно облачиться на вечер.

Я снова посмотрела на костюм. Судя по украшенной перьями маске и золотому загнутому вниз клюву, я должна была быть ястребом. Это был худший вариант из всех, кем я могла бы быть, и хищная птица странным образом подходила для того, что нам предстоит сделать сегодня вечером.

Волнообразная юбка и короткий шлейф были из бархата бронзового цвета с замысловатыми перьями-вставками, старательно украшены золотой вышивкой и разбросанными по всей ткани крошечными сверкающими драгоценными камнями. Спереди был разрез, чтобы было видно нижнюю юбку пенгорианского шелка цвета слоновой кости, с чем отлично сочетались бриллианты. Узкие рукава были тоже цвета слоновой кости с украшенными вышивкой бронзовыми бархатными нарукавниками, притачанными к плечам и спадающими на пол, как бы изображая крылья. Кожаный корсаж, и тоже цвета слоновой кости, искусно обработан золотом, и казалось, будто на нем множество маленьких перышек. Я одобрила кожу и даже корсет, который мне надо надеть под платье. Мне будет неудобно, но, по крайней мере, у меня будет хоть какая-то защита от острых стальных предметов, которые могут неожиданно вонзиться в меня в ночи.

Несмотря на то, что, должна признать, наряд замечательный, он не соответствовал никаким моим планам на этот вечер. Например, я любила дышать свободно. А между корсетом и лифом платья с низким вырезом единственное, чего не доставало, — воздуха. Второе: мои ноги должны быть свободны для деятельности, продлевающей жизнь, такой как сражаться и бегать, — ничего этого я не смогу сделать в таком костюме. И при этом бронзовые нарукавники почти подметали землю. Первый намек на неприятности — и с такими рукавами влипнешь в историю. Единственное, что я могу сделать, это разрезать шнуровку на корсаже, если мне понадобится больше воздуха, и поднять юбки, если надо будет от чего-нибудь или кого-нибудь убежать.

Уступая, я вздохнула. Микаэль воспринял это как «да».

— Сарад Нукпана знает, что я женщина, — это была моя последняя линия защиты, но я воспользуюсь ею. — Вот кого он будет искать. Неужели я не могу хотя бы надеть брюки?

— Там будет очень много женщин в самых разнообразных одеяниях, — уверил меня Микаэль.

— И, возможно, даже раздетых, — добавил Гарадин. — Я слышал, небианцы отправляют делегацию с сыном паши. Он взял с собой не меньше десяти жен. Не могу представить, чтобы они сегодня вечером остались сидеть дома.

— И молодая супруга графа вряд ли наденет брюки для первого публичного появления в своем новом городе, который станет ей домом, — добавил Микаэль. — Поверь мне, ты не привлечешь чрезмерного внимания. Пока, конечно, не выкинешь чего-нибудь эдакого.

— Я покажу себя с самой лучшей стороны, — пообещала я. Подобно тому, как у меня была возможность выбора платья.

Почему-то мне показалось, что он мне не поверил.

Вдобавок к маске была еще и шляпа. Я подняла бронзовое бархатное сооружение с нагромождением перьев. Думаю, предполагалось, что это будет похоже на головной убор какой-нибудь модницы, надевающей шляпку на охоту. Я не хотела думать обо всех птичках, потерявших свое хвостовое оперение вместе с чувством собственного достоинства, чтобы некая благородная госпожа из Мермейи могла пококетничать или просто пойти на грандиозный бал. Я подняла шляпу и посмотрела на Микаэля. Пожалуй, я смогу использовать ее как булаву, если начнется потасовка.

— Надо тебе как-нибудь прикрыть волосы, даже если ты поднимешь шляпу, — сказал

он. — У тебя необычный цвет волос.

Микаэль Илиесор. Паладин хранителей, духовный регент, мастер-заклинатель, консультант по моде.

Я изобразила легкую усмешку. Не собираюсь признавать поражение. Еще не время. У меня идея. Она не позволит мне не ходить на бал, но даст возможность не надевать этот костюм.

— А как же быть с амулетом?

— А что с ним такое?

— Он на цепочке. Это одеяние имеет низкий вырез, — я снова бросила взгляд на одеяние и сдержалась. — Очень низкий вырез. Все увидят эту цепочку. Кому-нибудь захочется узнать, что на ней висит. Плюс цепочка серебряная, а все драгоценные камни на этом одеянии оправлены в золото. Это сделает цепочку еще более заметной. Хуже серебряной цепочки на королевском балу только серебряная цепочка, не подходящая к наряду.

Микаэль не оценил мою усмешку, он в ответ глупо улыбнулся — на его ладони раскачивалась увесистая нитка сверкающих бриллиантов.

Я прикусила язык, чтобы не произнести словечко, которое не может присутствовать в лексиконе настоящей леди. Бенарес внутри меня охнула и потянулась за ниткой. Может, одеяние не такое уж и плохое, в конце-то концов?!

Я отдернула руку.

— Но я же не могу снять с себя амулет.

Микаэль подошел ко мне и встал сзади, с бриллиантами в руках.

— А вам и не надо его снимать. Можно?

Закрутив волосы жгутом, я подняла их, оголив шею. Не знаю, что он делал, но, похоже, это касалось бриллиантов, я столько вряд ли видела за всю свою жизнь. Я решила дать ему свободу действий.

— Вытащи амулет из-под рубахи, — сказал он.

Я выполнила.

— Одной рукой держи его у груди, а другой сними цепочку.

Я повернула к нему голову и посмотрела.

— Ты уверен?

— Да. Все будет замечательно.

— Я не беспокоюсь об амулете; я беспокоюсь о себе.

Он снова озорно улыбнулся, как мальчишка. Неотразимо.

— Просто сделай.

Я прижала к груди амулет одной рукой, а другой вытянула через расположенное сверху металлическое ушко цепочку. Микаэль сзади подал конец сверкающей нитки. Я ее вдела в колечко амулета. Может, это всего лишь игра моего воображения, но мне показалось, что счастливое урчание амулета стало еще радостнее. Похоже, я здесь не единственная, кто обожает бриллианты.

Микаэль застегнул замочек, его руки тепло коснулись моей шеи. Это вызвало даже более приятные ощущения, чем внушительный вес нитки с драгоценностями. Я засунула обратно под рубаху амулет и медленно провела рукой по бриллиантам. Бал-маскарад обещает быть не таким уж и плохим!

Пиарас не скупился на возмущенные замечания по поводу своего костюма. Микаэль предложил замену. Один из его хранителей был примерно того же роста и телосложения, что и Пиарас, и в костюме мог пройти как заклинатель, пока не станет слишком поздно для Нукпаны как-то реагировать, если он обнаружит обман. Пиарас не настаивал на чтении письма, но здесь был непреклонен. Он сказал, что гоблины мгновенно обнаружат подмену, а он не хочет подвергать опасности свою бабушку, лишний раз раздражая верховного шамана. Я согласилась с его рассуждениями, но мне не хотелось подпускать его к Нукпане ближе чем на сто миль. Пиарас сказал, что готов пойти на риск. Все будут рисковать своими жизнями, и

он не будет исключением.

Открылась дверь. Мы все обернулись посмотреть.

Это был шести футов роста павлин.

— Скажите, что вы шутите, сэр, — обратился к Микаэлю павлин.

Голос принадлежал Пиарасу, но больше мы не нашли ничего знакомого. От изумления я смотрела разинув рот. Второй раз за вечер. Микаэль и Гарадин были просто ошеломлены.

Пиарас был одет в золотисто-коричневое, энергично синее и переливающееся изумрудно-зеленое. Его короткий камзол из роскошного синего бархата был украшен по краю тонкой серебряной вышивкой, представляющей собой павлиньи перья, и темными драгоценными камнями в центре каждого так называемого «глаза» пера. Плащ был, естественно, из голубого шелка, полностью покрытого настоящими перьями павлина. Стиль плаща предполагал наличие перевязи в виде серебряного шнура — под рукой и над противоположным плечом — для поединка на шпагах. Конечно, из-за требования короля шпагу Пиарас прицепить не мог. Брюки гармонировали золотисто-коричневой замшей с соответствующими ботинками. Серебряная маска была украшена сапфирами и изумрудной эмалью и большим количеством перьев, которые закручивались, маскируя темные кудри Пиараса.

Пожалуй, костюм максимально не соответствовал действительности, но оба — и костюм и молодой заклинатель-эльф — выглядели потрясающе.

Промолчать я не могла.

— Теперь ты можешь мне сказать, что *это* не привлечет внимания.

У Микаэля был такой вид, как будто он пересматривал заново свой великий план — или по крайней мере ту часть, которая отводилась Пиарасу.

Победа! Да. В этом смысле я получила то, что хотела.

Бал-маскарад у короля гоблинов был разрекламирован как важное общественно-политическое событие. Назовите меня пессимисткой, но мне ничего не приходит в голову, кроме мысли, что это как открытие охотничьего сезона, со мной в качестве добычи, доставленной — разделанной и со скрученными крылышками за спиной — к парадной двери охотника.

Амулет, похоже, считал, что ситуация складывается таким образом, что он приближается к желанной цели. Во всяком случае, именно такое у меня сложилось впечатление. Тяжело поверить, что прошло всего лишь три ночи с того момента, как Квентин стащил амулет и отдал его мне на хранение. С тех пор амулет был или абсолютно молчалив, или дергался так, как будто хотел проделать дыру в моей груди. После того как он занял достойное место среди украшений из графских запасов, амулет нежно мурлыкал, подстраиваясь под мой сердечный ритм. Приятно знать, что хоть один из нас был рад исполнить свое предназначение.

Чтобы помочь движению гондол по воде каналов и предотвратить вспышки скандалов, которые могут возникнуть из-за пробок или столкновения культур, классов или магии, мэр Мермейи приказал всем служащим городских органов правопорядка нести караульную службу на воде. Я знала, они не любили это. Они были сердиты, они были вооружены, и, самое важное, на каждом водном перекрестке их было по пятеро. И на каждого приходилось по несколько аристократов, собравшихся в этом городе на маленькую вечеринку Сатрика, — аристократов, которые считали, что имеют право ходить где им вздумается, когда им вздумается и никому не отчитываться, зачем и куда они идут.

Наши лучшие городские дозорные находились на посту, чтобы именно этого и не допустить.

Пенгорианский аристократ направлялся в искусно украшенной резьбой позолоченной гондоле в сторону нашего порта и стал решительно требовать, чтобы меньшее по размеру судно уступило ему дорогу. Может быть, дело ограничилось бы предупреждением, но, когда негодующий пенгорианец начал пронзительно орать о своих привилегиях в этом и любом

другом городе, караульный ничего не сказал и быстро начал выписывать ему квитанцию о нарушении правил дорожного движения на воде. Мы уже сворачивали за угол башни с колоколом, а до нас продолжали доноситься визгливые протесты этого аристократа.

Это приятно согрело мне сердце.

Что устраивало меня гораздо меньше, так это бортовая качка, более сильная, чем при обычном движении на каналах. Мой привычный — и совершенно рациональный, могу добавить, — страх утонуть не шел ни в какое сравнение с испытываемым сейчас дискомфортом. Я пыталась сфокусироваться на неподвижных зданиях, стоявших далеко впереди нас, и не обращать внимания на слишком быстро бегущие рядом волны. Мои глаза поверили обману. А вот желудок не попался на удочку.

Граф, вдобавок к тому, что мы воспользовались его домом и приглашениями, предоставил Микаэлю право пользоваться своими гондолами. К счастью, не такими экстравагантными, как большинство плывущих дворцов, пытающихся проложить себе путь к посольству и в то же время не опрокинуться. Графские гондолы были выполнены в строгом стиле и выглядели очень элегантно. Отличительные знаки на одежде хранителей и ее цвета — голубой с белым — говорили о принадлежности к дому графа. В одной гондоле сидели Пиарас и я с Микаэлем. Другая, с Гарадином и Вегардом, выглядевшими несчастными в своих взятых на время пышных убранствах, плыла по правому борту от нас. В обеих лодках роль гребцов исполняли хранители — полный комплект.

Оружие было под запретом, и любой, кто игнорировал королевский указ, в посольство не допускался. Нам всем нужно было попасть внутрь, поэтому мы играли по правилам — ради своей цели. Но тщательно продуманный костюм позволял замаскировать небольшой клинок, или два, или три... или четыре, или еще больше — в моем случае. Я была увешана достаточным количеством оружия, чтобы чувствовать себя очень комфортно, учитывая сложившиеся обстоятельства. И думаю, что Пиарас был вооружен не хуже меня. Проблема в другом: я уверена, что большинство гостей короля Сатрика поступили точно так же, как и мы. Поэтому, если Сатрик не захочет вышвырнуть большинство своих гостей, ему придется пойти на маленькие уступки.

Пиарас и я были в масках и в накинутых поверх костюмов темных плащах с капюшонами. Микаэль предположил — и Гарадин согласился, — что среди большого количества присутствующей на балу знати из семи королевств костюм Пиараса почти совсем не будет выделяться. Кроме того, это был единственный костюм в гардеробе графа, который ему подходил. Я заняла позицию «поживем — увидим». Должна признать, что это единственный раз, когда мне не хотелось, чтобы я потом сказала: «А я тебе говорила...» Тем не менее в качестве особой меры предосторожности Микаэль попросил нас сесть в той секции гондолы, около кормы, где мы были наименее заметны. Никто и не возражал.

— Райни? — отважился Пиарас со своего роскошного сиденья рядом со мной.

— Да?

Я не могла видеть его лицо, да мне и не надо. Лишь услышав, как он произнес мое имя, я поняла, что он, скорее всего, выглядел испуганным — его выдавал голос. Я же извивалась в своем корсаже в тщетной попытке вдохнуть полной грудью. Если я выглядела так же стесненно, как чувствовала себя, мы были два сапога пара.

— Далеко еще?

Судя по его голосу, ему не хотелось быть ближе. Единственное место, где он желал оказаться, — это дом. Я бы тоже предпочла находиться там. Местечко под моей кроватью казалось сейчас чудесным и уютным. Пиарас никогда не был в сердце квартала гоблинов. И не собирался туда идти, даже на спор, подзадориваемый своими друзьями. И если уж на то пошло, не факт, что его друзья или другие эльфы сами туда ходили.

— Мы почти прибыли. — Я потянулась и взяла его за руку. Наши пальцы сплелись, и он не отпускал меня. Да я и не пыталась высвободиться.

— Тебе страшно? — тихо прошептал он.

— Да. — Надо быть семь раз сумасшедшим, чтобы не бояться места, куда мы

направляемся, и того, кто нас там ждет. А у меня есть суперпричина бояться того, что могут устроить гоблины-психи. К тому же я имею прямое отношение к Ловцу Душ и сейчас приближаюсь к нему.

Похоже, Пиарас знал, о чем я думаю, и обнадеживающе сжал мои пальцы.

— Все будет хорошо. Мы тебя не бросим. Мы с тобой.

Мысль утешительная, если не обращать внимания на сверлящий страх, что друзьям, находясь где-нибудь рядом со мной, было настолько далеко от «все будет хорошо», насколько возможно представить.

Хранители направили гондолу за угол башни с часами, которая являлась своеобразным знаком, обозначающим границу квартала гоблинов. Я всегда считала, что у башни устрашающий вид. И обычной-то ночью, глядя на нее, мурашки по коже бегали. А сегодня она внушала одновременно страх, робость и приличную долю ужаса. Может быть, виной этому всего лишь предыдущие события, хотя вполне вероятно, что именно на такой эффект и рассчитывала семейка Мал'Салинов. Не сомневаюсь, Сарад Нукпана приложил руку к организации вечеринки именно в таких декорациях, встречающих гостей короля Сатрика, которые проделали свой путь по каналу Великого герцога, протекающему мимо ступенек посольства гоблинов.

Здания в квартале гоблинов были из клинообразного камня и мерцающего мрамора — и все были мрачные и построены настолько внушительными, насколько возможно. Во всяком случае, я именно так воспринимаю архитектуру гоблинов. Но, как известно, гоблины считают, что это уютно и по-домашнему. Изящные прутья чугунных ворот были хитро переплетены, и верхушки большинства из них, если не всех, венчались заостренными наконечниками. Уличные фонари мерцали тусклым голубым светом. Считалось, что такое освещение было комфортным для чувствительных глаз гоблинов. Возможно, но, по моему мнению, гоблины поступают так, чтобы лишить мужества визитеров. Срабатывает. Я определенно прибыла сюда не для того, чтобы ждать окончания вечера.

Вероятно, тот, кто планировал этот праздник у короля гоблинов, постарался произвести сегодня ночью максимальный эффект. По обеим сторонам канала через регулярные интервалы тянулись запертые в клетки фонари, смонтированные на высоких остроконечных металлических столбах. Фонари испускали яркое голубое сияние, легко освещая два фута в высоту. Длинные тени, тянущиеся от этих фонарей, создавали впечатление, что над каналом — и над гондолами гостей, плывущих по каналу, — парили здания угрожающих размеров. На таких же столбах развешались кроваво-черные стяги цветов дома Мал'Салинов. Между флагами сверкали щитки шириной с растопыренную пятерню. Щитки были богато украшены геральдическими символами семьи, которые Пиарас и я слишком хорошо знали, — две змеи, увенчанные короной. Украшения были инкрустированы красной эмалью, которая светилась сама по себе. В свете фонарей змеи на украшениях, казалось, сплелись вокруг мечей.

Далее гостей приветствовали королевские гвардейцы в полном боевом снаряжении, вытянувшиеся по стойке смирно по обеим сторонам канала на расстоянии около двадцати футов друг от друга. Вдобавок к обычным загнутым кинжалам и саблям каждый держал тонкое копьё со смертоносным крюкообразным лезвием на верхушке.

Рука Пиараса начала потеть. А может быть, моя.

— Не очень хорошая идея, — произнес Пиарас через стиснутые зубы.

— Идея как идея. Ничего плохого. — Я попыталась переубедить его... или себя. — Просто гостеприимная компания.

Я заставляла себя не поддаваться страху. Внешние атрибуты, внушающие этот страх, украшали берега канала, и на всех написано имя Сарада Нукпаны. Вновь он пытался напугать меня так, чтобы я не смогла ему противостоять. Я не позволю ему преуспеть в этом.

Но ничто не мешало ему делать чертовски высококачественную работу.

Ступени посольства гоблинов спускались к самому каналу. Приближаясь к лестнице, ведущие гондолы гребцы направляли свои лодки друг за другом, в одну линию. Когда пассажиры благополучно выбирались на берег, лодки отчаливали, освобождая путь другим

гостям. Я сказала «благополучно», потому что, принимая во внимание как костюмы, так и маски, маневренность и видимость были минимальны для большинства прибывающих участников бала. Далее лакеи-гоблины в ливреях помогали выбраться на берег, но я не собиралась хвататься ни за чьи предложенные мне руки, особенно если эти руки принадлежали тем, кто работал на семью Мал'Салинов. Я скорее рискну неожиданно искупаться. Напрасно я тревожилась. Микаэль выпрыгнул первым и галантно предложил мне свою помощь. И, сделав это, он уже не выпустил мою руку из своей. Принимая во внимание, где мы находились, я не возражала.

Пиарас вышел из гондолы самостоятельно, даже не споткнувшись. Как раз перед тем, как покинуть лодку, он крепко сжал мою руку, потом резко встал, стиснув зубы. Мой маленький братишка взрослеет.

Я посмотрела на стоящего рядом со мной Микаэля — и не могла отвести взгляд. Как же он прекрасен! Такой величественный в пурпуре и золоте древнего пенгорианского рыцаря, туника паладина в виде плетеной кольчуги выглядела почти черной в дрожащем свете фонарей, выющиеся виноградные лозы с листьями чудесно вышиты золотой нитью на мягкой замше. Маска Микаэля тоже была покрыта золотом — идеальное обрамление для таких смелых голубых глаз. Костюм, посольство, бал-маскарад короля. Микаэль принадлежал этому миру. Я — нет.

Он поймал мой взгляд. Я тут же опустила глаза.

Я почувствовала, как он подносит мою руку к своим губам.

— Ты прекрасна, — услышала я его шепот.

Я не нашла, что сказать. Я всегда чувствую себя не в своей тарелке от комплиментов, особенно когда они адресованы мне.

Он улыбнулся и снова поцеловал мне руку, задержавшись чуть дольше, чем положено по этикету, после чего предложил, чтобы я взяла его под руку, и мы прошествовали внутрь.

Чтобы попасть внутрь посольства, все гости должны были подняться по ступеням мимо стоявшей по сторонам королевской охраны, экипированной таким количеством оружия, что своим весом оно спокойно могло поставить на якорь корабль... или потопить его. Похоже, они совсем не чувствовали этой тяжести. При этом они даже не моргали. Жуть! Я уверена, Мал'Салины не одобряли любое проявление слабости. А когда король Мал'Салин выражал неодобрение, летели головы — во всяком случае, я так слышала.

На самых верхних ступенях стояла миниатюрная леди-гоблин. У нее была королевская осанка и одежда из самых изысканных тканей. Где-то я ее уже видела. В свете фонарей ее костюм мерцал и переливался всеми цветами. Ее волосы и лицо были полностью укрыты бледным облаком вуали, струящимся по плечам. Под вуалью, конечно же, маска. Она кончиками пальцев в перчатке взяла под руку гоблина, который был одет шутком, хотя, вероятно, свой искрометный юмор он забыл дома. Гоблин стоял прямо — благодаря хорошей природной осанке или из-за нервного напряжения. Если принять во внимание, где мы находимся, то, наверное, тут сказалось и то и другое. Должно быть, не только я сегодня нервничаю, хотя, думаю, у меня самая важная причина.

Когда он стал ей что-то говорить, она отклонила голову и подняла взгляд на своего сопровождающего.

Я узнала!

Как могла, я приблизила лицо к уху Микаэля. Не очень-то это легко в моей шляпе.

— Пара у двери. Маленькая леди-гоблин...

— Да?

— А'Захра Нуру.

— Ты уверена?

— Конечно.

— Ты знаешь, кто ее сопровождает?

— Нет, но, скорее всего, один из придворных принца. У него слишком маленький рост, чтобы быть принцем.

— Ну что ж, посмотрим, пройдут ли они.

Я не хотела даже случайно приблизиться к ним, как и Микаэль, но положительным в этой встрече было то, что я теперь знала, во что одета примари. Если она будет во дворце, значит обязательно встретится с принцем Чигару. Если избежать на этом вечере присутствия врагов не удалось, то, по крайней мере, я их уже засекла, не дожидаясь, пока заприметят меня.

Примари протянула свое приглашение одному из гвардейцев, стоящих у дверей. Он посмотрел сначала на приглашение, потом на нее. Вернул ей приглашение, и двери открылись. Она сделала шаг к двери, подняла ногу, чтобы шагнуть через порог, но остановилась и оглянулась через плечо. Амулет счастливо вибрировал внутри моего корсажа. Я удержала себя от почти непреодолимого желания прикрыть его рукой. И так понятно, этот жест не принесет ничего хорошего, только привлечет внимание.

А'Захра Нуру немного помедлила — и прошествовала со своим сопровождающим в посольство.

Теперь настала наша очередь.

Охранник махнул нам рукой, приглашая пройти вперед. Микаэль стал спокойно подниматься по лестнице. Пиарас, Гарадин и я пошли следом с Вегардом и Ристоном Киркуодом — темноволосым хранителем, знакомым по встрече в заведении Тэма.

Приглашение было внимательно изучено, потом гвардейцы долго и пристально вглядывались в наши закрытые масками лица, мучая каждого по очереди. Надеюсь, граф Еилде и его политические взгляды не только не создадут нам проблем, но и помогут оказаться в привилегированном положении. Охранник повернулся посоветоваться со старшим по званию. Офицер проверял другое приглашение, и охранник вынужден был ждать, когда тот закончит. Рядом со мной Пиарас задержал дыхание. Когда он так делает, я начинаю беспокоиться и вспоминаю, что ближе — кинжал в корсаже или метательные ножи в потайных карманах моего платья.

Судя по внешнему виду, Микаэля не беспокоило ничто в мире. Он даже начал напевать мелодию, популярную сейчас в восточных королевствах. Да, нервы у него железные! Мало того, что он напевал, он еще и улыбался. Его улыбка была заразительна. Гвардеец ответил легкой улыбкой краешками губ. Он отвернулся от все еще занятого офицера и протянул Микаэлю приглашение.

— Нет необходимости заставлять вас ждать, сэр. В интересах его королевского величества Сатрика Мал'Салина приглашаю вас и ваших гостей. Добро пожаловать. Пожалуйста, входите.

Глава 20

— Значение имеет не песня, а то, как ты ее поешь. Или, в данном случае, как ты ее напеваешь, — объяснял Микаэль пораженному Пиарасу. — Легкая и дружелюбная мелодия вдохновляет на светлые и дружелюбные мысли.

Мне в данный момент было все равно, как он это сделал. Я просто была благодарна ему за это. Я уговаривала себя, что, судя по реакции караульного, ни в пригласительном билете, ни в нас не было ничего такого, чтобы придрататься. Но мой разум не мог повлиять на мое бешено колотившееся сердце, и теперь понадобится некоторое время, чтобы привести сердечный ритм в норму. Пусть я сомневаюсь, пусть не уверена. Называйте это как хотите.

Стоя в очереди в ожидании входа в зал, где будет проходить бал, я не теряла времени и ознакомилась с положением вещей. Очевидно, остальные присутствующие занимались тем же, но я, возможно, была единственной, или по крайней мере одной из немногих, кто осматривался по сторонам на тот случай, если вдруг понадобится быстро смыться. Общая планировка посольства гоблинов была идентичной всем зданиям, где обитали сильные мира сего, расположенным вдоль канала Великого герцога. Первый этаж был предназначен для приема, и находившиеся в нем комнаты не имели почти никакого значения. Мермейя

находилась ниже уровня моря, и ни один благородный вельможа не хотел постоянно спасать фамильные портреты и любимые антикварные кресла двоюродной бабушки Гертруды от частенько затопливающей первый этаж воды.

Мы находились в шикарной приемной с внушительным лестничным маршем, который заканчивался площадкой, расположившейся под массивным окном из цветного стекла, на котором тоже был изображен герб дома Мал'Салинов. Оттуда лестница разделялась на две боковые, поднимавшиеся на третий этаж и в большой зал для балльных танцев. Все гости вокруг нас снимали плащи, укрывавшие их пышные наряды. Пиарас и я оставили свои плащи в гондоле. Мы не собирались уходить тем же путем, каким пришли. Учитывая, как любезно граф предоставил нам все, что нужно для бала-маскарада, будет неприлично с нашей стороны не позаботиться о взятых во временное пользование чужих вещах. По моему мнению, костюмы, которыми мы воспользовались, должны быть возвращены без уродливых следов от оружия, дыр и кровавых пятен.

Освещение в посольстве было довольно тусклым, прежде всего для комфорта гоблинов, хотя света было достаточно, чтобы гости — эльфы и люди — не сталкивались друг с другом. Как и в заведении Тэма, свет больше нес театральный эффект. Этакая игра света с тенью.

Как же это мне не нравится! Ну ни капельки!

Я не параноик, это точно. Но расслабиться не могла, и потому наблюдала и все подмечала. Облаченные в черное гвардейцы и придворные Мал'Салина практически сливались с декорациями и тенью. Они наблюдали за мной, хотя, конечно, я понимала, что они точно так же наблюдали за всеми присутствующими. И то, что официальный цвет для гвардейцев Мал'Салина был черный, не означало, что тут не было бдительных верноподданных, которые болтались среди толпы, облаченные в серебристую паутинку или с бледными крылышками, как у бабочки. Даже не сомневаюсь, что в посольстве были бы даже рады поймать кого-нибудь из тех, кто приносит тревогу и неприятности. И особенно если поймают меня. Хотя Сарад Нукпана не постарался, чтобы нас пригласили на бал, я знаю точно, что он обязательно будет ждать нас здесь.

Гарадин болтался рядом. Вегард все время был за моим правым плечом, но мне, как ни странно, от этого было очень комфортно. Берсеркер со светлыми волосами был вооружен до зубов, но оружием не бряцал. Если на каком-то этапе все выйдет из-под контроля и полетит к чертовой бабушке, то так же легко, как Гарадин обращается с магией, Вегард добудет какое угодно оружие у любого из многочисленной королевской стражи. Мне очень даже нравится его компания.

Я потянулась к Гарадину.

— Как думаешь, если бы Сатрик допустил мысль, что какой-нибудь параноик попытается сегодня вечером воткнуть ему нож между ребер, он бы остался дома?

— Убийства и интриги — естественные вещи для семейства Мал'Салинов, для них это как воздух, — ответил он мне.

— Значит, Сатрик что-то задумал, если рискует сегодня своей жизнью.

Я старалась незаметно отыскать глазами А'Захру Нуру. Принимая во внимание, что мне сужала обзор маска и мешал чудовищной густоты плюмаж на голове, поиск едва различимого объекта был почти невозможен. Но я старалась, я внимательно всматривалась и... и нигде примари не видела. Это и хорошо, и плохо. Я не хотела бы случайно на нее налететь, но я также хотела бы держать того, кто может искать меня, в поле своего зрения. Амулет не помогал. Он просто продолжал счастливо урчать. Я бы с удовольствием разделила его позитивную точку зрения, но мои остальные чувства, навалившиеся на меня, вырисовывали гораздо более тревожную картину... а своим предчувствиям я доверяла гораздо больше. Они мне говорили прямо противоположное, и урчать от удовольствия совсем не было повода.

Я лишь хотела отыскать Сагред до того, как Сарад Нукпана обнаружит меня.

— Ты готова? — раздался низкий голос у моего уха.

От неожиданности я чуть не подпрыгнула, но все-таки смогла удержать обе ноги на полу.

Это был Микаэль.

— Больше так не делай! — предупредила я, когда успокоилось сердце, чуть не выскочившее из горла.

— Идем? — Он предложил мне свою руку.

Я слегка помедлила, а потом положила свою ладонь сверху.

— Итак, веселье начинается.

Пока мы поднимались по черным мраморным ступеням, я молила бога, чтобы мы не привлекли к себе слишком большого внимания. Считалось, что мы — граф Еилде и его молодая жена — только что вернулись домой после венчания и медового месяца в Рине. Компанию составляли якобы ее младший брат Тамас, его гувернер и парочка охранников. К счастью, не только мы представляли собой подобную группу. Мне кажется, когда твои гости — аристократы из разных королевств, то большинство их сопровождающих будут чувствовать себя нелепо в непривычно пышном убранстве. Сегодня именно тот случай: Вегард и Ристон выглядели нелепо, а украшенные вышивкой огромные воротники костюмов доставляли им мучения.

На лестничной площадке я заметила не занятую змеиным гербом часть окна — там было прозрачное стекло. Это дало мне отличную возможность окинуть взглядом сады за посольством. Луна шла на убыль, но света давала вполне достаточно. За деревьями виднелась каменная стена примерно в рост человека высотой.

Микаэль приостановился.

— Вон то — внешняя стена разрушенного храма. Мавзолей в центре.

У меня на груди амулет монотонно то ли напевал, то ли урчал, как будто чувствовал приближающуюся встречу после долгой разлуки. К его счастью добавились легкий трепет и волнение. В результате его эмоции передались моему желудку, хотя ему не с чего трепетать ни от волнения, ни от счастья. Одна моя рука самопроизвольно потянулась к солнечному сплетению. Другая — к животу. Волна тошноты — только это не остаточные явления после путешествия на гондоле.

— Окнус был прав. Это то, что нам нужно.

Микаэль тоже был прав. Было много разодетых в пух и прах леди, чтобы составить мне компанию. По сравнению с ними мой наряд выглядел простеньким и незамысловатым. Это были гости, ожидающие в коридоре, когда объявят об их прибытии.

Это порождало, по моему мнению, другую проблему.

Дело в том, что протокол требовал, чтобы перед вступлением в зал для бальных танцев наши имена были объявлены присутствующим. В это время все взгляды будут направлены на нас — и большинство из них далеко не дружелюбные. В зале наверняка есть гоблины, которые две ночи назад видели меня и Пиараса. Прошло не так уж много времени, чтобы мы стерлись из их памяти.

Я в маске, при шляпе, облачена в груды бархата и шелка.

А ощущение такое, будто я голая, как в первый день своего появления на свет.

— Объявлять обязательно? — прошипела я Микаэлю.

— Обязательно. Если ты хочешь выйти в сад.

Так и думала, что он ответит мне нечто подобное.

— Мне показалось, что ты не захочешь привлекать внимание, — напредила я ему.

— Не совсем так, — пояснил он. — Войти без объявления персоны будет в высшей степени невежливо и грубо по отношению к хозяевам и присутствующим. Это только вызовет нежелательный интерес.

— Невежливо и грубо — это не ко мне.

Микаэль предпочел промолчать. Мудро с его стороны.

Мы сделали шаг вперед, встав на пороге.

Как только стали объявлять наши имена, все повернули головы и посмотрели на нас... И почему-то продолжали смотреть...

Я почувствовала себя мышью в комнате, полной голодных котов.

Зал для балльных танцев, с окнами от пола до потолка, открывающими панораму садов и позади них ярко освещенный порт, полностью занимал заднюю часть посольства. У причала стояло много кораблей, и в свете луны они производили грандиозное впечатление. Полагаю, одно из преимуществ быть богачом хотя бы в том, что можно наслаждаться видом гавани без звуков и запахов, присущих реальному порту.

Пиарас стоял рядом со мной и любовался кружащимися в танце гостями, поражающими воображение яркостью и разнообразием нарядов. У него отвисла челюсть. Я пальцем подцепила его подбородок и потянула наверх. Закрыла ему рот.

— Прошу прощения, — смутился он.

— Чудесный вид, — ответила я. — Наслаждайся, пока можешь; мы здесь будем недолго.

— Хорошо.

Пока Пиарас услаждал зрение, я заметила нескольких леди благородного происхождения обеих рас — гоблинов и эльфов, — которые явно положили глаз на Пиараса. Я смерила их взглядом: ладно, третий сорт не брак, можно потерпеть... Я знала, как только отойду, они все накинута на бедного мальчика. По моему мнению, такая компания ему совсем ни к чему, а на балу быть в окружении людей Мал'Салина не нужно и подавно.

С южной стороны зала находились не только окна. Были там и стеклянные двери, открывающиеся на террасу. Оттуда ступеньки вели вниз, в декоративные сады, и дальше — к мавзолею. Сегодня двери были открыты, чтобы впустить ночную прохладу, но никто не выходил на террасу, чтобы насладиться свежим воздухом. Тут снова во главе стоял уродливый протокол — правила дипломатического этикета. Пока король не соизволит выйти к гостям, все должны оставаться в зале для балльных танцев. И, будучи теперь знакома с гоблинским чувством драматизма, я уверена, что Сатрик Мал'Салин дожидается, пока не соберутся все, чтобы своим появлением произвести максимальный эффект. В таком случае наше ожидание затянется. Тем не менее не вижу смысла, зачем Сатрику морозить свои пятки где-нибудь в передней приемной до полуночи. Знаю одно: если меня с риском для жизни заставили прийти на эту вечеринку, уж я повеселюсь.

Как только король совершит выход, молодой графской жене вдруг отчаянно понадобится глоток свежего воздуха. Она родом из провинции, это ее первое путешествие в ее новый дом, и она, понятное дело, будет потрясена и взволнована всем этим пышным великолепием. А в связи с тем, что это эльфийская леди знатного происхождения, ей вряд ли позволительно бродить в одиночестве в саду. Кроме того, там много деревьев и пышных высоких кустов. Без сомнения, высшее общество рассматривает такое близкое соседство к зеленым насаждениям как угрозу добродетели знатной леди, даже замужней.

Оказавшись в тени деревьев сада, мы избавимся от любопытных гвардейцев и поспешим по своему делу. По крайней мере, таков план. Я заняла позицию ожидания и наблюдения. Это как раз не было частью плана, но здесь все могло неожиданно измениться.

На возвышающейся с противоположной стороны зала сцене располагался приглашенный на вечер небольшой оркестр. Произведения, которые исполняли музыканты, были явно гоблинского происхождения — преобладало тяжелое, драматичное и слегка диссонирующее звучание. Высокий стройный гоблин пересек сцену и встал перед музыкантами. На нем была простая маска, однотонный костюм сшит из темно-синего бархата, а блестящие черные волосы стянуты на затылке лишь серебряной заколкой. Он запел — сначала без аккомпанемента, затем ему стали тихонько подыгрывать музыканты. Его голос был таким же богатым и откровенно чарующим, как и подчеркивающий достоинства его фигуры бархат, в который он был облачен.

Рахимат. Племянник Тэма... и заклинитель принца Чигару.

— Это тот, о ком я подумал? — спросил Пиарас шепотом.

- Не могу представить никого другого.
- Но он же работает на принца.
- Он также и заклинатель. Наш пострел везде поспел.
- Пиарас внимательно на меня посмотрел.
- Ты ничему не веришь, не так ли?
- Ни на минуту.

Не знаю, что задумал принц Чигару, приведя своего заклинателя на праздник к брату. В комнате было полно кринсани. Если заклинатель попытается смодулировать голосом, что воспримут как угрозу, его выступление тут же закончится... как и его жизнь. Или, скорее всего, он на самом деле на принца не работал. Гоблины далеко вперед продвинулись в том, что они называли замысловатыми альянсами. Я это считаю двурушничеством, но они дали этому явлению более пристойное имя. Судя по рассказам Тэма, это было любимое времяпровождение при дворе гоблинов.

- Пиарас не отводил взгляда от сцены.
- Он что-то делает.
- Что?
- Точно не знаю. Это едва уловимо.

Я тоже это ощущала. Уверена, что другие присутствующие, кто чувствителен к такого рода вещам, тоже заметили нечто необычное, но никто явно не обратил на это ни малейшего внимания. Разговоры прекратились, так что голос заклинателя был теперь четко слышен. Может быть, малышу просто надоело, что его никто не слушает. Может, и так.

Гарадин быстренько обошел зал для балльных танцев и теперь прокладывал дорогу ко мне.

- Принц Чигару повсюду расставил своих людей, — сообщила я ему.
- Где? — Он был спокоен, чего я не могла сказать о себе.
- Заклинатель, например. Он был в особняке в Руинах той ночью. — Я решила опустить незначительную детальку, чей Рахимат племянник. Гарадин и так терпеть не мог Тэма, зачем же подливать масла в огонь...
- Потом примари и ее эскорт, — добавила я, — вместе с гоблинами, которые не одеты в черное... любой из которых может оказаться или союзником брата, или еще выше... тоже ничего хорошего.

— Но это же гоблины-аристократы. — Он махнул рукой в сторону толпы. — Совсем немногие из них способны хоть на что-то хорошее. Как я не раз говорил, ничто их так не бодрит, как убийство. Нас никто не осудит за то, что мы будем искать безопасности в саду. Если здесь начнут круто разворачиваться события, мы можем воспользоваться присутствующими здесь для прикрытия.

Из огня да в полымя.

Рядом со мной появился Микаэль. Меня это сбило с толку. Я даже не заметила, что он куда-то уходил. Я почему-то расстроилась. Такое не должно повториться снова. Гоблин-заклинатель только что допел свою песню, и музыканты заиграли первые ноты любимой мелодии жителей Мермейи, конечно, исказив ее на тяжелый гоблинский лад.

Микаэль протянул мне руку.

— Покажется странным, если граф не будет танцевать со своей молодой женой, — произнес тихо он, чтобы расслышала его только я. — Мне также надо засечь каждого кринсани, присутствующего здесь. Несколько кругов танца вполне хватит.

Я подавила волну паники. Правда, не такую, как в ситуации «жизнь или смерть», а в смысле «умереть от смущения». Вот ирония судьбы! Я находилась в окружении Мал'Салинов, и я боялась танцевать! У меня даже вдруг пересохло в горле.

- Я не танцую.
- Все будет хорошо.
- Нет, правда. Я не танцую.
- Ни одна леди ни одного королевского двора не может быть грациознее тебя. — Он

поднес мою руку к своим губам. — Поверь мне, ты танцуешь. Твои ноги знают, как это делается.

Я взяла его за руку. Но думала совсем не о ногах. Меня беспокоили туфли, из-за которых я могу сделать ложный шаг в танце, и края одежды, в которой могу запутаться и упасть.

— Составлю компанию мастеру Тамасу, — как можно громче произнес Гарадин, чтобы было слышно дворцовому слуге, проходившему мимо. — А вы, дети, идите развлекайтесь.

Микаэль без усилий погрузился в кружение танца и повел меня за собой. Оборки на моей юбке, как я и ожидала, путались у меня под ногами и длинным хвостом волочились за мной следом. На удивление, не прошло и минуты, как они словно исчезли. Учитывая мои нервы и нулевые способности к танцам, произошло маленькое чудо! Чудо ли... А может, просто Микаэль хорошо умел танцевать.

Многим гоблинам было нужно ожерелье, которое обрамляло мою шею, а еще более многочисленная компания жаждала получить и мою голову в придачу. Танцевать рядом с ними не казалось лучшим способом оставаться неприметной. Но, по крайней мере, двигаться было гораздо приятнее, чем сидеть как клуша.

Одну руку Микаэля я чувствовала на своей спине; другой он держал меня за руку. Прижимая меня к себе крепче, он вел меня в танце.

— Райни? — тихонько произнес он.

Я посмотрела на него.

— Да?

— Многим танец доставляет удовольствие.

Ничем не могла ему помочь, только улыбкой.

— Я ужасно танцую, на мне чужая одежда и туфли, а зал полон гоблинов-аристократов. Это настолько же расслабляет, насколько я получаю удовольствие.

Он в ответ улыбнулся.

— Тогда мне просто придется справляться одному.

Сделав один круг танца, Микаэль начал еле слышно подпевать музыке. Это была чуть иная мелодия, немного другого характера и менее диссонирующая. Я на удивление быстро успокоилась.

Я понимала, что он делает, и делает хорошо. Все-таки меня учил сам Гарадин, и я знаю, что музыка сама по себе магия. Королю гоблинов играли лучшие музыканты. Их талант был очевиден, так же, как и магия музыки, витающая в воздухе и окружающая танцующих.

Микаэль воспользовался игрой оркестра как прикрытием собственной музыкальной магии. Тональность была практически той же самой, чтобы хорошо вплестаться в мелодию, но воздействие было другим. Его необычная музыка делала и еще кое-что: определяла присутствие магов. Я уверена, что их тут полно, но Микаэль искал шаманов Кринсани. Лично мне нужен был только один кринсани, о чьем местонахождении я хотела бы знать, но он был слишком искусен и мог спрятаться так, чтобы его нашли только тогда, когда он сам этого захочет.

Песня закончилась, танцевавшие и те, кто просто наслаждался музыкой, учтиво зааплодировали. Я не ощутила трепета, когда звуки замолкли и мы остановились. Оказалось, что возвышение и королевский трон в десяти шагах от нас.

Я также не испытала восторга оттого, что вдруг почувствовала на себе внимательный испытующий взгляд. Думаю, я узнала заинтересованную сторону. К несчастью, их посетила такая же мысль. Это были гоблины. И одеты они были в черную форму придворных Мал'Салина. В форму придворных принца Чигару Мал'Салина. Очень рада, если принц собирается устроить разборку на празднике своего брата. Один шепнул что-то другому, и они оба направились к нам. Думаю, что меня они еще не узнали, но хотели рассмотреть поближе.

Я повернулась к Микаэлю.

— К нам идут, — нараспев и не повышая голоса, предупреждающим тоном произнесла

я.

— Я вижу. — Он держал ситуацию в своих руках... и меня тоже.

Микаэль прижал меня к себе в страстном поцелуе, от которого я забыла о гоблинах, обо всех гостях и уронила веер. Когда я открыла глаза, обнаружилось, что наш поцелуй возымел желанный эффект: гоблины усомнились, что узнали меня. Отличный вариант: выигрывают все, и ничем не приходится жертвовать. Те, кто обратил на нас внимание, благосклонно улыбались, видя любовный пыл молодоженов.

У меня перехватило дыхание. Корсет тоже не способствовал свободному доступу воздуха. Теперь понятно, почему специальные диванчики, на которые падают в обморок, так популярны в высшем обществе. Я рассеянно искала глазами — может, поблизости найдется хоть один такой диванчик... Микаэль нежно обхватил ладонями мое лицо. Его глаза почему-то стали гораздо темнее, чем были раньше, как мне помнилось. Я приоткрыла рот в слабой попытке протестовать.

— Действенный тактический маневр. — Его губы почти соприкасались с моими.

— Значит, вот как хранители это называют, — чуть дыша прошептала я.

Я почувствовала его улыбку.

— Чтобы от чего-то отвлечь внимание, надо переключить его на что-нибудь другое.

— По отношению ко мне это сработало. — А еще лучше это подействовало на придворных Чигару. Очевидно, вмешиваться в интимные отношения молодоженов считалось дурным тоном даже для членов семейки Мал'Салинов. Один из них даже наклонился и поднял мой веер, а потом в замешательстве убежал. Микаэль не выпустил меня из рук — только обнял еще крепче. Я мысленно сказала себе, что он всего лишь остается в образе и это просто другой ценный тактический маневр. Сказать-то сказала, а вот убедить себя не удалось... да я и не думала, что мне удастся согласиться с тем, чему я не верила.

На галерее над нами возникло какое-то движение — тут же трубачи встали, вспыхнув формой в черно-алых тонах. Зазвучали фанфары.

Микаэль почувствовал, что я захотела сделать, и прижал меня к себе. Одной рукой он держал за талию меня, а другой — мою руку. Несомненно, со стороны мы были очень похожи на влюбленную пару. Да, знаю, он прав. Бегство подобно самоубийству. Но его сильные объятия не могли убедить мое тело, и каждый мускул рвался как можно быстрее бежать отсюда прочь. Особенно когда я увидела короля Сатрика Мал'Салина и одинокую фигуру в черной мантии, выступавшую позади него. Кто бы мог подумать, что Сарад Нукпана — любитель балов и вечеринок? Король был без маски. Его одежда представляла собой своего рода униформу в черных и серебряных тонах. Это был его бал-маскарад, поэтому он мог надевать все, что захочет.

Микаэль прижал меня еще крепче.

— Успокойся и прогони все мысли, — раздался прямо у моего уха его шепот. — Ты — графиня Еилде, только что вернулась из свадебного путешествия. Ты безумно счастлива, что выпала такая честь присутствовать здесь.

Безумно — да! Но не счастлива.

Я глубоко вдохнула и стала медленно выдыхать, усердно стараясь расслабиться.

Микаэль легонько притянул меня за талию.

— Дорогая, ты счастлива?

— Быть здесь, — процедила я в тон ему.

— Хорошо.

Король гоблинов и верховный шаман Кринсани замедлили шаг, когда проходили мимо нас, и можно было до них дотронуться, хотя это пришло бы мне в голову в самую последнюю очередь. Когда они приблизились к нам — я задержала дыхание. И я уверена, что я была не одна такая. Иногда я ошибаюсь. Редко, но бывает. Сатрик повернулся и сел на трон, а фигура в мантии обошла его и встала чуть позади, по левую руку. Я посмотрела на тень того, кто скрывал лицо под маской и надвинутым на голову капюшоном.

Но это же не Сарад Нукпана! Не знаю, как я догадалась, но это так.

Я снова стала дышать.

— Это не он, — тихо шепнула я.

Микаэль легонько пожал мою руку, давая знать, что он услышал.

Король начал с приветственной речи к гостям, но я даже не прислушивалась к словам. Почему Сарад Нукпана послал вместо себя другого, поставив его рядом с королем?

Как только я мысленно задала себе этот вопрос, так тут же ответ сложился сам собой. У шамана были более важные вопросы, требующие безотлагательного решения, и весь вечер был распланирован. Камень силы — для безопасности, маг — для пыток. Я снова дрожала от напряжения, от которого только что освободилась. А потом оно сменилось волной страха. Тарсилия. Она обязательно должна быть где-то близко. Что с ней случилось?

Раздались аплодисменты, когда Сатрик закончил приветственную речь, и гости начали занимать места на паркете для следующего танца.

— Тебе нездоровится, сокровище? — спросил Микаэль таким тоном, на какой способен только заботливый молодой человек. — Ты побледнела. Пожалуй, нужно что-нибудь выпить и немного свежего воздуха.

Я напряженно кивнула.

Мы направились в бар, соседствующий с ближайшей дверью в сад. Гарадин, Пиарас и два хранителя были уже в саду. К нам направился высокий элегантный гoblin. Его движения были грациозны, как у большого опасного животного семейства кошачьих.

Тэм.

Выбранный им наряд для сегодняшнего бала был темным зеркальным отражением пышного облачения Микаэля. Гоблин-примару в каждом штришке был графом семейства Мал'Салинов. На нем был замшевый камзол цвета темно-синей ночи со вставками обработанной серой кожи и отшлифованными стальными доспехами под ним. В отличие от большинства «рыцарей», увиденных мной в зале, доспехи Тэма были настоящими. У меня возникло такое чувство, что он этим вечером готовился не к танцам, а к чему-то совсем другому.

— Вы не столкнулись ни с какими трудностями, чтобы попасть сюда? — сразу же спросил Тэм, как только приблизился достаточно, чтобы его слышали только мы, без посторонних ушей.

— Не столкнулись, но ожидали, — ответил Микаэль.

Я не стала уточнять, что ожидала худшего... и, определенно, не ожидала увидеть Тэма здесь.

Тэм перевел свой взгляд на меня, точнее, на мой вырез.

— Красивое платье.

— Спасибо.

— Очень идет, — прошептал он.

— Выбирала не я.

— А кто?

Я кивнула головой в сторону Микаэля.

— Он.

Тэм посмотрел на Микаэля.

— Выбирал ты-ы?

— Я.

Ни один из них не проявил своих эмоций, но в воздухе стала накаляться напряженность. Отлично! Только этого нам не хватало!

— Не ожидала увидеть тебя здесь, — сказала я. — Ты же не жалуешь такого рода компании и все такое.

— Это я попросил, не мог ли он нас вечером подстраховать, — пояснил Микаэль.

— Как?

Тэм наклонился ко мне близко-близко.

— Спасти прекрасную леди от подлых злодеев, — ответил он. Его тихий низкий голос

слышала только я.

Тарсилия. Я вздохнула с облегчением, потом иронично усмехнулась.

— Что? — спросил Тэм.

— Ты знаешь, что не нравишься ей. — Я запнулась. «Из-за меня», — мысленно добавила, но вслух не сказала.

Тэм усмехнулся.

— Знаю.

— Пытаешься заработать дополнительные очки?

— Вряд ли. И скорее всего, это только разозлит подлого злодея. — Он подмигнул. — Я развлекаюсь, когда хочу и где хочу.

В этом был весь Тэм.

Он взял мою руку и галантно поднес к губам. Однако поцелуй продлился гораздо дольше, чем требовали правила этикета.

— Ну, а теперь прошу прощения. Меня ждет другая дама.

— Удачи, — прошептала я. — И спасибо.

— Тебе тоже удачи. — Он взглянул на Микаэля, и они молча обменялись красноречивыми взглядами. Тэм повернулся ко мне, он был мрачен. — Но тебе можно удачи и не желать. Рядом с тобой есть твой смелый рыцарь.

Тут он развернулся и направился в зал, где смешался с танцующей толпой, а потом и вовсе исчез из виду.

Я внезапно снова почувствовала тошноту и головокружение.

— Я могла бы чего-нибудь выпить.

— Как прикажет моя прекрасная леди.

Я села в одно из кресел, расставленных вокруг колонны, а Микаэль направился к бару.

— Грустно, моему брату явно недостает музыкального вкуса, — раздался голос прямо у моего уха, я даже почувствовала дыхание.

Дыхание принца Чигару Мал'Салина.

Я встала, и он тут же схватил меня за руку железной хваткой.

— Я думал, что Рахимат будет приятным дополнением на этом празднике, — спокойно продолжал он, как будто болтал с подругой.

Тут появился Микаэль.

— Ближе не подходи, паладин Илиесор, — тихо произнес принц, предупреждая Микаэля и широко улыбаясь всякому, кто обращал на нас внимание.

Я ощутила у своих ребер острие кинжала.

— Мне нужен только амулет. Госпожа Бенарес меня больше не интересует.

Глава 21

Принц гоблинов и я были в затруднительном положении.

Мы находились в зале, полном гвардейцев Сатрика Мал'Салина. Никто из нас не хотел привлекать к себе внимания. Принц Чигару железной хваткой так держал меня за руку, что никому ничего не было видно. Я могла бы извернуться и высвободиться, но это точно не осталось бы незамеченным. Он бы попытался схватить меня, но и это определенно привлечет внимание. Микаэль был готов к нападению на принца, если тот поведет себя неправильно.

Так мы и стояли — каждый из нас хотел выйти, но никто не брал на себя смелость. По крайней мере сейчас.

Как странно, я за весь вечер впервые действительно успокоилась. Может быть, из-за того, что я уже была в подобной ситуации с принцем раньше и смогла выпутаться. А может, я с облегчением вздохнула из-за того, что произошедшее никак не было связано с Сарадом Нукпаной. Не знаю. Как бы то ни было, мое тело избавилось от напряжения. Принц Чигару почувствовал изменение и еще крепче вдавил острие клинка мне в бок. Меня и это не пронижало. Учитывая все детали моего костюма и корсета, ему легче было бы пролезть в

игольное ушко. Я не удержалась от улыбки.

— Значит, у вас есть план? — спросила я. В моем голосе слышалось веселье.

Мой вопрос и отношение к происходящему его очень удивили.

— Вы отдадите мне амулет, — почти приказал он.

Все-таки определенное преимущество в абсурдно тугом платье есть, да и амулет тоже отказывается расставаться со мной. Я опустила взгляд вниз, просто чтобы убедиться. Не-а, сквозь крошечную расщелину ничего нельзя было увидеть.

Я еле сдержала смех.

— Боюсь, что это невозможно сделать. Физически.

Он крепче сжал мою руку и ждал от меня объяснений, но услышанное не сделало его счастливее.

Он перевел взгляд туда, где бриллиантовое ожерелье исчезало у меня в декольте. Мне совсем не понравился его взгляд. Микаэлю — тоже. Он сделал к нам два шага.

Принц дернул меня к себе.

— Не приближаться!

Микаэль остановился. Его взгляд резко метнулся куда-то за меня, со стороны моего левого плеча. Предположение у меня одно — друзья принца Чигару хотят составить ему компанию. Вегард тоже присоединился к нам — предусмотрительно на расстоянии. Он оставался на месте. Слишком большая компания привлечет внимание, а это нам ни к чему.

— На вас амулет, — произнес Чигару. — Вы его снимете. Сейчас.

— Я уже пыталась делать это раньше, ваше высочество. Если я сниму амулет, я умру.

Он сильнее вдавил клинок.

— То же самое произойдет, если откажетесь.

Я была в его власти.

— Умиряющая дама у вас на руках... Именно так вы хотите привлечь к себе внимание? — Голос Микаэля был спокойным и угрожающим.

От звука его голоса в воздухе закружились вихревые волны магии. Он рискнул пойти на то, что его могли обнаружить. Я тоже пошла на риск, хотя в мои ребра упирался кинжал. Я не собираюсь умирать тихо. Микаэль предназначил бросок магии только для ушей принца, но это не избавило мою спину от пощипывания и мурашек... хотя основной причиной все же были теплое дыхание гоблина и опасная близость его клыков у моего горла, а не голос Микаэля.

Краем глаза я заметила, как рядом с принцем появилась изящная фигура. Мне не было необходимости ее разглядывать, я и так знала, кто это.

— В насилии нет необходимости. — Голос примари А'Захры Нуру прозвучал тихо, но твердо. — Мы можем пойти на компромисс.

Четверо королевских гвардейцев явно нами заинтересовались.

— Но не здесь, — посоветовала она. — В сад, быстро!

Вероятность того, что тебя утащит в кусты принц гоблинов, была одной из причин, почему леди-эльфы боялись выходить в сад. Кто ж знал, что это случится именно со мной?

— Но я могу сейчас просто закричать, и у нас у всех будут неприятности, — предупредила я. — Я не собираюсь умирать, вне зависимости от того, как и где это случится.

Принц Чигару мгновенно отпустил мою руку и схватил меня за талию, крепко прижав к себе. Давление кинжала не уменьшилось.

— Тогда мы все умрем от рук гвардейцев моего брата.

— Ваш брат никогда не видел меня в лицо, — быстро проговорила я, прикрываясь веером. — Нукпаны здесь нет. Никто никогда не видел графиню Еилде. Я в полнейшей безопасности. Чего не могу сказать о вас.

— Тише, вы, оба, — шикнула на нас примари Нуру. — У нас одна общая цель; взаимные угрозы не помогут нам ни в чем. Пожалуйста, давайте уйдем отсюда.

По моему опыту, приглашение выйти поговорить никогда не сулило ничего хорошего. Даже исходящее из уст примари, оно не изменило моего мнения.

Стражники прокладывали к нам путь сквозь плотную толпу гостей, которые считали, что я графиня Еилде, но тогда они будут задавать вопросы, особенно как я оказалась в непосредственной близости от ренегата — принца гоблинов. Одну руку он обвил вокруг моей талии. Свидетелем какой другой сенсации можно стать тут же, не сходя с места? Они не знали, что он принц. Еще не знали. Но требование снять маску тут же может изменить наши статусы. Вопросы или разбирательство означали задержку. Мы не могли себе этого позволить.

— Мы можем вам чем-нибудь помочь? — спросил один из них.

Я прислонилась к груди принца Чигару и стала слабо обмахиваться веером.

— Спасибо, ничем! Теплая ночь и слишком много танцев. — Моя улыбка была болезненной. Для их же блага. — Сильное перевозбуждение.

Гвардеец с любопытством посмотрел на принца. Я не стала дожидаться вопросов.

— Этот джентльмен оказал любезность и остался со мной, пока мой муж не принесет чего-нибудь освежающего. Мы старинные друзья. — Я подняла свою свободную от захвата руку и похлопала принца по щеке.

Я скорее почувствовала, чем услышала тихое рычание недовольства в груди принца. Я поняла намек и тут же опустила руку, но при этом выиграла время.

Микаэль шагнул ближе, оказавшись в зоне видимости — между капитаном гвардейцев и принцем Чигару.

— Кесолианское красное всегда творит чудеса, не так ли, моя любовь?

Я улыбнулась.

— Почти всегда.

Бокал я взяла одной рукой, а другую протянула Микаэлю. Он потянул меня к себе, и принцу Чигару не оставалось ничего другого, как только отпустить меня. Он вложил кинжал в ножны, спрятанные за спиной, — самое мудрое решение с его стороны.

Я жадно сделала большой глоток вина, когда попала в объятия Микаэля.

— Спасибо, дорогой. Теперь мне гораздо лучше.

— Прохладный воздух сада приведет вас в чувство, моя дорогая. — Предложение примари прозвучало как вежливая забота старой тетушки джентльмена.

Я кивнула.

— Думаю, именно это мне и нужно.

Микаэль предложил руку примари Нуру.

— Вы позволите сопроводить вас, моя леди?

К чести примари, она без раздумий подхватила Микаэля под руку. Принц с шипением сделал выдох. Кое-кому не понравилось решение своей наставницы.

Микаэль и я вместе с примари направились на террасу в сопровождении Вегарда и принца Чигару. Четверо его охранников двигались за нами на приличном расстоянии. Двух из них я видела раньше: они были тогда в Руинах. Судя по их убийственным взглядам, направленным в мою сторону, меня они тоже признали. И снова я должна оказаться в саду с гоблинами, которые меня ну очень не любят.

Оказаться на свежем воздухе было гораздо лучше. Если должно совершиться насилие, то не в замкнутом пространстве. Мне еще подняло настроение то, что Гарадин оставил для нас открытой дверь, где стоял совершенно спокойно и с бокалом в руке. Я знала, что все так и есть. Он спокоен, потому что все уже подготовил. Гарадин наложил заклинание, которое удалило всех с террасы. Пиарас и Ристон ждали около каменных ступеней, ведущих вниз, в сад. Пиарас узнал наших новых друзей. Он направился ко мне, но Гарадин предостерегающим жестом его остановил.

— Нам нужно уйти с террасы и разойтись в разные стороны, — сказала я, ни к кому конкретно не обращаясь. — Лучше по парам.

— В центре сада есть беседка, — сказал Микаэль. — Там мы можем уединиться и прийти к единому решению. Остальные могут подождать в пределах видимости и за пределами слышимости в целях безопасности. Так приемлемо?

— Думаю, это ни для кого не приемлемо, — ответила я. — Но прямо сейчас я готова довольствоваться тем, чтобы просто убраться с этой террасы.

При благоприятных обстоятельствах беседа идеально подходила для тихих бесед или для двух любовников, тайком урвавших немного времени друг для друга. К несчастью, ни один из этих вариантов не соответствовал ситуации. Гарадин, Пиарас и два хранителя ждали около маленького розария примерно в десяти шагах от нас. Охранники Чигару были на таком же расстоянии, только с другой стороны.

Шурша одеждой из полупрозрачной газовой ткани, примари присела на одну из каменных скамеек. Принц Чигару встал сзади, справа от нее. Он не спускал с меня своих черных глаз. Я предпочла остаться стоять, чтобы наши взгляды были на одном уровне. В любом случае, так я себя чувствовала более защищенной.

— Вам не следовало приходить сегодня, моя примари, — обратился принц к крошечной леди-гоблину. — Вам находиться здесь небезопасно.

— А тебе безопасно? — парировала она, хотя не без учтивости. — За меня беспокоиться не надо. — Она с любовью похлопала руку принца, лежащую на ее плече. — Госпожа Бенарес согласилась нам помочь?

— Мы как раз подходили к этому вопросу, — ответил принц.

— Может быть, я могла бы помочь.

Подходили к чему? Могла бы помочь? Все это казалось мне странным. Принц говорил таким тоном, как будто только что получил удовольствие от танца, а что касается меня, было такое ощущение, будто мне задавала вопросы чья-то бабушка.

Я выпрямилась, хотя это платье и так не оставляло мне выбора.

— У вас странный способ просить помощи, ваше высочество. — Я повернулась к примари. — Позапрошлой ночью он приказал похитить кое-кого из моих друзей и использовать его в качестве приманки, чтобы поймать меня. Мне же было сказано, что его убьют, если я откажусь сотрудничать. Потом нас связали и против нашей воли доставили в Руины, где ваш дорогой принц угрожал моему другу пыткой, пока я не соглашусь помочь ему отыскать Сагред.

— Подвергались ли вы или ваш друг чрезмерной жестокости или насилию? — спокойно спросил Чигару.

Моему возмущению не было предела! Я услышала, как за моей спиной чуть не задохнулся Пиарас.

— Чрезмерная жестокость? — Мой голос подпрыгнул на пару октав. Я не могла сдержаться. — В отличие от оправданной?

Принц покачал головой.

— Просто необходимость.

— Цель оправдывает средства?

Он почти улыбался.

— Именно. Вы совершенно верно все поняли.

— Нет. Я не согласна!

— Райни, — предостерегающе произнес Микаэль.

Я бросила на него взгляд, потом глубоко вдохнула и выдохнула. Я еще не закончила свою мысль. Но продолжила уже спокойнее:

— Затем... сегодня вечером Его Самое Безмятежное Высочество приставляет мне к боку кинжал и говорит, что, если я ему не помогу, он меня убьет. Может быть, гоблинами угрозы такого характера не воспринимаются всерьез, но эльфы понимают такого рода слова буквально. И я в том числе.

Взгляд, которым примари наградила принца, был таким же, каким Тарсилия посмотрела на Пиараса, когда застала его таскающим булочки перед ужином. Потом миниатюрная леди-гоблин покачала головой и издала какие-то шипяще-свистящие звуки.

— Он изображал злодея в интересах наших людей. — Она попыталась объяснить мне ситуацию. — Его методы могут показаться несколько сомнительными, но его сердце

находится там, где нужно.

Я была поражена: оно у него есть?

— Самое время принести извинения, дорогой, — обратилась примари Нуру к принцу.

Теперь настала его очередь быть шокированным. Нужно признать, делал он это хорошо. У него, должно быть, было много практики.

Он надменно выпрямился.

— За то, что я выполнял свой долг, как принц своего народа? За то, что на меня напали?! — Он бросил на Пиараса уничтожающий взгляд.

Пиарас в ответ глухо зарычал, но Гарадин и два хранителя удержали его, помешав присоединиться к нам.

— За то, что не принял во внимание эмоциональность и чувствительность своих гостей, — услужливо подсказала ему примари Нуру.

Принц Чигару подумал немного. Невзирая на то, как он нас воспринимал — гостями или пленниками. — было ясно, что приносить извинения он не привык. А если и приходилось это делать, то опыта у него явно было маловато. Он посмотрел на меня и принялся кряхтеть, прочищая горло. Потом замолчал и снова подумал. Знала, что ему было нелегко, но, в отличие от примари, мне не хотелось ему помогать. Я была готова ждать столько, сколько понадобится. Я с трудом сдерживала желание скрестить руки и начать постукивать ногой.

Принц снова прочистил горло. На этот раз ему удалось произнести нужные слова.

Когда он начал, это было похоже на извинение. Фразы были правильные и казались почти искренними, но каким-то образом формулировка постепенно менялась. В конце, я думаю, он не считал себя ни в чем виноватым.

— Это он так извинился? — шепотом спросила я Микаэля.

— Может быть, это самое лучшее, что ему удалось сделать. — Я услышала в его голосе смех.

— Мне следует принять?

— Если извинения будут приняты, то это может ускорить дальнейшие переговоры.

Мне тоже надо было поразмышлять, только я справилась с этим гораздо быстрее принца.

— Вы обещаете впредь не пытаться убить или пытать меня или моих друзей? — Я замолчала и снова подумала, после чего продолжила: — Или приказывать кому-либо убить или пытать нас, или выдавать нас любому, кто захочет убить или пытать нас? — Я гордилась последними дополнениями. Думаю, мне удалось понять, как мыслит Мал'Салин.

Ко мне наклонился Микаэль.

— Ты не думаешь, что ведешь себя чрезвычайно легкомысленно?

Мне даже не понадобилось смотреть на Чигару Мал'Салина, чтобы понять это.

— Нет.

К чести принца, он ответил почти мгновенно:

— За исключением предательства со стороны вас или ваших друзей... или еще одного нападения на мою персону, — произнес он, бросив многозначительный взгляд в сторону Пиараса. — Да, даю свое слово.

— Нам следует пожать друг другу руки, не так ли? — уныло поинтересовалась я у Микаэля.

— Это приемлемый способ скрепить договор.

Мне надо было сделать только один шаг, чтобы оказаться в центре беседки. Принцу — два. Незначительная деталь, но я заметила. Потому протянула руку. Он ответил рукопожатием. Я почти удивилась, когда он отпустил пальцы.

— Итак, мы договорились не убивать друг друга, — произнесла я. — Теперь что?

Принц ответил:

— Мы нашли Сагред раньше моего брата и Сарада Нукпаны.

Я моргнула.

— Мы?

Принц сощурился.

— Мы!

— И когда мы...

— Вот в чем мы теперь должны достичь договоренности.

— Есть шансы, что вы с вашими людьми вернетесь в Руины и оставите нас заботиться о себе?

Взгляд принца был тверд.

— Ни в коем случае.

Я пожала плечами.

— Я должна попробовать.

Тут вступил Микаэль:

— Моя обязанность, как паладина хранителей Конклава, всем ясна — вернуть Сагред под охрану, чтобы предотвратить его использование. Кем бы то ни было, — весомо закончил он.

Я не стала вступать с ним в спор.

— Госпожа Бенарес может использовать его самым эффективным способом. — Тон принца перестал быть просто обвиняющим. Я поняла, к чему он клонит.

— Против моей воли, — ответила я. — Меньше всего я хочу иметь какую-либо связь с тем, что известно под именем Ловца Душ. Сарад Нукпана захватил нашу дорогую подругу в заложники. Он хочет амулет и Сагред в обмен на ее освобождение.

Принц разозлился:

— И вы собираетесь все это ему отдать?

— Конечно, нет, — ответила я. — И я не верю ни на секунду, что он на самом деле собирается держать слово. Я здесь сегодня для того, чтобы помочь паладину Илиесору получить Сагред обратно.

А'Захра Нуру буквально не сводила с меня глаз. Теперь ее взгляд был сфокусирован на том месте, где был спрятан за вырезом амулет. В ее взгляде я заметила мягкое удивление, смешанное с облегчением. В ответ на ее внимание амулет задрожал. Я ожидала неминуемого требования.

— У вас есть родственная связь с создателем? — вежливо спросила она.

Это совсем не тот вопрос, который напрашивался. Предложения гоблинов, связанные с амулетом, обычно начинались словом «дай» и заканчивались словами «сейчас же». Теперь я вынуждена признать позитивное изменение.

Микаэль ответил раньше, чем я смогла хоть что-нибудь сказать:

— Это придется выяснять.

Не ложь. Хотя и не совсем правда. Видимо, паладин решил, чем меньше все будут знать историю моей семьи, тем лучше. Учитывая личность того, кто этим интересовался, я согласна.

А'Захра Нуру все еще смотрела на меня.

Глава 22

Только семья Мал'Салинов могла купить дом с мавзолеем в таком саду, который вплотную примыкал к Руинам.

По правде говоря, не могу сказать, что между Руинами и тем, что семья Мал'Салинов называла своим садом, имелась какая-то разница. Даже на расстоянии я смогла разглядеть несколько крошечных светящихся точек, которые подозрительно напоминали огненных фей. Это приводило в замешательство, если не сказать больше. Я посмотрела на Пиараса. На его скулах ходили желваки. Похоже, я была не единственной, кто узнал обитательниц Руин.

Мавзолей находился на небольшом холме, и именно туда хотел попасть амулет, пощипывания которого я ощущала кожей. Мне лучше попасть прямо к Сараду Нукпане, но

амулету нет дела до моего мнения.

Чигару Мал'Салин согласился помочь. Я почти не удивилась. Мы охотились за той самой вещью, из-за которой он совсем недавно собирался пытать и мучить Пиараса. Так что, думаю, моим оправданием может служить приличная доля скептицизма. С другой стороны, у принца Чигару имелся идеальный шанс убить нас сразу, и он им не воспользовался. Этим он совершенно не заслуживает статуса святоши в моем списке, но иногда девушке приходится брать то, что дают.

Я бросила на Микаэля взгляд, полностью выражающий мои внутренние колебания, и получила малозаметный кивок, означающий понимание моих затруднений. По крайней мере, это было осторожно. Вегард и Ристон стояли рядом с принцем и примари Нуру. Четыре охранника принца держались на дистанции, ведя наблюдение. Одно дело, если несколько человек прогуливаются по саду. Но совсем другое — находиться там под охраной подданных Чигару: так мы больше похожи на толпу. А толпа привлекает внимание. Принц с этим согласился. Поскольку он — истинный джентльмен, надеюсь, его хватит надолго, но расслабляться не собираюсь.

Амулет вел себя хорошо, и я возлагала много надежд на такое же его поведение и впредь, как и на принца. Легкое покалывание превратилось в тихое гудение. Маячок давал мне знать, что понимает, куда мы направляемся, очень доволен и ждет не дождется, когда же мы окажемся на месте.

Через несколько минут нас окружили темнота, влажная сырость и смерть. Мне не доставляла никакого удовольствия перспектива посещения мавзолея Мал'Салинов, и я чувствовала бы себя гораздо лучше, если бы больше знала о месте нашего назначения. А еще я чувствовала бы себя лучше, если бы могла снять головной убор. Интересно, как же я войду в тесный мавзолей в такой шляпе?! Прошептав извинения кухне Микаэля, я вытащила шпильки и швырнула шляпу под ближайший куст. Если мне суждено сегодня умереть, то пусть я умру комфортно. Шпильки я выбрасывать не стала и сунула их между корсажем лифа и корсетом. Чем больше у меня острых тонких предметов, тем лучше. Потом я избавилась от шпилек, удерживающих высокую прическу, и мои волосы каскадом рассыпались по плечам. Я подняла взгляд и обнаружила, что все внимание Микаэля было направлено только на меня. Увидев это, я почувствовала себя обнаженной.

— Ваше высочество, сколько членов вашей семьи похоронено в этом мавзолее? — спросила я, пытаюсь переключить внимание на что-нибудь, кроме меня. Я чувствовала, что Микаэль взгляд не отвел. Даже не знаю, что и думать: то ли чувствовать себя польщенной таким интересом к моей персоне, то ли бежать куда подальше.

Принц выглядел озадаченным.

— Ни одного. Вся династия Мал'Салинов погребена в нашей семейной цитадели в Регоре.

Не хотелось спрашивать, но и промолчать тоже не могу.

— Тогда те, кто там лежат...

Он пожал плечами.

— Они достались нам при покупке. Моя прапрабабушка увидела мавзолей и захотела построить рядом с ним дом и разбить сад. Думаю, прежние владельцы принадлежали к древнему роду и в Мермейе жили несколько поколений их предков. Моя семья часто проводила тут летние месяцы. Когда мы были детьми, мы с братом играли в мавзолее между склепами.

Ик! Посмотрев на застывшее выражение лица Пиараса, я подумала, что наши с ним мысли совпадают.

— Склепами? — Я перевела взгляд с принца на Микаэля.

— Да, там, под мавзолеем, целая сеть катакомб, — ответил нам обоим Чигару.

Микаэль ничего не сказал. Я предпочла держать язык за зубами, но вот думать... и все, что я на этот счет подумала, было совсем не лестными мыслями в отношении нашей любезной компашки. Окнус катакомбы не упоминал. Может быть, он и не знал. А может,

слегка хитрил. Как только Микаэль и я смогли поверить, что Окнус сказал нам правду, мы его отпустили. Наверное, его корабль уже на полпути к своей цели. Желаю ему, чтобы он страдал от морской болезни. Хуже мертвых пыльных тел могут быть только мертвые пыльные тела в темном тоннеле. Зато амулет продолжал свое счастливое гудение. В отличие от нас, его не волновали ни Окнус, ни мертвые тела в темном, пыльном или каком-либо другом тоннеле.

Я услышала, как что-то плеснуло и тяжело шлепнулось в грязную воду. Довольно увесистое, и совсем близко.

— В саду есть маленький пруд, — спокойно сказал принц, как будто его фраза смогла что-нибудь прояснить. — Думаю, это змеиный дракон. Вам они известны под названием нокеров. Они предпочитают охотиться ночью.

Высший свет Мермейи предпочитал разводить декоративных рыбок. Действительно, семейка Мал'Салинов совсем из другого теста!

Пиарас был настроен скептически.

— Ваша семья держит нокеров в качестве домашних животных?

— Они сами себя здесь держат, заклинатель. Как руины храма, так и пруд здесь уже был. Довольно странно, но змеиные драконы в нем не водились до тех пор, пока наша семья не обзавелась домом.

Кто сказал, что притягиваются только противоположности?

Мы были одни. Никто вроде бы за нами не следовал. Это одновременно и хорошо, и плохо. Не хотелось бы, чтобы за нами кто-то крался, но все-таки я ожидала какого-то вмешательства. Полнейшее отсутствие противостояния очень щекотало мне нервы и вызывало тревогу. Подготовленное заклинание Гарадина на террасе бледнело по сравнению с тем, что он собирался пустить в ход при первом признаке обнаружения магии кринсани. У меня были ножи, готовые лететь в подходящую цель, но я не хотела по неосторожности потерять хоть один из них, метнув в нечаянно качнувшуюся ветку дерева. Начинать подниматься ветер, поэтому качающихся ветвей становилось все больше и больше. Гвардия моих защитников тоже поднялась, как и крошечные волоски на моем затылке.

Вегард внезапно появился из тени. Я расслабила руку с зажатым в ней метательным ножом.

— Мы на месте и в полной боевой готовности, сэр, — отрапортовал он Микаэлю. — Ферок и Хью обезвредили охрану у внешних стен сада. Было нелегко, но и не так уж трудно. И ни одного сигнала тревоги или караула кринсани. Это их беспокоит.

— Сарад Нукпана занят сегодня другими делами, — ответила примари Нуру. — Он не может тратить свою силу на пустяки.

Я знаю, что в этом примари была права.

— Он желает видеть здесь меня, — пояснила я. — Если вы хотите, чтобы кто-нибудь пришел к вам в дом, оставьте открытой дверь.

— «Добро пожаловать ко мне в гости», — сказал паук мухе, — в тон мне ответил Гарадин.

Я бросила на него взгляд.

— Прости, я не мог сдержаться.

— В следующий раз постарайся сильнее.

Мы приблизились к храму и мавзолею с задней стороны, из-за деревьев, — будем надеяться, вне пределов видимости стражников-гоблинов, обходивших территорию. Хотя я до сих пор не увидела ни одного. С каждой секундой мне это нравилось все меньше и меньше.

Мавзолей был построен из гладкого темного камня и был лишь около тридцати футов в ширину. Я прошла в центр единственной комнаты. Слава богу, все склепы были запечатаны. Я уверена, что саркофаги под нами внизу не будут такими чистыми. Различные титулы и имена, объединенные фамилией Рамсен, были выгравированы на камне, и самая свежая надпись, которую мне удалось увидеть, была сделана больше ста лет назад. Я провела рукой

по темной поверхности стены. Она была прохладной и идеально гладкой. Канал, омывавший Руины, был не более чем в пятидесяти ярдах отсюда, и влаги было в избытке. Интересно, как саркофагам удалось сохраниться в таком виде? Надеюсь, нас здесь не найдут.

— Здесь никого, — полушепотом сказала я. — Хорошо.

— Ты кого-то ждешь? — спросил Гарадин.

— Если парочка гостей захочет уединиться, для них здесь идеальное место.

Гарадин подумал и согласился:

— Пожалуй.

— Здесь? — Пиарас явно был в ужасе.

— Это не моя идея оказаться в такой романтической обстановке, — уверила его я.

Принц оценил обстановку, потом выглянул — посмотреть на луну и пролетающие над головой облака. Его черные глаза блестели в тусклом свете.

— На самом деле, окрестности здесь очень романтичны. — Его голос был низким и почти тоскливым.

Я не знала, то ли он хотел уверить нас, что у него действительно романтические мысли, то ли беспокоился, что у него такие мысли возникли в мавзолее... пока он стоял рядом со мной.

— Не могу поверить, — произнесла примари Нуру, ее голос эхом отскочил от стен. — Как что-либо настолько мощное могло быть спрятано так близко от нас, а мы ничего не знали?

Ей ответил Микаэль:

— Сагред был спрятан примерно девятьсот лет назад, примари Нуру.

— А сколько времени он находится здесь?

— Только хранитель камня знает ответ.

— А он умер много веков назад.

— Очевидно, тут можно поспорить, — вставила я.

Темные глаза примари широко открылись от удивления.

— Так это могло превратить его...

— В очень старого и очень усталого.

Тут заговорил принц:

— Сарад Нукпана знает, что Сагред в Мермейе, но я бы много дал, чтобы увидеть выражение его лица, когда он обнаружит, что целый год медитировал рядом с ним.

— Медитировал? — переспросила я.

— У меня есть агенты, которые служат при дворе моего брата. По их словам, когда верховный шаман в Мермейе, он сидит здесь часами. Он находит окружающую обстановку расслабляющей.

Сарад Нукпана сидит среди трупов ради собственного удовольствия? Почему я не удивлена?

— Райни? — Микаэль смотрел на меня испытующе.

Я глубоко вздохнула. Правильно. Теперь моя очередь. Я сильно волновалась, особенно если принять во внимание, где я находилась, и кто был со мной... и что я искала. Я медленно обошла вокруг мавзолея. Он не был большим, так что времени это много не заняло. Когда мы вошли внутрь, вибрация амулета усилилась, но сигнал не становился сильнее, хотя, если он скоро не прекратится, у меня от тряски, пожалуй, туфли с ног слетят. Смерть царила в окружающих меня стенах мавзолея. Смерть катакомб должна быть под полом, под моими ногами.

Дерьмо.

Я посмотрела на Микаэля и кивнула, указав вниз.

— Думаешь, это там?

Он выглядел почти таким же взволнованным, как и я.

— Время летит быстро, ваше высочество, — обратился Микаэль к Чигару. — Не покажете ли нам вход в катакомбы? Пожалуйста.

У принца было непроницаемое выражение лица.

— Мне будет очень приятно.

— Вам нужно дополнительное освещение? — спросил Микаэль.

Чигару покачал головой.

— Его здесь более чем достаточно.

Принц медленно направился в дальний угол мавзолея и пробежался длинными пальцами по верхнему своду, пока не наткнулся на то, что было похоже на высеченные в камне цветы. Он нажал на некоторые бутоны, послышался слабый щелчок, и под цветами повернулась панель, открывая чернильную темноту.

Гоблин повернулся ко мне и улыбнулся, как будто услышал хорошую шутку.

— Ваши катакомбы, госпожа Бенарес.

Я знаю, по какой причине он мне не нравился.

Я ожидала, что вход в катакомбы должен быть в полу. Мне бы никогда не пришло в голову, что он может быть спрятан в стене. Склепы в мавзолее были поставлены один на крышку другого, по четыре, и полностью скрывали стены. А те, что маскировали вход в катакомбы, были поддельными. Там, где должны лежать четыре мертвых тела, начинались чрезвычайно крутые и узкие ступени, ведущие вниз, в центр холма.

Микаэль протянул вперед руку и стал пристально смотреть на свою ладонь. В центре ее замерцал тонкий жгутик света. Он был не больше светлячка. Он крутился, раздваивался, сплетая полосы света в шар, пока тот не стал размером с кулак и завис над открытой ладонью. Он ровно светил и казался прочным, хотя внутри потрескивал, чем-то напоминая молнию. Он поплыл вниз по ступеням, потом завис в воздухе, ожидая нас.

Микаэль указал, что принцу следует нас проводить.

— После вас, ваше высочество.

Одна элегантная бровь Чигару взметнулась вверх.

— Вы раньше бывали в этих катакомбах, — пояснил Микаэль. — Мы — нет. Остальные проследят за тем, чтобы мы последовали за вами. — Он посмотрел на Гарадина. — Гарадин, может, вы останетесь здесь вместе с примари Нуру? Пиарас, оставайся с Вегардом. Мы ненадолго. Ристон, — обратился он к стоявшему с нами хранителю. — Ты со мной.

— Сэр? — Вегард выглядел нерешительно. Он даже не взглянул на принца. Да в этом и не было необходимости. Микаэль понял.

— Судя по тому, что здесь есть, внизу будет не очень много места, — произнес паладин. — Ристон и его ножи подходят лучше всего. Главное, позаботиться, чтобы выход для нас оставался открыт.

Хранитель-блондин усмехнулся.

— Можете на нас положиться, сэр.

— Я полагаюсь. — Он махнул рукой принцу. — Идем? Принц Чигару стал спускаться вниз. Микаэль и я следом за ним, Ристон — за нами.

Стены поблескивали в тусклом свете магического шара, влага сочилась вниз, пропитывая шероховатый пол и хлюпая под ногами. Воздух был прохладным и сырым. Где-то впереди в темноте вода ручейками стекала в лужу. Я постаралась как можно выше приподнять юбку. Микаэль шел прямо передо мной. Я бросила оценивающий взгляд на то место, что ниже спины. Кроме нашего дыхания не слышно ни одного звука. Сырость раздражала не так сильно, как густой запах гниения... или неожиданная тишина. Не от обитателей — я не ждала от них никаких неприятностей. Я ожидала что-нибудь услышать или ощутить от Сагрета. Вдруг я почувствовала нечто тошнотворное, едва уловимое. Хотя это могло быть от близкого соседства с принцем Мал'Салином и со склепами, в которых в течение многих веков находили свое последнее пристанище поколения семьи Рамсен.

Луч осветил полосы белого налета, которые поблескивали на различной высоте на каменных стенах. Соль. Мое подсознание понимало, что означали эти линии, но мой рациональный ум не хотел на этом останавливаться. Сегодня ночью было столько моментов,

когда мы могли погибнуть, что мне не хотелось добавлять к этому списку еще возможность утонуть. Прилив не начнется за пару-тройку часов, к тому же мы не собираемся оставаться здесь надолго. Знание не помогало. Беспричинный страх все равно не уходил. Я уже многое пережила, и теперь старалась не забивать себе голову новыми кошмарами.

Катакомбы вряд ли могли быть слишком обширными, но я очень на это надеялась. В тусклом свете я смогла разглядеть только один тоннель, без ответвленных ходов. По обеим сторонам вдоль стен тянулись полки с высокими бортами, заполненные пожелтевшими костями. Судя по их количеству, в мир иной отошли не только дорогие и любимые, но и многие другие. Имена и даты были указаны на каждой полке. Многие надписи почти исчезли из-за воды и времени.

— Такое изобилие костей, здесь что, хоронили воров? — заметил Ристон.

Я усмехнулась. Не могла сдержаться. Это могло означать только одно: я была на грани истерики.

— Надеешься, что они уже убрались? — съязвила я.

Хранитель понял меня и подмигнул.

— Ристон, не отвлекайтесь, — спокойно произнес Микаэль.

— Сэр. — Хранитель поправил ремень с метательными кинжалами, чтобы удобнее выхватить в случае чего. Он сгибал пальцы, чтобы согреть их.

Я прошла несколько шагов, и моя тошнота превратилась в волну головокружения. Я почувствовала присутствие Сагрета раньше, чем слышала. Мое дыхание участилось, кожа стала липкой, а во рту сухо. Я попробовала сглотнуть, но ничего не получилось.

— Стоп. Это здесь.

Тихий гул эхом отдавался в туннелях.

Микаэль обеспокоенно посмотрел на меня. Он тоже слышал.

— Райни?

Его голос глухо звучал где-то вдалеке, гораздо дальше, чем должно было быть. Но мне сейчас это казалось вполне естественным.

— Хорошо. — Я понимала, что надо попытаться восстановить дыхание. Поскольку я более-менее твердо стояла на ногах, то решила, что справилась. — Все в порядке.

Я почувствовала, как его рука обвилась вокруг моей талии. Думаю, он мне не поверил. Я постаралась собраться с силами, потом отстранилась и сделала шаг в сторону.

— Туда, — произнесла я, вкладывая больше сил, чем обычно, в свои слова. — Пойдем.

Тоннель внезапно закончился квадратной комнатой длиной около десяти футов. Белая каменная панель мерцала в одной стене на границе света от магического шара. Это был похоронный склеп в миниатюре — площадью примерно в один квадратный фут и странно полупрозрачный, как алебастр. И у него было поразительное сходство с футляром, в котором Квентин нашел амулет... и маленькой коробочкой, которую Микаэль сейчас держал в руках. Покрытая инеем поверхность была гладкой и без знаков отличия, за исключением маленького круглого отверстия в центре.

Не надо обладать слишком большим умом, чтобы понять, куда мы пришли и что все это значит.

Принц Чигару обошел Ристона и приблизился к находке.

— Раньше его здесь не было, — уверенно произнес он.

— Когда раньше? — спросил Микаэль.

— Три года назад, — ответил гоблин.

Микаэль и я обменялись взглядами. Куча времени для некоего хранителя Сагрета, чтобы произвести небольшой ремонт.

Извиваясь и корчась от боли, мне удалось снять амулет. Принц Чигару мгновенно метнул взгляд в мою сторону, его поджарое тело было напряжено, как туго стянутая пружина.

Я остановила его одним словом:

— Стоять!

— Подожди, — сказал Микаэль. — Защита есть?

Я опустила плечи.

— Ты на самом деле думаешь, что все идет более-менее хорошо? — Я устала, и в моем вопросе тоже прозвучала усталость.

Он стиснул челюсти.

— Может, и нет.

Я встала на колени и опустила амулет в отверстие. Он вошел со скрипом — внутри накопилась соль, часть которой просыпалась на пол. Вот и все. Ничего не произошло. Это не означало, что ничего не изменилось. Изменилось, и вовсе не так, как я себе представляла. Я присмотрелась внимательнее к белой каменной панели.

— Что там? — спросил Микаэль.

— Тебе не кажется, что он стал более прозрачным?

— Нет.

Я взглянула снова... потом еще пристальнее... Интересно, что там, внутри?

— Это касается меня, — выдохнула я. И тут я сама стала частью камня.

Я была окружена пульсирующим светом и движением. Менялся цвет — и возникали струящиеся фигуры, непохожие друг на друга. Я осознала с изумлением, сменившимся страхом, что фигуры живые. Многие были безливыми духами, их тела были бледными и расплывчатыми, они растворялись в тумане, испугавшись меня. Другие не исчезали, но шарахались от меня, как только оказывались на расстоянии вытянутой руки, плача или шепча мольбы, как будто какая-то невидимая рука держала их в страхе. Некоторые были более плотными, хотя их тела были истощены, как будто их разрушила некая болезнь. Они не шептали и не молили. Они кричали от ярости и разочарования, что не могут до меня добраться. Их что-то останавливало, и они не могли коснуться меня, но ничто не ограничивало их в выражении своих эмоций. Я попыталась бежать, но та же сила, что держала их в страхе, пригвоздила меня к месту.

Я была внутри Сагрета. Духи вокруг меня — вот и все, что осталось от тех, кто был принесен в жертву и поглощен за все прошедшие века. Не только гоблины, но и эльфы, люди и гномы... хотя большинство были настолько бесплотны, что даже трудно было определить, к какой расе они принадлежат.

Ко мне направлялась одинокая фигура и, остановившись на расстоянии вытянутой руки, стала молча меня разглядывать. Его элегантные заостренные уши указывали на то, что он — эльф, красивый чистокровный эльф самого высокого происхождения. Его волосы были седыми, глаза серыми, как надвигающиеся грозовые тучи. И они были точной копией моих. На его лице медленно расцвела улыбка. Теперь понятно, почему моей матери было все равно, что ему почти девятьсот лет.

Эмалиэль Ангуис знал меня и ждал меня... все это время, всю мою жизнь.

— Доченька.

Как большинство маленьких девочек, росших без отца, я всегда старалась представить, как он выглядит. Тот, кто стоял передо мной, совсем не был похож на мои детские мечты. Например, я сейчас могла видеть сквозь него.

Я не могла пошевелиться. Я даже не знала, дышу ли я.

— Как? — прошептала я, но мой шепот отдался эхом только в моей голове, но не в ушах.

Он улыбнулся. Его улыбка была ободряющей и понимающей.

— Как ты оказалась здесь? И как я оказался здесь?

У меня перехватило горло, и я не могла говорить. Только кивнула.

— Потому что мне надо поговорить с тобой. Не бойся. Ты можешь видеть меня и всех остальных, но твое тело остается снаружи Сагрета в руках твоего хранителя. Ты в безопасности.

— Ты жив? — Не знаю, может, это бестактно, но я не могла не спросить.

— Сагред не забирает жизнь, — пояснил он. — Он поглощает ее. Я жив, но на другом

уровне, с чем ты, думаю, знакома. Здесь внутри время течет иначе.

Я попыталась усмехнуться.

— Парочка моих недавно посаженных в тюрьму родственников Бенарес утверждает то же самое.

Мой отец смотрел на меня, как будто пытался представить всю мою жизнь за эти несколько секунд. Его взгляд был такой напряженный, что мне захотелось отвести глаза. Но тогда я увижу плавающие привидения. Поэтому я предпочла смотреть на отца.

— Ты такая красивая, — произнес он. — Как твоя мама.

Неуютно под тяжестью его испытующего взгляда... и еще неуютнее от упоминания о моей матери... Я принялась теребить на юбке одну из бархатных фалд, расшитых драгоценными камнями.

— Обычно я не ношу такие платья. Сегодня бал-маскарад во дворце короля гоблинов. Нам же как-то надо было попасть сюда. Можно сказать, что я здесь нахожусь тайно. Надеть это платье и прийти на бал — вовсе не моя идея. — Я замолчала и перевела дух. — Я болтливая, да?

Он улыбнулся.

— Совсем нет. Ты меня нашла. Значит, все идет хорошо.

— Все идет так, как думали... по крайней мере один из нас. — Я могла смотреть сквозь отца и видеть, как за его спиной плавают привидения. Я моргнула. — Ты — хранитель Сагрета. Значит, ты ему нравишься, он хотя бы тебя не съест?

Отец еле сдержал улыбку.

— Оказаться здесь — тоже не моя идея.

— Могу понять. — Я рискнула перевести взгляд на привидений, а потом произнесла, понизив голос: — Твои соседи далеки от идеала, как мне кажется.

— Все, кто оказался здесь, — жертвы, некоторые совсем невинные. А некоторые — сущие дьяволы; их настолько ослепила жадность и поглотила страсть, что они преступили опасную черту.

Я подумала об Окнусе.

— Жадность отупляет, — прошептала я.

Отец согласно кивнул, его серые глаза блеснули.

— Без исключения. Чем более могущественным становишься, тем больше тебя ослепляет твоя собственная жадность... и родственные ей пороки.

Точно так же говорил и Сарад Нукпана.

— Ты не мог найти менее отвратительное место, чем усыпальница? А то мурашки бегут по коже и от страха бросает в дрожь.

— Под самым носом у тех, кто жаждет больше всех. В таком месте, которое считают самым недостойным. Идеальное место.

В отличие от Сарада Нукпаны, который проводил над катакомбами много времени, медитируя, чем меньше я имею дел со склепами, тем лучше.

Я взялась за амулет на бриллиантовом колье.

— Это принадлежит тебе. Могу я как-нибудь вернуть его тебе?

— К сожалению, я не в той форме, чтобы забрать его.

К сожалению, он прав.

Я накрыла диск рукой. Он был теплым и, я бы сказала, каким-то довольным.

— Не предполагалось, что его можно будет приладить к тебе или к чему-нибудь навсегда?

— На меня напали из засады — скорее всего, их наняли кринсани. Я сбежал и сохранил свою жизнь, но без амулета. Кринсани подобралась совсем близко и почти нашли Сагрет. Слишком близко, чтобы рисковать оставлять его там, где он был. А если переправить камень в другое место — есть риск, что обнаружат. Но войти в контакт с камнем — риск, что он тебя заберет.

— И ты предпочел дотронуться до него, чтобы остаться в склепе?

Отец кивнул.

— Камень хотел перекусить, прежде чем его положат в кроватку.

Он рассмеялся, и звук его смеха был богатым и серебряным.

— Никогда не приходила в голову такая мысль, но ты совершенно права. Когда он проголодается, он хочет кушать.

— Я знаю. Принц Чигару говорил мне.

По лицу отца пробежал тень.

— Мал'Салин.

— Ага! Я знаю. Я отнеслась ко всему, что он рассказал мне, критически... и в одной руке у меня всегда наготове любимый кинжал.

— Правильно, так и нужно, но в данном случае он не вводит тебя в заблуждение.

— Знаю и это. У меня такое чувство, что чем хуже себя чувствует Сагред, тем становится хуже вокруг.

В его глазах росла печаль.

— Как и мне.

Я судорожно вздохнула.

— Моя мама знала, что ты охранял Сагред?

— Я старался оградить ее от этого. Когда проживешь столько, сколько прожил я, начинаешь ценить и оберегать любое подобие обычной жизни, которая у тебя есть. Кринсани снова напали на мой след... и скоро они бы нашли Миранду. Я защитил ее единственным способом, который знал. Я оставил ее, уводя за собой преследователей.

Я представила, как все складывалось.

— Только они не погнались за тобой.

В его лице отразились одновременно гнев и печаль.

— Не все. Позже я узнал, что с ней произошло... и узнал о тебе.

Моя мать — одна против сильнейших шаманов Кринсани. Она была начинающим искателем... как я. У нее не осталось ни шанса. Благодаря Сагреду, я больше не начинающая... и меня до сих пор не убили, в отличие от нее.

Я проглотила слезы.

— Почему ты...

— Не попытался связаться с тобой? Тогда бы и ты стала объектом охоты, как твоя мама.

— Теперь понятно.

— Я присматривал за тобой через верных друзей. Даже если они не знали, что мы связаны. Это самый безопасный способ. Но, очевидно, моя тайна была раскрыта.

— Ее раскрыл Сарад Нукпана.

— И выследил тебя. Я не хотел, чтобы произошло то, что случилось. Прости, Райни. Я старался тебя защитить, но не было никакой другой возможности.

Я попробовала пожать плечами. Мне хотелось плакать.

— Мне ничуть не хуже, еще даже лучше.

— Ничего не должно было случиться. Я прошу у тебя прощения.

— Ничего плохого и не случилось. — Мне удалось сглотнуть стоявший в горле ком. — Нет никакой необходимости в прощении.

Я увидела удивление на его безупречном лице, удивление и гордость.

— Но твоя жизнь, твоя семья, друзья...

— У меня есть ответственность за мою семью, всю мою семью. Охрана Сагрета — твоя работа; и я думаю, что теперь моя работа — помочь тебе.

— Ты очень смелая. — Может, это игра света, но теперь он казался менее иллюзорным, если такое может быть.

— Думаю, я дочь своего отца, — прошептала я.

Он улыбнулся.

— И своей матери. — Его взгляд переместился куда-то выше моей головы, и улыбка

исчезла.

Я проследила за его взглядом. И увидела серую пустоту. Он, должно быть, увидел больше.

— Что это? — спросила я.

— Он здесь.

— Кто? Что?

— Сарад Нукпана. Он здесь.

Проклятье!

Мой отец постепенно исчезал.

— Пора.

Я потянулась к нему.

— Но я не...

Я была на холодном грязном полу в руках Микаэля, маленькая белая каменная коробочка, которую он брал с собой, в моей руке. Я так крепко ее сжимала, что пальцы побелели от напряжения. Крышка была закрыта, и коробка словно светилась. Сагред — и мой отец — были закрыты внутри. Так много всего... Теперь понятно, как Ловец Душ заработал свое прозвище.

— Кто положил? — спросила я.

Его лицо было невозмутимым, но бледным.

— Ты.

Дверь в миниатюрный мавзолей была на месте. Я не спросила как. Я не помнила, да мне, если честно, все равно.

— Они живы, — сказала я Микаэлю. — Все. — Я не стала упоминать своего отца. Я не знала, как об этом сказать, и принцу Чигару не надо это слышать.

С потолка тоннеля посыпались мелкие крошки грязи и пыли.

Гоблин посмотрел наверх. Мы все тоже.

— Нам надо уходить, — поторопил нас принц, его голос был низким.

Не было необходимости спрашивать, почему; мы все знаем, что грязь сама по себе не сыплется.

— Тут есть другой выход? — спросил Микаэль.

— Нет, насколько я знаю.

Микаэль посмотрел на Ристона, и хранитель молча побежал по коридору.

Я попыталась высвободиться из объятий Микаэля.

— Дай мне встать.

— Разве ты...

Я встала сама, не дав ему договорить. У меня не кружилась голова и не было никакой слабости. Я была в гневе, я никогда в жизни не была такой сердитой, как сейчас. И этот гнев помог мне прийти в себя более эффективно, чем пощечина. Моя мать умерла, а мой отец навечно пойман в ловушку внутри камня. Никакой надежды на помощь. Никакой надежды сбежать. Все из-за кринсани... и особенно из-за Сарада Нукпаны.

Многие маги теряют концентрацию, когда сердятся. Я была не из их числа.

Над нами в мавзолее был верховный шаман. То, что Ристон не вернулся отчитаться, только подтверждало это; но мне не нужно никаких подтверждений. Я все чувствую. Я ощущаю, какой в нем сидит страх, его боль. Он подождет, а потом отправится за мной. Я не умру в дыре под землей.

Одним шипящим звуком Чигару просто и красноречиво выразил свое мнение о сложившейся ситуации. Я не могла с ним не согласиться.

С прижатым сбоку Сагредом я отправилась по коридору.

Микаэль поймал меня за руку. Я вырвалась из захвата.

— Он наверху, — объяснила я.

— Тогда первым пойду я.

— Не сейчас, — возразила я.

Я побежала к ступенькам.
Наверху стоял Сарад Нукпана. Он улыбался.
— Вот вы где, госпожа Бенарес. Думаю, у вас есть кое-что для меня?
В голосе верховного шамана звучала радость. Представляю, как он был счастлив! Он считал, что сегодня ночью ему выпала удача.
Почему-то мне казалось, что он не ошибается.

Глава 23

Когда мы уходили, мавзолей был почти пуст, а теперь там прямо-таки негде было яблоку упасть.

Мы воспользовались одним светильником, чтобы не привлекать к себе внимания. У кринсани были факелы, очень много факелов. Им не надо было идти крадучись. Им принадлежало все это.

К тому же они значительно превосходили нас числом: более пяти на одного.

Вегард лежал на земле, он не шевелился, голова была в крови, топор-колун зажат в руке. Рядом с ним на земле валялись гоблины. Много крови — скорее всего, работа Вегарда, а вот где не было видно явных признаков насилия, там точно поработали Гарадин и примари Нуру.

Я увидела и поняла, почему Гарадин согласился на прекращение военных действий. Двое кринсани из храмовой стражи держали ножи в виде косы смерти меньше чем в дюйме от горла Пиараса. Похоже, юный заклинатель внес личный магический вклад или пытался как-то помочь. Я перевела взгляд на Микаэля. У него был совершенно невозмутимый вид. Никаких догадок.

Сарад Нукпана протянул мне руку. Мне не нужно было спрашивать, чего он хочет. Я вопросительно посмотрела на Микаэля. Хранитель не медлил. Он только слегка кивнул.

А я никак не могла решиться. Как же так! Я не верила своим глазам.

— Что-о?

— Отдай это ему. — Голос Микаэля был совершенно ровным. Да, он умел контролировать даже голос.

У меня было два объяснения. Одно мне нравилось больше. К сожалению, верным могло оказаться и другое.

— Мне нравится ваше благоразумие, паладин Илиесор, — произнес Нукпана, его тон тоже был ровным и спокойным. Он не знал, что задумал Микаэль. Я тоже. И Гарадин был сбит с толку. Очевидно, это заразительно.

Я стала лихорадочно продумывать альтернативный вариант решения. На это не понадобилось много времени, потому что такого не существовало. Отдаю Нукпане Сагрэд — и мне нечем торговаться. А если я отказываюсь, то одно слово мерзавца — и море крови гарантировано.

Поэтому я только и сказала:

— Я заключаю сделку.

Нукпана притворно вздохнул.

— Госпожа Бенарес, еще одна сделка? Это уже начинает утомлять. — Он махнул рукой, и два лезвия ножа прикоснулись к шее Пиараса. Крови не было — горло они не поранили. Им было приказано быть осторожными. Нукпана тоже захотел свой кусок пирога, который решил оставить на десерт.

Краем глаза я заметила какое-то движение. Принц Чигару. Если бы у меня была возможность передать кому-нибудь Сагрэд, я бы так и сделала. Тем более что принц очень этого хотел. Примари Нуру рукой остановила его, иначе это сделали бы клинки храмовой стражи Кринсани. Судя по блеску их глаз, они жаждали, чтобы он снова повторил свою попытку. Судя по выражению лица Чигару, они получают то, что хотят.

— Жизнь моих друзей, — ответила я Нукпане. — Я отдаю Сагрэд, а ты их тут же

отпускаешь. Живых.

Он посмотрел на Чигару и криво усмехнулся.

— Неужели в эту компанию входят и члены семьи Мал'Салинов?

— Входят.

Принц Чигару словно превратился в соляной столб рядом с примари Нуру. То ли он был удивлен, что я не захотела, чтобы его убивал Нукпана, то ли просто был продуктом социального общества гоблинов и мое заявление его шокировало. У меня не было времени на выяснение.

— Объясните, зачем мне это делать, — произнес Нукпана.

Я не ждала, что шаман сдержит слово, даже если согласится с моим требованием. Но если мне и не удастся купить моим друзьям свободу, я, по крайней мере, могу выиграть какое-то время. Я не рискнула посмотреть на Микаэля, но думаю, что он согласен со мной — выиграть время совсем не помешает.

— Как я поняла, тебе очень нужна я. Сагред не собирается прыгать через обруч, как в цирке, без моего слова. Я буду счастлива, когда увижу, что мои друзья отсюда ушли... и мне гораздо легче станет пойти на сотрудничество.

Нукпана принялся ходить вперед-назад, обдумывая предложение. Я знаю, он ни с чем всерьез не соглашался, он просто растягивал удовольствие от игры. Паладин хранителей Конклава, принц Мал'Салин, примари высшего уровня, бывший маг Конклава — все в руках кринсани. Об этом можно только мечтать! Ах да, еще и Пиарас!

— Никаких сделок, госпожа Бенарес, — ответил Нукпана. — Но вы можете оставить Сагред у себя. Сегодня чудесная ночь, и нам надо немного прогуляться. Недалеко. — Его темные глаза сияли. — Прогулка по лесу с красивой девушкой. Я даже не мог себе представить, что так замечательно закончится мое путешествие в ваш город. — Он посмотрел на Микаэля, и медленно расплзающаяся улыбка обнажила острые клыки. — Если граф не возражает, мы позаимствуем его новую невесту. Обещаю как можно дольше не причинять ей вреда.

Сарад Нукпана под этими словами многое имел в виду, и я ничего не хочу об этом знать.

Микаэль не ответил, не произнес ни слова. Он стоял не шелохнувшись, опасная неподвижность... только одна жилка пульсировала на его шее. Я чувствовала, какую силу он с трудом удерживал под контролем. Она была очень древней и могла сотворить с Сарадом Нукпаной такое, что ему бы мало не показалось. Микаэлю не обязательно пользоваться голосом, чтобы сразиться с Нукпаной, и гоблин это прекрасно знал. Гоблин также знал, что Микаэль вряд ли рискнет... по крайней мере сейчас.

Нукпана чуть повернул голову к причудливо вооруженной охране. Он не собирался поворачиваться спиной к Микаэлю, заложникам или кому бы то ни было.

— Зубари, возьмите со стражниками паладина и мага. Госпожа Бенарес, ведьма, принц и соловей пойдут со мной.

Я надеялась, что больше никогда в жизни не окажусь там, куда мы собирались идти.

Меньше всего в Мермейе я любила Руины, и вот во второй раз за несколько ночей опять здесь. Местность мне была незнакома, но увидев, что она примыкает к кварталу гоблинов, я сразу поняла, почему у меня никогда не возникало даже мысли попасть сюда. Здесь было темнее и даже страшнее, чем в остальной части Руин, если возможно описать словами окружающее. А может быть, все связано с тем, в чьей компании я оказалась.

Семья Мал'Салинов контролировала всю территорию посольства, и, по моему предположению, Сарад Нукпана в целях безопасности захочет остаться здесь. Казалось, защите он предпочитал уединенность и секретность. Но с маленькой армией Мал'Салина, окружившей нас, думаю, Нукпана не считал обеспечение безопасности серьезной проблемой.

Какая-нибудь стычка или что-нибудь, что отвлекло бы внимание, было бы очень кстати, но, скорее всего, такое вряд ли произойдет. Я очень надеялась, что за нами последуют некоторые хранители Микаэля, но никогда не уповала на помощь, которую не

могла увидеть. Даже не сомневаюсь, что в голове у каждого роились планы один лучше другого, но так как не было никакой возможности узнать, есть ли хоть шанс, чтобы какой-нибудь план был реализован, я не собиралась полагаться ни на кого. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих!

Нукпана предложил мне руку.

— Идти одной ненадежно.

Обычно я воспринимала это как галантный жест джентльмена. А сейчас я бы лучше взяла под руку Магх'Скиду, чем его.

— Я все-таки попробую.

Он вдруг ухватил меня за запястье, и я даже не заметила его движения. Захват не был болезненным, но свобода движений исчезла. Не спуская с меня своих черных глаз, Нукпана взял меня под руку.

— Я вам неприятен. — Его голос был низким и мрачным; несомненно, неповиновение было ему незнакомо.

Деревья над нами были темными и даже не шелестели листвой. Ни смеха гиен, ни криков животных, ни рычания. Никаких мерцающих светлячков. Первый раз, когда меня привели в Руины стражники Мал'Салина, я подумала, что живущие здесь существа были бо льшими из двух зол, до тех пор пока мои захватчики не доказали обратное. Сейчас я разбиралась в этом лучше. Зло в Руинах не уничтожило ночь. Оно шло рядом.

Эта «прогулка» дала мне время на раздумья. Не то чтобы мне его не хватало, я знала, что хочу сделать, это было больше, чем я могла сказать об амулете или Сагреде. От камня не исходило ни одного звука вообще. Амулет, с другой стороны, издавал такие же дерзко-счастливые звуки, которые стал издавать, когда мы пришли в посольство. Меня это больше не раздражало. Теперь я просто чувствовала, что не оправдала надежд. Может, амулет знал что-то такое, чего не знала я. Или, может, ему было все равно, кто присоединится к его давно исчезнувшему из нашего мира товарищу...

Все, что я уяснила за последние два дня, это что для Сагрета, наверное, нет ничего приятнее, чем показать, как он получил свое прозвище. У меня было смутное подозрение, что именно это и замыслил Нукпана. Без сомнения, ему очень понравится демонстрация объекта, который был потерян и из-за которого столько неприятностей. И не было ничего другого, кроме как предложить чью-то жизнь, чтобы купить дружбу ворующего души камня. Пролить жизненную силу, чтобы открыть камень, и принести душу в жертву, чтобы прикоснуться к его мощи. Так говорил принц Чигару. Я испытала на личном опыте, вспомнив своего отца и души, заточенные внутри камня. Нукпане я нужна живой. Пиарас тоже нужен ему живым. Тогда остаются А'Захра Нуру и принц. Не знаю, кому он предназначит мгновенную смерть, а с кем торопиться не будет, но это не имело значения. Ни один из вариантов меня не устраивал.

Впереди среди деревьев я увидела возвышение из камней. Было до боли похоже на каменный алтарь в другой части Руин. Теперь я поняла, куда мы направлялись, но по-прежнему не знала, что делать. А ведь мы там будем через несколько минут. У Сарада Нукпаны были все козыри на руках, мне явно карта не шла. А блефовать — еще меньше шансов.

На себя я бы не поставила, зато все остальные сделали ставку именно на меня.

Внезапно меня осенило. Так как амулет купался в волнах счастья, я знаю, что дошла до всего самостоятельно, без подсказки. Если планам суждено осуществиться, то все получится просто. А самое простое на проверку оказывается лучше всего. В теории. Проблема в том, что у теории есть плохая привычка рушиться у тебя на глазах. Мой план имел пару пунктов, которые я бы предпочла не выполнять, — например, встать ближе к Нукпане... и еще ближе к Сагреду.

Первая часть моего плана вполне безболезненна. Это вопрос. Вопрос, на который я знаю ответ благодаря моему отцу. Но Нукпана не знал, что я встречалась с отцом.

— Почему я? — спросила я у Нукпаны.

Если бы мне не удалось отвлечь внимание, я бы опоздала. Мне не было дела до разоблачений громадного масштаба и мерзких подробностей его дьявольского плана; я хотела всего лишь его разговорить. Чем дольше он будет болтать, тем позже приступит к жертвоприношению. Тарсилия всегда говорила: «Раскрути человека на разговор на его любимую тему, и он забудет обо всем остальном». Очень надеюсь, что она была права.

Гоблин помолчал, подумал... Похоже, вопрос не препятствовал его планам, просто заинтересовал.

— Вы — дочь своего отца, — ответил он, как будто это объясняло все.

Я приняла на веру.

— И кровные узы лучше всего подходят для такого рода дел?

— Совершенно верно.

— Вы знакомы?

— Правильнее сказать, у нас одни и те же интересы. — Он улыбнулся. Еще бы ему не улыбаться! — А теперь мой интерес — это вы.

Ничто не вызывает смену темы так быстро, как внезапный интерес психопата к своей персоне. Я с усилием сглотнула ком в горле.

— У тебя не было сигнального маячка-амулета. Он был у Нигеля. Так как же ты узнал, что Сагред в Мермейе? — Если Нукпана захочет поболтать как старинный друг, я могу играть долго.

— Черному магу Нигелю Никабару следовало бы быть поаккуратнее и хорошенько подумать, что говорить... и с кем говорить. Он действовал вовсе не мудро. Болтливый язык привел его к гибели.

Болтливый язык и некий шаман. Сплетни соседей не привязывали к лодыжкам Нигеля тяжелые камни, чтобы пустить его в ночное плавание, и не выбивали пустой ящик из-под ног Саймона Стокена. Но не думаю, что Нукпана считает это своей проблемой или видит в этом свою вину.

Гоблин улыбнулся.

— Как раз сегодня перед рассветом я нагнал Окнуса Рансила. Очевидно, он собирался нас покинуть и отправиться надолго в отпуск. — Его улыбочка стала еще шире. — Я убедил его остаться.

Мне вдруг стало очень нехорошо. Окнус мне никогда не нравился, но я бы никому не пожелала почувствовать на себе силу убеждения Нукпаны.

— Он упомянул, что ранее имел беседу с вами и паладином, — продолжал гоблин. — Он также упомянул имя, которое я довольно долго не слышал, — Тэмнаис Натраш.

Теперь мне стало совсем плохо.

— Мастер Рансил поведал все, что мне нужно знать. Фактически, он говорил до последнего. Потом он уже говорить не мог. Я рассказал его величеству о вас все. Дочь хранителя Конклава, которая поможет нам. Он страстно желает с вами познакомиться.

Нукпана остановился на краю опушки леса. Лунного света вполне хватало, чтобы рассмотреть деревья с противоположной стороны, и уж тем более его было достаточно, чтобы увидеть каменный алтарь в центре. По его углам стояли четыре храмовых стража. Перед лицом верховного шамана они обратились во внимание.

Нукпана наслаждался четкой работой своих кринсани.

— Хорошо. Для нас уже все готово. — Он отпустил мою руку, но не ладонь. Мне пришлось подойти поближе к краю.

— Я возьму Сагред сейчас, Райни.

Я не шелохнулась.

— Не отдам, пока не отпустишь Пиараса.

— Очень хорошо, — протянул Нукпана, не отрывая от меня взгляда своих глаз цвета оникса. — Кафель?

— Здесь, мой господин! — ответил один из конвоиров Пиараса.

— Если через пять секунд Сагред не будет у меня в руках, перережь соловью горло.

Лезвия ножей взметнулись вверх. Нукпана протянул руку. Я вручила ему Сагред.

Другая его рука выпустила мою руку и накрыла крышку шкатулки.

— Что, так сложно?

Ему нет, а мне вдруг стало очень трудно дышать. В то мгновение, когда Нукпана прикоснулся к шкатулке с Сагредом, я ощутила энергию, которая ничего не может сделать для Сарада Нукпаны. Со мной заговорил отец. Не обычным способом, как разговаривают друг с другом. Не было произнесено ни одного слова, не было передано ни одной мысли. Это дало еще большее подтверждение, уверенность, что вся мощь Сагрета теперь управлялась мной. Шкатулка вмещала эту энергию так долго, как я пожелаю. Я не была единственной, кто думал, что мир станет лучше без Сарада Нукпаны.

То, что держал гоблин в руках, не имело значения. Сагред — и мой отец внутри него — обратились ко мне, предлагая необходимую мощь энергии, чтобы уничтожить Нукпану, его кринсани и все остальных, кого захочу, — в Руинах, на землях посольства, в садах и в любом доме, по моему желанию. Мощная энергия камня просто бурлила под поверхностью. Страстное ожидание, готовое мгновенно вырваться наружу!

Воздух был наполнен ею. Я была наполнена ею. Нукпана так и не отпустил мою руку. Он все почувствовал и понял.

Его захват стал странно нежным.

— Госпожа Бенарес, покажите мне свою мощь, непременно! Пожалуйста! — прошептал он. — Я ждал всю жизнь, чтобы увидеть своими глазами силу Сагрета.

Во мне бурлила смертоносная сила. Ее мощь была моей мощью. Меня просто трясло от ее избытка. Я могла уничтожить Нукпану прямо сейчас, до того, как он причинит вред хоть кому-нибудь из тех, кого я люблю. Я знала это. И он тоже.

Сила была неправильной — неправильной во всех смыслах, какие я могла себе представить. Сагред может втравить меня в такое, к чему я никогда не хотела бы иметь отношение! Я была не такой, как Сарад Нукпана.

— Научись терпению! — прошипела я.

Нукпана понял, какой я сделала выбор, и просто кивнул.

— Как пожелаете. Привести ведьму!

Двое кринсани вытолкнули вперед примари А'Захру Нуру. Ее аристократические черты лица не выражали никаких эмоций, а ее рост даже как-то уменьшился рядом с вооруженными громилами по бокам, хотя королевская осанка осталась той же, что и всегда. Не сомневаюсь, она и смерть примет как королева. Я схватилась за свой кинжал, спрятанный в кармане пиджака. Никто не умрет! Тем более на моих глазах!

Принц Чигару разделял мое мнение полностью, но ему не хватило выдержки. Борьба была скорой и фатальной — скорой для Чигару, фатальной для одного из охранников. На месте погибшего выросли трое других, и подлый удар в спину закончил дискуссию.

Сарад Нукпана сощурил глаза и недовольно посмотрел на кринсани, который нанес удар Чигару.

— Если он умер, его место займешь ты!

Стражник в отчаянии упал на колени и стал искать у принца признаки жизни.

— Он жив.

— Хорошо. Проследи, чтобы ему не стало хуже.

Я справилась с энергией Сагрета, спрятав ее подальше, глубоко вздохнула и потихоньку освободилась от ее давления. Я знала, что она не сможет во мне удерживаться долго.

Нукпана тоже почувствовал перемену.

— Вы сильны, Райни. Как ваш отец.

Ублюдок даже не скрывал своего счастья.

— Я не буду твоей марионеткой, — предупредила его я.

— Я не хочу марионетку. Я хочу достойного партнера.

— Жизнь полна разочарований.

Нукпана поднял руку, и стража замерла.

— Очевидно, вам нужен более личный стимул. Отпустите ведьму, — приказал он. Его улыбка была долгой и ужасной. — Привести соловья!

Я закричала и кинулась на Нукпану. Я была стремительной, но кринсани оказались проворнее.

Четыре громадных гоблина схватили Пиараса. Он пытался оказать сопротивление, но их было слишком много. Когда они поднимали его на алтарь, голос Пиараса отчаянно опустился в темный, низкий регистр.

— Заткнуть его. — Голос Нукпаны был резким. — Живо!

Пока один охранник вставлял кляп в рот Пиарасу, остальные трое приковывали юношу к алтарю.

Мое сердце стало распадаться на куски, в жилах застыла кровь, в горле все пересохло. Никто не знает, что можно совершить, когда на твоих глазах кто-то собирается зверски убить того, кого любишь. Мои чувства Пиараса с алтаря не снимут, поэтому я заставила их замолчать. Если я поддамся панике, я не смогу думать, а если я не смогу размышлять, очень многие пострадают: они умрут или того хуже... начиная с Пиараса.

— Нет! — В одно слово я вложила много сил, чтобы оно не прозвучало, как нижайшая просьба. Молить и просить — не для меня. Нукпана обожал, когда его умоляли, а я не собираюсь доставлять ему удовольствие даже в таких мелочах.

— Все, что я делаю... или не делаю... — все зависит от вашего решения. — Из его голоса исчезла вся его притворная любезность. Больше он не играл. — Вы знаете мое требование.

— Я не могу. Я не знаю, как.

— Нет, знаете. В этом лесу вы уничтожили шестерых Магх'Скиду просто потому, что они угрожали вашему дражайшему соловью. Мне нужно, чтобы вы продемонстрировали то же самое и для меня.

— Мне нужно выбрать цель? — сквозь зубы процедила я.

Гоблин рассмеялся.

— Вряд ли мне понравится представление, если вы меня распылите.

— Страшно?

— Обычная предосторожность. — Я почувствовала, как усилилась его личная защита. Должно быть, он воздвиг вокруг себя настоящую крепость.

— Мы все делаем жертвоприношения, Райни. Я тоже не хочу смерти соловья. Просто покажите мне Сагред. Покажите мне его мощь, и мы оба получим то, что хотим. — Он перевел взгляд на принца Чигару, который так и лежал недвижимо на земле. — Думаю, принц и ведьма прекрасно подойдут для вашей первой демонстрации.

Я не шелохнулась.

На противоположной стороне опушки показались бледные крошечные огоньки, они мерцали среди деревьев. Они приближались к нам с каждой вспышкой. Огненные феи. Не сомневаюсь, они считали каменный алтарь своим рестораном. Мне предстоит сегодня хорошо поработать, чтобы убедить их всех до одной отправиться спать без ужина. Наверное, кринсани ударили в колокол, созывая их на обед, когда привязывали Пиараса к алтарю.

— Я — вечный студент, госпожа Бенарес, — сказал Сарад Нукпана. — Надо столько всего познать и еще больше сделать. Вы будете ассистировать мне в работе.

Он поставил шкатулку на алтарь и открыл ее. Пиарас затаил дыхание. Я — тоже.

Ничего не произошло. Сагред не украл ничью душу. Из камня не выросли руки моего отца, как привидение, и не сомкнулись на горле гоблина. Абсолютно ни-че-го.

Я ждала. Судя по выражению лица Нукпаны, он не получил того, чего хотел.

Он легко погладил поверхность камня.

— Такая простая вещица, не так ли, госпожа Бенарес?

У меня перехватило горло, и сердце молотом застучало в груди. Я ощутила легкость прикосновения Нукпаны и тепло его пальцев, как будто он прикасался не к камню, а ко мне.

Интересно, если он контролирует Сагред, значит может контролировать и меня?! Я бы сказала, что так не должно произойти, если бы меня спросили. Я пыталась не думать о том, чего не могла сказать.

— Вы так ничего и не поняли, не так ли? — спросил он, не дождавшись моего ответа.

Его рука так и лежала на камне, и я ощущала теплое давление тяжестью на своем затылке. Не знаю, осознавал ли он эту связь. Я почувствовала, что начинаю дрожать, и попыталась взять себя в руки.

— Вы боитесь того, что может дать Сагред, — продолжал он, — потому что не знаете границ его дара.

— Я никогда не считала сумасшествие даром.

— Сумасшествие или освобожденный от оков разум? — Он старался уговорить меня, и его голос был даже приятным. — Безграничный разум, свободный делать все, что угодно, совершать все, что можно себе представить. Быть без оков. Как дочь Эмалиэля Ангуиса, вы станете вершиной эксперимента с энергией, превышающей по силе всех магов острова Мид вместе взятых. Сильнее Конклава и всех его хранителей. Ваша мощь будет расти и расти. Они боятся ее. Я — нет.

Камень поблескивал в лунном свете и ждал. Ждал моего решения, которое я никак не хотела принимать.

Огненная фея уже блестела и порхала около алтаря. Это была та же самая фея, которая укусила Пиараса две ночи назад, или это была ее сестра-близнец. А может быть, все огненные феи выглядят одинаково. Я не знаю. Да и не все ли равно?!

Верховный шаман вытащил из складок мантии кинжал. Я видела его точную копию прошлой ночью. Треугольное лезвие длиной в фут, рукоятка инкрустирована драгоценными камнями, головку эфеса венчал рубин размером с детский кулак. Тот кинжал уже сослужил свою службу, когда его воткнули в письмо, пришив к воротам посольства. Я права: психи всегда запасливы. Он положил кинжал на алтарь рядом со шкатулкой.

Пиарас поймал мой взгляд: в его расширенных от ужаса глазах читалась паника... и надежда. С кляпом во рту ему удалось произвести только некое подобие мычания. Он не сдавался, еще не время. Он не представлял, как я собираюсь избавить его от удара кинжалом в сердце, но надеялся, что я это знаю.

Я знала.

Верховный шаман вынул Сагред из шкатулки и положил на алтарь рядом с кинжалом.

Порхающий перед моим лицом самец выпустил голубое пламя и спикировал мне на шею. Я шлепнула по нему, но он успел улететь. Только после его бегства я почувствовала жгучий укус и дотронулась до шеи — мои пальцы тут же стали мокрыми от крови.

Запах крови и обещание целых рек крови привлекли огненных фей. Они были очень осторожны — все, кроме феи Пиараса. Она порхала вокруг Сарада Нукпаны и Пиараса блестящим ярко-оранжевым светлячком. Она страстно хотела есть. Красавица, но совсем без мозгов! Ей бы лучше порхать где-нибудь в другом месте, подальше отсюда! Пиарас напрасно старался избавиться от оков на запястьях, державших его руки поднятыми над головой.

Нукпана одним ударом руки сбил фею в полете и сразу же раздавил. Он вытер руки об алтарь, даже не посмотрев на них, как будто прихлопнул надоедливую муху. Сагред еле заметно блеснул. Если бы я моргнула, я бы пропустила свечение. Кто-то проснулся... и он был голоден.

Защита Сарада Нукпаны стала плотнее, как будто он увеличил ее мощь. Он был очень осторожен. Сквозь такой экран не проникнет никто и ничто, пока создавший его сам не позволит. Мне было знакомо то, чем он воспользовался, — защитный круг, отделявший его от пробуждающегося Сагрета, а также от заклинаний, людей и оружия.

Маленький серебряный амулет не был оружием — но я знала, как в оружие его превратить.

Одну руку гoblin положил на Сагред, а другой, в крови, махнул мне, предлагая

подойти ближе.

— Освободите ее! — приказал он страже.

— Сэр, а вы?

— Освободить, я сказал!

— Как скажете, мой примару.

Он снова махнул мне рукой, приглашая подойти поближе.

— Приглашаю амулет и вас.

Помня то, что мне сказал Микаэль, я старалась быть достаточно близко к Сагреду, чтобы избавиться от амулета без обычной встречи со смертью. Я сняла через голову бриллиантовое кольцо с амулетом. Я могла дышать и жить. Хорошо. Микаэль был прав.

Надеюсь, мой отец тоже был прав.

Мощная энергия лишает тебя способности видеть свою собственную жадность... и связанные с нею последствия. Я не знала, сработает ли это. Я не знала, может, ответная реакция защиты Сарада Нукпаны убьет меня. Но, принимая во внимание довольно близкое присутствие гоблина — настолько близкое, что от его дыхания могла запотеть поверхность Сагрета, — и Пиараса, которого собираются убить ради варварского эксперимента, все это не имеет значения.

Я швырнула амулет гоблину.

— Лови!

Амулет пролетел через невидимые глазу щиты Сарада Нукпаны и упал в его протянутую испачканную кровью руку... щиты перестали существовать, когда он сделал движение, чтобы поймать амулет. Обсидиановые глаза гоблина стали круглыми, когда до него дошло, что он натворил.

Сагред, Сарад Нукпана и кровь, чтобы связать их, — и никакой преграды между ними.

Не знаю, принадлежала кровь на его руке ему или это была только кровь мертвой феи. Сагреду все равно. Жертвоприношение есть жертвоприношение. А он был голодным.

Незначительное количество крови для жертвоприношения и нарушенная целостность магического круга. Самые простые магические штучки — самые лучшие.

А жадность отупляет. Всех, без исключения.

Нити белого огня обвили запястья гоблина, как стальные лозы, прочно закрепив его там, где он стоял, постепенно поглотили его руку, так и не выпустившую амулет, дальше заскользили вверх по руке к плечу, нити света обматывались и сжимали его, жадно поглощая все тело. Тонкий замирающий крик вырвался из колонны белого пламени, которая раньше была Сарадом Нукпаной.

Потом он исчез.

Свечение Сагрета угасло и превратилось в крошечную точку. А потом исчезла и она, оставив холодный и темный камень на алтаре.

Глава 24

После того как Сагред поглотил Сарада Нукпану, наши охранники вдруг вспомнили, что они должны стоять на посту где-то в других местах и им срочно надо туда. Очевидно, их преданность исчезла вместе с их лидером. Огненные феи тоже улетели. Через несколько секунд на опушке леса остались мы одни.

Поскольку отчаяние, доводящее до безумия, ушло, я осознала: это наконец-то был один из моих успехов. И поскольку игра со смертью закончилась, я стала на удивление тихой. Пиарас был жив. Я не попала внутрь Сагрета. Внутри Сагрета был Сарад Нукпана. Теперь никто нашим жизням не угрожал. У меня не было сил ни на что, и я ничего не хотела.

Я вытащила кляп изо рта Пиараса.

— Ты в порядке?

Он судорожно вдохнул и кивнул. Я больше не могла терпеть: мне тоже было мало воздуха. Проклятый тугой корсаж.

Я вынула из лифа припрятанную шпильку для волос и принялась ею орудовать над кандалами Пиараса. К счастью, там был только один замок. Я не хотела упускать из виду Сагред, разделявший алтарь с Пиарасом, но у меня не было выбора. Я услышала щелчок и подняла взгляд. А'Захра Нуру с изящным кинжалом в худенькой руке уже орудовала над замком, сковывавшим лодыжки Пиараса. У меня был только один замок, и я все еще возилась с ним. Нет, я никому ни в чем не конкурентка.

— Спасибо вам, примари.

Она улыбнулась.

— Нет, спасибо *вам*, госпожа Бенарес.

Позади нас раздался стон. Это, видимо, принц приходил в сознание.

— Идите, я закончу, — предложила я.

Она кинулась к принцу. Если мне повезет, он тоже сможет ходить. Мне было что нести. Оно было легче, но гораздо опаснее.

Как только я открыла замок на оковах, Пиарас тут же сел и вытащил из рукава стилет.

— С последним я сам справлюсь, — сказал он.

И справился. Гораздо быстрее, чем, по моему мнению, можно открыть замок обычным ключом. Пиарас оказался очень продвинутым, можно даже сказать — профессионалом.

Он заметил мое удивление и, покраснев до кончиков ушей, слегка улыбнулся.

— Фелан научил.

Да, все-таки с Феланом предстоит долгий разговор.

Пиарас снял последние оковы и забросил их за алтарь.

— Что ты сделала? — Он понизил голос, чтобы его не услышала примари Нуру. — Ты использовала... — Он бросил быстрый взгляд на Сагред.

Я покачала головой.

— Только мои мозги. — Я усмехнулась. — И некоторые советы моего отца. Нукпана не ожидал.

Сагред казался на алтаре темным и безжизненным.

— А что же он делает? — прошептал Пиарас.

Я скривила гримасу.

— Переваривает.

— Уходим, сейчас же, да? — Пиарас спросил так, как будто уже ушел.

— Сразу же, как только вернем его, — я указала на Сагред, — обратно, — я указала на шкатулку.

— Мы должны взять его с собой? — взволнованно поинтересовался Пиарас.

— Боюсь, что придется.

— А ты не можешь просто взять его и положить в шкатулку?

— Я бы не хотела к нему прикасаться.

— Может, что-нибудь придумаем.

— Можно мне предложить помощь? — раздался сзади нас вежливый голос.

От неожиданности мы оба подпрыгнули.

Глава 25

Лечь спать было легко. Уснуть — трудно. Попробуйте заснуть с орущими над вами одиннадцатью пиратами... и шепчущим ваше имя Сарадом Нукпаной.

Я находилась на «Фортуне» и лежала в каюте Фелана, пытаюсь урвать несколько часов сна. Команда готовилась отчалить. Это не займет много времени и усилий. Кузен прибыл в порт быстро и таким же макарон готов был очень быстро отчалить. Час назад небольшая манипуляция с ветром одного мага погоды — друга Гарадина — помогла «Фортуне» поднять якорь и отправиться за границу островов, где ее поджидала пара кораблей хранителей. Чародей сильно ослабел, почти до полного изнеможения, от таких усилий. Я слышала его храп в соседней каюте. Что-то другое заставило меня проснуться.

Мы с Микаэлем долго беседовали, пока я не завалилась спать. Многое из того, что мы обсуждали, мне нравилось, но многое и не нравилось. Но мы оба сошлись в одном — мое пребывание в Мермейе обсуждению не подлежит.

Пока я туда не захочу, остров Мид — единственное место, где я могу избавиться от своего нового душеприказчика. Ведь это был остров, населенный ушедшими в отставку магами, а я была связана с легендарным камнем огромной мощи, после общения с которым никому не удавалось выжить — до меня... до сих пор... Я буду самой популярной девушкой в городе.

Фелан сказал мне, что отъезд из Мермейи сделает меня частью прочно укоренившейся традиции семьи Бенарес: покинуть город, пока все не уляжется.

Король Сатрик Мал'Салин знал обо мне. Также и принц Чигару с примари Нуру. Наши пути разошлись, как только мы выбрались из Руин. Еще минуту назад их гондола была здесь — и вот ее уже нет. Похоже, Микаэля это не волновало. Про себя не могла сказать того же самого. Если у них не было своих планов побега, то они глубоко спрятались. А что касается Сарада Нукпаны, который больше не контролировал кринсани, я знала, что такое положение дел долго не продлится. Может быть, Нукпаны там не будет, чтобы вести их за собой, но один из его ставленников будет прорывать когтями себе путь на вершину. И я была уверена: заменой будет такой же психопат... и с такой же навязчивой идеей на мой счет. А без интереса ко мне с этой стороны я бы с радостью обошлась.

Но было еще некое внимание, которого я собиралась избежать.

Тэм доставил Тарсилию в целости и невредимости на борт «Фортуны». Пока Тарсилия и Пиарас радостно приветствовали друг друга, Тэм и я пытались расстаться без лишних эмоций. Я сказала «пытались»; у нас ничего не получилось. Я знала, что мне надо уехать, Тэм знал, что мне надо уехать, но от знания легче не становится. Тэму надо следить за бизнесом. У меня был камень мощной силы, от которого мне надо избавиться.

В конце концов, Тэм всегда предпочитал больше дела, меньше слов, поэтому мы и занялись делом вместо разговоров. Я получила самый жаркий поцелуй в моей жизни, но никогда раньше ни с кем из претендентов я не врезалась в грот-мачту. Должна признать, целоваться мне понравилось. Очень... Улюлюканье и свист экипажа Фелана никак не могли остудить пыл Тэма. Совсем наоборот. Думаю, он хотел добиться того, чтобы я его не забыла. После того поцелуя у меня не осталось ни шанса. Думаю, что у Тэма теперь будет гораздо больше возможностей оказаться на острове Мид. Давайте скажем так: я бы этому не удивилась.

Гарадин, Тарсилия и Пиарас плыли на Мид вместе со мной. Как и мой кот Борис. Как только Гарадин уговорил своего друга, мага погоды, помочь нам попасть на Мид, он пробежал по моим комнатам, чтобы отыскать Бориса. Гарадин очень спешил. А Борис никогда никуда не спешил, разве что подкрепиться. Гарадину пришлось вытаскивать животное из-под моей кровати, а тот когтями расцарапал Гарадину руки. После того как мы отчалили, я видела Бориса только один раз — он преследовал жирную крысу. Для кота это были райские каникулы. О себе я такого сказать не могла.

Микаэль сказал, что мне ничего не угрожает, но безопасность была относительной. И армады бы не хватило, чтобы заставить меня почувствовать себя неуязвимой прямо сейчас. Наше трио кораблей изобиловало пушками, артиллерийскими орудиями и защитными заклинаниями. Но то, чего я боялась больше всего, я взяла с собой на борт. Не на «Фортуну», а на один из кораблей Конклава. Сагред был в каюте Микаэля, в своей шкатулке, под самыми сильными заклинаниями, которые сотворил он и его хранители. Хотя не важно, где был Сагред, потому что я все время слышала шепот без слов, постоянный поток, текущий под моими мыслями. Я пыталась думать о чем-нибудь другом, стараясь изгнать этот шепот, но в результате только лишила себя возможности заснуть. Как я поняла, назревала проблема.

Интересно, а мой отец тоже просыпался ночью и слышал голоса, а потом и соблазнительные предложения? Я, конечно, предпочла бы здоровый ночной сон и рассчитывала на свое особенное качество — твердость — как на защиту. Гарадин всегда

говорил мне, что я тверда как камень. Никогда бы не подумала, что мне придется это испытывать на собственной шкуре.

Я так и не познала полную мощь Сагрета. И не почувствовала, что это за ощущение. Я не поняла, на что это похоже, и предпочла бы провести оставшуюся жизнь без исследований в этой области. Я просто надеялась, что не проснусь через несколько часов, страстно желая кофе, сахарных булочек и мирового господства. С последним, с моей точки зрения, слишком много хлопот, но это не гарантировало, что меня не могли соблазнить другие предложения Сагрета. Я услышала лишь несколько, но уверена, что их будет еще много — и разнообразных.

Я проснулась от луча солнца и влажного морского воздуха. Пробуждение означало, что я все-таки спала. Отлично. Замечательное утро, голубое небо. «Фортуна» была под полными парусами и неслась быстро. Я была жива. Как и мои друзья. И самое главное: я не чувствовала побуждения захватить хоть какую-то власть. Жизнь хороша!

Я продолжала слышать голоса, но теперь они не выходили из Сагрета. Это были мягкие, живые, дышащие голоса и звуки. Тарсила что-то говорила, Пиарас смеялся. Гарадин стучал. Каким-то образом я знала, что это он.

Я завернулась в одеяло.

— Войдите.

Дверь открылась. Ух... действительно Гарадин. Ничто так не бодрит, как начало нового дня с новыми способностями от камня, который ворует души.

— Как спалось? — спросил крестный.

Я села, завернулась в одеяло и откинула с лица растрепанные волосы. Я не побеспокоилась заплести их, перед тем как лечь спать. На мне была только шелковая рубаша. Очень большая. Не моя — Микаэля. Она была красивой, и в ней было комфортно. С кринсани на хвосте не было времени захватить все мои элегантные вещи. На борту у меня была какая-то одежда, но ничего для сна. Фелан сказал, что может поискать у себя женскую одежду, но я знала, каким девочкам это принадлежало, и по мне лучше быть голой, чем носить то, что не удосужились захватить с собой его ночные визитерши.

— Довольно хорошо, — ответила я. — Все под контролем.

— Все?

— Сагред думает, что я его новая обительница.

Крестный сразу даже не нашел что сказать.

— Ты единственная можешь его слышать. Для всех остальных существует защитный барьер. — Вокруг его голубых глаз появились черные круги. Наверное, он помогает всем с этими магическими барьерами.

— Скорее всего, я теперь не одна из нас, — ответила я.

— Я знаю. Вот об этом я и хотел поговорить.

— Для меня это очень важно.

Он сильнее надавил плечом на дверь, чтобы плотнее закрыть, и подошел к моей койке. Сел на краешек, в ногах.

— Может, ты передумаешь? — предложила я. — Ходят слухи, что я теперь опасна.

Он слабо улыбнулся:

— Я это знал всегда.

Он наклонился вперед, упершись локтями в колени, а руки сложил в замок под подбородком. Так он сидел и молчал. У меня возникло ощущение, что он подбирает слова, боясь, что я не захочу слушать.

— Твой отец еще что-нибудь тебе говорил?

Я покачала головой и села прямо, опершись спиной о подушки:

— Нет, только Нукпана.

Вот эта мысль его и беспокоила. Меня ход его мысли встревожил еще сильнее.

— Еще что-нибудь?

— Верховный шаман не проявлялся. — Я попробовала улыбнуться, но улыбка вышла

какой-то слабой, да ведь и юмора здесь никакого. — Может, он устал.

— Может. — Гарадин склонил голову и стал рассматривать палубу. — Я даже предположить не мог, что Эмалиэль Ангуис окажется твоим отцом. Миранда никогда имени его не упоминала. Я спрашивал ее. Однажды. Она ответила, что не хочет об этом говорить, и я понял, что она не захочет снова заводить разговор на эту тему. Я и не заводил.

— Такое впечатление, что она была твердой и упрямой.

Крестный улыбнулся:

— Как некоторые, кого я очень хорошо знаю.

Он поднял голову и снова посмотрел на меня. И я вдруг осознала, что не хочу встречаться с ним взглядом. Я поняла, что он смотрел на меня... но видел и вспоминал мою мать.

— Она тебя любила, — тихо и вдруг охрипшим голосом произнес он. — И эта информация не из вторых рук. Я видел это лично.

Если он продолжит в том же духе, я не выдержу и мой долго сдерживаемый крик превратится в горькие рыдания. Я постаралась взять в себя в руки и еле слышным шепотом только и смогла ответить:

— Спасибо тебе.

Он и сам боролся с собой, чтобы не развести сырость. Опустив глаза, он похлопал меня по колену, спрятанному под одеялом.

— Микаэль — хороший человек, и Юстиниус Валериан тоже. Они позаботятся о тебе, девочка.

Я постаралась усмехнуться. Получилось как-то неудачно:

— Так или иначе.

— Нет! Только так, и никак иначе. — Он заставил себя встать и расправил мантию. — Завтрак на камбузе, если хочешь. Пиарас должен был тебе что-нибудь оставить.

Он остановился у двери:

— Микаэль пока не стал отправлять Юстиниусу ни слова о том, что камень у него, — тихо произнес он. — Хотя я уверен, что гоблины уже об этом знают.

— Что ж, так легче обнаружить плохих парней, — ответила я. — Все, кто на Миде, знают, что камень у нас. Получили информацию через заднюю дверь.

Гарадин в ответ на мой комментарий спокойно промолчал. Когда ты права, и знаешь это... что делать тому, кто хотел, чтобы ты ошиблась? Я решила не обращать внимания. Подумаю об этом и поразмышляю, когда прибудем на Мид. Так что у меня есть еще примерно четыре дня, чтобы смириться со своим будущим.

Я свесила ноги с кровати. Мои мускулы имели свои собственные идеи. Я потянулась и напрягла мышцы ног.

— Сейчас оденусь и через несколько минут приду.

Крестный согласно кивнул и вышел из каюты.

Я оделась и закрепила ремнями свои кинжалы. То, что сейчас угрожало мне больше всего, невозможно поразить оружием, но я не откажусь от здоровой привычки вооружаться даже ради нескольких дней в море. Я уверена, что, как только появлюсь на Миде, у меня возникнет достаточно возможностей применить как оружие, так и заклинания. Довольно многие хотят получить то, что есть у меня, и воспользоваться тем, что я могу делать. А это означает, что они хотят заполучить меня.

Я искатель. Я ищу вещи. Судьба, видимо, обладает извращенным чувством юмора. Теперь я сама — то, что плохие парни пытаются найти. В большинстве случаев люди рады, когда они находят то, что искали. Иногда они сожалеют о своей просьбе. Если хотите знать мое мнение, следует хорошенько подумать, прежде чем что-то искать. Я подтянула пряжку на поясе с метательными ножами. Порой бывает лучше, если некоторые вещи так и останутся ненайденными. Я так считаю.

Я выпалась, сейчас позавтракаю, поболтаю с друзьями, потом устроюсь в любимом местечке на носу корабля. Ветер растреплет мои волосы и будет дуть в лицо. Немного

солнца и свежего воздуха. Немного счастья. Я найду свое счастье там и тогда, где и когда придет мое время.